

С Л Е Д В И С Т О Р И И

ПОНТИЙ ПИЛАТ

Л. Н. СУХОВ

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ»

Л. Сухов

ПОНТИЙ ПИЛАТ

РОСТОВ-НА-ДОНУ
«ФЕНИКС»
2000

ББК 63.3

С 91

Сухов Л.

С 91 **Понтий Пилат.** Серия «Исторические силуэты».
Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 512 с.

Книга рассказывает о яркой, полной драматизма жизни пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Путь выхода из престолярства, ставшего прокуратором одной из самых политически значимых провинций обширной Римской империи полон трагических событий, напряженной борьбы. Понтий Пилат проходит дорогами воинской славы, становится очень богат, обладает прекрасными женщинами.

Чрезвычайным обстоятельством его жизни является встреча с пророком Иисусом, определившая причастность Понтия Пилата к созданию и развитию христианской религии.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей.

ISBN 5-222-01010-4

ББК 63.3

© Сухов Л., 2000

© Оформление: издательство
«Феникс», 2000

Оглавление

Вместо предисловия	5
Часть I	15
Понтий Пилат. Суд	16
Детство Понтия. Легион	45
Смерть и Воскресение	66
Наместник Сирии Помпоний Флакк. Великий раскол	97
Часть II	113
Германия. Первый бой. Аман Эфер. Первая любовь	114
Часть III	143
Наместник Египта Авилий Флакк	144
Германское море. Тиберий Юлий Цезарь	161
Похищение Герды	186
Часть IV	201
Мечь Понтия Пилата	202
Царь Марабода. Меч Понтия Пилата	238
Община назореев	249
Часть V	271
Паннония. Штурм крепости Андетрий	272
Клавдия	290
Погоня	299
Часть VI	317
Германия. Бой Цецины Севера	318
За золотом в Пиренеи!	338

Схватка с центурионом Марком Менлием	363
Часть VII	375
Гибель Стефана	376
Время возвращать долги	386
Рука Рима	394
Часть VIII	417
Крутое восхождение. Батавия	418
Пятый прокуратор Иудеи	436
«За добро – добро, за зло – по справедливости»	456
Часть IX	481
Коридоры власти	482
Призыв Гамалиила. Прощай, Иудея!	491
Эпилог	510

Видите ли, какая странная история, я сижу здесь из-за того же, что и вы, а именно из-за Понтия Пилата... Дело в том, что год назад я написал о Понтии роман.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита.

Вместо предисловия

Огромная фигура Иисуса затмила собой яркую личность Понтия Пилата, пятого прокуратора Иудеи, и продолжает затмевать до настоящего времени. Справедливо ли, что одно из главных действующих лиц разыгравшейся трагедии оказалось как бы вне поля нашего зрения?

Жизнь и личность пятого прокуратора Иудеи смутно просматриваются сквозь толщу времен, а противоречивые сведения, ставшие нашим достоянием, вызывают неподдельный интерес.

Сейчас становится понятным, что события той глубокой древности развивались в двух плоскостях. Одна из них представлена для обозрения, вторая — глубоко скрыта от рядового читателя. Понтий Пилат, являясь непосредственным участником событий, отлично понимал скрытый механизм причин, заставивший историю народов развиваться в известном нам направлении.

Старая отцовская мельница, нескончаемым потоком журчит вода, поскрипывают колеса. Изредка набегающий ветерок шелестит листвой развесистого платана. В любимом месте, на краю мельничьего бу-чила, дремлет Понтий Пилат – бывший наместник, прокуратор, ветеран. Незаметно подобралась старость, придавила к земле, отобрала желания, устремления, энергию. Домочадцы и рабы берегут покой хозяина дома, и Господи упаси, если посторонние звуки нарушат привычную тишину. Но дремлющее сознание прокуратора порою вспыхивает с непонятной силой. Яркие, живые воспоминания проносятся нескончаемой чередой. Неотвязная мысль засела в его сознании, и временами некое недоумение возникает на лице Понтия Пилата.

– Неужели я действительно умираю своей смертью? Здесь, в старом отцовском имении на берегу речушки моего детства? Невероятно! Сколько раз должен был я погибнуть! И всё-таки я жив! Такое могло произойти только по воле богов. Ничем другим этот финал жизни объяснить не могу. Конечно же, воля богов!

Но тогда зачем они меня берегли?

И сознание Понтия Пилата погружается в поиски того единственного смысла, ради которого он обречен жить так долго.

– Если я выполнил волю богов, волю самого Рока, то я уже совершил назначенное мне деяние, а я даже не могу себе представить, что же это было за свершение. Знаю, боги умеют скрывать от смертных свои пла-

ны, однако никто не запрещал смертному попытаться проникнуть в их замыслы.

Понтий Пилат вспоминал свою жизнь год за годом, мысленно воспроизводил и оценивал каждый случай, каждый свой поступок. Да! Удача сопутствовала ему. Судьба позаботилась о его силе, здоровье. Его возможности в начале службы были достаточно высоки. Его сила, мастерство удара и броска далеко превосходили средние возможности хорошо обученного легионера. Рядом с Понтием Пилатом сражались искренние друзья, умные покровители. В легионах имя Понтия Пилата произносилось в рассказах о схватках и сражениях, в которых победа римскому оружию обеспечивалась при необычных обстоятельствах. Его имя привлекло внимание наместника Тиберия. Его отвага и воинская удача во многих случаях были достойны внимания, и все же прокуратор вынужден был признавать, что для таких событий щедрость богов была бы слишком велика. Однажды у Понтия Пилата возникла внезапная мысль: неужели тот самый пророк из далёкого прошлого?

Прокуратор был поражён. В первую минуту он отверг эту мысль. Что же, его роль заключалась только в том, чтобы отправить этого беззащитного пророка на крест? Гибкая мысль прокуратора тут же подсказала выход: а если именно гибель пророка была важна для первого толчка религиозного процесса? Говорил же его тогдашний друг о необходимости создания мировой религии. Но он имел в виду философскую необходимость, а я-то попал в конкретную жизненную схватку,

и в итоге едва не рухнула моя карьера. Что же там происходило?

Своё десятилетнее прокураторство вспоминаю как постоянное противостояние синедриону. Синедрион стремился вернуть себе право распоряжаться на земле Иудеи, опираясь на обычаи и традиции, я же заставлял его вписываться в законы и правила римской провинции, установленные сенатом. Противостояние касалось различных норм жизни, но главным тут было право смертной казни, которая могла официально состояться для иудея только после утверждения приговора прокуратором.

Я был наместником страны-завоевателя, и моя позиция определялась духом времени. Я жёстко пресекал любые формы проявления недовольства римским правлением вплоть до истребления недовольных. С другой стороны, зная фанатичность толпы, я оказывал отпор фарисеям, религиозным кумирам тех времен в их стремлении вершить произвол по отношению к толкователям законов Моисея, особенно когда речь шла о смертной казни. Владея рычагами власти, я заставлял синедрион считаться со своим мнением.

Надо признаться, что в случае с галилеянином я толком не понимал причины столь суровой позиции синедриона. Уже после разъяснений наместника Сирии Помпония Флакка мне стала понятна суть ереси, проповедуемая бродячим философом. Члены синедриона мыслили правильно: подобная ересь способна расколоть общество и уничтожить государство. Тогда же мне было только жаль молодого пророка.

Умное, симпатичное лицо галилеянина выражало состояние человека, попавшего в беду и не понимающего по жизненной неопытности, что привело его к печальному концу. Создавался трогательный образ провинциального философа, плохо разбирающегося в скрытых пружинах столичной жизни.

Наивность, с которой он выступал со своей доброжелательной философией, не понимая её разрушительной силы для своей же страны, поражает меня и сегодня. Но, возможно, он видел дальше, чем я, чем члены синедриона. Быть может, он смотрел через века, прозревал судьбы народов через тысячелетия. Может быть!

Ещё тогда, всматриваясь в выражение его лица, я обнаружил в нём внутреннюю уверенность в своём предназначении, которое он должен осуществить вопреки обстоятельствам.

Мне было жаль его еще и потому, что его уверенность в собственной значимости для Мира в моих глазах не стоила ничего, но, воспитанный своими друзьями в духе уважения к знаниям и философии, я стремился найти способ спасти молодого вероучителя от грозящей ему смерти.

Какая борьба шла за этого пророка! Единственный раз в жизни я сдался, уступил давлению синедриона. Прошло столько лет, но и сейчас чувство унижения охватывает мою душу. Как удалось синедриону продиктовать мне свою волю? Только рука богов могла внести смятение в мою душу, заставить отступить. Так думаю я сейчас. Тогда же я подсознательно чувствовал, что непреклонная воля синедриона была сильнее

моей воли, воли безответственного филантропа, роль которого я сам для себя и выбрал.

План Помпония Флакка расколоть иудейское общество, ввести в его среду новые религиозные ценности воодушевил меня в первую очередь потому, что он открывал возможность досадить Каиафе и членам синедриона за унижительность принуждения, которому я подвергся с их стороны во время суда над галилеянином. Я тайно развил бурную деятельность и кое в чём преуспел. Скорее всего, синедрион знал о моих стараниях, но что он мог противопоставить? Только сплочение рядов истинно верующих!

Сейчас многие догадываются, что «новая религия возростала под сенью римского закона и под его покровительством». Но кто помнит, как выглядело само покровительство в действительности? По объективным причинам учение провинциального философа было обречено на забвение: мощное противодействие синедриона, отрицательное отношение фарисеев, имевших, как известно, огромное влияние на толпу. В Иерусалиме не было духовной опоры, не существовало среды, которая впитала бы, охранила и взрастила посеянные пророком семена. Как бы вразрез с объективными причинами учение было спасено.

Если это так, боги не зря заботились обо мне. Правда, в те далёкие времена я думал, что мною двигали мои личные обиды, личные интересы, но на то они и боги, чтобы знать, как направить мои усилия в нужном направлении.

Вспоминая события тех дней, знаю наверное: по форме казнь пророка носила религиозный характер, но истинное состояние вопроса отражало политические интересы, и знали об этом только главные действующие лица. Постулат пророка о едином Боге для всех людей земли разрушал религиозную основу единства еврейских племён. Синедрион понимал, что этим мощным оружием захочет овладеть Рим, чтобы использовать его в механизме управления их же страной. Последовавшая за казнью пророка скрытая политическая схватка не приносила явного перевеса ни той, ни другой стороне.

А сколько уже написано о далёком для меня философе. Такие небылицы! С такой уверенностью! Но ведь я был непосредственным свидетелем и участником тех событий!

Как это толпа дважды бичевала пророка, когда он находился под стражей римлян и в Антониевой башне, где стоял наш гарнизон? Да иудеи боялись рядом пройти. Иуда уже стал предателем! Это было бы возможно, если бы галилеянин прятался, но у того и в мыслях ничего подобного не было – он пришёл проповедовать. Конечно, при возникновении религиозного учения создаются притчи для трактовки нравственных ценностей – наследие будущим поколениям. Но почему Иуда?

На том же уровне создан эпизод об изгнании галилеянином кого-то из храма. Торговля всегда считалась богоугодным делом, и умный философ должен был понимать, что преследование торгующих вряд ли найдёт путь к сердцам верующих. Изгнание же торгующих

могло произойти в том случае, если человек подвергся тяжелому житейскому удару и его душа была выбита из привычного равновесия. Помнится, там что-то происходило, не упомянутое в документах.

А какие тонкие замыслы осуществлялись для перевоплощения беспощадного к христианам Савла в их же идейного вождя, ныне апостола Павла! Непомерное честолюбие, стремление к лидерству были искусно направлены на службу христианству. Его знание, энергия, ораторское искусство захватили души тысяч прозелитов. Сила убеждения нового апостола вовлекла целые толпы в лоно новой церкви.

Но события развивались нашими стараниями!

Стали раздаваться голоса об ошибке, совершённой синедрионам. Посмотрите, как неотвратима победная поступь духовного наследия пророка Иисуса! Как заманчиво приобщить духовный взлёт новой религии к прежним религиозным ценностям. Но тогда новые постулаты Иисуса должны рассматриваться не как ересь, а как развитие иудейской религии. Опоздали! Единственный раз обстоятельства предоставили людям выбрать путь своего развития на века... и они ошиблись.

Удовлетворённый сделанными выводами, прокуратор, повинувшись душевному порыву, перешёл к оценке своего жизненного пути.

— Некоторые известные мне вольнодумцы отвергают участие богов в любых областях человеческой деятельности. Даже если это и так, то моя жизнь и без иудейского пророка интересна и достойна зависти многих.

Сколько удивительных событий, необыкновенных приключений! С какими интересными людьми свела меня судьба!

Я прошёл дорогами власти, в мои руки попали большие богатства, любовь прекрасных женщин освещала мой жизненный путь. И после того, что подарила жизнь, мне ещё о чём-то сожалеть?

Часть

I

Понтий Пилат. Суд

Ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду дворца Ирода Великого тяжелой поступью вошёл пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Это был атлетически сложенный человек в тоге из лёгкого египетского полотна с пурпурной каймой понизу, свидетельствующей о его принадлежности к сословию всадников. Весь внешний вид прокуратора олицетворял твёрдость и уверенность. Лицо отражало жёсткость, свойственную римлянам, прошедшим тяжёлый воинский путь, а затем ставшим чиновниками римских провинций; эти люди привыкли к подчинению и командованию, точному выполнению воинского, а теперь гражданского регламента.

Однако правильные черты прокуратора свидетельствовали о больших природных данных, не растраченных им в условиях жизненной борьбы. В этих чертах не было ожесточённости и ограниченности, скорее угадывалась склонность к принятию неординарных решений, не говоря уже о недопустимости brutальных солдафонских штучек, столь свойственных выходцам из низов.

Взгляд прокуратора был спокоен: предстоящая процедура полностью ясна и оставалось только выпол-

нить неизбежные в таких случаях условности. Ещё вчера было известно о суде над двумя иудеями, совершившими преступления против граждан Рима. Один из них, Варрава, убил легионера, защищая от посягательств свою жену, за что был обречён на смертную казнь. Другой, уже известный разбойник по имени Гестас, на Сехемской дороге ограбил и нанёс телесные повреждения римскому гражданину, направлявшемуся в Иерусалим, но был схвачен разъездом сирийской вспомогательной турмы.

Преступления были очевидны, документы подготовлены, прокуратору следовало только выполнить некоторые формальности. Полный решимости без проволочек закончить эту работу, прокуратор, мысленно воспроизводя порядок судопроизводства, направился к курульному креслу, расположенному под специально натянутым тентом: воздух уже потерял утреннюю свежесть, чувствовалось приближение азиатской жары.

Курульное кресло было изготовлено по официальным канонам. Верхняя часть спинки кресла изображала римскую волчицу так, что открытая пасть зверя со страшными клыками располагалась прямо над головой прокуратора. Горожане, приходившие в преторию под воздействием винных паров или наркотиков, позднее невольно совмещали лицо прокуратора с клыками волчицы и разнесли по всей Иудее молву о кровожадности и хищной беспощадности прокуратора.

Пересекая крытую колоннаду, прокуратор вдруг приостановился, и его внимательный взгляд выразил удивление и досаду.

Удивление объяснялось появлением третьего подсудимого, а досада — задержкой судебного разбирательства: прокуратор плохо переносил жару. Сегодня был день преддверия иудейской пасхи, и хотя прокуратор никогда не интересовался религией иудеев и в душе относился к ней с презрением, как и к верованиям всех варваров, он все же ощущал приближение большого праздника. И легионеры дворцовой центурии, и чиновники канцелярий, и челядь дворца считали себя уже свободными от любых обязанностей, что, как известно, сопровождает почти всякое празднество. Сам прокуратор неодобрительно относился к судебным заседаниям и тем более казням в праздничные и предпраздничные дни, но понимал невозможность переноса суда также и по той причине, что большая толпа иудеев, собравшаяся на площади, испытывала те же чувства, что и толпы римлян, жаждущих хлеба и зрелищ и с большой радостью занимающих места в цирке во время боёв гладиаторов. С некоторых пор Понтий Пилат в силу ряда обстоятельств и под впечатлением воспоминаний о былых бесчисленных баталиях с брезгливостью относился к кровавым развлекательным инстинктам толпы. В прошлом и сам большой любитель подобных развлечений, прокуратор в свои пятьдесят лет полностью к ним охладел.

Вид толпы, собравшейся перед дворцом Ирода Великого и застывшей в напряжённом ожидании, был ему неприятен. Понтий Пилат сразу осознал, что возникшее напряжение толпы имеет прямое отношение к вновь появившемуся осуждённому. Прокуратор остановил на нём свой взгляд.

Перед ним стоял сухощавый человек лет тридцати, чуть ниже среднего роста, далеко не богатырского здоровья. Талиф грубой выделки провисал широкими складками до изношенных сандалий. Голова была непокрыта, и волосы ниспадали до плеч, открывая высокий лоб; небольшая борода окаймляла лицо с тонкими, хотя и несколько неправильными, иудейскими чертами. Тёмные глаза выражали ум. Вся его поза отрешённости и безнадежности показывала, что он не питает никаких иллюзий по поводу своей дальнейшей участи.

Прокуратор увидел связанные руки осуждённого и уяснил степень преднамеренной жестокости. Руки были туго перехвачены сзади верёвками, что прекращало приток крови, доставляя страдания осуждённому при каждом шаге. Это наводило на мысль о стремлении преследующих не упустить любой возможности мучить его. Однако во взгляде этого человека угадывалось внутреннее упорство.

Уже сидя в кресле, прокуратор повернулся к римскому актуарию, выполняющему обязанности секретаря и ведущему производство дел.

— Галилеянин доставлен стражей синедриона перед самым твоим приходом, игемон, и я даже не успел сдвинуться с места.

У Пилата возникла мысль о неслучайности такого совпадения. Мысль возникла и пропала, как мало значимая для дела, но она привела к новой; прокуратор обратился к актуарию:

— Распорядись, чтобы с галилеянина сняли ремни.

Актуарий подошёл к обвинителю синедриона Сарейе, которого знал по прежним разбирательствам, и

стал что-то ему говорить. Представитель синедриона, судя по голосу и жестам, возражал. Тогда прокуратор повернулся в кресле всем телом и посмотрел на обвинителя, тот склонился в поклоне, поняв, что в следующее мгновение его просто вышвырнут с территории дворца, и тут же отдал приказание. Ещё не успев вернуть тело в прежнее положение, прокуратор услышал шум толпы: последовала реакция на его распоряжение. Он уловил ропот неодобрения. Галилеянин, вздохнув посвободнее, начал с трудом выпрямлять затёкшие руки, прокуратор же стал рассматривать толпу, столь неодобрительно отнёсшуюся к его сострадательному поступку. Понтий Пилат выделил множество фарисеев в хитонах с голубой каймой, бесноватых фанатиков, мелкого служилого люда, всегда толкущегося около храма, присутствовали, однако, мелкие ремесленники и торговцы – и все эти люди выражали недовольство приказом прокуратора.

– Скорее всего на суд доставлен бродячий проповедник, – подумал Понтий Пилат, – проповедует что-то неприемлемое для левитов и первосвященников, ненароком задел интересы и мелкого люда. Большинство собравшихся – враги этого несчастного пророка. Кто-то обо всем позаботился заблаговременно.

Вся обстановка указывала на то, что на прокуратора постараются оказать давление. Неосознанно в душе его возникло чувство протеста. Его, римского прокуратора, наделённого громадной властью, хотят принудить принять решение, нужное варварам, не способ-

ным выставить даже одного полного легиона, все усилия которых устремлены на соблюдение каких-то религиозных правил.

— Кем доставлен сопроводительный документ, кто его подписал, в чём обвиняется галилеянин?

Актуарий сделал несколько шагов к прокуратору.

— Документ направлен из канцелярии синедриона, подписал его начальник канцелярии, член синедриона Озания; заключённого сопровождают стража синедриона и обвинитель. Галилеянина обвиняют в попытке захвата власти в Иудее. Речь идёт о том, что он громогласно утверждает себя наследником царя иудейского и, следовательно, претендует на трон царей, пренебрегая протекторатом великого Рима. В документе отмечается факт возникновения в городе волнений; дальнейшее развитие событий может привести к непредсказуемым последствиям. По существующим законам человек, претендующий на царствование, должен быть казнён. От имени синедриона Озания требует для галилеянина смертной казни.

Опять интриги первосвященника Каиафы. Какая забота о римском протекторате! Мелкий хитрец! Отлично знает, что два римских легиона укрепят наш протекторат и без его стараний. А вот его истинные цели мне совершенно неясны.

Прокуратор сделал знак актуарию, поднял левую руку, объявляя о начале суда. Легионеры дворцовой центурии переменили позу, крепче сжав копья, толпа притихла. Слово было предоставлено обвинителю синедриона, и тот хорошо поставленным голосом в соответствии с правилами цветистой восточной речи

начал пересказывать содержание сопроводительного документа.

— Богоизбранные иудеи! Вам известно, что находящийся под стражей Иисус бен Иосиф из Назарета бродит по дорогам Иудеи и проповедует своё учение. Суть учения непонятна правоверным иудеям: то ему не нравится запрещение работать по субботам, то он защищает падшую женщину, достойную быть побитой камнями за свою неверность, то он призывает проявлять любовь к ближнему, как будто мудрейшие первосвященники от имени Господа нашего учат ближних своих ненавидеть. Ничего страшного, если бы он просто ходил и разъяснял людям своё понимание вещей, но самомнение этого человека стало настолько вызывающим, что сегодня он уже заявил о себе как сыне Божьем и утверждает о своём праве и возможностях обеспечить царство Божие на земле всем иудеям. Ясно: этот человек рвётся к власти. Проповедует он и о том, что храм Иерусалимский — для молящихся глупцов, и отрицает храм как национальную святыню.

Как расценить вчерашние события, когда Иисус из Назарета схватил толстую верёвку и стал бить и гнать из храма торгующих, крича при этом об осквернении дома его Отца, нашего Господа? Этот человек арестован стражей. Но он и сейчас не понимает, кто собрался на площади храма и на кого он поднял руку. В портиках храма расположились лучшие финансисты страны, люди торговых гильдий, представители важнейших ремёсел. Вся коммерческая элита страны отражена, как в капле воды, на торговой площади хра-

ма. Разве человек, прибывший из глубокой провинции, знает, как сложен механизм управления страной, как трудно обеспечить национальное благоденствие? Иисус бен Иосиф стал нас учить во что верить и как жить, а сам перебивался милостыней своих сограждан. Непонятная крайность – избиение торгующих в храме при его проповеди любви к ближнему. Иисус из Назарета не может принести нам новых духовных ценностей. Конечно, многое исходит от его неграмотности, непонимания, излишнего честолюбия, и многое можно простить, но провозглашать самого себя заместителем Бога на земле недопустимо, ибо в писании сказано: если когда-либо между вами явится пророк, который будет творить чудеса, и захочет ввести нового бога, и станет призывать простодушных уверовать в его бога, – этот пророк и духовидец подлежит смерти.

И, чтобы понять правоту сказанного, надо помнить, что сказал Господь: «Я есмь Ягова, вечный, первый и последний. Я не передаю ни имени моего, ни власти. Не было бога до меня, нет бога рядом со мной, не будет бога после меня.

В устремлениях Иисуса из Назарета выдать себя за заместителя Бога на земле таится опасность неповиновения властям, противостояние римскому протекторату. Уже сейчас в городе неспокойно, в народе наблюдается брожение религиозных страстей. Священный синедрион, уяснив опасность для страны, источником которой является осуждаемый, считает необходимым в целях устранения неисчислимых бедствий и сохранения благоденствия право-

верных иудеев приговорить Иисуса из Назарета к смертной казни. Священный синедрион уверен, что, встав на позицию защиты правопорядка и интересов почитаемого нами великого императора Тиберия, прокуратор Иудеи утвердит приговор...

Доверяя своему актуарию, прокуратор переключился на свои заботы. В отряде дворцовой стражи появился новый центурион, довольно молодой человек – Муний Луперк, имеющий о себе высокое мнение, и к тому же весьма энергичный. Прокуратор не уяснил до конца, то ли это скрытый соперник (особых заслуг за ним не числилось), то ли его направили в Иудею с какой-то тайной целью. Многолетняя служба в администрации заставляла думать об осторожности, о скрытых подводных камнях – особых покровителей у Понтия Пилата не было; хотя император Тиберий и знал его лично, но тем более... Муний Луперк постоянно говорил о своих административных способностях, критиковал решения прокуратора и убеждал всех, что эти обязанности он выполнил бы значительно лучше. Конечно, всё это можно было бы приписать глупости юнца, но чувство досады не оставляло Понтия Пилата. Серьёзных проступков центурион не совершал и нёс службу строго в пределах официальных предписаний.

Окончив свою речь, Сарейя поклонился прокуратору и поцеловал перстень на своей руке в знак того, что сказанное им является истинной правдой.

Прокуратор, размышляя о служебных тревогах, тем не менее уловил суть пламенной речи обвинителя.

У обвинителя синедриона хорошо отработана бездоказательная система обвинения. Какие словесные штампы! Он точно знает, как и что следует понимать простому иудею, что желает божественный император и что для этого нужно сделать прокуратору. Штампы! Однако как они действуют на толпу, как быстро они её ориентируют! Недаром подобные штампы использовали ещё в Египте тысячи лет назад, и, несомненно, будут использовать в будущем. В сущности, они безотказны, так как не требуют умственного напряжения от исполнителя и каких-либо способностей от власть имущих. А в результате только за то, что проповедник кого-то ударил верёвкой, — смерть.

Актуарий, наклонившись к прокуратору, тихо проговорил:

— Никаких новых положений обвинения выступающим выдвинуто не было.

— На основании каких установлений обвинитель требует смертной казни: закона или обычая, закреплённого в религиозных документах?

— Такого документа нет, — ответил актуарий.

— Что ж, Озания не понимает вопроса, выдавая одно за другое? Для нас это не одно и то же.

— Да нет, всё они понимают. Привыкли действовать под эгидой божьего наказания; исходное положение о божьем наказании позволяет вообще устранить такое понятие, как закон. В данном случае синедрион перепутал нас со своими подданными.

Прокуратор подался всем телом к задержанному и спросил:

— Называл ли ты себя царём иудейским и зачем?

– Я называл себя сыном царя небесного, – ответил галилеянин, показав на небо, – там моё царство, также как и царство всякого верующего в Господа.

– Ну, а что ты скажешь о захвате государственной власти?

– Как я могу захватить власть, – заговорил галилеянин, – имея рядом только двенадцать спутников, с трудом обеспечивающих себе пропитание. Я не имею серьёзной опоры в среде верующих. Мои попытки нести истину, любовь к ближнему и сострадание к потерпевшим жизненное крушение находят слабый отклик среди детей небесного Отца моего. Слишком жёстки каноны веры: они не способны родить в душе иудеев теплоту духа и сострадание к ближнему. Цель моих проповедей лежит далеко от трона царей иудейских, а написанное – просто глупость врагов, которые хотят меня погубить.

Понтий Пилат окаменел. За много лет жизни он увидел человека, владеющего светом истины. Прожив долго на Востоке, прокуратор и сам проникся, не замечая этого, верой в понятие истинности бытия и в то, что узревшему такую истину открываются тайны, знание которых делает его хозяином жизни, и не удивительно, что следующий вопрос прокуратора был:

– А что такое истина?

Галилеянин развёл руками и стал говорить о созревании истины в душе верующего и что она доступна людям, достигшим высокой степени познания духа.

Прокуратор был разочарован. Чуда не произошло, и он сразу потерял к этому вопросу интерес.

– Каково твоё отношение к священнослужителям и к храму, который ты, как следует из документов, собрался разрушить?

Галилеянин востропнулся, от его обречённости не осталось и следа, глаза загорелись, тело напряглось.

– Да это же паразиты на духовном теле Отца моего. Левиты, спекулируя на его заветах, убеждают верующих, что посредниками меж людьми и богом могут быть только они. Любои иудей, где бы он ни жил, каждый год обязан пожертвовать храму дидрахму, и каждый обязан в течение жизни лично принести жертву в храме хотя бы один раз. Хорошо устроились, живя в неге и не зарабатывая хлеб в поте лица своего. Я же говорю: каждый верующий может обратиться к Отцу небесному нашему сам и для этого совершенно не нужен храм Иерусалимский. Воистину это ловушка для душ человеческих, связанная с материальными приношениями, жертвенными животными, которых в итоге племя левитов и съедает – в городе продаётся только кошерное мясо. По своей прежней наивности я верил в силу слова и духовного начала. Сейчас я понимаю: слово не может повлиять на многотысячное племя, сплочённое только личными интересами, да ещё если речь идет об отказе от жизненных благ. Один, два человека от них могут отказаться, но всё племя левитов – никогда. Но понимание пришло ко мне слишком поздно, после совершения мною серьёзных ошибок. Вчера в состоянии невменяемости я стал гнать торгующих из храма и кричал, что они, левиты, устроили из храма божьего торжище, что они всюду ищут выгоду и готовы

продать ради этого веру отцов наших, и потому всех их нужно выгнать из храма вон. Мною совершена серьезная ошибка. Она да трагические события предыдущего дня и должны привести меня к гибели. Вот тогда и схватила меня дворцовая стража за нарушение порядка. Сейчас я не удивляюсь фантастическим обвинениям синедриона – они видят во мне непримиримого врага; к таким же выводам могут придти и другие – пример заразителен.

Галилеянин как бы осекся. Впрочем, главное он сказал.

Но прокуратор задавал уже новый вопрос:

– Как ты относишься к власти кесаря?

Ответ последовал незамедлительно.

– Всё от Бога, Отца нашего небесного. Богу – Богово, кесарю – кесарево.

Прокуратор повернулся к актуарию.

– Изложи наше мнение, Нумизий Руф.

Актуарий вышел вперёд и прочитал подготовленное решение суда. Заслушав мнение сторон, суд прокуратора пришёл к следующим выводам.

– Римским властям нет дела до нарушения галилеянином порядка в Иерусалимском храме, нет дела и до того, как молиться и понимать каноны веры, а также и до роли левитов и первосвященников в иудейской церкви. Обвинения в том, что подсудимый стремится стать царём иудейским и создать в земле иудейской царство небесное, не имеют в документе юридической доказательности. Установлен факт лояльности галилеянина к власти кесаря. Причины волнений среди населения в Иерусалиме приведены без должного ана-

лиза. Если отрешиться от предпасхальных приготовлений, как это удалось члену синедриона Озания, можно сделать предположение о стремлении толп иудеев, направляющихся в Иерусалим, уничтожить военные римские подразделения, находящиеся в городе. Данное дело в том виде, в каком оно представлено в преторию, касается юрисдикции или синедриона, или тетрарха Галилеи Антипы Ирода.

– Хорошо. Срочно составь документ за моей подписью и направь его тетрарху вместе, конечно, с галилеянином к нему на суд. Тетрарх прибыл сегодня утром и остановился в своём дворце в Вифседе. Ну да эти варвары лучше нас знают, где находится их царь.

Прокуратор был доволен. Удалось обосновать и перевести дело к тетрарху, ухищрения синедриона ни к чему не привели. Зря галилеянин имел такой обречённый вид и так серьёзно отнёсся к маленьким недоразумениям – подумашь, побил посуду в храме. А ещё говорят, что пророки могут предвидеть будущее.

Но непонятная тревога сохранилась в глубине сознания:

– Всё-таки пошли человека к дому тетрарха, – тихо сказал прокуратор, – надо знать, чем всё это кончится. А мы продолжим суд.

Прошло около получаса, когда актуарий, наклонив голову к прокуратору, проговорил:

– Прибыл наш человек, посланный к дворцу тетрарха, и рассказывает о странных событиях. Разговор обвинителя Сарейи с тетрархом наблюдался со стороны, был краток и состоял из нескольких фраз:

«Скажи Каиафе, что я в курсе всех событий и не собираюсь таскать для него лепёшки из раскалённой печи. Пусть сам о себе позаботится. А теперь пошёл вон отсюда». Сарейя покрылся красными пятнами и бросился в канцелярию синедриона, а галилеянина стража повела сюда; скоро они будут здесь.

Хотя Нумизий Руф и кончил докладывать, прокуратор положение головы не менял, а значит, хотел услышать его мнение.

— Думаю, — начал тот, — в преторию будут доставлены более обоснованные с юридической точки зрения документы.

— А если перенести разбор данного дела? Проведём его сразу после праздника.

— Существует порядок, — продолжал Нумизий Руф, — по которому все дела, начатые в предпасхальные дни, должны быть закончены не позднее шести часов вечера: осуждённые — вывезены из города, приговорённые к смертной казни — казнены. По моему мнению, традиции не следует нарушать. Игемон знает, чего можно ожидать от иудейской толпы, да и речь-то идёт о полоумном крамольнике — одним иудеем больше, одним меньше.

— Хорошо, — подумав, сказал прокуратор, — сделаем перерыв, — и направился к высокой двери, искусно сделанной из ливанского кедра и обшитой листовым серебром. Дверь вела в прохладные залы дворца, и Нумизий Руф уже надеялся, пользуясь своим положением, избавиться на некоторое время от невыносимого пекла, уже навалившегося на город. Тихий голос

назвал его по имени, и он узнал Иосию из Симона, своего знакомого, служившего в канцелярии синедриона. Оба были ценителями греческой философии и потому доброжелательно относились друг к другу. Иосия заговорил на греческом, и, хотя он свободно владел речью любимых философов, сегодня слова плохо ему подчинялись.

– Уважаемый друг! Сведения, которыми я располагаю, очень хитро доведены до меня и лишь для того, чтобы быть переданными тебе. А сведения – чрезвычайной важности; намерения некоторых лиц кажутся просто невероятными. Я являюсь орудием в чужих руках, но вынужден участвовать в заговоре синедриона: что-то серьёзное поставлено на кон; исключается желание просто попугать. Сказанное будет касаться твоего начальника Понтия Пилата.

Нумизий Руф вспомнил скрытую тревогу прокуратора во время суда над галилеянином и спросил:

– Дело связано с галилеянином?

– Да!

– Сказанное здесь может иметь серьёзные последствия, и я прошу тебя, Иосия, пересказать мне всё, что ты знаешь.

– Как я понимаю, план исходит от Каиафы и Анны, его тестя, а эти два первосвященника настолько влиятельны в синедрионе, что очень немногие имеют смелость с ними не соглашаться. Повторяю, я не знаю причин, да, по-моему, их не знает никто. Ясно одно: галилеянин должен умереть. Сейчас обвинитель Сарейя вернётся с более серьёзными документами, ведущими беднягу галилеянина прямо на крест.

Но, зная характер прокуратора и его упрямство, а также юридическую уязвимость некоторых положений документа, решено любыми средствами заставить прокуратора утвердить смертный приговор. Для такой цели выбрана матрона Клавдия. Да, да! Супруга прокуратора. Вчера она выходила в город без служанки, и хотя лицо её было закрыто, кто в Иерусалиме ошибётся. Будет распушен слух о преступной связи галилеянина и матроны Клавдии, а поскольку её видели в городе, слухи падут на подготовленную почву. Какое дело водоносу, что она шла в противоположную сторону от места жительства галилеянина; для него важно, что она была в городе. Ночной сторож Менахем видел, как матрона Клавдия с высоты Антониевой башни, расположенной рядом с храмом, подавала кому-то знаки, и готов принести клятву на священном писании. Таких найдется сколько нужно. Слух будет обрастать всё новыми подробностями, поддерживаться постоянно. Конечно, он дойдёт до наместника Сирии Помпония Флакка. Будет сделано всё, чтобы ложь достигла слуха самого императора Тиберия. Карьера Понтия Пилата будет решена в три месяца. Его вынуждены будут забрать из Иудеи и скорее всего отправят в отставку. С такой репутацией римляне не смогут перевести его в другое место. Да! Почему-то вопрос жизни и смерти галилеянина очень важен для Каиафы. Хотелось бы знать, почему. Первосвященник Каиафа не тот человек, который может запустить механизм давления, не взвесив вопрос до конца.

Нумизий Руф стоял бледный как мел. Капли пота стекали по его лицу.

– Я не могу сказать Понтию Пилату об услышанном, ты не имеешь о нём достаточного представления. В случае потрясения он переходит на конкретное мышление, и тогда я сразу становлюсь его врагом. Иосия, ты же знаешь: всё моё достояние заключается в должности, а приобрести в лице прокуратора личного врага равнозначно самоубийству.

– Уважаемый друг! Прошу прощения за то, что вынужден сообщать тебе тяжёлые новости, но и промолчать я не мог. Единственный совет – ищи обходной вариант: найди человека, которого прокуратор может выслушать. И действуй, действуй, дорогой друг, времени так мало. Уже показалась и храмовая стража с галилеянином.

– Кажется, я знаю, как надо действовать. Благодарю тебя, Иосия.

Быстрым шагом, снимая на ходу с пальца золотое кольцо с печатью, Нумизий Руф направился в канцелярию. Увидев рассыльного, смышлёного молодого сирийца, к которому он был расположен за его добрый нрав и желание всем услужить, актуарий подзвал его к себе.

– Ты знаешь Амана Эфера, командира сирийской алы? Да? Это хорошо. Беги к нему, передай кольцо и скажи, что произошли чрезвычайные события и что он нужен здесь. Пусть скачет на коне и чем скорее, тем лучше. И сразу ко мне. Скорее!

Появилась надежда сохранить себя в этой катавасии. Возбуждённо шагая по канцелярии, Нумизий Руф думал об Амани Эфере. Этого человека связывали с прокуратором невидимые нити, и хотя командир сирийской алы

вёл себя на людях скромно и не подавал никакого повода так думать, люди канцелярии были уверены: в римском протекторате на восточном побережье Среднего моря существует только одно лицо, от которого прокуратор может спокойно выслушать самые тяжёлые и неприятные известия – Аман Эфер.

Уже слышен стук копыт, быстро скачет, значит, осознал тревогу. В канцелярию поспешно вошёл высокий красивый грек, выдающий себя за сирийца. На нём была лёгкая кожаная кираса, серебряный шлем дорогой ручной работы в стиле времён Александра Македонского, обычные сандалии с ремнями, на левом плече, закреплённый дорогой пряжкой, висел темно-синий гематий. Аман Эфер излучал доброжелательность и был раскован в общении. В манере его поведения угадывалась и внутренняя сдержанность, а для внимательного глаза просматривалась разумная воля в поведении и мышлении. Этими качествами он снискал себе доверие полудиких сирийских наездников и уважение римского служилого люда. Стремительный вид декуриона и его снаряжение свидетельствовали о том, что он прибыл непосредственно с воинских учений.

– Уважаемый друг! У нас десять минут времени, а сделать необходимо так много.

Актуарий быстро пересказал содержание недавнего разговора. По решимости, нараставшей в глазах грека, Нумизий Руф понял, что Аман Эфер готов действовать.

Прокуратор возлежал на ложе. Около него на серебряных и дорогих глиняных блюдах тонкой работы

с острова Родос лежали гранаты, инжир, грозди винограда, стояли чаши с апельсиновым соком и кусочками льда. Увидев входящего, прокуратор показал на ложе по другую сторону стола; взгляд его стал тревожным.

— Твой приход в походном снаряжении говорит о неотложных и важных делах, которые ты принёс в мой дом, и касаются они меня. Только тревога обо мне могла заставить тебя нарушить правила визитов, которым ты неукоснительно следуешь. Я слушаю тебя, Аман. Говори.

Давно Понтий Пилат не находился в состоянии такого душевного потрясения. Жилы на его лбу и шее стали набухать, руки всё сильнее сжимали край ложа, на котором он уже сидел, язык готов был отдавать самые невероятные приказы. В голове рождались планы мести, и каждый новый сменялся ещё более чудовищным вплоть до истребления толпы иудеев на площади дворца.

Аман Эфер понимал душевное состояние прокуратора.

— Сейчас не время думать о мести, об этом будем говорить завтра. Собери всю свою волю. Через пять минут ты выйдешь в судебное присутствие и утвердишь смертный приговор галилеянину. Ни у кого даже мысли не должно возникнуть, что такое решение принято под чьим-то давлением. На сегодня другого выхода нет.

Настала минута, когда Понтий Пилат смог заговорить.

— Сейчас я столкнулся с новой, непонятной для меня силой. Раньше я её не чувствовал достаточно ясно, за что и наказан.

— Чем возмущаешься, Понтий? Ты видишь перед собой страну, народ которой религиозен до фанатизма. Всякая попытка истолковать по-новому основные положения его религии приводит к обвинению реформатора в ереси с тяжелейшими для него последствиями. Определённая степень фанатизма коснулась и высшего руководства. Однако они хитрые и дальновидные политики в жизни, и я не уверен в искренности их фанатизма.

Мне хотелось бы, прокуратор, предложить тебе взглянуть на события с иной высоты.

Попытка руководителей синедриона оказать на тебя давление есть итог накопления в обществе сил, противостоящих римскому владычеству.

На мой взгляд, существуют три причины, приведшие сегодня к кризису взаимоотношений Рима и Иудеи.

Первую причину я сформулировал бы кратко: иудаизм, теократия, синедрион. Иудаизм — религия национальной замкнутости, религия только иудейского народа, и религиозное руководство всеми силами поддерживает данное ограничение в противоположность другим религиям, которые стремятся распространить своё влияние на близлежащие народы. Именно религиозная замкнутость обеспечивает теократическую форму управления страной.

Синедрион представляет верховную структуру теократии Иудеи и является на сегодня чисто религиозным учреждением, что и определяет религиозное содержание всей общественной жизни страны. Государственные функции в стране выполняете вы, римляне.

Вторая причина связана с протекторатом Рима, с созреванием сил освобождения Иудеи от римского протектората. Такие процессы в обществе с бытующим убеждением своей избранности и должны существовать. Вы же, римляне, делаете вид, что ваше пребывание в этой стране является для всех понятным благом, против которого нормально думающие люди возражать просто не могут.

Посмотри, что делается кругом. В горах появились вооружённые отряды зелотов. Начали действовать так называемые сикарии-кинжальщики; они убивают легионеров и своих соотечественников, сотрудничающих с римлянами.

Третья причина – мессианство. После упразднения царского титула в Иудее Рим принял тяжесть управления Иудеей на себя. От взаимного неприятия, непонимания не спасут ни льготы, дарованные императором Августом, ни даже тот бык и два ягнёнка, которые ежедневно приносятся в жертву по приказу императора в Иерусалимском храме.

Левиты съедают императорского быка и двух ягнят, но не способны организовать и направить развитие общества в нужное русло. Сами левиты желают спокойствия в стране и не намерены возглавлять борьбу против римлян. Иудейское общество переключилось на развитие идей мессианства. Мессия должен освободить страну от римского владычества и создать независимое государство. Если иудеи признали мессианство чуть ли не как реальность сегодняшнего дня, то члены синедриона понимают: любая попытка практической реализации этой идеи

будет потоплена римскими войсками в крови. Однако в идее мессианства скрывается и великое достоинство: любого реформатора религии можно с помощью римлян отправить на крест.

Члены синедриона правильно рассчитали. Помощи нам ждать неоткуда, а для применения силы нет серьёзных оснований. Судя по степени давления, произошло серьёзное событие, угрожающее интересам первосвященника Каиафы или его ближайшего окружения. Только узнав причину, побудившую Каиафу действовать так жёстко, мы сможем сделать правильные выводы. Раньше пророков, подобных галилеянину, просто забивали камнями, а этого Каиафа почему-то хочет отправить в царство теней твоими руками. Сам я теряюсь в догадках, но точный ответ знают Каиафа, Антипа Ирод, Анна — тесть Каиафы. От них мы ничего не узнаем. Знает причину и галилеянин, но боится за своих учеников, бывших свидетелями предполагаемых событий. Свидетелей уже ищут по всему городу. Они спрятались и затаились, потому, что осознали опасность для своей жизни. Скорее всего, речь идёт о событиях, произошедших на расстоянии одного дня пути от Иерусалима. Надо выяснить, какие несчастные случаи, в том числе и случаи со смертельным исходом, произошли прошлой ночью, а чтобы сузить сектор поисков, спроси галилеянина на допросе, по какой дороге он со спутниками шёл в Иерусалим. Сейчас же, Понтий, ты выйдешь и утвердишь смертный приговор, каким бы невиновным ни был этот галилеянин.

Аман Эфер поднялся.

— Для пользы дела будет лучше, если я покину тебя. Моё пребывание здесь не должны связывать с дальнейшими событиями.

— Иди, — прокуратор поднял голову, — теперь я способен вести дело.

Ясная, спокойная речь декуриона, его совет разграничить дела сегодняшнего и завтрашнего дней вернули Понтию Пилату деловую форму. Он срочно вызвал начальника тайной канцелярии и дал указание собрать сведения о происшествиях и смертных случаях в городе и окрест на расстоянии дня пути от Иерусалима. Прокуратор смотрел вслед уходящему начальнику канцелярии и думал о возможности привлечения его к будущим своим планам. Он понимал людей тайных канцелярий, которые только наполовину подчинялись ему; вторая же половина их работы связана с наблюдением за его деятельностью и им самим.

Прокуратор приготовился внимательно слушать содержание документов, касающихся галилеянина. Он представлял глубину лжи и подлости обвинительного документа синедриона. Что там может быть правдой, если необходимо прибегать к такой мере давления? Понтий Пилат в глубине души оставался прямолинейным солдатом — врага видел как бы поверх щита. Последнее время он принимал служебные подлости как необходимые правила игры управления, удержания власти. Теперь, когда подлость схватила за горло его самого, всё в нём клокотало и звало к мщению.

— Как посмели! Как я допустил, что они смогли посметь?!

Он уже знал, что сегодняшние его победители скоро по-другому оценят развивающиеся события: они еще не поняли, кому решились диктовать свою волю. Будут пущены в ход и хитрость, и коварство, и сила – всё, чтобы первосвященник Каиафа осознал свою роковую ошибку. Исчезнут его власть, авторитет, богатство, угаснет его род на Иудейской земле!

Толпа на площади бушевала. Видимо, пока его не было в должностном кресле, страсти вышли за пределы дозволенного.

Актуарий сообщил, что доставленные документы по-новому трактуют вину галилеянина, и обвинение носит политический характер. Он обвиняется в принадлежности к секте есеев из оазиса Энгеди, известного рассадника смуты против власти кесаря. Установлено, что трое его спутников, а именно: Симон, Пётр и его брат Андрей – принадлежат к партии zelотов; из них Симон является сикарием. Группа галилеянина прибыла в Иерусалим на пасху для организации народных волнений против протектората Рима, намереваясь использовать громадное стечение народа по случаю предстоящего праздника. Действия преступной группы начались с организации беспорядков в Иерусалимском храме с целью его поджога, однако были пресечены храмовой стражей. Главарь этой группы, Иисус из Назарета, арестован и на основании документов следствия приговорён судом синедриона к смертной казни. Основание для обвинения – организация народных выступлений против власти кесаря. К обвинительному заключению приложена копия отчёта агента синедриона, внедрённого в преступную группу Иисуса из Назарета, некоего

Иуды из Кариота. Подпись последнего подтверждают собственноручно все члены большого синедриона.

Толпа взорвалась ненавистью. В воздухе замелькали кулаки, криком оскалились лица:

– Распни его! Распни! Пусть кровь его будет на детях наших!

– Да что же это такое?! Многие и не видели его ни разу, а готовы детей своих заложить судьбе. Ну, варвары! Воистину варвары, а ещё обижаются, когда их так называют.

Постепенно ярость толпы стихла. Любопытство стало преобладать: у кресла прокуратора что-то происходило.

– Прочитай донесение галилеянину, послушаем, что он скажет, – обернулся прокуратор к актуарию.

Выслушав содержание донесения, галилеянин как-то криво усмехнулся.

– Иуда не мог написать донесения – он и слов-то таких не знает. Иуда – искренний человек, но слаб духом. Видимо, не уберёгся и попал в руки костоломов из тайной канцелярии синедриона, а под пыткой чего не подпишешь. Скорее всего и здесь действительно стоит его подпись.

Актуарий подошёл к прокуратору.

– Я напоминаю, игемон, что завтра праздник иудейской пасхи и по существующей традиции один из осуждённых может быть помилован по желанию народа, находящегося на площади.

– Зачем же нам заботиться об иудейских традициях? Здесь присутствует представитель синедриона, пусть он и проводит эту работу. Нетрудно представить, что здесь произойдёт, а потому передай примипиларию, чтобы

он вызвал вторую центурию и поставил бы её во вторую линию оцепления. Стянуть сюда каппадокийскую вспомогательную когорту и сирийскую кавалерийскую алу. Ала должна встать справа и забить по сигналу мечами в щиты, как всегда делает перед атакой.

Прокуратор кратко проинструктировал примипилария и широким шагом удалился в залы дворца.

Актуарий обратился к обвинителю синедриона и передал ему разрешение прокуратора провести традиционные пасхальные помилования. Сарейя был достаточно умён, чтобы понять: его поместили между молотом и наковальней. Он уже догадывался о судьбе галилеянина. Тот должен был умереть по неизвестным для него причинам, и сейчас нельзя допустить его помилования. Но и человека, убившего или пролившего кровь римлянина, прокуратор не помилует.

«Господи! Пощади верного слугу своего. Вспомни! Всю жизнь я точно выполнял твои заповеди. Что тебе этот безродный галилеянин; в голове у него смутные мысли. Они не могут привести к божьей благодати. А я буду служить тебе всегда и детям своим закажу и обяжу. Господи! Не дай совершиться несправедливости!»

Укрепив дух молитвой, Сарейя вышел вперёд и поднял руку. Толпа притихла. Обвинитель синедриона сообщил народу о праве помилования и предлагал выбрать одного из трёх. В различных местах толпы стали выкрикивать имя Варравы, и через несколько минут его имя гремело на площади дворца. Каждому было понятно, почему повторялось имя

Варравы. Он убил римлянина и уже таким поступком заслужил симпатии иудеев-простолюдинов, а то, что он защищал свою жену, ещё больше возбуждало толпу. Жители Иерусалима были возмущены несправедливостью действующего закона, которым определялась неприкосновенность римлянина, опозорившего их очаг. Римский актуарий пояснил, что право помилования распространяется только на осуждённых, не проливших кровь римских граждан. Толпа взорвалась от ярости, и было уже ясно, что будет попытка отбить Варраву силой. Появление второй линии легионеров и выдвижение каппадокийской пехоты не произвело на толпу ожидаемого впечатления: она стала напирать. Легионеры, укрывшись щитами, выбросили копья, а вторая линия выхватила мечи. Однако движение толпы было неотвратимо. Вдруг сзади раздался оглушительный грохот. Толпа повернулась кругом и увидела, как на неё, заходя левым крылом по сто всадников в ряд с копьями наперевес, разворачивалась кавалерийская сирийская ала. Конная лава извергала грохот щитов, барабанов, рёв труб. Конница надвигалась всесокрушающим валом. Ощерившиеся лица истонных врагов напомнили иудеям о беспощадности римлян. Прямо в лицо дохнула смерть. Оцепенение охватило толпу.

Примипиларий, внимательно следивший за событиями на площади, поднял руку. Грохот смолк, всадники осадил коней. От кресла прокуратора раздался голос римского актуария:

– Прокуратор оставляет в силе все приговоры. Суд закончен.

Сарейя, находившийся рядом с актуарием, склонил голову, свёл руки вместе и, подтверждая неизбежность своего подчинения, проговорил фразу, ограждающую его от ответственности за принятое решение:

– Я умываю руки.

Стража, окружив осуждённых, повела их к месту содержания. Быстрее всех уяснили положение дел фарисеи. На виду ещё гарцующих всадников они стали растекаться с дворцовой площади. За ними последовали и остальные, довольные уже тем, что обошлось без кровопролития.

Нумизий Руф направился на доклад к прокуратору, которого он застал в глубокой задумчивости в том же зале, на том же ложе.

– Не надо докладывать. Я и так представляю события на площади. Нетрудно восстановить всю картину. Просто надо знать толпу и её поведение, тогда ничего непредвиденного случиться не может. Я доволен тобой и примипиларием. Иди отдыхай, у нас был тяжёлый день.

Прокуратор опустил голову и погрузился в размышления. И опять любимый мотив возник в воспоминаниях. Тот мотив, который помогал ему твёрдо стоять на ногах, каким трудным испытаниям ни подвергала его жизнь. Мысль побежала по уже известному пути. На этом пути он из должностного лица императора Тиберия снова становился мальчиком из престолярды.

Детство Понтия. Легион

Он стоит на настиле разбираемой плотины высоко над грохочущим и бурлящим внизу потоком воды. Настил как бы висит в воздухе и весь дрожит от мощного напора. Бегать приходится по последнему оставшемуся бревну. Шум падающей воды так силён, что не слышно человеческого голоса в ста локтях от плотины.

В тот год, когда началось таяние снегов в горах, отец впервые взял Понтия на самую ответственную работу — разбор плотины. Работа требовала не только сноровки, быстроты и уверенности в себе, но и смелости. Малейшая оплошность может привести к падению. Поток схватит, закрутит, бросит на дно бучила, и клокочущая вода уже не выпустит ослабевшее тело из своих объятий.

Вступив на качающийся помост плотины, Понтий не чувствовал себя героем, но этот эпизод запомнил и вспоминал только по одной причине: в тот день к нему пришло чувство бесстрашия и осталось с ним навсегда. Многие годы спустя Понтий воспринимал преодоление страха как важнейшую жизненную победу: если тогда, то и теперь...

При большой нагрузке, особенно перед праздником, приходилось работать по ночам, и он часто оставался в

амбаре один, пребывая в дремотном состоянии. Понтий не жаловался. Примером в тяжёлой работе для него являлся отец. Понтий наблюдал, как отец, несмотря на смертельную усталость, находил в себе силы подняться ночью и два-три раза обойти с факелом плотину для того, чтобы послушать шум воды, выяснить, нет ли утечки. Если вода прорвёт плотину, семью ждёт разорение. Понтий с малых лет чувствовал постоянный страх отца перед стихийным бедствием: у семьи не было резервов, чтобы снова подняться на ноги.

Уже в это время Понтий ощущал свою «второсортность» в родительском доме. Он был обречён на роль работника при старшем брате. Несколько недель радостного труда не могли восполнить многомесячное однообразное существование.

Тяжелые стороны жизни на мельнице сглаживала своим присутствием мать Понтия. Ещё молодая и красивая женщина, происходившая из греческой семьи, когда-то волей богов оказавшейся на севере италийского полуострова, она выделялась редким умом и высокими достоинствами. Понтий любил мать и, будучи способным от природы ребёнком, с удивительной лёгкостью перенимал и запоминал всё, чему она учила и о чём говорила. Он, единственный в семье, свободно говорил по-гречески, знал наперечёт все травы и способы лечения, практиковавшиеся матерью, быстро овладел грамотой и хорошо учился в сельской гимназии. Перилла, так звали мать Понтия, с тревогой наблюдала за своим любимцем, понимая, что судьба готовит ему незавидную долю. Но выхода из создав-

шегося положения не видела. Вопрос о будущности Понтия тяготил её своей неразрешённостью.

Из поколения в поколение складывалась система наследования мельницы. Сейчас ею владел отец Понтия и его старший брат, который работал в дальней префектуре Рима небольшим чиновником. В управление хозяйством он не вмешивался, но ежегодно получал свою долю доходов в три тысячи сестерциев. Брат соглашался передать отцу Понтия мельницу в единоличное владение за 100 золотых аурий, но такая сумма была совершенно не по силам его родителям. Подрастала младшая сестра Понтия, и родителям предстояли новые заботы.

Со стороны казалось, что семья живёт в достатке, но Понтием бедность с каждым годом ощущалась всё сильнее. Впереди его ожидали нищета и непрерывный тяжёлый труд.

Однажды, в то время, когда Понтий с душевным подъёмом разбирал настил плотины, во двор мельницы вошёл человек, вид которого свидетельствовал о долгом путешествии. Был он высок, худощав, мосласт, чувствовалась в нём сила, воинская выправка, а тяжёлый меч, висевший у правого бедра, выдавал в нём бывалого солдата.

Он прошёл на берег реки почти к самому краю плотины и остановился, окидывая взглядом картину работ. Рядом с ним оказалась женщина, и по тому, как она теребила край плаща и вздрагивала при малейшем, как ей казалось, ошибочном движении молодого парня на плотине, путник признал в ней хозяйку мельницы.

– Что, хозяйка, это твой сын работает на плотине? Парень всё делает правильно, он преодолел страх и уже ничего не боится; ты за него можешь не переживать.

Перилла повернула голову и увидела спокойные, понимающие глаза. Всё было сурово в лице путника, но это было лицо достойного человека.

– Хороший у тебя парень. И сила в нём есть, и равновесие держит уверенно, и глазомер отличный, да и резкость в движениях сохранилась.

Незнакомец стал как бы пояснять Перилле положение дел:

– Дети мельников много переносят тяжестей и, тренируя одну только силу и выносливость, постепенно теряют такое ценное свойство, как реакция. В жизни это создаёт серьёзные затруднения. Твоему парню сейчас лет шестнадцать?

– Нет! Ему исполнилось только четырнадцать.

– Обычно я не ошибаюсь, но тогда твой парень особенно хорош.

– Да чем он хорош?

– Для солдата он хорош. В своё время я их много обучил. Уверен, что он закончит свою военную карьеру центурионом.

Перилла никогда в мыслях не примеряла к своему сыну судьбу легионера. Рассматривая варианты дальнейшей жизни сына, она всегда видела его рядом, и вдруг...

Да кто он такой, откуда взялся? Человек, сразу видно, не жулик какой-нибудь. Все вопросы, помимо желания женщины, ясно читались у неё на лице. Незнакомец улыбнулся.

– Я иду от вашего знакомого мельника, что выше вас по течению стадий на пятьдесят; у него работал. Надо отметить, изрядный негодяй, пришлось расстаться. Иду в Рим, надеюсь найти там работу. К тому же возраст обязывает подумать о старости. Давно ли взял меч в руки и встал в строй легиона, а с той поры прошло более двадцати лет.

– Мужчина ты здоровый, не увечный, что же ты не в легионе? Возраст ещё позволяет.

– А я дезертировал лет десять тому назад. По глупости, конечно. В легион не вернулся, вот неприкаянным и живу. А ты уж подумала, что жулика встретила.

– Нет, почему-то мысли такой не было, – ответила Перилла и неожиданно для самой себя и продолжила:

– Оставайся у нас переночевать, работы идут к концу. Мужчины скоро сядут за стол, вот и ты ко времени, а завтра твой бог тебе поможет.

– За приглашение спасибо, но тогда я приму участие в работе. Где мне положить вещи и оружие?

И новый человек незаметно для всех принимает участие в разборе плотины: носит, укладывает, организует. Мельник с настила плотины обнаруживает, что на берегу возникает порядок, исчезает толкотня, бережно переносятся деревянные части плотины, связываются, крепятся, у каждого появляется своя работа. Интересно было бы узнать, кто такой, но здесь все добровольцы, и спрашивать о любом не принято. Однако неизвестный пока человек знает работу не хуже его самого, что мельник про себя и отмечает.

По окончании всех дел работники сели за стол. Незнакомец как бы случайно оказался рядом с Понтием. Ел и пил с удовольствием, держался как свой человек и, действительно, оказался знакомым почти со всеми. Относились к нему с уважением, как к большому мастеру, знающему своё дело. Перилла, не подавая вида, следила за разговором сына с незнакомцем. Разговор незнакомец вёл умно и доброжелательно.

По тону разговора Перилла уловила их взаимную симпатию.

Долго не могла заснуть в ту ночь мать Понтия. Она думала о будущем любимого сына. Поступить в легионеры в те времена считалось не таким уж плохим решением. Не всякого и брали.

Конечно, труд тяжёлый. Всё время в строю, в палатке, походы с выкладкой, воинский регламент, сражения, а то и ранения (боги защитят моего мальчика от смерти!). С другой стороны, жалованье положено 10 ассов в день, а станет принципалом, то все 15 ассов получать будет. Быт и жизнь организованы, да ещё воинская добыча перепадать будет. Ну разве настоящую жизнь ведут мои мужчины? Чем она отличается от жизни раба? И если решаться, то пока этот бывший принципал здесь. Предложить ему работу на мельнице с условием, что он подготовит мальчика к легиону. Надо с утра поговорить с мужем.

За завтраком хозяин предложил Карелу Марцелле, так звали незнакомца, остаться на мельнице и подготовить сына к поступлению в легион, если, конечно, Понтий согласен. Сердце мальчика радостно забилося. Кто в его годы не мечтал стать легионером, научиться вла-

деть оружием, участвовать в сражениях? Понтий ликовал. Жизнь освобождала его от жерновов навсегда. Что может быть прекраснее? Конечно же, он согласен.

Условия для Карела Марцеллы предлагались очень неплохие, да и люди пришлись ему по душе. Даже просьба рассказать о своем дезертирстве из армии не вызвала в нём чувство протеста. Карелу объяснили, что ему доверяют своего сына и надо знать причины, толкнувшие его на такой поступок.

– Вы правы, лучше рассказать об этом сейчас, – сказал Карел Марцелла, – тем более, что события, связанные с дезертирством, считаю самыми доблестными в своей жизни.

Я служил в VI легионе «Виктрис» в Ближней Иберии. Считалось, что война с астурами и кантабрами была победоносно завершена ещё пять лет назад при легате Агриппе. На самом же деле это было далеко не так. Из глубин Пиренеев на дороги провинции Сантендер, а то и Астурии совершали стремительные набеги воинственные кантабры. Наш легион, разделённый на несколько манипул, находился всё время в движении и столкновениях с подвижными отрядами иберийских варваров. Справедливости ради надо отметить, что кантабры сражались храбро, были умелыми воинами, и нам приходилось трудно. К тому времени я был принципалом и считался одним из лучших солдат в легионе. Многие могли сравниться со мной в мастерстве владения оружием. Мои парни были хорошо обучены, понимали меня и, как выяснилось позднее, были преданы мне.

В одной из схваток и произошла завязка роковых для меня событий. После боя трибун приказал собрать трофеи на поле боя и добить тяжелораненых кантабров. Дело для солдат привычное, но когда я подошёл к одному из раненых, то услышал слова на искажённой латыни, изменившие ход моих мыслей:

– Если ты не убьёшь меня, то получишь сокровища племени.

Мыслил я всегда правильно, а потому сразу перешёл к делу.

– Что я должен сделать?

– Отнеси меня в ближайшую расщелину. Оставь воды, еды, холстины, и, если останусь жив, я сам тебя разыщу.

– А как мне тебе поверить?

– Клянусь именем моего бога Вагодоннегуса.

Когда я услышал клятву именем бога племени, то мои сомнения рассеялись: кантабры скорее умрут, чем её нарушат. Я позвал своих парней, и мы незаметно перенесли раненого в расщелину, обнесли его каменной стеной, чтобы волки ночью не разорвали, принесли воды и еды. Я нарвал кое-каких трав для лечения, и мы покинули раненого кантабра – трубы уже призывали нас к месту сбора.

А позднее, когда мы стояли на зимних квартирах около Тарракона, я увидел его вновь. Он стоял за валом лагеря напротив главных ворот и ждал, когда я к нему выйду. Так состоялась наша вторая встреча.

– Я проведу твой маленький отряд в далёкий высокогорный монастырь, где хранятся сокровища пле-

мени, но поклянись своими богами, что не тронешь ни одного служителя бога Вагодоннегуса.

Я рассказал товарищам о сокровищах, и все пожелали идти со мной, все хотели, завладев своей долей добычи, начать новую жизнь и ради этого готовы были рискнуть своею головой. Да, нас можно было понять. Каждый день мы рисковали за 10 ассов, и никто из нас не собирался упускать свой шанс, который подарила ему богиня Фортуна.

Конечно, это было дезертирство, но кто тогда придавал значение такому факту? В ту же ночь, захватив нужные вещи, еду и оружие, мы двинулись к заветной цели. Была уже глубокая осень. Шли скрытно, тайными тропами, ночевали в холодных пещерах. С каждым днём мы уходили всё дальше и поднимались всё выше в горы. И вот настал день, когда мы увидели святилище бога Вагодоннегуса. Затерянное высоко в горах, обнесённое невысокой каменной стеной сооружение не представляло сколько-нибудь серьёзного препятствия. Проводник в святилище не пошёл, но подробно объяснил, где находятся сокровища, и ещё раз взял с нас обещание не трогать служителей. Я был в нерешительности. Оставить живыми служителей значило самим организовать погоню и, скорее всего, лишиться себя надежды вернуться живыми. Понимали это и другие, но нас сдерживала клятва. Я принял решение. Сначала завладеть сокровищами, а затем уже думать.

Планы от реальности всегда почему-то отличаются. Так было и на этот раз. События вначале разворачивались тихо и спокойно. Служители дрожали от

страха. Сундук был в наших руках. И кто мог подумать, что настоятель монастыря, дряхлый, высохший старик, окажется таким несговорчивым. Он стал кричать, угрожал, призывал на наши головы страшные проклятья, да и служители вспоминали о своём долге. Тут-то и последовал этот лёгкий удар рукоятью меча по голове старика; последствия, по-моему, не стоит объяснять. В следующую минуту стало понятно, что, скорее всего, живыми мы домой не вернёмся. Я выскочил за ограду, но нашего проводника уже не было. Он счёл себя свободным от обязательств после смерти настоятеля. Быстро вернувшись, я приказал связать и запереть служителей в дальнем помещении, захватить как можно больше еды и скорее уходить в горы. Начинало светать. Родилась спасительная мысль: уходить надо на восток, лучше на северо-восток, через Пиренеи в Галлию, к той дороге, что недавно построил император Август.

Выходили мы почти месяц, и вышло на ту дорогу только пятеро. Как мы выходили, сколько раз вступали в сражения и были на краю гибели, составляет особый рассказ, но мы вышли. На мою долю пришлось 20 фунтов золота, целое состояние. Мы разошлись в разные стороны и были предоставлены сами себе. Мне тогда исполнилось 25 лет. Я был честолюбив, но неопытен. Сколько друзей, любящих женщин, добрых трактирщиков побывало около меня в то время! Любви и доброты хватило на три года. Всё кончилось с последним аурием. Тогда встал вопрос: что делать дальше?

Можно было вернуться в легион, как сделали два моих парня. Они прошли положенный путь наказаний

и радовались тому, что оказались в том же легионе. Я же был слишком самолюбив. Да и будущее просматривалось безрадостное. Зависть — путеводитель чуть ли не всего человечества. Разве можно простить человека, который хватанул уйму деньжищ и все прокутил сам, не отсыпав именно тебе горсть, другую монет. Для дальнейшей жизни было бы лучше, если бы нам не удалось донести это золото.

Сколько в легионах было разговоров! Меня и сейчас помнят в легионах X-м Гемина и IV-м Македонском, не говоря о моём родном.

Такие возможности простому солдату предоставляются редко, да и осуществить их может далеко не каждый. Недаром разговоры об этом походе не умолкают в легионах и по сей день. Сам смотрю на себя с удовлетворением: смог. Правда, не смог умно распорядиться богатством, но умный разве бросился бы за этим золотом на верную смерть? Всё взвесив, решил в легион не возвращаться. Вот уже десять лет работаю на мельницах, дело знаю. Что касается вашего парня, то я его в легион подготовлю: он обладает большими возможностями.

Со следующего же дня у Понтия началась новая жизнь. Ему повезло. Учитель знал своё дело и был человеком азартным. По утрам и вечерам в перелеске рядом с мельницей шли и упражнения в военном искусстве. Понтий с нетерпением ждал каждого нового занятия.

Конечно, осваивалось владение оружием, но прежде всего обращалось внимание на умение сражаться в строю и единоборство. Шли годы. Карел Марцелла обрел свою

душевную опору. Он отдался задаче возрождения себя в этом юноше. День за днём ковал он из Понтия солдата, развивал видение скрытых пружин сражения, умение понять свою роль там, где куётся победа.

В годы становления Понтий чувствовал, что обучение, проводимое с таким тщанием, с таким старанием, не может иметь в своей основе только денежный интерес. В нем созревало сложное чувство признательности и ответственности за судьбу своего учителя. Позднее, оставшись в живых после тяжёлых сражений, Понтий понимал, что только выучка Карела Марцеллы спасала ему жизнь, и в его сознании крепились добровольные обязательства перед учителем.

Родители, особенно мать Понтия, которая лучше разбиралась в душевных побуждениях Карела Марцеллы, радовались удаче с принципалом и своим отношением стремились выразить благодарность.

В округе стало известно, что здесь размещаются вербовочные пункты Пятого Германского легиона, участвовавшего в последних сражениях. Поговаривали о наборе молодых легионеров, и это известие привело в движение молодёжь ближайших окрестностей.

Для первого знакомства Понтий направился на ближайший вербовочный пункт. Место выглядело довольно странно: небольшой двор был захламлён, куры в углу мирно разгребали прошлогодние листья. В глубине двора Понтия встретил легионер, имевший какой-то невыспавшийся вид. Это был принципал десятой когорты, в обязанности которого входила встреча новобранцев.

Сам немалою роста, силы и выносливости, принципал Авилий Флакк с удовлетворением оценил

внешний вид новичка. Давно он не видел плеч такой ширины, а ноги-то, ноги! Такие ноги могут выдержать удар катапульты. Мысленно он сразу решил добиться направления новичка в свою палатку, где было свободно целых четыре места. Узнав, как зовут парня, откуда он родом, чем занимается, Авилий для порядка спросил, не приходилось ли новичку держать в руках оружие. Услышав утвердительный ответ, принципал решил размяться и предложил новобранцу попробовать свои силы. Новичок не отказался и стал примерять воинскую амуницию по своему росту. Опытным глазом Авилий уловил навыки владения мечом, когда тот подбирал оружие по руке. А Понтий со скрытым нетерпением ожидал встречи с принципалом: перед ним был ветеран с 10-летней выучкой, только что прибывший с полей сражений.

Уверенный в своём мастерстве, Авилий Флакк первым нанёс удар, ожидая, что меч новичка отлетит в сторону. Но он уже в следующее мгновение оказался где-то около шлема Авилия, и только быстрая реакция принципала, перехватившего меч щитом, предотвратила тяжёлый удар по голове. С этой минуты Авилий Флакк забыл, что перед ним новобранец, и бой развернулся в полную силу. Как ни старался принципал применить весь свой арсенал атаки и маневра, ему не удалось нанести Понтию ни одного серьёзного удара. Ещё и самому приходилось изловчаться, чтобы не пропустить мощные, резкие удары новичка.

Въехавшая во двор группа всадников увидела необычное зрелище: посередине двора в клубах пыли яростно бились в ближнем бою два легионера. Префект

легиона, какое-то время понаблюдав за любопытной картиной, улыбнулся и обратился к примипиларию десятой когорты, которой принадлежал вербовочный пункт:

– Давай, Квириний, узнаем, в чём дело, а то нам долго придётся ждать: оба бойца упорны.

– Один из них Авилий Флакк, а второго я первый раз вижу, – сказал примипиларий и крикнул, чтобы бойцы остановились.

Оба тяжело дышали, пот стекал по запыханным лицам, но сражающиеся были чем-то довольны. Видавший виды принципал приветствовал своих начальников поднятием меча и доложил, что занят обучением новобранца военным артикулам.

– Вижу и благодарю, принципал, за службу, – произнёс префект легиона, человек хотя и суровый, но в свои сорок лет не потерявший жизненного задора.

Префект подошёл к выбежавшим на шум легионерам и, как бы вовлекая их в беседу, стал говорить, указывая на Понтия:

– Хорош, конечно, новичок, ничего не скажешь, но как вы думаете, от троих побежит?

– Уж больно молод. Побежит, побежит, трое ветеранов – мёртвое дело. Куда ему! Новичок он и есть новичок, в рубке не был – растеряется.

Префект улыбнулся.

– А что, ребята, если попробовать?

И тут, как он и ожидал, нашлись трое, готовые позабавиться.

Авилий Флакк считал себя уже причастным к судьбе новичка. Он подошёл к Понтию и стал объяснять обстановку.

– Префект решил устроить тебе пробу, это у нас практикуется. В бега только не ударься. Постучи мечом минут пять и порядок, – говорил принципал небрежным тоном, но тревога, как дёготь, просачивалась сквозь его фразы. Он снял с головы шлем и передал Понтию; тот увидел искусно сработанные внутри амортизаторы. – Возьми мой щит – он полегче, вот тебе копьё и два дротика. А теперь иди.

Понтий повернулся и увидел перед собой трёх здоровенных легионеров в полном боевом снаряжении. Сердце его дрогнуло.

Значит, бой! Сотрут в порошок! Бежать? Да никогда! И от злости на себя и весь мир к Понтию пришла та уверенность юности, которая всегда связана с удачей: только не терять головы.

Началось сближение. Манера новобранца держать копьё как-то под локтем создавала впечатление неумения пользоваться этим видом оружия, что и ввело нападающих в заблуждение. Легионер слева от Понтия на расстоянии сорока локтей метнул копьё, целясь в середину щита, но новобранец резко ушёл в сторону. Все ждали, что тот начнёт заводить копьё для броска за плечо, но произошло совершенно неожиданное: копьё новобранца, пущенное из-под локтя с силой карабалисты, пробило щит и бросило на землю легионера, находившегося в центре, и в то же мгновение дротик Понтия, выхваченный из-за плеча и брошенный, казалось бы, без всякого размаха, попал в шлем легионера, двигавшегося справа от Понтия. Тот стал падать на колени, теряя сознание. В следующую секунду новобранец с непривычной для зрителей стремительностью

преодолеl расстояние, разделяющее его от легионера слева, и всей тяжестью тела и щита опрокинул его на землю, в воздухе блеснул меч. У зрителей вырвался произвольный вопль: «Стой!» Меч застыл в воздухе, Понтий выпрямился, два легионера невдалеке пытались подняться с земли, к ним бежали товарищи.

Подходили префект с примипиларием, последний ещё издали возбуждённо кричал:

– Ты что, с ума сошёл, ты что, не понял? – это показательный бой!

– Конечно, понял, – тяжело дыша, отвечал Понтий, – иначе они были бы уже трупами.

Префект был доволен, искры удовлетворения так и прыгали в его глазах и, обращаясь к Авилию Флакку, спросил:

– Что скажешь, принципал?

– Прошу назначить этого парня в мою палатку, игемон. Он пришёлся мне по душе.

– По правилам место его в первой когорте, но и твою просьбу считаю справедливой. Не начини ты проверку боем, мы об этом парне ничего бы и не узнали. Приказываю: считать этого парня легионером второго года службы. Деньги и стаж начислять соответственно.

Префект обратился к новичку:

– Из разговора я понял, что тебя Понтием зовут, так скажи мне, Понтий, как бы ты действовал, если бы бой протекал в действительности?

– От первого копья я всегда увернусь, значит, удар надо наносить по второму бойцу, чтобы упредить его бросок. Бросок копья у меня был ещё не самый силь-

ный, так что второго бойца я вывел бы из строя навсегда. Третий боец держал щит ниже положенного, горло его было открыто, и мой дротик попал бы ему не в шлем, а куда надо. Теперь оставалось только лишить возможности первого бойца отметать дротики, и даже если бы мне не удалось сбить его с ног, бой продолжался бы на мечах один на один, а здесь я чувствую себя уверенно: меня не так-то просто взять.

– Значит это не просто случай, – размышлял префект, – перед нами готовый к бою солдат.

– А кто тебя обучал?

– Принципал VI легиона «Виктрис» Карел Марцелла, и обучал он меня четыре года.

– Ах, вот это кто! Известный мне вояка... Тебе, Понтий, повезло с учителем.

Префект подумал несколько секунд и обратился к примипиларию:

– Позаботься и ты, командир, чтобы у новобранца было полное и новое снаряжение. Скажи от моего имени панцирникам и шорникам, чтобы снаряжение было подогнуто по росту. Расходы легион возьмёт на себя.

Позднее Понтий увидел, как велико было движение души его будущего командира, когда Флакк отдал ему свой сделанный по заказу шлем да ещё и щит. Стоили такие предметы воинского снаряжения дорого, хранились бережно – от них зависела жизнь в бою – и вот так отдать их можно было только брату или верному другу.

Но как ни был взволнован Понтий только что окончившейся стычкой, любознательность молодости была,

видимо, сильней. Почему-то на него произвёл впечатление третий всадник, всё время хранивший молчание и державшийся в стороне.

– А кто же такой третий таинственный всадник?

– Тиберий.

– Какой такой Тиберий? – хотя далёкая догадка уже прокладывала путь к сознанию Понтия.

– Тиберий Юлий Цезарь, приёмный сын императора Августа, наместник Германии, командующий римскими легионами.

– Так почему ты его не приветствовал, а сделал вид, что его не знаешь?

– Начинай учиться, Понтий! Тиберий въехал в ворота за префектом и примипиларием, надеясь остаться незамеченным. Я же ему подыграл. Вот если бы он въехал первым, то я просто обязан был бы его узнать. Но ты, Понтий, не горюй. Человек он памятный, особенно на людей, с которыми происходят необычные случаи. Он и твоего Карела помнит: даже вперёд подался, когда ты его имя произнёс. Он и тебя запомнил. Не шутка в минуту положить трёх ветеранов. Так что, Понтий, тебе сегодня во многом повезло.

Правда, Тиберий наш Пятый легион не любит, скорее не верит в него после случая, когда легион, которым тогда командовал легат Марк Лоллия, позорно бежал от германцев и одна когорта потеряла своего орла. События произошли почти двадцать лет назад, несколько раз сменился личный состав легиона, и в дальнейшем он сражался стойко, но пятно существует: в римской армии не принято бегать от врага. Наш легион

до настоящего времени продолжают укреплять. Требования к выдвижению на следующие должности высокие. И правильно! Что это за центурионы, которые в бою думают об отступлении! Служба в нашем легионе сейчас поставлена отлично, и, если отвлечься от воспоминаний, начинать служить надо только в Пятом Германском. В легионе я служу принципалом уже пять лет, получаю полуторный оклад легионера – 15 ассов в день.

Постепенно всё успокоилось, легионеры занялись своими делами. Авилий Флакк принёс хлеб, большой кусок жареной говядины и полную флягу вина. Они сели на большие брёвна, сложенные у забора, и принялись за еду. Понтия не оставляла мысль о судьбе людей, участвовавших в событиях двадцатилетней давности. По его представлению, после бегства легион должен быть подвергнут децимации, то есть каждый десятый по жребию должен быть казнён. И когда прозвучал вопрос Понтия: «Неужели казнили шестьсот человек?» – принципал понял ход мыслей новобранца и осознал его значимость для Понтия.

– Ты поступил в легион, Понтий, и для тебя важно, не пострадали ли достойные за трусость слабых. Я расскажу всё, что знаю сам, а знаю я немного да и то с чужих слов.

Граница с Германией проходила да и сейчас проходит по реке Ренус. Большие воинские отряды сугамбров, узипиев, танктеров и других воинственных племён германцев переправились через реку и подвергли грабежу и насилию галльские округа на левом берегу Ренуса. Наместник Германии выслал навстречу

германцам наш Пятый легион. События развивались для легиона неблагоприятно. Конница, двигавшаяся несколько впереди и выполнявшая роль разведки, была перехвачена, окружена и изрублена раньше, чем подошла пехота. Местность, на которой оказался легион, не позволяла построить его к бою в правильном порядке. Легион не отвечал основным требованиям по кадровому составу. Центурионы были выдвинуты на должности не по знаниям и заслугам, а по родовитости и покровительству; легион принял большой состав новобранцев, ветераны по численности не составляли достаточно прочного костяка. Когда же по безграмотно построенному легиону ударили германцы, началось повальное бегство. Только первая когорта осталась на месте и спасла легион от истребления. Когорта погибла в полном составе и потеряла своё знамя – знак орла. Такое событие в римской армии – явление чрезвычайное. В Галлию прибыл император Август. Ожидались кровавые события. Наказывать нужно было наместника Галлии, члена императорской фамилии. Именно он подорвал своими назначениями боевые возможности легиона. Получалось так, что многие не могли выполнить свои обязанности по незнанию и отсутствию опыта. Император Август, видимо, понимал, что за упущение командиров под топор пойдут только что на вербованные мальчишки.

На вердикт Августа подействовала стойкость первой когорты. Личный состав легиона с облегчением вздохнул, когда император объявил о своём решении. Центурионы и войсковые трибуны увольнялись с позорной отставкой, стаж службы терялся у всего личного состава,

когорты лишались казначейских мешков, в которых хранились деньги легионеров за многие годы службы. Легиону был оставлен один казначейский мешок, предназначенный для затрат по похоронам убитых и умерших легионеров. Первая когорта восстанавливалась и получала нового орла. Из других легионов туда были направлены знающие центурионы и принципалы.

Как видишь, достойные не были наказаны. Если говорить откровенно, таких случаев бывает немного. Для меня на сегодня важно одно, что ты, Понтий, не побежишь.

Понтий дождался на вербовочном пункте, пока приехавшие оружейники полностью не подогнали военную амуницию и оружие по росту. Желание оружейников упростить задачу пресекалось Авилием Флакком:

– Не делайте глупостей, ребята. Вашу работу будет принимать сам префект.

В результате даже в амуниции простого легионера Понтий выглядел довольно внушительно.

Предполагалось, что всё лето новобранцы будут проводить на вербовочных пунктах, а осенью отправятся на зимние квартиры в так называемый Старый лагерь на Ренусе.

В новой армейской амуниции, получив жалованье за первую половину года, Понтий был отпущен домой на последнюю побывку.

Смерть и воскресение

Понтий Пилат поднял голову. Перед ним стоял вольноотпущенник, верный и преданный ему фракиец:

– Комендант римского гарнизона хочет говорить с тобой, игемон.

– Пусть войдёт, – прокуратор находился под впечатлением удачно проведённого примипиларием усмирения строптивых иудеев на дворцовой площади.

Вошёл примипиларий. Прокуратор знал примипилария как старого служаку: тот считал себя ответственным за все стороны жизни когорты, зря не докладывал, трудности преодолевал сам. Своим приходом он давал понять начальнику, что от возникших трудностей не уклоняется, но считает необходимым доложить о положении дел.

– Игемон! Пора выводить осуждённых из каземата и сопровождать их на Голгофу, где намечено проведение казней. Но я не могу этого сделать.

Прокуратор продолжал смотреть на коменданта, как бы ожидая завершения доклада.

– Галилеянин бичёван и бичёван так сильно, что находится сейчас в полубморочном состоянии, потерял много крови и сам передвигаться не может.

– Кому понадобилось бичевать галилеянина? Иудеев в Антониевой башне быть не может, а римлянин не

способен опуститься до личного избиения какого-то варвара.

Последовала тишина.

— Кто?

— Центурион Муний Луперк.

Лицо прокуратора выразило крайнее удивление.

— Что за причина?

— Думаю, работа проделана за деньги, — ответил комендант гарнизона. Было ясно, что примипиларий решил не щадить своего подчинённого: слишком много тот принёс ему неприятностей своей глупостью.

Понтий Пилат был в ярости. Римский офицер, купленный варварами за деньги, ведет себя как плебей. Он видел всяких легионеров и всяких центурионов и цену знал каждому. Этот человек не может и не будет служить под его командованием! Прокуратор повернул голову к двери, там возник фракиец:

— Я жду Квинта Амния, начальника тайной канцелярии.

Прокуратор молчал до появления начальника канцелярии.

— Сегодня день тяжёлых для меня испытаний, Квинт Амний. Только что от коменданта гарнизона я узнал, что один из осуждённых, а именно галилеянин, был подвергнут бичеванию. Произвёл бичевание центурион Муний Луперк, и есть предположение, что сделано это за специальную плату. Если так, то моему возмущению нет предела, и с таким поступком центуриона я мириться не намерен. Мало того, что синедрион нашими руками уже отправил галилеянина к праотцам, он сумел

дотянуться до него через наши головы и нашими же руками содрал с него кожу. Меня не интересует, за что синедрион так жестоко расправился с одним из толкователей веры, меня заботит другое: мы оказались уязвимы к давлению раввинства и не способны ему противостоять. Уязвимой оказалась даже честь римлянина и офицера в лице нашего доблестного центуриона. Прошу тебя, Квинт Амний, провести расследование строго по форме и всё зафиксировать документально.

– Этот факт мне известен, игемон. Действительно, бичевание произвёл центурион Муний Луперк, и, действительно, неизвестным лицом ему передано 300 драхм храмовой чеканки. Случайными свидетелями оказались принципал и двое легионеров, показания свидетелей взяты в письменной форме. Акт на бичевание составлен, и, если комендант гарнизона согласен с результатами освидетельствования, пусть ставит подпись.

Прокуратор обдумывал решение.

– К перечисленным документам составь сопроводительное письмо на имя имперского легата и в самых категорических выражениях. Я же со своей стороны настаиваю на порочащей отставке центуриона. Сегодня следует отправить срочную почту в Антиохию на имя наместника Сирии Помпония Флакка. Завтра утром я сам выезжаю в Антиохию.

Обернувшись к коменданту гарнизона, прокуратор добавил:

– Отдаю приказ об отстранении центуриона Муния Луперка от занимаемой должности командира

центурии и откомандировании его в гарнизон Кесарии до принятия о нём решения вышестоящим командованием. Всем приступить к выполнению своих служебных обязанностей.

Галилеянин находился в самом тяжёлом состоянии. Он был исхлѣстан плетью-семихвосткой, в каждый конец которой заделан оловянный шарик, способный при ударе содрать лоскут кожи. Легко представить, что может сделать здоровый, полный сил молодой человек, взявшийся за дело с пристрастием.

Комендант гарнизона, на ответственности которого лежала доставка осуждённых к месту казни и охрана общественного порядка, приказал воспользоваться повозкой и везти галилеянина в ней, если тот не сможет идти сам.

Когда колонна двинулась на Голгофу, галилеянин, собрав оставшиеся силы, пошёл сам. По существующим правилам каждый должен был нести свой крест до места казни; крест был тяжёл. Галилеянин дважды падал под его тяжестью: сил у него явно не хватало. Примипиларий повидал многое на своём веку и был человеком, лишённым понятия сострадания, но невольное наблюдение за подлым измывательством над галилеянином привело его в тихое негодование. Ну, зарубить мечом, заколоть копьём, добить раненого — по-солдатски понятно, но организовать медленное умерщвление, когда человек не в силах дойти до края собственной могилы! Чтобы всем было ясно, что именно римляне довели осужденного до такого состояния, что это они так жестоко расправились с достойным жалости галилеянином.

– Умно подставили нашего брата, – подумал примипиларий и, приказав схватить из толпы, сопровождавшей караван, иудея покрепче, заставил его нести крест.

Им оказался Симон Кириянин, который, пороптав, донёс, однако, крест до самой вершины Голгофы.

Казнь проводилась за стенами Иерусалима в глубокой равнине, простирающейся между стенами города и долинами рек Кедрона и Хинома. На этой равнине и находилась Голгофа, или Лысая гора.

Распятие считалось самым ужасным видом казни. Закон запрещал применять её к римским гражданам, но для покорённых народов распятие практиковалось широко. К такому виду казни приговаривали разбойников, рабов, посягнувших на жизнь и имущество римских граждан; к этой группе лиц относились и государственные преступники.

Вот и Лысая гора. Колонна подошла к подножью и начала медленно подниматься по её склону. С высоты коня примипиларий заметил несколько в стороне от колонны какую-то толчею – к месту беспорядка бежали люди. Этого ещё не хватало! Он сделал движение рукой ближнему к месту происшествия принципалу и указал направление. Тот бросился со своими легионерами к указанному месту; легионеры, стремясь навести порядок, действовали тупыми концами копий. Предметом возни оказался совсем ещё юноша, который старался вырваться из рук двух здоровенных бородатых иудеев. Задача легионеров состояла в задержании всех участников беспорядков, и, когда один из легионеров схватил молодого парня за хитон, тот уразумел, что спастись можно единственным способом: он

вынырнул из хитона и нагишом понёсся в сторону от дороги, спасаясь от преследователей.

К примипиларию подошёл раздосадованный иудей, представился начальником храмовой стражи и с возмущением стал говорить о том, что один из учеников галилеянина – Иоанн – был схвачен стражей, но вмешательство легионеров привело к его бегству. Это он сейчас несётся нагишом по равнине.

Комендант гарнизона с пренебрежением бросил:

– Сейчас римская когорта обеспечивает порядок. Вы же действуете без согласования со мной и не используете знаков различия, тогда понятен и результат ваших действий. Я, конечно, теряюсь в догадках, зачем вам нужны ученики галилеянина, но, если ты не смог схватить этого Иоанна, пусть твой начальник тебя и накажет. Легионеры же действовали по моему приказу и поступали правильно.

На месте казни были уже выкопаны ямы под столбы, палачи сразу же приступили к делу. Положив каждого осуждённого на крест, они прибили ладони разведённых в стороны рук, руки в локтях привязали верёвками к поперечине, под ноги прибили опору, чтобы жертва могла на неё опираться по мере сил. Все кресты с жертвами были подняты и установлены вертикально.

Перед распятием осуждённым давали выпить чашу вина с желчью для одурманивания и притупления страданий. По рассказам свидетелей, Иисус из Назарета отказался испить чашу, решив принять муки смерти с ясным сознанием.

Казнь осуществлялась медленно. Жизнь вытекала из тела капля за каплей. Жара, жажда, сознание

мутнеет, в мыслях возникают отрывочные видения и, не прояснившись, гаснут. От слабости тело провисает, руки в локтях выламываются, раны от гвоздей раздираются, начинается заражение крови, от которого приговоренный и умирает. Кровь с сукровицей медленно стекает по рукам и груди, испарина покрывает умирающее тело, и мириады мух, жадно сосущих соки, откладываяющих личинки, жалящих и терзающих, копошатся на теле своих жертв, причиняя невыносимые страдания казнимым, от которых многие теряют рассудок прежде, чем их сердца перестают биться.

Женщины под общим собирательным именем жёны-мироносицы сопровождали своего Учителя на казнь. В те далёкие времена власть имущие ещё не додумались, что именно женщина является тем звеном, ухватившись за которое можно получить неожиданный результат. Женщины и дети не являлись объектами внимания следствия, о преследовании и речи быть не могло. Неудивительно, что четыре женщины и среди них Мария из Магдалы, разум которой уже начал слабеть, сопровождали колонну с осуждёнными от самой Антониевой башни. Не имея возможности облегчить страдания Учителя, женщины пребывали в глубоких душевных терзаниях.

Учитель держался мужественно, но через некоторое время ослаб: тело обвисло, глаза помутнели, сознание уже начало его покидать. Он попросил пить. И когда женщины обратились с просьбой к легионерам оцепления напоить их Учителя, те не смогли им отказать. Один из них встал, обмакнул губку

в воду с уксусом, которую им полагалось иметь при себе, насадил её на копьё и поднёс к губам галилеянина. Голова Иисуса безвольно лежала на груди, и он не видел перед собой столь желанную воду. Тогда с целью привести распятого в чувство легионер слегка ударил копьём по нижнему ребру галилеянина. От боли осуждённый вздрогнул, приподнял голову, и, почувствовав в открытом рту влажную губку, принялся жадно сосать её.

Уже через час после допроса галилеянина люди Квинта Амния были на постоялом дворе в Вифании, но обнаружили только дымящееся пепелище: хозяин с семьёй бесследно исчезли. Никто из соседей сказать ничего не мог. При внимательном рассмотрении стало ясно, что постоялый двор сожжён сознательно. По свидетельству очевидцев, даже дальние постройки загорелись в одно время с основным зданием. Семья хозяина при пожаре отсутствовала.

На вопрос о галилеянине Лазарь развёл руками. Да! Был в гостях. Да! Обещал быть на следующий день, но в ту ночь вспыхнул пожар и, видимо, он нашел новое пристанище, не было смысла сюда возвращаться.

Были приняты меры к розыску хозяина постоялого двора.

Эти неутешительные новости Квинт Амний доложил прокуратору. Понтий Пилат понимал, что для выяснения обстоятельств потребуется время, и перешёл к следующему вопросу:

– Среди событий двух последних дней меня интересует судьба Иуды из Кариота, ученика галилеянина. Установлен ли такой человек и что с ним?

– Да, такой человек найден за городом в саду одной из ферм повешенным. Мои люди подоспели как раз в тот момент, когда его снимали с дерева. Храмовая стража не хотела подпускать моих людей к телу для осмотра, но начальник группы оказался человеком решительным – сразу за меч. Та сторона знай своё: повесился сам, вот и тридцать монет при нём. Если бы его повесили, то предварительно обворовали бы. Мне же многое показалось неясным. Чтобы повеситься на дереве, необходимо забраться на сук, привязать верёвку, броситься вниз. Но как взобраться по такому гладкому стволу в сандалиях с такими отполированными подошвами? Как при падении тела сохранить шейные позвонки? Когда же мне не без сопротивления храмовой стражи удалось заглянуть под хитон умершего, то никаких сомнений не осталось: человек подвергался тяжёлым пыткам. Вызванный армейский лекарь после осмотра заявил, что было повешено тело уже умершего человека.

Прав был галилеянин, утверждая, что подпись под доносом вырвали у его ученика под пыткой. Обманули римский суд дружно, подписав копию доноса всем составом синедриона. Ясно, Иуда не должен был присутствовать на суде; ещё неизвестно, как бы он себя повёл, встретив своего Учителя. Но не проверять же на честность состав синедриона: это знатнейшие фамилии Иудеи.

Понимая, что собранного материала явно недостаточно, прокуратор решил закончить собеседование.

– Спасибо за службу, Квинт Амний. Ты свободен.

Понтий Пилат подождал, пока начальник тайной канцелярии не покинет служебное помещение, и только тогда обернулся к другому посетителю, скромно сидевшему в стороне.

– Ход этому делу давать не следует, доказать ничего не удастся. В вопросах мести доказывать ничего и не нужно. Необходимо действовать скрытно, – сказал Аман Эфер. – Мы действуем традиционными способами, но такой путь требует времени, а у нас его нет. Ещё два-три дня – и все следы будут уничтожены, и мы не узнаем причин, по которым так опрометчиво обошлись с прокуратором.

Каждый ушёл в свои размышления, в помещении установилась тишина.

– Все же есть возможность узнать об этих событиях. Нужно поговорить с галилеянином.

Понтий Пилат вскинул глаза.

– Да он уже шесть часов на кресте; скорее всего умирает, если не умер.

– Есть способ!

После таких слов прокуратор, зная своего друга, весь обратился в слух.

– Нужно снять его с креста, пока он ещё жив. Для этого прокуратору необходимо официально откликнуться на мольбы родственников.

– Прощение подпишу.

– Я приведу в чувство галилеянина, не пожалею любых доз мумиё, хотя стоит оно по весу золота. На несколько часов он вернётся к жизни. В разговоре нужно найти такие слова, которые побудили бы его рассказать об этих таинственных событиях. Разговор я буду

вести сам. Действовать стану под именем римского сотника Лонгвина. Необходимо предупредить примипилария: он не должен мешать нашему замыслу.

– Согласен, – поднялся Понтий Пилат, – но ничего лишнего.

– Произошло заражение крови, а лекарств от этого нет. Открываться, конечно, не следует ни при каких обстоятельствах.

И Аман Эфер, воспользовавшись письменными принадлежностями, разложенными на столе, уже писал прошение о досрочном снятии с креста Иисуса из Назарета по таким-то и таким причинам.

– Бегу за подписями учеников и родственников.

Агония долго ещё могла поддерживать жизнь всех трёх умирающих, но томительное ожидание было нарушено появлением всадника. Проехав ряды оцепления, – видимо, его здесь хорошо знали, – всадник спешился. Его лошадь тут же взяли под уздцы. Взгляд прибывшего остановился на галилеянине, как бы оценивая его состояние. Приняв решение, всадник направился к группе женщин, явно опекавших галилеянина. Он обратился к старшей по возрасту, которой оказалась Мария Клеопа.

– Я сотник римской конницы Лонгвин. Существует возможность облегчить страдания Учителя. Прокуратор разрешит снять его с креста, если последует просьба родственников и поручителей. Мною такая просьба составлена, и, в случае выполнения нами всех необходимых требований, я пошлю к прокуратору нарочного с документом. Через 30 минут Учитель будет снят с креста.

Через несколько минут нарочный уже скакал по дороге в Иерусалим. Время приближалось к шести часам вечера, когда наступало начало пасхи и когда по традиции завершались наказания и казни. Незадолго до команды примипилария спешившийся всадник передал сотнику Лонгвину прошение, подписанное прокуратором. По распоряжению коменданта гарнизона все трое были сняты с креста. Галилеянина отнесли подальше и положили на плащаницу, двух других оттащили к краю обрыва, перебили тяжёлыми железными прутьями ноги в голенях и сбросили с обрыва вниз.

Видимо, по предварительной договорённости римская когорта охранения построилась и быстро покинула место казни.

На вершине горы осталась только маленькая группа людей и среди них выделялся римский сотник. Не теряя времени, сотник налил из армейского бачка, оставленного легионерами, воды в глиняный сосуд, положил туда кусок засохшей чёрной смолы и стал быстро её растворять. И вот он уже стоит на коленях около галилеянина и вливает ему в рот содержимое кувшинчика. К удивлению и радости присутствующих, жизнь начала возвращаться к их Учителю прямо на глазах: тело расслабилось и приняло положение отдыхающего, выражение страдания медленно исчезало с лица и заменялось выражением душевного спокойствия, веки трепетали в стремлении открыть взгляд.

Сотник пригласил женщин и, показывая на бачок с водой, предложил обмыть Учителя и тем самым немного успокоить исстрадавшееся тело, а сам присоединился к мужчинам, обсуждавшим вопрос о

дальнейшей судьбе Учителя. Мужчин было двое. Один из них, Иосиф из Аримафеи, – влиятельный саддукей, склонный от природы к милосердию, решил открыто проявить своё отношение к Иисусу из Назарета, другой – Никодим – богатый негодант, попавший совсем недавно под влияние нового учения и теперь считавший своим долгом находиться рядом с Учителем.

Оба считали необходимым спрятать Учителя и охранить от зорких глаз синедриона. Уже завтра произошедшие события станут известны Каиафе, и сразу же начнутся поиски Иисуса. Было решено доставить Учителя в загородный дом Никодима. В саду дома есть пещера, в которой можно Учителя скрыть.

Римский сотник считал предложение правильным, но ненадёжным и предложил использовать наряд пехоты из каппадокийской когорты. Пятеро легионеров с принципалом, готовых к решительным действиям, явятся достаточной защитой. С вечера они займут свой пост у входа в пещеру. При обнаружении Учителя стражей синедриона защитить его один хозяин не сможет...

Обмытый, умащенный бальзамами, в обстановке заботы и внимания лежал галилеянин в пещере дома Никодима. Голова была ясной, боль отступила, но состояние душевной отстранённости и безразличия подсказывало Иисусу, что жизнь вернулась к нему лишь на время. Рядом – лицо.

«Это тот сотник, который отпаивал меня смолой мумиё. Конечно, грек. Глаза умные, лицо философа. Говорит, что последователь моего учения. Как же!

Ум такого человека давно имеет своё представление о природе вещей. Его не изменишь такими установками нравственности, которые я предлагал своим неграмотным спутникам. Мои понятия и представления не имеют отношения к греческому мировоззрению, они лишены материалистических красок и не представляют никакого интереса для моего благодетеля, да и установки мои, если быть справедливым, глубиной не отличаются. Такой человек может служить только прокуратору, да и то на определённых условиях. Надо думать, что прокуратор хочет многое узнать. Истинные пружины поведения первосвященников оказались для него скрытыми, а именно их он и хочет установить.

Да! Сильное давление они на него оказали. Я и сам наблюдал, как он внутренне дрожал от негодования. Такого самолюбивого человека, привыкшего к власти, и так уязвить!

В нашем случае на горизонте должно появиться новое зло – зло мщеница. Оно наказывает зло содеянное и... торжествует добро. Тогда добро только результат действия сил зла – продукт вторичный. Я же исходил из понятия добра как основы духовной жизни человека. Но постулат добра я сам и выдвинул. Отвечает ли он законам общественной жизни? Поговорить бы с этим философом, а то варишься в собственном соку. Жаль, поздно! Уже виден край, времени нет».

Сотник сидел тихо, спокойно, и создавалось впечатление, что он просто считывает ход мыслей с лица галилеянина. Когда же Иисус задал ему первый вопрос, казалось, именно на него он и готов был ответить.

— Прежде чем ответить на вопрос Понтия Пилата, я хотел бы услышать, каким образом на тебе, философе, оказался римский панцирь?

— Защищал любимую девушку, убил соперника, вынужден был бежать из Греции, поступил на службу к римлянам, скрываюсь почти двадцать лет. Понтию Пилату служу по доброй воле. В этом деле он стал жертвой подлости и коварства. Я хотя и стал солдатом, но такой расправы над тобой не приемлю ни с чьей стороны: ни со стороны римлян, ни — твоих единоверцев. Очень они спешили с тобой расправиться. Видимо, хоронят они с тобой что-то очень важное для себя, но и для нас эти сведения представляют интерес. Ты прав, галилеянин, думая о том, что на прокуратора было оказано сильное давление. Действительно, так оно и было. Конечно, прокуратор найдёт пути отомстить за себя и без тонкостей понимания событий, но месть должна быть действенной: наказуемый должен понимать, за что совершается акт возмездия. Подлость и унижение ближнего должны быть наказаны ради существования и процветания общества, человека, просто жизни. Если силы зла не остановить, иссякнет животворный родник жизни.

— Бог с ними: с добром, злом. Значит, ты защитил свою любимую женщину, а я не сумел. Оба мы пострадали по одной причине и в некотором роде побратимы. Мне не зазорно рассказать тебе всё как было. Это и будет ответом прокуратору. По дорогам Иудеи ходить небезопасно. Много бродит по ним всякого люда, готового поживиться имуществом

ближнего. Мы опасность не ощущали, двигались большой толпой в 15 – 20 человек, и, когда по дороге появлялись пешие или конные, способные на лихие дела, вперёд выдвигались Пётр, Андрей, Симон и из складок их бурнусов нарочито появлялись мечи. Люди грубой физической силы, с натренированными мускулами, нечёсаными бородами, они могли отрезать кого угодно.

Мы приближались к постоялому двору в Вифании, где и развернулись трагические события.

Нас обогнала группа из трёх всадников. Всадники явно принадлежали к обеспеченному сословию. Самый молодой и довольно привлекательный из них обратил внимание на Марию из Магдалы, которую ты видел сам. Она действительно молода и хороша собой. В Магдале она вела вольный образ жизни, и откликнуться на призыв богатого и симпатичного парня раньше составило бы для неё только весёлое развлечение. Но только раньше. Теперь это был совершенно другой человек, тем более что скрытое взаимное чувство установилось между нами. Почувствовав безответность Марии и напряжённость мужчин, готовых взяться за мечи, всадники проехали, но, как выяснилось, не навсегда.

В тот роковой день, во второй его половине, когда мы вернулись из города, на постоялый двор прибыл гружёный караван из пятнадцати лошадей. Караван занял целый сарай, а от людей стало тесно и неудобно. Погонщики оказались людьми молчаливыми, агрессивно замкнутыми. Установилась атмосфера какой-то скрытой необъяснимой тревоги.

Ранее мы познакомились с семьёй Лазаря, которая хорошо нас приняла и с пониманием отнеслась к моим трактовкам заветов Моисея. Узнав о нашем тревожном состоянии, Лазарь предложил переехать в его дом. Все вздохнули с облегчением, и вскоре вещи уже находились на новом месте жительства. Как часто бывает при быстром переезде, несколько предметов осталось на постоялом дворе, и мы с Марией вызвались их принести. Все с этим согласилось, почувствовав наше желание остаться вдвоём; благо представился убедительный повод.

При входе на постоялый двор мы увидели беседующими старшину каравана и уже знакомого нам молодого человека. Похоже было, что молодой выговаривал старшему по возрасту. Старшина каравана представлял собой человека коренастого, бородатого, сильно заросшего по груди и рукам диким волосом, с быстрыми чёрными глазами, выдающими его взрывной характер и решительность в действиях. Шрамы на лице и руках свидетельствовали о его природной отваге и готовности ввязаться в любую драку. Тем более странно было видеть его смиренный вид, признающий право молодого человека на такой тон.

Мы быстро прошли в своё помещение. Не успели мы ещё подойти друг к другу, как дверь распахнулась от сильного удара ногой и в комнату ворвались двое. Первый, оказавшийся нашим молодцом, просто зашвырнул Марию в следующую комнату и бросился за ней, второй выхватил меч и приставил его к моему животу. Я чувствовал острие меча через ткань талифа. В соседней комнате шла борьба: слышались

приглушённые стоны, удары, треск разрываемых одежд.

Я оказался неспособным защитить себя, не говоря о женщине. Ужас смерти парализовал меня. Сейчас стыдно вспомнить состояние, в котором я находился. Чувство животного страха охватило мою душу и тело. Я попал под гипноз наглых глаз этого убийцы, привыкшего к безнаказанности. В них читалась уверенность, что я не посмею двинуться с места, что бы ни происходило за дверью.

Защитить Марию я уже был не в состоянии, но сдвинуться с места был обязан. Я обязан был сделать шаг навстречу мечу независимо от дальнейшего развития событий. В противном случае я не мог бы питать к себе никаких других чувств кроме презрения. Там за дверью подвергалась насилию моя любимая женщина, и моё сознание призывало к борьбе и сопротивлению. Но вмешались неизвестные мне силы. Моё тело не хотело умирать. Ноги и руки были заторможены, связь между сознанием и телом отсутствовала. Я понимал: даже если хозяин этого малого и рассчитывает на чьё-то покровительство, то к малому это не имеет никакого отношения. Одно дело – насилие над женщиной, другое дело – убийство. За убийство он, наглый малый, будет повешен и защищать его никто не будет. Его хозяин первым от него откажется; да и самому хозяину скоро придётся о себе позаботиться.

Я умею передавать свои мысли собеседнику и достиг цели. В его тупом сознании возникла мысль: убивать нельзя. Моё тело приняло сигнал и разрешило

мне сделать шаг вперёд. Тяжёлая рукоять меча обрушилась на мою голову.

Сейчас я думаю отлично от ранее высказанных мыслей. Почему я не имел меча, почему я не умел им владеть? Тогда я не пережил бы минуты ужаса и душевного позора. Если можно было бы начать сначала, я бы начал с меча. Известна притча: Господь помогает тому, кто сам заботится о себе.

Сознание медленно возвращалось ко мне. Сквозь просветлённую красную пелену доносились приглушённые, но ясные голоса. Я ещё не мог связать услышанное в осмысленные предложения, но память их фиксировала. Голос принадлежал старшине каравана, он вибрировал и прерывался от ярости. Речь шла о нашем молодом знакомце, но никакой почтительности уже не прослушивалось.

— Я умолял нашего равви близко не подпускать этого негодяя к нашему делу. Было ясно с самого начала, что рано или поздно, но нам обеспечены крупные неприятности, от которых мы захлебнёмся в крови, чего и дождались. Но наши равви — слепцы! Они готовы ради движения заложить наши жизни. Ну какое значение имеет, что этот мерзавец — сын Каиафы?! Напротив, опасность возрастает. Доверить ничтожному прощелыге проводку каравана с оружием! За оружие заплачено две тысячи. Сколько людей рисковало в Антиохии, добывая оружие, сколько людей его ждёт! Мы все рискуем головой, а нашему подлецу подавай именно эту девку из Магдалы. Да с ней каждый в Магдале переспал кому не лень. Его же ничто не может остановить, хотя всё висит

на волоске: город набит римскими войсками, всюду шныряют шпионы синедриона. Малейшая оплошность – и мы на виселице. Что сейчас произойдёт? Владелец постоянного двора обязан вызвать стражу и сообщить о факте насилия. Мы не успеем загрузить лошадей и уйти отсюда. Сразу спросят, почему ушли на ночь глядя, что хотели скрыть? В страже служат опытные люди, и, считай, петля уже затянулась на наших шеях. А пытки! Римляне, конечно, захотят узнать имена центурионов, продающих оружие из арсеналов в Антиохии. Положение для нас безнадежное!

Господь мой! Видишь, страдаю за благое дело. Помоги! Если всё обойдётся, сынку Каиафы не сдобровать. Я рассчитываюсь с ним сполна! А с нашими глупыми вождями с этой минуты никаких дел. Посмотри на нас: сущие бараны, о своей жизни позаботиться не можем.

– Кончай причитать, как женщина на похоронах! – послышался испуганный голос одного из караванщиков. – Что тебе дался этот мерзавец? Я сам помогу с ним рассчитаться. Но сейчас ты обязан найти способ, как уйти от виселицы. Говори, что нужно сделать, всё будет сделано, ты только говори.

– Надо поднимать караван и уходить. Оставлять тюки с товаром здесь нельзя ни одной лишней минуты. Срочно сдаём груз и исчезаем где-нибудь в Александрии – там тьма народу. Дай команду и посмотри, жив ли наш бродячий проповедник; не хватало, чтобы ещё и он умер. Тогда и не знаю, что будем делать.

В сарае началась спешная работа. Слышно было, как караванчики навьючивали лошадей. Ко мне

подошла хозяйка постоянного двора и принялась за врачевание. Несколько холодных повязок поставили меня на ноги. С Марией было хуже. Надругательство она восприняла тяжело. Известно, что по своей воле люди многое могут перенести. Религиозные подвижники годами живут в подземельях, в пустынях, но стоит их принудительно лишить свободы, и они готовы к самоубийству. Так и душа Марии была потрясена, и, если я правильно понимаю, она теряла рассудок.

В доме Лазаря нас окружили заботой и вниманием, предоставив хозяину постоянного двора выполнить свои обязанности по известным правилам. Однако ночью вспыхнул пожар на постоялом дворе, семья хозяина исчезла. Мне было понятно, что старшина каравана замечает следы. Становилось ясно, что виновники ускользнули от наказания. Дело официально не возбуждено, свидетели исчезли. Кто решится открыть дело против рода Каиафы со слов пострадавших?

Утром мы двинулись в Иерусалим, но я так и не мог придти к какому-то решению, а мои спутники, рыбаки и земледельцы, находились в ещё большем затруднении.

Чувство стыда и беспомощности толкало к решительным поступкам. Всё больше и больше склонялся я к мысли обратиться к народу, сделать трагические события достоянием народной молвы и под давлением народного мнения заставить власти провести расследование. Сейчас я понимаю всю убогость этой мысли. Человек, прибывший из глубокой провинции, плохо представляет свои возможности.

Душевная невменяемость сыграла со мной злую шутку. Войдя в храм, я схватил верёвку потолще и стал гнать торгующих из храма, и при этом кричал, обращаясь к народу, о несправедливости простых людей и безнаказанности левитов и о том, что это племя паразитов, сосущих соки народа под знаком Божьих установлений. Проклятья левитам чередовались с рассказом о событиях в Вифании.

Уверен, в памяти ошарашенных людей осталось только зрительное впечатление: мои удары верёвкой по ни в чём не повинным торговцам. Обличения были путаны и несвязны, их было трудно объединить в единое целое, особенно простым пастухам и землепашцам. Другое дело – начальник дворцовой стражи. Он сразу оценил события в Вифании. Видимо, до него и раньше доходили слухи о похождениях сына первосвященника. Моё же поведение было возмутительным и требовало мер пресечения. Что и было сделано.

Дальнейшие события развивались стремительно. Мне слова вымолвить не позволили. У власти стоят люди, знающие, как защитить свои интересы. Чтобы исключить всякие разговоры о сыне первосвященника и каких-то его наказуемых поступках, дело перевели в плоскость религиозно-государственного преступления. Ещё вчера никому не нужный и не интересный, я сразу стал угрозой для римского протектората.

Мне казалось, что всему миру очевидны несправедливости, творящиеся кругом, и каждый откликнется на призыв ближнего. Отрезвев несколько от детской наивности, я стал понимать, что все далеко не так.

Когда мне открылось существование другой точки зрения, стало ясно, в какой ловушке я оказался. Правда, прокуратор постарался вначале отвести от меня угрозу смерти, но, как известно, это ему не удалось.

Но вершина подлости синедриона – поступок с Иудой. Именно этот подписанный им документ и раздавил моё стремление к сопротивлению, показал мне, кто я такой. Пророк, реформатор, выразитель народного духа доброты? Ха! Оказалось, и цена-то мне – один плевок синедриона.

Как тонко мог я толковать священное писание, целыми часами рассуждать о том или ином установлении! Возможно, кто-нибудь из моих учеников вспомнит слова о принципе доброты: ударили по правой щеке – подставь левую. Сейчас мне все разговоры о добре и добродетели просто смешны. Принимаю эти слова только как способ показать своё духовное превосходство, и то в случае невозможности выразить протест как-то иначе. Сейчас я бы сказал другое:

– Не мир принёс я вам, но меч!

И, конечно, меня бы не поняли. Две крайности, но от одной до другой нужно пройти через смерть. Опыт жизни приходится дорого оплачивать.

На суде я не стал выдвигать обвинений по поводу событий на постоялом дворе. Подумаешь, изнасиловали женщину. Что там до страданий одного человека, когда солдаты Рима всю жизнь занимаются убийствами, насилием и грабежами! А что, скажи, с Иудой?

– Ты оказался прав, – ответил Аман Эфер, – под пыткой он подписал донос. Потом был повешен. Нет свидетелей, ничего нельзя и проверить. Как утверж-

дает официальный документ, прибывший в канцелярию прокуратора, установлено, что спутники и ученики Иисуса из Назарета из чувства мести умертвили Иуду из Кариота, истинного ревнителя законов Моисея. Отдан приказ о поимке всех виновных и преданию их суду. Сегодня около Голгофы схватили некоего Иоанна, но в связи с вмешательством римской охранной когорты ему удалось бежать. Думаю, все твои спутники – опасные свидетели для рода Каиафы. Представь себе, что одиннадцать человек пойдут по Иудее и станут рассказывать о случае на постоялом дворе и твоей казни: через год вся Иудея будет в курсе событий. Пойдут жуткие пересуды, и Каиафе придётся покинуть пост первосвященника и потерять такие доходы, которые тебе и не снились. Не надо забывать и чувство тревожной заботы о сыне. Отец хочет сохранить его лицо на будущее, когда он остепенится и ему придёт время занять подобающее место среди вождей религии и государства.

Галилеянин забеспокоился, на ложе ему стало неудобно. Мысли его переключились на учеников: их ждёт печальная участь и всё из-за его глупости. Помочь ученикам он ничем не может. Взгляд его с надеждой устремился к посланцу прокуратора.

– Чем можно помочь моим ученикам? Их найдут в Иерусалиме рано или поздно. Только ты, римский сотник, облечённый властью, можешь для них что-то сделать, если, конечно, захочешь.

– Захочу и сделаю. Сейчас все ворота в Иерусалиме контролируются стражей, и выйти из города незамеченным невозможно. Задача заключается в

том, чтобы вывести их из города и сопроводить в Галилею к их семьям. Там они будут в безопасности. Однако для этого их необходимо убедить довериться мне, римскому сотнику, командующему к тому же сирийцами.

– Нет тебе смысла предавать моих учеников. Прокуратор действительно стал жертвой давления синедриона. Человек он самолюбивый и помыкать собой какому-то Каиафе не позволит. Потому и довериться тебе можно. Со старшей из женщин, Марией Клеопой, держи связь. Я же, сам понимаешь, скоро умру.

Аман Эфер встал. Так значит, существует торговля оружием, существует даже караванный путь. Сколько оружия ушло со складов в Антиохии? А может и, не только Антиохии. Такие сведения стоят дорого, очень дорого! Аман Эфер вытащил из складок своего гематия мешочек и протянул его галилеянину.

– Передаю тебе горную смолу, действие которой ты испытал на себе. Известны случаи, когда длительное употребление смолы способствовало очищению крови, и люди выздоравливали. Желаю тебе выздороветь. Во время пребывания в этом доме тебя будет постоянно охранять наряд легионеров в полном вооружении и готовых к бою. Здесь ты можешь чувствовать себя в безопасности. Об учениках не беспокойся, всё будет сделано, как я обещал. Прощаюсь с тобой.

Аман Эфер вышел из пещеры и попросил Марию Клеопу пройти к Учителю. У входа в сад раздавался звон оружия армейского наряда, предварительно вызванного сотником через Понтия Пилата. Начинало темнеть, но Аман Эфер отправился во

дворец Ирода Великого, где размещалась временная резиденция прокуратора. Понтий Пилат был сражён привезёнными известиями. Такого исхода расследования он не ожидал. Долго в ту ночь горел свет в комнатах дворца: готовились новые документы наместнику, организовывались поиски хозяина постоянного двора. Главное же внимание было направлено на поиски каравана. Был разработан план переправы учеников галилеянина за крепостные стены Иерусалима. Аман Эфер и примипиларий пехоты получили дополнительные права на время отсутствия прокуратора, который срочно отбывал к наместнику.

События с галилеянином развивались непредсказуемым образом. Утром принципал наряда доложил Аману Эферу об исчезновении галилеянина.

– Вышел человек по нужде. Что же за ним с копьем ходить? Мы поставлены его охранять, а не сторожить. Должен был вернуться – не дождались.

В доме Никодима на вопросы могла ответить только Мария из Магдалы. Она не спала и видела уход Учителя.

– Он вознёсся на небеса весь в сиянии. Господь взял его к себе. А мне он сказал: «Иди к братьям моим и скажи: восхожу к Отцу моему и Отцу вашему и к Богу моему и Богу вашему».

Она рассказывала подробности, и звучали они убедительно.

– Куда он вознёсся? – говорил принципал. – Вышел он из пещеры, я хотел его остановить, а затем подумал – зачем? Пошёл он вон на тот холмик к вершине, белый хитон отчётливо выделялся. Поднялся

он на высотку и сразу пропал. Другое дело, как увидела уход своего Учителя эта женщина.

– Эта женщина не в своём уме, – размышлял Аман Эфер, – и всё, что она увидела, является плодом её большого воображения.

Все пребывавшие в доме Никодима верили рассказу Марии. Говорил же Учитель, что после смерти Отец небесный заберёт его к себе. Так и свершилось.

– Да пусть себе возносится! Что я так расстроился?! Пусть поступает, как считает нужным. Дальше мы друг другу не помеха. Трудно представить побудительные мотивы поведения человека думающего, движущегося, но фактически мёртвого. Может быть, отправился в родные места проститься перед смертью с матерью все мы в долгу у стариков.

Солнце поднялось довольно высоко над горизонтом, когда Иисус обнаружил себя идущим по пустынной дороге на север, в родную Галилею. Он смутно помнил, как при выходе из сада кто-то взял его за руку и голосом Марии Клеопы сказал:

– Пойдём, Иошуа, пойдём, раз уж ты встал. Я отведу тебя к ученикам. Там ты решишь, что делать. Скоро откроют городские ворота, и мы беспрепятственно сможем войти в город.

Скоро он разошёлся, боли почти не чувствовал. Чёрная смола гасила болевые ощущения, наливала бодростью окостеневшие члены. Мария с одобрением поглядывала на него, удивление не оставляло её. Ужас распятия ещё жил в ней, а её племянник шёл широким, свободным шагом.

Войдя в город, они долго шли по незнакомым улицам, пока не свернули в неизвестный Иисусу дом. Непримечателен был дом, и трудно было предположить, что в нём притаились одиннадцать взрослых мужчин.

Когда Иисус вошёл в комнату, лица учеников выразили вопрос, затем удивление, а потом и полное смятение.

Необычен был вид Учителя. Осунувшееся, пересечённое глубокими морщинами лицо, запавшие глаза, лихорадочно блестящие из глубины глазниц, седые пряди волос, ниспадавшие на плечи. Но никто не усомнился, что перед ними их Учитель, хотя и мало похожий на привычного, дорогого и близкого.

Разыгралась немая сцена, в которой каждый боялся первым нарушить возникшую тишину. Иисус принял молчание за сомнения.

– Мир вам. Что смущаетесь? Посмотрите на руки мои и ноги мои – это я сам; осяжите меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у меня.

Неправдоподобность и неповторимость происходящего продолжали держать учеников в оцепенении.

Иисус обвёл своих учеников безнадежным взглядом, попросил еды. Принесли печёной рыбы, поел в тишине. Подумал и поднялся:

– Мир вам. Достойный человек убережёт вас от происков единоверцев. Слушайте Марию Клеопу. Я же иду в Галилею. Там встретимся.

На пороге его ждала Мария, провела в другую комнату, обмыла, перевязала раны, заставила выпить разведённой чёрной смолы. Молча вывела его из города.

Стража у ворот не заинтересовалась двумя путниками, поскольку никого они не напоминали и интереса не представляли. Помнил он, как вышли на дорогу, ведущую в Галилею, слушал напутствия Марии.

— Иошуа, ты уж мать свою навести. Тяжело ей достаётся в жизни, не вольна она в своих желаниях. Ты теперь сквозь смерть прошёл, должен понимать, что нет в её жизни ничего дороже сына. Оглянись на себя. Ходишь дальними дорогами с другими людьми. Разве составишь ей опору в старости? Сердце её за это время слезами изошло. Был ты мягок и добр с другими людьми, так неужели у тебя не найдётся для матери нежности и теплоты?

И вот он идёт домой, хочет увидеть мать, попросить прощения блудному сыну. Несколько дней назад у него была целая жизнь впереди, и место матери в его душе отводилось более чем скромное. Теперь жизнь приближалась к концу, и всем, перед которыми чувствовал вину, он хотел вернуть долги. Особенно виноватым чувствовал себя перед матерью. Вспомнил случай у синагоги. Так холодно встретить свою мать, так равнодушно-отстранённо отнестись к ней, говорить глупые, оскорбляющие материнские чувства слова:

— Кто мать моя и братья мои? Кто будет исполнять волю божью, тот мне брат, сестра и мать.

Призывал любить ближнего, а своей матери сказать такие слова! А с какой укоризной она смотрела на него, вспомнить стыдно.

Редкие пешеходы и всадники мало обращали внимания на одинокого путника. По-восточному мудрые люди не мешали друг другу идти и ехать.

Недалеко оставалось до Еммауса. Впереди идущие люди замешкались, спорили о чем-то, оживленно жестикулируя.

Иисус, поравнявшись с ними, признал в одном из них своего двоюродного брата Симеона. То, что они его не признали, было очевидно – о нём и спрашивали. На вопрос, правду ли говорят о событиях в Иерусалиме, о распятии нового пророка по имени Иисус, Симеон только пожал плечами.

– Неужели ты, один из пришедших из Иерусалима, не знаешь о событиях, там произошедших в последние дни?

– Что же произошло в Иерусалиме? – спросил их Иисус.

– Распят пророк великий. Он должен был избавить свой народ от страданий и считал себя посланцем Господа. С его смертью исчезли последние надежды. Вот мы идём, разговариваем и скорбим. А сегодня утром стало известно, что гроб его пуст, и женщинам, пришедшим ко гробу, ангелы сообщили о вознесении их пророка к Господу нашему.

Странник выслушал сбивчивую речь брата и вполголоса проговорил:

– Нет, не видят они меня.

Наметив цель, Иисус проходил путь с бодростью в теле и с ясным сознанием. Но странная отрешённость восприятия мира, взгляд на этот мир как бы со стороны, какая-то миражность собственного существования утверждали Иисуса в мысли, что его душа уже отделяется от тела. Так сколько же она будет ещё пребывать с ним? Где-то в пути силы оставили его, он

присел под придорожным деревом и больше не мог подняться. Так и умер одиноким и безвестным. Шли странники, увидели умершего и совершили обряд погребения. Нет тела, неизвестно место погребения. Трудно восстановить картину событий.

Аман Эфер смотрел на осунувшееся лицо Понтия Пилата.

— Я вижу, Понтий, смерть галилеянина подействовала на тебя угнетающе. Волею толпы распят мало кому известный реформатор религии. Оглянись! Четыре века назад толпа умервила Сократа, известного всей Греции мудреца. Толпу не остановили ни его мудрость, ни его заслуги перед отечеством. Душевное невежество, корыстолюбие привели к расчётливому осуждению на казнь выдающегося гражданина и мыслителя. Что же можно ожидать от толпы, когда ее сознанием руководят хитрые и умелые вожди? Сколько было распято, забито камнями достойных, мудрых, высоких духом! Иногда мне хочется проклясть всё человечество, но что-то останавливает меня.

Наместник Сирии Помпоний Флакк. Великий раскол

Помпоний Флакк встал позднее обычного. Обед, затеянный его другом Сервилием Публием, затянулся далеко за полночь. Тело было вялым и уставшим. Наместник принял ванну, и вышколенный раб принялся на столе кипарисового дерева массировать его тело, обильно пользуясь душистыми маслами. Процедура доставляла удовольствие, с ней было связано возвращение обычной бодрости. Закалённое в походах тело быстро возвращалось в режим нормальной жизнедеятельности, но Помпоний Флакк решил больше не злоупотреблять ночными часами.

Мысль сбивалась с пути, вымощенного думами о здоровье, уходе на покой, о будущей жизни в своём имении недалеко от Рима. Вчера в Антиохию прибыл прокуратор Иудеи Понтий Пилат. По опыту совместной работы приезд Понтия Пилата без вызова легат связывал с чрезвычайными событиями. Наместник находился в постоянном напряжении, ожидая религиозных или патриотических выступлений в Иерусалиме: Иудея представляла незатухающий вулкан страстей.

Однако прокуратор, где увещеваниями, а где и силой, умело гасил вспышки недовольства различных

слоёв населения, никогда не доводя событий до крайности, и наместник, высоко ценя в Понтии Пилате опытного администратора, смотрел сквозь пальцы на использование прокуратором воинских подразделений по своему усмотрению. Центурионы и примипиларии охотно подчинялись распоряжениям Понтия Пилата, зная, что тот всегда ответственность за приказ возьмёт на себя.

За несколько минут до прибытия наместника Понтий Пилат входил в присутственное место, напоминающее перистиль. Вдоль большого зала полукруглой формы следовала мраморная колоннада. По стенам в нишах располагались скульптуры римского и греческого пантеона, выполненные в полный рост. Пол был из цветного мрамора с выразительным орнаментом. Величественность помещения создавала соответствующее впечатление о римском могуществе среди лиц местной администрации, утверждала патриотический дух у римских граждан, работающих на востоке империи.

Беседу с Пилатом наместник начинал по ритуалу: сообщал собеседнику о событиях в Риме, о здоровье императора, о новых законах, о состоянии дел в восточных провинциях, о перемещениях в армии. Беседа об армейских делах как бы сближала собеседников, делала их людьми одного круга; оба они многие годы прослужили в армии и провели не менее десяти летних кампаний. Такая беседа снимала первоначальную натянутость, переводила её в непринужденное русло, хотя Понтий Пилат был далёк от мысли сократить расстояние между собой и наместником, определяе-

мое служебными взаимоотношениями: он достаточно хорошо знал характер имперского легата.

Понтий Пилат начал доклад с поступка центуриона Муния Луперка, представил документы и, что бывало редко, выразил своё отношение к событиям.

К удивлению Понтия Пилата, наместник заинтересовался галилеянином: стал расспрашивать о выдвинутых обвинениях, об ответах обвиняемого, его интересовали реформаторские начинания Иисуса из Назарета. Легат неплохо разбирался в основных положениях религии иудеев, слушал внимательно. Получаемые сведения, видимо, нужны были ему для целей, пока непонятных Понтию Пилату.

– Я понимаю, – начал свою мысль наместник, – обстановка сложилась тяжёлая и спасти от смерти галилеянина было трудно, но для интересов Рима желательно видеть его живым. Наша политика, основанная на принципе «разделяй и властвуй», в Иудее не действует. Религиозно-патриотическое сознание народа настолько монолитно, что пока общество разделено только на два невраждебных лагеря. Приверженцы одного лагеря ждут появления мессии с тем, чтобы взяться за мечи и заставить римлян уйти из Иудеи; люди другого лагеря призывают подождать, пока Рим одряхлеет и не сможет двинуть в Иудею двух легионов, необходимых для ведения боевых действий. Других противоборствующих интересов, способных разделить иудейский народ на какие-либо группировки, установить не удалось. С появлением галилеянина возникла возможность создать трещину в иудейском монолите.

Основная реформаторская мысль галилеянина заключается в изменении статуса бога Яхве. Предлагается видеть в Боге не грозного господина, готового к жестокому наказанию за провинность, а всепрощающего Отца. Разговоры же о чудесах – бесплатное приложение к выдвинутому религиозному постулату. Творение чудес является неотъемлемой частью деятельности любого пророка. Каких чудес не увидишь на Востоке! Однажды я был в Александрии и попал на припортовую площадь, где один фокусник давал представление. Народу собралось много, до тысячи человек. Некоторые номера я видел раньше, но вот маг взял бухту толстого каната и конец его бросил в небо. Канат вознесся и занял вертикальное положение. Маг послал своего мальчика вверх по канату, и тот, быстро перебирая руками, исчез в высоте. Маг сбросил канат, свернул его в бухту и сел около неё. Я не тёмный обитатель портовых притонов и отлично знаю, что над землей простирается воздушное пространство и там ничего нет. Но как он это сделал? А ты, прокуратор, говоришь о чудесах, которые совершал галилеянин. На Востоке грань чудес проходит по лезвию жизни и смерти. Вопрос в одном, способен ли пророк воскресить мертвого. Если да, то пророк нашёл своё место в жизни. Заметь, прокуратор, аристократия левитов – саддукеи – принципиально не верит в возможность воскресения из мертвых. До настоящего времени у них не стихают споры с фарисеями, которые придерживаются противоположного мнения. Думаю, молва приписывает галилеянину несостоявшиеся воскресения.

Своё понимание и толкование заповедей галилеянин осуществляет в рамках собственной религии, к которой он относится и серьёзно, и преданно. Если же знать позицию греческой мысли относительно религии иудеев, то все поползновения галилеянина на основы вызывают улыбку.

Но для этого надо знать историю вопроса.

Тебе, может быть, известно, что при Птолемах в Александрии постоянно шёл спор между греческими философами и иудейскими раввинами. Как-то греки пожаловались царю на невозможность вести беседы с раввинами при отсутствии переводного текста Библии: когда в споре становилось ясно, что построения Библии недостаточно устойчивы против логики греческих философов, раввины прибегали к скрытой перестановке тезисов. Птолемей приказал арестовать 72 раввина и обратился к ним с краткой речью:

– Каждому из вас будет дан экземпляр Библии, пергамент, письменные принадлежности; каждый будет помещён в камеру-одиночку, перед каждым стоит задача перевести Библию на греческий язык. Переводы Библии должны отличаться тщательностью и единством толкования. Если обнаружатся несовпадения, я не буду разбирать, кто прав, кто виноват, и прикажу вас перевешать, а за перевод будет посажена следующая партия раввинов.

Всё обошлось благополучно: раввины выполнили перевод, и их отпустили по домам. Так была получена Библия септуагинта – Библия семидесяти толкователей. Наконец греческим ученым удалось прочитать Библию, и многое стало непонятным для людей с

эллинским мышлением. Создание нашего Мира, Адама и Евы было известно из других религий, но с какой целью был введен текст о древе познания и почему нельзя было есть яблоки с этого дерева, философы объяснить не могли. С их точки зрения, Змей, уговоривший первых людей вкусить яблоко познания, и является их благодетелем: он открыл им понятие добра и зла, борьба которых определяет процесс развития. Яхве же наказал первых людей за их стремление к знаниям и показал себя, как сказали бы сегодня, консерватором.

Находясь на таких позициях, греки прониклись к Богу евреев скептицизмом и пренебрежительно стали называть его демиургом, т.е. ремесленником, оценивая его деятельность как создателя весьма низко.

Философы искали и нашли место бога Яхве в их собственной системе духовных ценностей Мира. По представлению греков, основу Мира составляет Божественный Свет и его Премудрость. Ялдаваоф (Яхве) занял место злого и бездарного демона. Правда, он создал Адама и Еву, но для своих целей. Первые люди должны были создать окружение, слепо верующее в божественную сущность демона. Однако люди с помощью Змея, посланца божественной Премудрости, прозрели и отказали Ялдаваофу в признании его божественной сущности. Тогда Ялдаваоф проводит всечеловеческие преследования рода человеческого и, в частности, организует всемирный потоп, но Премудрость спасает Ноя и его род. Тем не менее позднее Ялдаваофу удается завладеть доверием людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам Закон с помощью пророка Моисея.

Как видишь, прокуратор, греки нелицеприятно относились к Богу евреев, выделив ему место второстепенного демона с нездоровым честолюбием. Если смотреть на создавшуюся ситуацию с позиции греческих философов, то выясняется, что галилеянин глубоко ошибался. Он уверовал, что Бог ему Отец, а тот ему – Господин. Он проповедует добро, свободу, независимость от порядка, который его Господин сам и установил. Следует печальный вывод, что Бог галилеянина в его услугах не нуждался и действиями синедриона устранил.

Но философские обобщения, как правило, далеки от жизни. Если же рассматривать жизненные причины гибели галилеянина, вижу две.

Первая причина связана с позицией пророка Даниила, который впервые, еще во времена Вавилонского пленения, высказал мысль об историческом развитии как предопределённом процессе, необходимом для формирования Иудеи в качестве гегемона цивилизованного мира. Идея богоизбранного народа не нова. Из трудов древних историков следует: подобную идею брали на вооружение в Египте, Вавилоне, Микенах, Персии и будут эксплуатировать еще много раз. Постановка вопроса обеспечивает долговременную цель для общества и необходимость приложения усилий каждого гражданина. Единство желаний – основа монолитного общества, и в Иудее оно достигнуто.

И вдруг является пророк, утверждающий равенство всех людей перед Богом. Такой подход лишает идею пророка Даниила смыслового стержня. Встречная доктрина не лишена привлекательности, но не

несёт в себе национальной идеи для народов Израиля, завоеванных другой страной. В доктрине Иисуса нет внутреннего призыва к свободе, к борьбе за первенство. Возможно, какой-нибудь философ в будущем напишет: «Бог Иисуса из Назарета не пристрастный деспот, избравший Израиль своим народом и покровительствующий ему против всех и вопреки всем. Это Бог человечества. Смело возвысившись над предрассудками своей нации, Иисус основывает «братство по Богу». Это «братство по Богу» наносит сокрушительный удар по идее пророка Даниила и потому оно неприемлемо на сегодняшний день для народов Израиля.

С другой стороны, утверждение права общения с Богом каждого иудея без посредничества священнослужителей лишает левитов, целого колена Израилева, их области обитания и пропитания; такого они не допустят. Конечно, сами они мыслят категориями защиты интересов верующих, защиты основ и принципов религии. Многие не знают, что все необходимые понятия были заблаговременно введены в различные тексты для обеспечения ведущей роли и привилегированного положения левитов.

В синедрионе заседают умные люди, и две указанные причины уже приговорили галилеянина к смерти. Но Риму нужен именно такой человек, именно с такими разрушительными идеями. Я высоко ценю твои способности администратора, прокуратор, но галилеянина нужно было сохранить. В задаче подрыва единства иудейского народа галилеянин был бы ценной фигурой, мы же свои возможности не использовали.

Можно было бы подыграть синедриону, преувеличив опасность галилеянина для Рима до степени вмешательства наместника, перевести его в Антиохию, а там одни боги знают...

Возникла томительная пауза, подчеркивающая недовольство наместника.

– Такой вариант я рассматривал, – раздался голос Понтия Пилата, – но он не всем бы принёс удовлетворение. Клавдия Прокула подверглась бы такой дикой клевете, что пришлось бы меня перевести в другое место или просто отправить в отставку. Упредить такого рода события возможно, поставив в известность императора, но прошу прощения, игемон, и ты не пойдёшь к нему с таким вопросом – уровень проблемы невысок. Существует и более серьёзное препятствие. Как только стало бы просматриваться наше покровительство галилеянину, авторитет последнего был бы сведён к нулю тонкой интригой синедриона. Группу галилеянина быстро бы нейтрализовали. Если быть справедливым, то авторитета у него не было. Галилеянина окружала жалкая кучка приверженцев, безграмотных рыбаков и пастухов, и потому в Иерусалиме не составило никакого труда с ним расправиться. На следующий день жители города о нём просто забыли.

Развивая твою мысль, игемон, об организации религиозного раскола, замечу, что как раз сейчас, после смерти галилеянина, сложились благоприятные условия. Используя имя погибшего, можно организовать новое религиозное движение, как это в свое время сделали сами иудеи, опираясь на имя пророка Моисея. В

уста галилеянина можно вложить содержание многих новых и нужных нам догматов, не согласовывая их с ним самим. Учеников его мы спасём (их уже вывезли за крепостные стены), создадим красочные, привлекательные мифы и приложим все усилия по пропаганде его учения. Успех нашей работы зависит прежде всего от позиции администрации Рима на Востоке: вопрос политический и указанная работа должна вестись непрерывно в течение десятилетий. Необходимо подобрать грамотных людей, организовать направленное финансирование и придать всему глубоко секретный характер. Такая работа возможна при серьёзной поддержке центральных властей. Для организации работ уже сегодня необходимо выделить 500 тысяч сестерциев. Действовать нужно осторожно. Маленькие секты последователей нового толка организовывать за пределами самой Иудеи, при еврейских общинах в больших городах: Александрии, Антиохии, Дамаске, Риме. В самой Иудее последователи галилеянина будут, скорее всего, побиваемы камнями. Организованные ростки нового движения в отдельных местах могут оказаться жизнеспособными и внедриться в основную канву религии. Но если прозорливость раввинов будет на высоте, то новые мысли могут быть просто не допущены к истинно верующим: они будут объявлены еретическими. Тогда новое движение будет жить и развиваться самостоятельно, но и задача у него будет другая: ослаблять состав истинно верующих, отбирать паству, преграждать путь к распространению чистого иудаизма. Трудно оценить будущие результаты, но работать нужно уже сейчас.

Внимательно слушая Понтия Пилата, легат, в душе соглашаясь с его оценкой дела и направлением мысли, размышлял: «Это не тот Понтий Пилат, которого я узнал семь лет назад. Конечно, он умелый и храбрый войсковой командир, способный администратор, но сейчас он проявляет государственное мышление. Такое впечатление, что он давно и постоянно беседует с Сенекой о проблемах государственного устройства. Сам Сенека в Риме около императора Тиберия, тогда с кем же беседует прокуратор?»

– Интересная точка зрения, прокуратор. Буду думать. О решении сообщу. На фоне государственных забот случай с центурионом – досадная помеха. Муний Луперк не кто иной, как ближайший родственник сенатора Марка Менлия. Сенатор, человек богатый, влиятельный, подлый и коварный, способен нанести серьёзный урон карьере высокопоставленных лиц. В узком кругу говорит, что прокураторы и наместники у него в кулаке. А ты, прокуратор, не боишься?

– Я плохо знаю префекта преторианцев Марка Менлия, но среди примипилариев и трибунов у меня есть друзья, и я могу попасть к императору. Он помнит меня лично и новобранцем и трибуном, знает моё отношение к своим обязанностям. На этом месте я сижу не без его участия. Сам я знаю, как император относится к армейским злоупотреблениям и к лицам, их прикрывающим. Думаю, после вызова на Капри сенатор Марк Менлий живым не вернётся. Так что сейчас пусть он меня боится!

Наместник, не спеша, обдумал последнюю фразу Понтия Пилата.

– Прихожу к выводу, прокуратор, что у тебя есть кое-какие данные, не отражённые в документах, но данные весьма значимые. Я бы предложил посвятить меня во все события, и, может быть, мы значительно проще решим вопрос о центурионе.

– В документах нет сведений об этих событиях, поскольку они требуют предварительного согласования.

Помпоний Флакк замер и, не отрываясь от лица Понтия Пилата, ждал: вот и чрезвычайные происшествия.

– Поблизости от Иерусалима обнаружен след каравана, перевозящего оружие для зелотов. Оружие закуплено тайно на армейских складах в Антиохии. Стоимость закупки — 2000 аурий. Караван состоял из 15 лошадей. По всем данным, существует караванный путь перевозки оружия.

Лицо имперского легата оставалось неподвижно, но он весь напрягся, и мысли стремительно неслись навстречу новым известиям: «Тут не только сенатор, но и я сам могу лишиться головы. Однако дело пошло через меня, и, следовательно, опасность пронесло стороной. С такими известиями дело сразу можно было бы перевести в Рим, но Понтий Пилат предпочел передоверить его мне. Будет учтено! При таком раскладе событий любые мои административные действия будут для сенатора Марка Менлия благодеянием: мы будем только подразумевать скрытую связь центуриона с торговцами оружием.

– Сведения действительно чрезвычайной важности, — вслух произнёс наместник, — и требуют тщательного расследования. Судьба центуриона в свете новых данных решается сейчас. Я подпишу указ о поро-

чащей его отставке из армии. В документ на моё имя должна быть занесена дополнительная фраза, в которой говорится о возможной причастности Муния Луперка к людям, организующим проводку специальных караванов. Под словом «специальный» пока скроем известные нам сведения. Что касается самого каравана, я хотел бы знать, не найдены ли караванщики, нет ли выхода на кого-либо из армейских чинов в Антиохии.

Понтий Пилат обрисовал состояние дел и попросил помощи в розыске владельца постоялого двора из Вифании, по всем данным, выехавшего к своему брату в Антиохию; для этой цели он привёз человека, знающего владельца в лицо. Затем просил разрешения увезти бывшего владельца постоялого двора с собой как ценного свидетеля, способного опознать каждого караванщика.

– Я отдам необходимые распоряжения. Сейчас я прощаюсь с тобой, прокуратор, но в восемь часов вечера жду тебя на обед: мои октофоры прибудут за тобой. Пусть боги благоприятствуют тебе!

Приглашение на обед в дом наместника о многом говорило и Понтию Пилату, и всему служебному окружению. В знак уважения хозяин посылал за гостем лектику. Наместник же посылает свои личные октофоры, тем самым он сознательно перед всеми подчеркивает своё особое отношение к прокуратору.

«Донесение и его значимость оценены высоко, – размышлял Понтий Пилат, – теперь мне обеспечена поддержка наместника, мой служебный авторитет должен повиситься. О случившемся уже через день уз-

нают в Иерусалиме и в соответствующих кругах задумаются. Пусть думают!»

После ухода Понтия Пилата наместник вызвал начальника тайной канцелярии и, умалчивая пока об утечке оружия из арсенала, приказал оказать содействие людям прокуратора. Наместник не собирался отпускать своего чиновника:

– Нет ли в окружении Понтия Пилата человека или группы лиц, способных повлиять положительно на его образ мышления, приобретение философских знаний, овладение способом исторического анализа?

Осведомленность начальника канцелярии была удивительной.

– Предположительно такое лицо можно назвать. Это Аман Эфер, командир всех кавалерийских сирийских отрядов в Иудее. Нет, нет, он не сириец. Он грек из города Коринфа, прекрасно знает сирийский язык с детства, чем и воспользовался после бегства из Греции. Во время стычки из-за женщины убил соперника. По греческим обычаям был обречён на смерть или, в лучшем случае, на изгнание. Аман Эфер в прошлом подающий надежды ученик греческого философа Аристидида. Доходят слухи, что Аристид до сих пор переживает внезапное исчезновение своего ученика. Он отмечает блестящий критический ум Эфера и горюет о Греции. По его мнению, страна потеряла будущего учёного, способного прославить её в веках.

– И мы знали об Амане Эфере и не откликнулись на просьбу города Коринфа о выдаче преступника? – спросил наместник.

— Его первый легат из консуляров сказал о необходимости иметь в легионах отличных командиров, а потом уже думать..., а поскольку Аман Эфер был отличным командиром, то все сделали вид, что поверили в его новую национальность и новое имя. Легату жалко было терять такого командира: для каждого боя он строил своих сирийцев особым образом и вёл бой по своей схеме. В результате сирийцы почти не имели потерь, а раненых Аман Эфер своими способами лечения быстро возвращал в строй. Пять лет назад с представления Понтия Пилата Аман Эфер за пятнадцать боевых кампаний получил римское гражданство и должность центуриона римской армии.

Постоянные контакты с таким острым и образованным умом не могут не повлиять на человека, имеющего тягу к знаниям, каковым является прокуратор Иудеи. Они дружны, и эта дружба длится чуть ли не с первого года службы прокуратора. Такой длительный срок не может не дать своих результатов.

Наместник пребывал в задумчивости. Теперь он лучше понимал Понтия Пилата, представлял его уровень и возможности. Личность прокуратора в его сознании была достойна доверия, и он принял решение выделить первые полмиллиона сестерциев на организацию идеи великого раскола.

Часть

II

Германия. Первый бой. Аман Эфер. Первая любовь

Лето приближалось к концу. Пошли разговоры о переходе в Старый лагерь на Ренусе, где размещались зимние квартиры Пятого легиона. Дорога была хорошо известна старым легионерам: её строили во времена императора Августа. Проходила она через долину Дора Балтеи к столице Галлии городу Леону и далее к берегам Ренуса. Живописные места и девственная природа оставляли незабываемые воспоминания. Дорога была удобна для передвижения. Но беспокойно на границах с Германией. Часто переправляются через Ренус отряды сугамбров, херусков, узипиев и совершают набеги на селения, а то и на сторожевые римские посты.

Военная кампания этого года была первой для Понтия. В Старом лагере (он находился напротив устья реки Липпе) размещались 1,5,20,21 легионы, и командовал ими известный полководец, легат Авл Цецина Север. Под его наблюдением были созданы укрепленные лагеря, но вместо палаток построены стационарные казармы, рассчитанные на более суровый климат.

Лагерь был обустроен со знанием дела. Римская система воспитания легионеров, особенно новобранцев, известна своей последовательностью. Каждый день, невзирая на погоду, утром и во второй половине дня

новобранцы упражнялись в применении всех видов оружия. Необходимо было овладеть многими навыками боя: поражать врага, защищать себя, держать ряды, следить за знаком своей центурии, слышать звук горна и трубы, особенно сложно было выполнять команды при схватке на мечах. Не менее важно было уметь пользоваться копьём, дротиком, укрываться щитом, умело маневрировать на небольшом пространстве, не забывая о соседях по обе стороны от себя. Воспитывая силу и выносливость, новобранцев заставляют рубить лес, прыгать через рвы, носить тяжести, плавать в реках, ходить полным шагом с соответствующей выкладкой. Легионер обречён вести такой образ жизни 16 лет основной службы.

Понтий прошёл все стадии обучения ещё под руководством Карела Марцеллы и сейчас занимался с ветеранами. Их программа тренировок была более сложной и тяжёлой. Легенда о его приходе на вербовочный пункт последовала за ним в легион. Некоторые задиристые легионеры, служившие по многу лет и считавшие себя знатоками владения оружием, пытались подавить новичка своим превосходством, но после коротких схваток понимали, что с талантом не поспоришь, и вскоре оставили Понтия в покое.

В том году особенно увлекались метанием пилума. Упражнение требовало силы, ловкости и меткости. Понтий в метании пилума показал результаты, удивившие бывалых воинов. Мало того, что он метал пилум в полтора раза дальше любого из них, он показал удивительные результаты по точности метания. Из любого положения Понтий всегда поражал цель точно.

Авилий Флакк считал результат Понтия настолько замечательным, что стал называть его Понтием Пилатом (мастером пилума). Прозвище так подошло к Понтию, что через некоторое время его стали называть в легионе именно так.

Как только подсохли дороги и тропы, все восемь легионов из Старого и Верхнего лагерей (последний располагался в верховьях Ренуса) переправились через Ренус и крупными отрядами, вплоть до легиона, двинулись в среднее течение реки Везер. Пятьдесят тысяч обученных, готовых к бою солдат наводнили страну херусков. Много прибыло к херускам добровольных отрядов из соседних племён для борьбы с римскими легионами. Но сплочённые ряды легионеров, ошетилившиеся копьями, подвижный, прикрытый с тыла глубоко эшелонированный строй, атакующая стена, выстроенная из тяжёлых щитов, безусловно превосходили свободную толпу хабрецов.

Понтий Пилат уже участвовал в нескольких сражениях с отдельными германскими отрядами, проявил прекрасную выучку, рассчитанную на свободный, не стиснутый рамками строя бой, и добился признания своего воинского мастерства в среде старейших ветеранов. Авилий Флакк фактически был помощником центуриона, и если тот находился на одном из флангов своей центурии, то другой фланг держал старший принципал. Легионеры палатки Авилия Флакка вынуждены были искать лидера, который бы вёл бой и являлся опорой строя их маленькой группы. Когда в стычках возникало несколько очагов борьбы, один из

них всегда возглавлял Понтий Пилат, и все считали такое положение дел естественным.

По дорогам войны гнали рабов: мужчин, женщин, детей. Воспользовавшись растерянностью германцев, вожди которых недалековидно направили свои отряды в Галлию, оставив беззащитными родные селения, римские войска занялись грабежом захваченной территории. Не успев угнать скот в труднодоступные лесные и болотистые места, страхась бросить нажитое добро, германцы задерживались в селениях в надежде решить свои житейские дела.

Наукой захвата рабов римляне владели давно. Охватив селение заслонами пехоты и кавалерии, римляне стягивали кольцо окружения. Все, кто находился в селении, становились добычей армейских подразделений; неспособные двигаться уничтожались. Колонны рабов, связанные верёвками, а мужчины и юноши ещё и с колодками на шее, в сопровождении легионеров старших возрастов и отрядов вспомогательных войск двигались к Ренусу. В любую минуту могли появиться германские отряды. Было тревожно, охрана торопила колонны.

Понтий и Авилий Флакк стояли у обочины дороги и сопровождали взглядом толпы пленных, относясь совершенно безразлично к их состоянию. Длинные колонны вызывали в друзьях чувство удовлетворения как результат их боевой деятельности. В данный момент они находились в роли наблюдателей, и интересовали их только женщины.

Образ жизни легионеров был довольно прост, если смотреть на него с позиции воинского регламента.

Легаты делали вид, что проблемы женщины не существует. Но это было не так. Не случайно рядом с лагерем появился целый посёлок, где жили женщины, приехавшие из Италии, и серебряные сестерции широким потоком переливались через порог в их жилища. Легионеры постарше покупали себе рабынь, селили их рядом с лагерем и ждали срока выхода в отставку, когда они могли оформить на рабынь документы вольноотпущенниц, жениться на них, усыновить и удочерить своих детей. Служивый люд, не решавшийся на такой шаг, жил на голодном пайке и косил глазом при появлении любой женщины.

Посёлки возникали стихийно, представляли явление нежелательное, отрицательно влияющее на дисциплину, но командующий и легаты понимали неизбежность происходящего, мер к ликвидации посёлка не предпринимали, а старались скрытно навести и организовать подобие порядка. Однако дух вожделения витал над когортами и центуриями постоянно; отсутствовал он только в том случае, когда сражение сталкивало воинов со смертью.

Присутствие наших героев на обочине дороги было естественно. Глазами, полными интереса, они ошупывали ряды пленных, лица женщин. Обоим зрелище доставляло удовольствие, и с чувством досады они вспоминали о своих обязанностях.

Редко случается подобное в жизни мужчины, но Понтий вдруг почувствовал, как сердце поехало куда-то вниз, а кругом наступила тишина. Он увидел лицо германки, и время для него как бы остановилось. Глаза женщины сразу нашли Понтия: если есть кому

дело до неё в этом мире, то только тому парню в римском панцире. Тишина лопнула, и шум мира снова стал доступен чувствам Понтия. Но это был другой мир, в котором Понтий растерялся. Надо что-то сделать, что-то предпринять. Но что может мальчик без денег, без власти? Всё в нём закричало, восстало... и осталось без ответа. Понтий понял своё место в этом мире. Рядом стоял Авилий Флакк, умудрённый опытом тяжёлой жизни. В бытность свою простым легионером, а затем принципалом он никогда не принимал участия в разговорах о женщинах. Товарищей же своих, пытавшихся шутить по этому поводу, резко прерывал:

– Моя покровительница – богиня Юнона, и разговор не следует начинать.

В те времена, если не чтили богов, то их боялись. Имя же богини Юноны было среди римлян весьма почитаемо, а потому и шутки в адрес Авилия Флакка тут же угасали. Никто не знал, когда и к кому из женщин ходил Авилий, но, видимо, отношения между мужчиной и женщиной понимал глубоко.

Он что-то говорил Понтию, когда осознал, что тот его не слышит, а проследив поворот головы и ответный взгляд, обнаружив связующую нить, Авилий прочитал на лице Понтия крушение жизненных надежд. Не говоря ни слова, Авилий Флакк направился к старшему наряда по охране колонны, с которым был шапочно знаком лет десять.

– Слава богам, Луций! Рад видеть тебя здоровым! Имею к тебе просьбу, – обратился Авилий к принципалу, протягивая ему золотой. – В этом году при

разделе трофеев мне положен раб. Я хотел бы оставить себе вон ту германку в четвертом ряду. За мной еще два золотых, если ты возьмёшь её в свой дом до моего возвращения.

Луций всем видом отрицал предположение приятеля: нет у него никакого дома, его дом – родная казарма, но Авилий остановил его движением руки.

– Я что тебе, легат? Я твой боевой товарищ.

Три золотых в положении Луция были не лишними, и Авилий получил знак согласия поднятым копьём. Авилий написал на дощечке своё имя, а затем, подумав, и имя Понтия Пилата. Луций повесил дощечку на шею молодой германки и пошёл рядом с ней.

Понтий понял действия Авилия Флакка, и чувство благодарности захлестнуло его душу. Германка почувствовала перемену и, оглянувшись на Понтия, увидела его ободряющую, смущённую улыбку. Значит, парень не исчезнет из её жизни, надо ждать его там, за Ренусом. Авилий Флакк вернулся на своё место, хлопнул Понтия по плечу:

– Пусть только кто-нибудь сунется на перехват. Жадность Луция известна всему легиону, и в нашем деле она является могучим двигателем. Если я всё сделал правильно, то можно в палатку. Как нарочно, нас ждут неотложные дела.

– Я вечный должник, игемон. Вечный!

– Если дело касается долга денежного, то его ты можешь вернуть, оставшись живым. Для этого нужно быть умелым и осторожным воином. Воин ты – умелый, призываю быть осторожным.

Предусмотрительность Авилия Флакка помогла Луцию доставить германку в район Старого лагеря. По пути следования некоторые представители тыловых учреждений стремились присвоить право на Герду, так звалась германка. На все попытки Луций указывал на табличку и обещал претендентам скорую встречу с принципалом. Имена были известны далеко за пределом Пятого Германского. Дело не только в том, что существовали наказания, штрафы для нарушающих права распределения трофеев. Всё в конце концов решали сила и умение постоять за свои права. Желающих нарушить такие правила не оказывалось.

Авилий Флакк после появления Понтия в составе его команды не допускал даже мысли у своих сослуживцев о возможности поживиться за счёт новенького. Некоторые пытались настоять на своём, но были уведены своими посмеивающимися товарищами, уверенными в том, что спасают их от перелома костей, сотрясения мозга, от огромной контрибуции.

Вскоре командующий изменил тактику ведения военной кампании. Тиберий стал проводить боевые действия против херусков осторожно. Он уклонялся от больших сражений. При скапливании войск херусков для атаки Тиберий расставлял свои легионы таким образом, что вожди херусков думали уже об уходе из возможной зоны окружения, а не о битве. С другой стороны, он отдал приказ не трогать деревни, мирное население и брать скот только для питания войска. Тиберий дал походу чистую военную направленность — это было неожиданно и даже непонятно. Однако, если в начале военных действий германцы готовы были

умереть, только бы не пустить римлян в населённые районы, где остались их жёны и дети, то к концу лета душевно расслабились. Тиберий настаивал только на признании протектората Рима. Он не требовал дани, готов был платить за зерно и скот для снабжения легионов, не требовал службы вспомогательных воинских отрядов, готов был платить таким отрядам большие по тем временам деньги. Всеми средствами ослабляя противодействие херусков, к осени Тиберий добился признания последними римского протектората.

Вернулись из похода поздно осенью уставшими и отупевшими. В казармах расположились, как в родном доме. Если раньше Понтий тосковал по дому и родным, то теперь это чувство притупилось, и ему на смену пришло ощущение воинского братства. Произошло перевоплощение юноши в ветерана. За одну летнюю кампанию изменились манера поведения, отношения с товарищами, возникло понимание себя в новых условиях.

Герда ждала Понтия. Он был её защитником, её последней надеждой в чуждом и страшном для неё мире. Только его появление могло ослабить постоянный страх, придать жизни хотя бы шаткую устойчивость. В посёлке при Старом лагере жило много таких женщин, как Герда. Казалось, легко можно было бы осуществить побег – рядом Ренус, за ним родные селения. Однако при побеге надо было пройти местности соседних племён, которые отнеслись бы к одинокому путнику так же безжалостно, как и римляне. Почти все германские племена враждовали друг с другом до поры ведения совместных боевых действий, а

часто даже совместная борьба с римлянами не избавляла от рабства человека из соседнего племени.

По прибытии легионов в Старый лагерь Авилий Флакк принял участие в обустройстве молодых людей. Он уговорил Луция сдать одну из комнатушек его домика Понтию Пилату, в ней и стала жить Герда. Теперь Понтий, как и многие его сослуживцы, при первой возможности устремлялся из казарм. Он находился во власти первой юношеской любви. Оба воспринимали события, бушующие за пределами их интересов, как нереальные; они считали себя причастными к ним только в свете неотвратимости жизненного водоворота, миновать который они никак не могли.

Жар души и тела пылал для Понтия с неуправляемой силой. Метал ли он копьё, рубил ли мечом, его душа находилась за пределами лагеря. Глаза, руки, тело Герды всегда присутствовали в его сознании, чувство желанья не покидало ни на минуту; это было какое-то наваждение. Наверное, думал он, это и есть счастье, о котором люди говорят постоянно.

Рядом был Авилий Флакк, и душевные взлёты и падения Понтия не отражались на состоянии службы. Сам принципал только головой качал: как им удалось найти друг друга в такой жестокой мясорубке? Чаше прежнего опускал голову Авилий Флакк, погружаясь в воспоминания. Нерадостны были воспоминания о первой любви: никто, видимо, не помог ему, не поддержал, и встреча, вспыхнув факелом, угасла, оставив незаживаемую рану. Удивительно, ничто не забыто за прошедшие годы, и тоска, всегда дремавшая в Авилии, вспыхивала вновь. В тот год счастье обошло его стороной.

Теперь Понтий понимал, почему ветераны ждут конца выслуги, чтобы жениться на своих женщинах, всей семьей жить на отведённых фермах. Он сам настроился на такой жизненный путь, его интересовал только завтрашний день и конец службы в войсках. Впереди было целых 17 лет опасностей, но он готов был преодолеть их ради Герды.

Прошла зима, и легионы вновь готовы к дальнему походу на хавков, на территорию между реками Везер и Альбис. Замысел Тиберия заключался в сокращении сроков переброски войск на Альбис. Впервые римские легионы зимовали на территории покорённых областей Германии. Был создан военный лагерь Ализон в верховьях реки Липпе. Там зимовали легионы из Верхнего лагеря. Весной войска лагеря Ализон двинулись в походном порядке на Альбис, а легионы Старого лагеря на кораблях по каналу Друза и по побережью Северного моря пошли на Альбис, где и произошло соединение римских армий.

Всю зиму плотники и те, кто кое-что умел, подновляли старые и строили новые вёсельные ладьи, способные плавать вдоль морского побережья. Флотилия оказалась впечатляющей. Она поднимала двадцать пять тысяч человек с вооружением и провиантом. Одних лошадей для кавалерии перевозилось до трёх тысяч.

Ещё зимой всех легионеров обучали гребле на незамерзшей воде Ренуса, и по весне, после загрузки трюмов всем необходимым, флотилия тронулась в путь. Понтий с напарником воровчал тяжёлым веслом целыми днями. Работали посменно, но тяжёлый труд

гребца настолько угнетал Понтия своей монотонностью, что когда флот прибыл к месту встречи легионов, он с радостью сошёл на берег и с удовольствием навьючил на себя поклажу пешего легионера.

Пятый легион направлялся к крупным поселениям хавков, используя тактику прошлого года. В начале боевых действий отважные хавки и не думали покоряться римлянам ни на каких условиях. Их отряды сопровождали легион, используя любую возможность для атаки.

Легион строился для большого сражения. По докладам разведки и некоторым признакам легат понял, что враг собирается дать сражение на равнине. Туда стали выходить линейные когорты. Построение легиона производилось известным порядком в две линии. Первую линию составили первые пять когорт; справа встала первая, так называемая когорта тысячников из отборных легионеров. Вторую линию составили остальные пять когорт; крайней слева стала десятая когорта, в которой служил Понтий Пилат со своими товарищами.

Сегодня для Понтия Пилата был знаменательный день. Ожидалось первое большое сражение, но он понимал невозможность личной встречи с врагом лицом к лицу. Для такой встречи противник должен был проломить первый ряд построения, ввести свежие резервы и атаковать вторую линию когорт. Молодежь горела желанием встретиться с противником, ветераны же относились к происходящему спокойно, рассуждая, что в следующем сражении они могут оказаться в первой линии и тогда соберут все удары, а то и получат раны, за которые, однако, деньги не платят.

Построенный по правилам устава, легион медленно двинулся вперёд, имея на открытых флангах по сирийской вспомогательной кавалерийской але и кавалерийский резерв тяжёлой легионной конницы в двадцать турм.

Легат и префект, обсуждая предстоящий бой, пришли к мнению, что противник будет наносить удары по флангам легиона, не надеясь прорвать центр. Были отданы дополнительные распоряжения касательно действия кавалерийского резерва.

Не прошло и получаса, как легковооружённые воины, продвигавшиеся впереди первой линии легиона, завязали бой с противником. Прашники, лучники и метатели дротиков, израсходовав средства нападения и подавляемые наступающей пехотой противника, прошли в тыл когорт первой линии через проходы, открытые легионерами в боевых порядках. Первая линия приготовилась к бою. На неё обрушилась туча стрел, дротиков, и атакующая волна германской пехоты стала приближаться к легиону. При расстоянии в 50 локтей до противника первый ряд метал тяжёлый дротик пилум, и почти каждый попал в цель. Стараясь не наступать на своих раненых, германская пехота замедлила бег, а после броска второго дротика бег совсем притормозился. Кое-где с той и другой стороны метнули копья и сошлись на мечах. За время сближения раненые из первого ряда легиона были заменены, и легион вступил в бой с полным комплектом мечей. Понтию Пилату эти события в сражении не показались значительными и потому, что развернувшееся на левом фланге сражение полностью привлекло его внимание. Лёгкая конница против-

ника, по численности не превосходившая сирийскую алу, пыталась прорваться в тыл через её боевые порядки. Сирийцы первый натиск выдержали, завязалась общая рубка. Стало ясно, что германская конница связана боем и в тыл не пройдёт. Вдруг труба сирийцев заиграла сигнал отступления, и их конница отхлынула назад. Противник, преследуя сирийскую алу, освободил поле схватки, и Понтий увидел вторую конную лаву противника, стремящуюся охватить как можно глубже фланг легиона.

На поле остались тела убитых и раненых, их было немного. Кони разбежались, и тела павших чётко выделялись на зелёной траве. Только один конь стоял в поле. Он стоял над своим хозяином и старался закрыть его своим телом. Вороной жеребец мощной стати принадлежал к иберийской породе, высоко ценимой римскими кавалеристами, и невольно привлекал внимание своим странным поведением. Жеребец был защищён латами из воловьих шкур более искусно, чем это принято в легионной коннице. Кожаный панцирь прикрывал всю грудь, шею и лобную часть головы, подбрюшье и круп коня были защищены специально выкроенными и пригнанными по месту латами. Было видно, что хозяин высоко ценил и берёт своего коня. Однако Понтий никогда не видел, чтобы конь берёт и защищал хозяина. По серебряному гребню шлема было ясно, что хозяином коня являлся декурион одной из сирийских турм. Конечно, конь защищал хозяина. Он закрывал собой бесчувственное тело и воина и непрерывно ржал, призывая людей на помощь.

События развивались стремительно. Навстречу проравшейся германской коннице выходила легионная

кавалерия. Все двадцать турм, выстраиваясь на ходу для атаки, представляли внушительное зрелище. Благодаря сплошному эшелонированию по двести всадников в ряд, с длинными копьями наперевес, легионная кавалерия не оставляла германцам никаких надежд на победу. Понял это и командир германцев. Сразу же бунчук наклонился влево, засвиристели рожки, и пока ещё было время, конница стала заворачивать по полукругу, приближаясь к легиону. Было видно, что основная конная лава германцев пронесётся по месту, где стоял жеребец сирийца.

– Игемон! – быстро обернулся Понтий к Авилию Флакку. – Сейчас конница должна обтечь этого ненормального жеребца с двух сторон во избежание большой свалки. Ближний поток всадников приблизится к нам на сто пятьдесят локтей, а если мы подбежим навстречу локтей на восемьдесят, то сможем забросать германцев дротиками. Обстановка такая, что мы мало чем рискуем.

– Просить разрешения у центуриона некогда, ибо дорога каждая секунда, но мне подчиняются четыре десятка легионеров. Я вывожу их на линию, а ты беги и копьём обозначь рубеж метания по своему усмотрению, – приказал принципал.

На виду всего фланга Понтий Пилат побежал навстречу коннице германцев, которая уже развернулась и на полном скаку неслась назад.

Жеребец сирийца, увидев мчавшуюся на него конную лаву, вытянулся в струну и громко заржал. Командир германцев оценил опасность и взмахом бунчука приказал обойти коня. В это время легионеры во главе с Авилием Флакком, прихватив у соседей ещё по два дротика, уже выстроились у отметки, указанной

Понтием Пилатом. Германцы увидели ловушку, но изменить уже ничего было нельзя. Для них оставался только один путь и единственный способ противодействия строю римлян – стрельба из луков. Град стрел обрушился на редкую цепочку легионеров, однако те не дрогнули и стали метать дротики в самую гущу несущейся конницы.

Хотя Понтий и был поглощён ходом сражения, но заметил, как четверо сирийцев подскакали к жеребцу, подняли тело своего командира и помчались назад. Припадая на заднюю ногу, поскакал и конь декуриона. В его латах торчало около десятка стрел.

Легионная кавалерия, отбив атаку неприятеля, опять уходила в резерв. По стихшему шуму сражения было ясно, что первый бой с германской пехотой завершён с благоприятным для легиона исходом.

К месту схватки подскакал префект легиона с несколькими телохранителями и удивленно остановился: перед его глазами предстал целый вал поверженных всадников и лошадей. К префекту быстрым шагом подошёл Авилий Флакк и доложил, что вверенное ему подразделение атаковало конницу противника.

– Вижу результат атаки, – сказал префект, – ты, принципал, достоин награды.

– Первая награда принадлежит Понтию Пилату, игемон. Это его предложение. Он предвидел развитие боя и доложил мне о том, что должно произойти. Моя заслуга состоит в правильной оценке предложения.

– А где же Понтий Пилат? А-а! Так, кажется, мы знакомы. Хотя и прошло с того дня два года, я всё хорошо помню и рад отзываю твоего начальника. Вы

оба достойны награды. А теперь, принципал, займись полем боя и действуй от моего имени. Распорядись угнать бесхозных коней в тыл легиона, германцев с легкими ранениями сдай вспомогательной пехоте, тяжелораненых – добей, организуй доставку мяса убитых коней на кухни когорт, всю ценную добычу сдай в казну легиона, трофейное оружие – оружейникам, всё ремённое и кожаное – шорникам. Меня тревожит сейчас только одно: неужели погиб Аман Эфер? Сирийцы – трудный народ, ими нужно умело управлять. Аману Эферу замену найти невозможно.

Легион в боевом порядке двигался вперёд ещё целый час, но полководец противника, видимо, провёл разведку перед генеральным сражением: попробовал упругость фронта легиона, уязвимость флангов, однако от длительного боя отказался. Вскоре последовал приказ легата остановиться на ночь и построить укреплённый лагерь.

Вечером в палатке легата состоялось совещание центурионов и трибунов по результатам сражения. Первым говорил префект. Он расценил это короткое сражение как разведку боем перед основным сражением, которое состоится, по его мнению, через восемь переходов, когда легион подойдёт к наиболее населённой части страны. С таким мнением все охотно согласились. Согласились и с тем, что первая линия легиона показала себя хорошо. Когда же префект отметил вялую работу карабалист, многие возражали, считая, что стрельба поверх боевых порядков опасна и непредсказуема для личного состава самого легиона. Префект перешёл к рассмотрению атаки неприятельской конницы и отметил достойное для легиона событие: только сорок ле-

гионеров вышло на рубеж атаки, а результат — сто восемьдесят убитых против трёх легкокораненых. Если бы в атаке участвовала хотя бы вся пятая центурия десятой когорты, то мы могли бы говорить о подрыве боеспособности германской конницы. Однако ни центурион, ни примипиларий десятой когорты не сумели предвидеть развития событий на поле боя и не отдали соответствующих распоряжений. К тому же и карабалисты бездействовали. Строй нашей пехоты им не мешал, местность была открыта. Один выстрел из пятидесяти пяти карабалист мог бы выбить из строя почти две турмы. Какие возможности упущены!

При разборе сражения только двум военачальникам было указано на упущения, и совет был настроен благодушно.

Только один префект был недоволен.

— Разве это победа! Враг отошёл, сохранив всю силу для тяжёлой битвы.

После совещания префект легиона и легат остались вдвоем, и префект вновь вернулся к событиям дня.

— Я не сказал о важном, на мой взгляд, событии, произошедшем на левом фланге. Удалось установить, что какой-то простой легионер смог правильно рассчитать и за себя, и за противника, и в результате мы имеем маленькую победу. Никто из его начальников не смог предусмотреть выгодность позиции, да и позиция была очень тонкая. Для её правильной оценки необходимо иметь природные данные, нужно чувствовать пульс боя. Если говорить об этом рядовом легионере, то это отличный рядовой. Я сам принимал его в новобранцы, в присутствии наместника Тиберия подпустил к нему трёх

ветеранов, - думал, побежит, а он их положил всех за одну минуту. Сначала предположил случай, но оказалось, что его обучал Карел Марцелла.

– Тот прохвост из Иберийского легиона?

– Тот самый, игемон. Но ему не было равных в ближнем бою, и этот Понтий Пилат перенял у него всё. Я приказал зачислить его по второму году службы, а сейчас установил, что он видит поле боя, умеет предвидеть и рассчитывать. На этого человека нам необходимо обратить внимание. Если он действительно обладает всеми необходимыми качествами, то через пять, шесть лет – это центурион. К сожалению, мало таких людей к нам приходит. И Понтию Пилату и Авилию Флакку я обещал награды.

– Хорошо! Чем заслужил награду Авилий Флакк? – спросил легат. – Хотел бы я знать его заслуги.

– За то, что не только сразу оценил возможности будущей расстановки сил, но и в пределах своей власти всё организовал и осуществил в считанные секунды. Плохой пример: Авилий Флакк послал нарочного с известием к центуриону, а тот ничего не понял. По служебной обязанности именно центурион должен был понять положение дел и выдвинуть на линию атаки полный состав центурии. Однако, как мы знаем, ничего подобного не произошло. Сегодня только два человека проявили качества, достойные нашего внимания. Обращаю твоё внимание, игемон, на этих людей.

– Я давно знаю тебя, Люций Мессала, и поэтому уверен в существовании хорошо продуманных предложений. Они могут быть направлены только на благо легиона. Я со вниманием их выслушаю.

– Тогда, игемон, я предложил бы некоторые перестановки в руководящем составе легиона. Мы потеряли сегодня тяжелораненым примипилария седьмой когорты. Перестановку центурионов следует произвести по существующему правилу. Необходимо переводить людей с повышением ближе к орлу легиона, но с таким расчётом, чтобы освободить должность центуриона пятой центурии десятой когорты. Назначить её командиром Авилля Флакка. Он у нас старший принципал, и продвижение им вполне заслужено. Мне хотелось бы выдвинуть его по причине врождённого лидерства. Он обладает даром располагать к себе людей, и они без принуждения выполняют его команды. Я ни разу не видел в его руках пресловутой лозины. Она совершенно ему не нужна.

– Если я правильно понимаю ход твоей мысли, – смеясь, сказал легат, – то освободилось место для Понтия Пилата. Но не рано ли, он у нас только два года. Это может вызвать недовольство.

– Я навёл все необходимые справки перед тем, как предложить продвижение Понтия Пилата. Во-первых, он мастер владения оружием и сам обучает своих товарищей по палатке. Отмечаю: он признанный лидер. Он умеет делать то, чего другие делать не умеют, я имею в виду владение сариссой. Владению этим видом оружия у нас в легионе не обучают, а зря.

– А он и сариссой владеет?

– Да! И говорят, очень неплохо. С сариссой он один противостоит трем хорошо обученным легионерам. Во-вторых, что очень важно, он умеет не только ладить со своими товарищами, но и держать себя на равных с известными ветеранами, без вызова, вполне

естественно. К тому же он довольно грамотен и, скорее всего, просто умён от природы. Вопрос о выдвижении Понтия Пилата в принципалы можно решить просто. Надо предложить legionерам палатки самим выбрать себе лидера. Уверен, что им будет Понтий Пилат.

– Все твои предложения, Люций Мессала, хороши и разумны, – ответил легат, – даже последние сомнения относительно Понтия Пилата сняты. Прикажи оформить свои предложения приказом, а если товарищи выберут его принципалом, пусть крепит серебряную пластину на панцирь. Со своей стороны, предлагаю всем участникам атаки на конницу германцев выдать по сто денариев. Надо помнить, что люди Авилия Флакка сдали в казну легиона ценные трофеи.

Авилий Флакк сообщил legionерам своей палатки о награждении участников атаки денежной премией и о том, что волей легата он освобождает место принципала и им предоставляется возможность выбрать себе нового.

– Если за каждую выдумку Понтия Пилата мы будем получать по сто денариев, то лучшего принципала я бы не хотел: так мы станем богачами, – смеялся один из товарищей по палатке. Под смех и шутки, расслабленные внушительной премией, все высказались за Понтия.

На следующий день был зачитан приказ легата по легиону. Многие получили награды и продвижение по службе, заменив выбывших из строя. Для многих этот день был радостным. Радостным он был и для Понтия: такого быстрого взлёта он не ожидал.

Аман Эфер встретил Понтия с дружеской теплотой. Во время беседы сириец подливал вино Понтию из обеих фляг, угощал блюдами сирийской кухни, но сам пил травяной настой. На вопрос Понтия о качестве настоя и его свойствах сириец сообщил, что он достаточно опытен в медицинских вопросах и способен вылечить себя значительно раньше и лучше, чем это делают лекари легиона. Он хорошо знает свойства трав, специально обучался лекарскому искусству и сам лечит кавалеристов своей турмы. Понтий удивил собеседника, посоветовав добавить к составу трав порцию дикого мёда, а на ночь пить настой пустырника со зверобоем. Они обсудили, каким способом следует лечить те или иные раны, полученные сирийцами в последнем бою. Некоторых из них вызывали к себе в палатку, осматривали раны и совместно назначали дальнейшее лечение. Новый знакомый Амана Эфера показал себя большим знатоком врачевания, а когда тот узнал, что мать Понтия слывет в округе вещуньей и знахаркой и что она обучала его разговорному греческому языку, на котором он свободно изъяснялся, то не скрыл своей радости. Понтию было приятно дружеское расположение декуриона, и сам он обнаружил взаимную симпатию к этому обаятельному и обходительному человеку.

Наконец было объявлено выступление легиона. Все начали готовиться к походу, а Понтий отправился к своему новому приятелю попрощаться. В походе редко удаётся встретиться, потому что в колонне каждому отведено строго определённое место, каждый выполняет свою задачу.

Понтий встретил Амана Эфера уже в новом качестве. Тот был назначен командиром сирийской алы, о чём свидетельствовал плюмаж из перьев на шлеме бывшего декуриона. Поздравив приятеля и обсудив с ним новое продвижение по службе, Понтий обратил внимание на большие носилки, собираемые сирийцами около палатки нового старшего декуриона.

— Носилки делаются для перевоза моего Экрона, того самого коня, которого ты, Понтий, видел на поле боя. Одна из стрел пробила латы и повредила мышцу левой ноги. Конь, конечно, сохранит свои боевые качества, если о нём вовремя позаботиться. Мы положим его на полотнище, прикреплённое к двум длинным стволам молодых дубов, и мои парни на конях, каждый по одному на четырёх концах носилок, повезут его в обозе. Дней через пять, шесть он уже сможет двигаться сам. А сейчас я смазал его рану мазью и пою отварами. Не удивляйся, Понтий, такой заботе о коне. Этот конь дорогого стоит. И не только стоимостью в деньгах, которая также значительна, но, в первую очередь, по душевным силам, которые затрачены на обучение коня. Ты же сам удивлялся, когда он так самоотверженно меня защищал. Людей, знающих секрет воспитания таких коней, очень мало, и ты, может быть, уже не встретишь ни одного. Все пользуются обычной объездкой, рассчитанной на подавление духа коня, на его полное подчинение человеку. Тогда во время боя их связывает только уздечка, с помощью которой человек передаёт коню свои команды. Если всадника сбрасывают с коня в бою, то такой конь убегает с поля сражения как можно дальше, он не чувствует перед своим хозяином никаких обязательств.

Существуют другие способы приручения коня, да и не всякого коня можно приручить и сделать своим другом. Надо уметь выбрать такого коня, который оказался бы способным не только воспринять обучение, но и обладал бы благородными свойствами души: преданностью, любовью. Такие кони встречаются редко, и если ты изначально неправильно оценил возможности коня, то все усилия оказываются напрасными – это потерянные деньги и время. Значит, самому надо обладать большим опытом, знанием, определённым видением, чтобы выделить из общей массы лошадей ту, которая в дальнейшем оправдает твои надежды. Вот уже пять лет как я сделал Экрона своим другом и не ошибся. Ему сейчас восемь лет; еще три-четыре года он погуляет со мной, если уберётся в боях, а потом нужно будет искать и воспитывать нового коня. В боях гибнет много коней, и это счастливая случайность, что ещё живой Экрон. Ты видел его в последнем бою.

– Передо мною открывается совершенно новый мир, – удивлялся Понтий Пилат, – мне было известно, что домашнее животное может только служить человеку, но ни о какой дружбе, преданности с его стороны и разговора не было.

– Мир такой существует, – отвечал Аман Эфер, – и действовать в этом мире нужно с полным пониманием дела. Трудно объяснить словами, какими качествами должен обладать в будущем боевой конь: это постигается чувством. Несомненно одно, он должен быть свободолюбивым и независимым. Да, да, Понтий. Именно этими качествами он должен обладать в первую очередь. Вторым условием следует считать быстроту восприятия

и запоминания при обучении. Сознательно обхожу слово «дрессировка» потому, что в нашем случае действует другой механизм – желание самого животного найти взаимопонимание с человеком, его стремление сохранить дружбу и надёжную защиту. Представь себе: мы нашли такого коня, и нам предстоит вызвать у него желание взаимодействовать с нами. Такого чувства можно добиться у животного спасением его от смертельной опасности и возникновением у него в связи с этим полного доверия к человеку. Именно на чувстве полного доверия конь готов сотрудничать с человеком. При желании сотрудничества человек должен очень тонко, даже коварно захватить власть, потакая всем капризам животного и не стесняя его воли. Но не надо забывать, что обслуживание коня – кормление, мытьё, прогулки – является предпосылкой к проявлению встречных чувств. И когда человек скачет верхом на коне, то это должно восприниматься как приятная для обоих игра.

В процессе такой игры человек обучает коня, и весь процесс должен восприниматься животным как стремление обеих сторон расширить область взаимопонимания. Я точно сказать не могу, но не исключено рождение в сознании животного нового мира, в котором оно видит себя приобщённым к более интересной жизни. Разнообразию и расцветанию жизненного пространства новыми красками связывается в его сознании с конкретным человеком, своим другом.

Чувство признательности приводит к желанию быть полезным, предоставляя человеку свои физические возможности. Скорее всего, такие же чувства возникают и у человека, попавшего волею судеб в более

высокое общество. Ему кажется, что он становится причастным к более возвышенным сферам человеческой деятельности и считает нормальным, когда его услугами пользуются довольно беззастенчиво. Струны души и мысли и здесь, и там одни и те же.

Остаётся рассмотреть приемы и способы, технику осуществления замысла. Но для этой части беседы я прошу тебя, Понтий, перейти в дальний угол нашего лагеря. У лошадей хороший слух, а я до сих пор не уверен, что мой Экрон не понимает, о чём мы с тобой говорим. Там и побеседуем.

— Человек, если хочешь знать, — шагая, продолжал Аман Эфер, — подл и коварен, а в области приручения всё на этом и построено. Не надо морщиться, мой друг. В данном случае так оно и есть. Первый этап приручения заключается в стремлении вызвать внутреннее сопротивление коня. Коня седлают, выпускают на волю, и он бьётся в борьбе со сбруей долго и упорно, пока от неё не избавится. На него садится объездчик — конь его сбрасывает. Коня отучают брыкаться: над крупом подвешивают мешок с песком и провоцируют на взбрыкивание — чем мощнее взбрыкивание, тем сильнее удар мешка с песком. Конь приседает, уходит в сторону, но память о боли остаётся. Одним словом, применяют целый арсенал способов подавления воли. В это время будущий хозяин появляется только для засыпки зерна, наполнения поилки, выливает на коня в жару одно, два ведра прохладной воды. Конь не считает его главным действующим лицом, и всё его внимание, вся ненависть обращена к мучителям.

Но вот весь цикл подавления духа закончен, а строптивость коня не сломлена, и тогда прибегают к заключительному средству. При наступлении сумерек коня связывают по ногам так, чтобы он не смог подняться с земли. Все покидают площадку, и наступает тишина. Минут через двадцать вдалеке раздаётся вой росوماхи: начинает работу искусный подражатель голосов животных. Самые страшные для лошадей хищники – росوماхи. Они подстерегают лошадь, перегрызают ей шейные позвонки, распарывают брюхо и начинают поедать внутренности живого ещё животного. Вой медленно приближается, и уже коню ясно, что росوماха точно направляется к нему. Страх, безумный страх смерти охватывает животное. Ощущая всю свою беспомощность перед надвигающейся опасностью, лошадь хрипит, дрожит от страха, пытается освободиться от пут, шерсть темнеет от пота. Положение безнадежное, и когда вой росوماхи раздаётся на расстоянии двухсот локтей, а надежды на спасение исчерпаны, появляется будущий хозяин. Он перерезает путы, освобождает коня, отводит его в стойло, поит его водой, в которой долго отмокал сладкий египетский тростник. И если конь положит свою голову на твоё плечо или прижмётся головой к спине, лицу – значит, признает в тебе своего покровителя и готов с тобой сотрудничать. В его сознании ты существо более сильное, чем росوماха, и более доброе по отношению к нему, чем все остальные.

С этого момента многое зависит от умения, выдержки и такта хозяина. Он должен взять тон равноправия и заботы, умело организовать обучение, и, как я

уже говорил, вызвать у коня встречное желание к взаимопониманию. Риск себя оправдал.

– Если бы я был кавалеристом, – воскликнул Понтий Пилат, – то немедленно бы приступил к осуществлению твоего способа приручения.

– Ты потому с воодушевлением принимаешь этот способ, Понтий, что увидел его результаты, и моё объяснение упало на подготовленную почву. Я пытался передать свой опыт товарищам из кавалерии легиона, но не встретил единоподобия. Одни считали существующий способ объезды вполне достаточным для действия в плотном строю, другие пытались осуществить мой способ на деле, но их постигла неудача. Мои сирийцы слишком горячи и нетерпеливы. Они предпочитают практику отцов.

– Всё сказанное тобой, Аман, меняет мой взгляд на мир, но есть одно сомнение, требующее разъяснения, – обратился Понтий к своему другу. – Как я помню из предыдущих разговоров, ты купил своего Экрона у владельца табуна в окрестностях Рима, но там росوماхи давным-давно не водятся. Откуда же этот страх у коня, если он ни разу не слышал воя росوماхи?

Сириец внимательно посмотрел на Понтия Пилата:

– У тебя острый, критический ум, мой друг Понтий. Никто до тебя подобного вопроса не задавал. Сейчас я кратко отвечу тебе так: видимо, какие-то сигналы, особенно связанные с опасностью для жизни, передаются по наследству. Как это практически осуществляется в природе, философы с определенностью утверждать не могут, но в существовании такого механизма многие не сомневаются. А подробнее мы

поговорим при следующей встрече, если к этому времени у тебя не исчезнет интерес к затронутой теме.

– Я благодарен богам, – говорил, расставаясь Понтий Пилат, – за встречу с тобой. Как удивителен мир! Какие неожиданности! Желаю тебе остаться живым в предстоящем сражении. Да и мне можешь пожелать того же. Вчера мои командиры предложили поставить в будущем сражении нашу десятую когорту в центр первой линии и определить действенность сариссы в ближнем бою. Я дал согласие.

Однако генеральное сражение не состоялось. Через некоторое время хавки подчинились Риму и признали его протекторат на тех же условиях, что и херуски. В результате перемещений и манёвров легионы вышли на Альбис и встали лагерем на её левом берегу. Войскам был дан отдых.

Часть

III

Наместник Египта Авилий Флакк

В акваторию порта Кесария стремительно входила боевая римская триера. По выразительным обводам корабля, по золоченому носовому тарану бывалые моряки признали личную триеру наместника Египта. Оповещённый быстро разнёсшейся молвой, на пристани уже стоял прокуратор Иудеи Понтий Пилат с толпой чиновников.

Много лет не встречался Понтий Пилат со своим начальником и другом. Волею Тиберия вознёсся тот высоко. Каким он стал за это время? Люди быстро меняются. Правда, Авилий Флакк не такой человек, который может изменить самому себе.

Все боевые походы в Германии, Паннонии провели они вместе. Понтий полностью доверял своему командиру и никогда об этом не пожалел: в бою Авилий Флакк не дрогнет, перед начальством не даст в обиду, о твоих интересах не забудет. Повезло Понтию с командиром, все знали, что у Авилия Флакка два меча и два щита. Когда эти два атлета вставали рядом, сдвинув щиты, лучше было не иметь никаких дел против них.

Всегда найдутся вздорные и гоношистые центурионы, готовые, надеясь на свою силу, повздорить, оказывать давление, побрызгать мечом. Став центурионом и

имея за своей спиной Понтия, Авиллий Флакк так жёстко разговаривал с соперниками, провоцируя их на столкновение, что те вынуждены были отступать. Начать действия первыми значило предоставить право защиты Авилию Флакку, и тогда тому нечего бояться ликторов. Привлечь легионеров своей центурии значило ввести в дело этого Понтия Пилата, который стоял в нескольких шагах, держа под локтем копье. Весь легион знал: копье, брошенное этим великаном, пробивало щит и панцирного воина насквозь, а приказ Авилия Флакка снимал с него всякую ответственность. Авиллий Флакк порядки и традиции в легионе знал хорошо.

События эти происходили давно. Что помнил наместник Египта – трудно представить. Прокуратор был полон сомнений.

Желая отвлечься от тревожных мыслей, Понтий Пилат стал рассматривать окружающий мир. Перед прокуратором простиралось спокойное лазурное море. Он поднял голову: небо удивительно чистого голубого цвета, без единого облачка. Яркое солнце заливало побережье: нагромождения камня и редкую зелень. Кругом яркие цветы, резкие линии переходов. Раскалённый воздух висит над городом, природа изнывает от жары. Внутренний взгляд ушёл в прошлое, в годы молодости и зрелости; он помнит насыщенный синий цвет Ренуса, множество оттенков зелени германских равнин, волнующееся море с белой пеной на гребнях волн.

Воспоминания связаны с удачей воинской и житейской, с подвигами, с признанием его заслуг, с большим

чувством жизненного удовлетворения. Он и сейчас на высокой волне – прокуратор Иудеи, фаворит императора и наместника Сирии. Теперь он богат, рядом – любимая женщина, впереди обеспеченная старость. Судьба не была мачехой для Понтия Пилата. Однако грудь его не вздымалась от внутреннего простора, он не видел впереди себя необозримых далей жизни: вот горизонты его видения – они рядом, вот житейские радости – всё известно. Он представил себя волной, набегающей на берег, когда она теряет свою силу и красоту.

Уже закат жизни, и каждому стареющему, наверное, свойственно такое восприятие мира. В глубине сознания он не был удовлетворён такой успокоительной мыслью. Он находился в преддверии ожидавшего его озарения. И оно пришло. Высветилось чётко и ясно: это не его место во вселенной, ему здесь плохо и неуютно. Здесь приходится бороться только за сохранение достигнутого. Сколько тратится сил! Бодрость тела быстро тает, особенно в последние годы. В таком жарком климате он растеряет остатки сил. Он северянин. Его стихия – прохлада германских лесов, прозрачность рек и озер, утренняя свежесть воздуха. Да и германцы! Сколько он с ними ни воевал, но они ему более симпатичны, чем вечно недовольные и агрессивные иудеи.

Скорее отсюда на север! Но как это сделать? Надо посоветоваться с Аманом Эфером. Что он скажет, я знаю: надо добиться перевода, чтобы не повредить детям, есть дела в Иудее – ещё не оплачен счёт Каиафе. Всё правильно. Дети учатся в гимнасиях

Рима и скоро выйдут в самостоятельную жизнь; нужно, чтобы он в это время находился на государственной службе. На организацию перевода уйдёт несколько лет. Сколько же нужно денег? Чиновникам в Риме за услуги придётся отдать не менее двухсот тысяч сестерциев. Затраты по делам первосвященника составят столько же. Сколько же я оставлю детям? Вот с этого места и нужно советоваться с Аманом.

Пытливым взглядом Понтий следил за приближающейся триерой. На носовой части судна возвышалась атлетическая фигура Авилия Флакка. Наместник смотрел на берег, приставив к глазу чёрную длинную трубу, и у Понтия сложилось ощущение, что тот внимательно его изучает.

Авиллий Флакк уловил сомнения Понтия Пилата. Ступив на пристань, он быстро направился к прокуратору и вместо ожидавшегося общепринятого приветствия обнял его, выражая искренность своего отношения.

Чувство признательности охватило Понтия: движение души Авилия Флакка как бы вернуло доверительность прежних дней.

— Теперь я только убеждаюсь, как умён, дальновиден был император Тиберий, выбрав тебя, Авиллий, из большого числа отличных римских центурионов. Умел он оценивать и предвидеть.

— Не скромничай, Понтий. Он и тебя рассмотрел. У меня было одно достоинство: я был взрослее, опытнее, просто старше тебя чуть ли не на десять лет. Ты же был молод, и император уверен в тебе не был. Под

влиянием других ты мог измениться, а заниматься отдельно тобой он не мог. В его положении существовал только один способ – отбор уже готового материала. Когда же он убедился в постоянстве твоей натуры, то без всякой очереди и вопреки правилам присвоил тебе звание войскового трибуна. Я имею в виду бой, в котором вы отличились с Цециной Севером. Так что, Понтий, я поддерживаю твоё мнение об уме и дальновидности императора: именно поэтому нам удалось сделать карьеру.

Друзья сели в октофоры и направились в резиденцию прокуратора, где готовились помещения для наместника Египта. Восемь могучих эфиопов несли в такт покачивающиеся октофоры, в которых друзья продолжали начатый на пристани разговор.

– Я к тому говорил о прозорливости императора по отношению к тебе, что, стоя на пристани, ощущал твой взгляд на своём лице и недоумевал: расстояние значительное, и черты лица с берега не должны просматриваться.

– У тебя всегда было какое-то звериное чутьё, Понтий. Благодаря твоему дару мы остались живыми во время боёв в Германии, и сейчас ты правильно уловил мой взгляд. Для наблюдения за твоим лицом я пользовался трубой, начинённой кварцем и называемой почему-то подзорной. Труба имеет свойство приближать предметы. Привезли её с востока, куда Александр Македонский так и не смог дойти; говорят – край света. Стоит дорого, но решил порадовать императора – для него не жалко. Уверен, нам с тобой не жалко. Всё, что у нас есть, его желанием,

его решением освящено. А так, Понтий, мы всю жизнь протаскали бы каждый свой щит, получили бы при отставке свои девять тысяч сестерциев, клочок земли где-нибудь рядом с херуском, который рано или поздно нас бы и прикончил. Ты лучше спроси меня, Понтий, что я прочитал на твоём лице?

– Уверен: ты окажешься прав.

Авилий Флакк, раздумывая, долго молчал, а затем дружеским тоном заговорил:

– Я почему начал разговор? Еду в Рим по вызову императора, а к тебе заехал повидаться и помочь, если есть необходимость. В Риме буду разговаривать со многими людьми, у меня есть друзья. Лицо твоё выражало такое желание уехать отсюда, что мне следует вмешаться со своими возможностями... Вот и твоя резиденция. Вечером я хотел бы встретиться в тесном кругу с тобой и Аманом.

Прежде чем возлечь на свое ложе, Авилий Флакк сам убедился, что дверь плотно закрыта, а невдалеке от неё расположился фракиец. В широких складках его туники угадывался боевой кинжал.

– Теперь можно поговорить о наших делах, – сказал наместник Египта. – У себя в Александрии я рта не могу раскрыть. На следующий день содержание разговора становится известно заинтересованным лицам. Ни одного вопроса я не могу задать и ответа получить без огласки. Кое-какие сведения мне нужны, чтобы не наделать больших ошибок. Надо знать точно, что ждёт нас впереди. Я имею в виду смену власти: император Тиберий стар. Переломный

момент будет труден для всех. Нужно хорошо подготовиться и уже сейчас обо всем договориться с нужными людьми. Аман у нас астролог, хотя и скрывает это, но я надеюсь, он не откажет мне в сведениях. Знаю, сведения могут стоить головы, но рядом Понтий, и он знает, что друзей я никогда не подводил. Понтий! Ты поручишься за меня перед своим другом?

Через полчаса прибыл Аман Эфер, и разговор стал общим.

– Каиафу необходимо проучить и, если нужна моя помощь, я готов ее оказать, – последовали слова наместника. – Кое-какие возможности у меня есть.

– Если действовать тонко, – начал Аман Эфер, – нужны деньги, некоторая техника, люди, наконец. Для наших целей денег потребуется много. Чиновникам Рима потребуется несколько сот тысяч сестерциев, работа с Каиафой потребует не меньше. Но, главное, какими бы большими ни были расходы, оплатить их должен сам Каиафа.

– Неужели Аман сможет организовать возмещение расходов от самого Каиафы? – спросил Авилий Флакк прокуратора.

– Сможет. Его только внимательно нужно слушать.

– План простой, – продолжал грек. – Выкрадываем сына Каиафы, этого великовозрастного балбеса, и возвращаем за выкуп.

– На мой взгляд, нечистоплотная месть недостойна римлянина, – и нотки прискорбия прозвучали в словах Авилия Флакка.

– Это Восток, и здесь все способы хороши, – возразил Аман Эфер. – Тебя будут уважать только в том случае, если заставишь врага пожалеть о нанесённой тебе обиде. А как ты это сделал, никого не интересует. Вспомни, игемон, в какой форме иудеи оказали давление на Понтия Пилата. Не обнаруживаю и тени благородства. Со своей стороны, мы не превышаем степень подлости. Конечно, если прокуратор считает мой план неэтичным, его можно в жизнь не проводить.

– Вопросы этики меня не беспокоят. План совсем неплохой. Тебе, Авилий, иудеи, видимо, не очень досадили, вот ты и заговорил о достоинстве римлянина. Продолжай, Аман. Наместник ещё не созрел для настоящего дела. Ему нужно ещё лет пять до полного понимания вопроса.

– Ожидаются трудности, – продолжал грек. – В бассейне Срединного моря держать наследника Каиафы нельзя: у иудеев хорошо налажена связь оповещения. Везде... кроме Британии. Туда-то и должен отвезти похищенного корабль, на оловянные рудники. Ему не помешает узнать жизнь с этой стороны. Практическое осуществление плана возможно, если наместник Египта отправит корабль в Британию по каким-либо очень важным делам. В Александрийском порту стоят несколько кораблей, предназначенных для океанского плавания.

– Нужны люди для похищения, сопровождения и охраны. Где мы их возьмём? – пожал плечами прокуратор. – Не могу же я послать какой-то служивый люд. Нанять людей в притонах можно, но

обо всём станет известно на следующий день по всему побережью.

Аман повернулся к Понтию Пилату:

– Минуя тайную канцелярию, мы послали просьбу наместнику Египта найти и без огласки задержать людей каравана, перевозившего под Пасху оружие из арсеналов Антиохии; особенно нас интересовал старшина. Он взят, сидит в подземелье и строго охраняется. Взяли ещё троих, остальных ищут.

Понтий Пилат вопросительно смотрел на Амана, ещё не понимая его замысла.

– Они-то и будут той командой, которая всё сделает: и похитит, и сопроводит, и охранит.

Обнаружив на лицах собеседников выражение недоумения, грек пояснил:

– Эти люди уже распрощались с жизнью. Они видят себя повешенными или распятыми. Больше смерти они страшатся пыток; следствие по делу хищения оружия будет беспощадным. И вдруг возможность сотрудничества да ещё в плане отщипывания виновникам их бед. Здесь мы препятствий не встретим. Естественно, мы лишаем следствие нужных людей, но наместник Сирии как-нибудь обойдётся: не так трудно разобраться в собственных делах. Главное дело – верность набранной команды. Не надо забывать, что пленник будет предлагать за своё освобождение большие деньги – мало кто устоит. Надо придумать что-то оградительное. Например, старшине и его людям придётся объяснить, что скрыться даже с деньгами они никуда не смогут, потому что всё пространство Римской империи находится под

незримым контролем, в чём они уже убедились. Попытка скрыться в районах ойкумены связана с рабством и смертью. Люди много глупостей делают от незнания. Одним словом, при выполнении работы обещать жизнь, после работы – свободу и деньги. Другие душевные колебания иудейской ватаги предусмотреть трудно, но меры предосторожности принять можно.

– Твоё мнение, Аман, какой выкуп следует назначить? – задал вопрос Авилий Флакк.

– Миллион сестерциев!

– 250 фунтов золота! Не многовато ли? Но если бы я мог 400 тысяч сестерциев из этих денег предложить кое-кому в Риме, то перевод Понтия был бы организован к нужному времени.

– У нас нет ещё этих денег, – вмешался в разговор Понтий, – несвоевременно создавать план на такой шаткой основе. В случае неудачи мы попадём в затруднительное положение.

– Мнения разделились, возьмём паузу, – перехватил инициативу Авилий Флакк. – Хотелось бы перейти к важным для меня вопросам, воспользоваться вашим опытом, получить дельный совет. Вопросы касаются поведения иудеев в Александрии. Мои чиновники не могут с ними справиться. Все народности живут по своим кварталам – нет! Мы будем жить, где хотим, – и строят дома, занимая лучшие участки в городе. Иудеям отведён статус гостей города. Недовольны: мы такие же хозяева, как и римляне. И так во всём и всегда. В городе медленно назревает противостояние иудеям, и чем оно кончится, богам только известно.

Хотелось бы узнать ваше мнение. Вы находитесь в самой гуще событий, людей и руководите ими не без успеха.

– Без успеха и на пределе, – ответил Понтий. – Каждое утро я просыпаюсь с мыслью: чем сегодня порадуют меня подданные империи. Назревает большая война в Иудее, и сколько времени осталось до её начала, можно только гадать. Более обоснованно и последовательно расскажет Аман. Он, как всегда, построил свою модель событий и изучил первопричину развития этих событий.

– В основе моего понимания событий лежит психология иудея, питаемого религиозными представлениями о мире и о своём месте в этом мире. Особенность этих представлений заключается не только в том, что для него существует вера в единственного Бога. Это серьёзно, но не самое главное. Главное заключается в ответе: по какой причине сохраняется общество иудеев, хотя несколько раз на протяжении последних полутора тысячелетий Иудея теряла свою государственность. Какие только государства за это время ни рождались, ни расцветали, ни гибли! Даже те, которые покоряли Иудею и угоняли её народ в рабство. Я имею в виду известное Вавилонское пленение, Сирийскую державу Ахметдинов. Что же составило духовный стержень народа, обеспечивающий его жизнестойкость? Основу религии составляет догмат о единственном Боге, о единственном Господине, которому принадлежит каждый иудей, других господ у иудея быть не может. Религия иудеев сформулировала взаимоотношения Бога и верующего так, чтобы

обеспечить гражданскую свободу последнему. Он может быть должником, он может быть заключён за провинность в тюрьму, может быть казнён, наконец, но рабом он быть не может. Земные властители должны и обязаны организовать любые стороны жизни страны таким образом, чтобы указанный догмат не был нарушен: за этим неустанно наблюдает многочисленный отряд раввинов. Гражданственность иудея и является его основным духовным достоянием. Он ценит своё состояние гражданина и готов отдать за него свою жизнь. Вспомните исторический факт, когда император Август принял решение провести перепись жителей Иудеи. Какова была реакция населения? Оно восприняло действие римлян как перевод его в состояние рабства и взялось за оружие. Хорошо ещё, что вовремя во всём разобрались. Религии других народов не препятствуют переводу своих граждан в состояние рабства, считая, видимо, что к проблеме духа это не относится. А именно рабство определило гибель могущественных на первый взгляд государств.

– Безусловно, ты прав, Аман. Но сейчас жизнь существует в том виде, как всё сложилось. Вопросы же требуют своего решения. Кроме иудеев в Александрии живут многие народы, и они понимают, что улучшение жизненных условий иудеев решается за счёт их жизненных благ. Понимает это и администрация, но вопросы по урегулированию жизненных норм как бы вязнут в болоте. Однако организация жизни города обязана существовать, у меня должны быть рычаги управления, – высказывал свою позицию наместник Египта. – При этом я исключаю ведение боевых

действий. Если бы боевые действия были возможны, то и вопросов бы никаких не существовало.

– Поздно вы об этом вспомнили, игемон!

– Нет, Аман. Должен же существовать какой-то механизм регулирования. О нём я тебя и спрашиваю.

– Есть, игемон, есть. Им-то и воспользовался император Тиберий. В то время, как мы продолжали топтаться в Германии, в Риме у императора истощилось терпение. Известно, в Риме решением сената было запрещено создание еврейской общины, но невзирая на запрет, община там существовала. Не знаю, по каким причинам император решил действовать так решительно (не надо забывать, что он занимал должность Великого понтифика), но фактически он организовал погром. Иудейский культ (правда, как и египетский) был запрещён, из Италии выслали всех иудеев, не согласившихся публично отречься от своей религии. Сохранившие верность религии из молодых были зачислены в исправительные отряды, а дела тех, кто отказался от несения военной службы, были переданы в военные трибуналы. Одним словом, император организовал разгром иудейской общины в Риме и, кстати, без ведения военных действий. Таким образом, император Тиберий создал механизм регулирования, о котором ты, игемон, говоришь.

– Видишь ли, Аман, Тиберий может взрываться и запускать такой механизм регулирования – он император, а мне как прикажешь себя вести?

– Умные люди готовятся к событиям, которые должны произойти, заблаговременно. Взрыв толпы в Алек-

сандрии произойдёт – это закономерно, но произойти он должен в благоприятных для тебя условиях, игемон. И в нужное время.

– Если ты эти условия вычислил, Аман, то рассказывай!

– Определим состав вопросов, которые хочет решить положительно для себя римская администрация в Александрии. Во-первых, должно действовать правило местожительства иудеев только в своём квартале, во-вторых, иудеи должны признать для себя статус гостей города со всеми вытекающими последствиями. В результате действий администрации иудеи в Александрии должны оказаться на первоначальных, исходных позициях. Определим время действия властей Александрии. Через три года умрёт император Тиберий и, как показывает расположение звезд, императором станет Гай Цезарь Германик, а попросту известный нам Калигула. В этот период повод воздействовать на иудейскую общину будет отсутствовать. Но зато Понтий Пилат получит перевод в Галлию.

Наместник Египта и прокуратор Иудеи устали друг на друга в полной тишине. Заторможенность друзей затягивалась. Наконец раздался голос Авилия Флакка:

– Аман! Завтра мой казначей принесёт тебе 50 тысяч сестерциев.

– Наконец-то мои знания начинают приносить доход. Это приятно! Однако не забывайте: предстоит разговор о способах действия. Первые полтора года со стороны Калигулы будут проявляться некоторые

странности, но в это время мало кто будет понимать происходящее. Очень немногие люди догадываются, что уже сейчас он обыкновенный сумасшедший.

Наместник Египта и прокуратор Иудеи снова уставились друг на друга от удивления и сомнения.

— Это правда, — продолжал Аман Эфер, — у него мания божественного величия. Дело зайдёт так далеко, что император даст указание поставить свои скульптуры во все храмы Римской империи. Синагоги не будут исключением. Нам известно, а прокуратор уже и пострадал по этому пункту, что в культовых помещениях иудеев изображение людей не допускается. Представляю, какое будет сопротивление. Но какое дело сумасшедшему до религий, до уважения чужих богов, традиций! Тем не менее напрасно некоторые думают, как это плохо. Для иудеев плохо, а для администрации Александрии лучшего желать нельзя. Под знаменем выполнения служебного долга можно организовать и осуществить любые планы. Так что же должно произойти?

Наместник, выполняя волю императора, принудительно ставит в главную синагогу бронзовую скульптуру Калигулы в виде Феба на колеснице, запряженной четвёркой лошадей. Реакцию предугадать нетрудно. Сопротивление раввинов и верующих иудеев будет отчаянное. С другой стороны, в поддержку воли императора всколыхнутся толпы простого люда. Наконец-то толпы дождались своего часа: их недовольство, их гнев слились с волей императора. Народ проявит свои верноподданические чувства и свою затаённую злобу. Начнутся погромы.

Но наместник должен занять позицию чиновника, выполняющего свои обязанности. Квартал иудеев в Александрии должен быть оцеплен войсками. Толпы кинутся громить и жечь дома иудеев, построенные в городе без согласия администрации. Но здесь есть ему оправдание: никаких солдат не хватит, чтобы защитить хаотично разбросанные по городу дома иудеев... Однако предупреждали и просили.

Тем не менее люди из сожжённых домов должны охраняться и собираться в одном месте, например, на берегу моря. Не скажешь ли, игемон, сколько домов иудеев построено в городе вне отведённого квартала?

– Много. Около четырехсот.

– Пожар вспыхнет немалый, но это будут дома наиболее богатых и агрессивных иудеев; они-то и окажутся наказанными. Им некому будет предъявить претензии. Власти выполняют все обязательства по отношению к жителям города и даже более. Пострадает только тот, кто нарушил установления города.

Наместник должен сказать свое слово: за сопротивление воле императора еврейская община получит статус гостей города. В случае несогласия и резких высказываний будет применён закон об оскорблении достоинства императора с конфискацией имущества и высылкой из Александрии. Страсти сразу стихнут. Обе стороны будут находиться в состоянии жёсткого противостояния, но иудеи осознают, что в дальнейшем власти не потерпят даже малейших нарушений.

Мы предвидим, как будут развиваться события. Бюсты и скульптуры императора Калигулы исчезнут

из храмов и синагог, жизнь войдёт в привычную колею. Только от наместника и администрации города зависит, как будут выполняться их распоряжения.

– Так долго ждать, – сожалел Авилей Флакк.

– Зато, игемон, есть время заблаговременно заказать скульптуру императора. Сколько здоровья сохранит тебе, игемон, знание. Окинь будущее внутренним взором и смирись.

Германское море. Тиберий Юлий Цезарь

Кончилась летняя военная кампания. Отдыхавшие на Вистуле легионы готовились в обратный путь. Раненые сразу при выходе легионов к Вистуле были погружены на суда и отправлены в зимние лагеря морским путем. На оставшихся легионеров тёплая осенняя погода влияла благотворно. Лёгкий распорядок дня, отсутствие постоянной опасности, общение с приятелями и друзьями делали дни отдыха ещё более притягательными. Время шло, и стало ясно, что отдых заканчивается: подули северные ветры, жёлтые листья закружились в воздухе, ночью в палатках стало прохладно.

Последовал приказ грузить обозы на суда и готовиться в путь на зимние квартиры. Утром снялись и сухопутной дорогой двинулись легионы, зимующие в новом лагере Ализон. На следующее утро отплыла флотилия с четырьмя легионами, возглавляемая наместником Тиберием.

При размещении людей, грузов, лошадей возникла большая скученность. Часть судов отплыла раньше с ранеными, которых собрали из всех восьми легионов. Суда оказались перегруженными, но по Аль-

бису сплавились к морю без происшествий. К положенному сроку суда вышли к Германскому морю, однако попытка двигаться на парусах в открытом море показала опасность затеи. Наместник приказал Пятому Германскому высадиться на берег и следовать по суше, не теряя по возможности флот из поля зрения. Снова тяготы похода обрушились на легионеров трудно входили люди в напряжённый ритм. Вёл легион Люций Мессала, легат остался с командующим на флагманском судне. Следуя приказу быть на виду флотилии, префект стремился сократить путь движущихся колонн. Конная разведка шла впереди и, кроме упреждения противника, имела задание выбирать короткую и удобную дорогу. Два раза префект рискнул пересечь бухты по отмелям во время отлива. Опыт пересечения бухт понравился: сокращались расстояния, легко решалась задача следования за флотилией.

Командиры легиона, люди сухопутные, плохо понимали поведение моря. Ничто не предвещало осложнений, когда легион начал форсировать по отмели третью бухту. Расстояние до противоположной стороны бухты позволяло пересечь её до начала прилива. Шесть тысяч человек уверенно двинулись на отмель. Идти по отмели было нелегко. Мягкий песок связывал ноги, большие и глубокие лужи требовали обхода, каменистые россыпи таили опасность повреждения ног. Дорога требовала большого внимания и через некоторое время легионеры утратили бдительность.

Центурия Авилия Флакка оказалась в середине колонны, держалась кучно, полагаясь на опыт своего

командира. Понтий шёл в строю недалеко от центуриона, и справа от него простиралось Германское море. Как и окружавшие его легионеры, он был занят держанием строя и поиском удобного места для своей сандалии. Разгорячённым лицом Понтий уловил появление ветерка, который заставил бросить взгляд в открытое море. Там уже появились барашки на гребнях волн, и кромка прилива находилась ближе положенного. Понтий насторожился. Он мог с уверенностью сказать, что ветер усиливается, и хотя небо было чисто от облаков, тон синевы изменился, появилась тревожная напряженность. Надвигался шторм. Соизмерив быстроту прилива и скорость нарастания ветра, Понтий понял, что легион не успеет перейти отмель. Он ускорил шаг, поравнялся с центурионом и кратко изложил свои тревоги. Трудно было принять к сведению предчувствия молодого неопытного человека, но Авиллий Флакк уже знал, что именно этого легионера боги наделили многими достоинствами, и потому слушал внимательно. По мере рассказа лицо центуриона бледнело. Он представил последствия надвигающейся катастрофы.

— По-моему, выход один. Слева в бухте виден выступающий мысок. Вот на этот мысок, бегом, бросив всё снаряжение кроме оружия, и немедленно.

— Хорошо, Понтий, принимай центурию и действуй, я ищу примипилария.

Через несколько секунд легион с удивлением обнаружил бегущую к берегу центурию. Что-то произошло! Люди встревожились: им были непонятны

причины бегства центурии. В римской армии без причин бегают редко.

Авилий Флакк, подбежав к примипиларию своей когорты, в нескольких словах обрисовал картину опасности. Он знал своего командира как отважного человека, но колеблющегося в принятии решений, когда события не вырисовываются чёткими контурами. Зная, что примипиларий побаивается Тиберия, Авилий Флакк воспользовался слабостью своего командира:

– Игемон! Если мы не примем сейчас правильного решения, погибнет много людей. Как оправдаемся перед командующим? Он будет прав, если пустит нас под топор.

Недолго думал на этот раз примипиларий десятой когорты, и через несколько минут её легионеры, сбросив груз, бежали за центурией Авилия Флакка к берегу. Пока велись разговоры и передача указаний, море проявило себя в полную силу. Префект, увидев бегущей и десятую когорту, оглянулся кругом: волна прилива быстро приближалась. В каждую когорту были немедленно посланы нарочные с приказом. Префект сам указал путь знаменосу и, выбежав в сторону берега, стал отдавать распоряжения. Шесть тысяч бегущих людей устремились к спасительному мыску, со страхом оглядываясь на приливную волну, неумолимо догонявшую отстающих. Бежали тяжело. Снаряжение легионера для такого бега не предназначено: меч болтался на боку и бил по ногам, щит, запрокинутый за спину, колотился в ритм бега, коньём приходилось балансировать. Тем не менее длительные тренировки сказывались, и уже было ясно,

что центурия успешно преодолела большую часть пути.

Понтий волновался: рядом не было Авилия Флакка. Тот находится у приливной волны, организует, поддерживает молодых парней, которые явно растерялись в непривычных условиях. Понтий повернулся на бегу к следовавшим за ним легионерам:

– Сохраняйте ритм бега и направляйтесь сразу к самому высокому дубу, там назначаю место встречи.

Дальше он бежал на пределе своих возможностей, значительно опередив центурию, быстро снял снаряжение, положил около ствола того самого дуба и в одной полотняной тунике бросился к морю.

Наконец он увидел Флакка.

Нагруженный оружием ослабевших и отстающих, Авилий Флакк изнемогал под его тяжестью. Не хватало воздуха, пот заливал глаза, ноги налились тяжестью и плохо слушались. Выход был: бросить оружие и попытаться спастись, но картина ожидаемого позора была сильнее, и он продолжал бежать, надеясь неизвестно на что. Вдруг чья-то рука сняла со спины щит, перехватила копья, перевязь с мечами. Ничего не видя вокруг себя, Авилий Флакк понял: Понтий. Теперь он добежит, вдвоем они добегут. Дыхание стало более свободным, но тяжесть в ногах не исчезала. Море нагоняло их. Весь мир сжался в береговую полосу. Но вот с него снимают последний груз, тяжёлый шлем; морской ветер охватывает разгорячённую голову. Парни центурии подхватывают его под руки и помогают добежать до берега. Авилий Флакк опускается на землю в изнеможении. Нет сил, дви-

гаться. Расслабившись всем телом, тяжело дыша, он не спешит подняться с земли. Ему не стыдно за слабость перед своими парнями: они видели разъярённую полосу прибоя, видели напряжённость борьбы центуриона и Понтия Пилата и осознавали чудо его спасения. Это они, рискуя своей жизнью, выхватили своего командира из приливной волны.

Сейчас все они стояли рядом и радовались спасению. В глазах пятой центурии Понтий превратился в героя. Громко никто не говорил о его поступке, но вся центурия была свидетелем броска принципала навстречу разбушевавшемуся морю.

На берегу действовали спасательные отряды: помогали уставшим, откачивали нахлебавшихся воды. Отдельные смельчаки, обвязавшись верёвками, бросались в волны прилива к теряющим последние силы товарищам. Полоса прибоя кишела спасателями и спасаемыми. Чуть дальше от воды сидели и лежали легионеры, оказавшиеся на пределе сил, не пришедшие в себя от страха и напряжения.

Тиберий находился на флагманском судне. Многочасовая ритмичная работа вёсел действовала на него угнетающе, бездействие раздражало. Наместник мерил шагами небольшой участок палубы, освобождённый для него, и в мыслях перебирал дела ещё не оконченные или ждущие своей очереди.

Картина моря менялась. Тиберий не был искушённым мореплавателем, и первые признаки шторма оставил без внимания, но бросив рассеянный взгляд на форсировавший бухту легион и увидев бегущую без снаряжения центурию, сразу остановился:

– Опять бежит Пятый Германский! Ну подождите, полетят головы у всей центурии, первой бросившейся в бега.

Тиберий ярился, даже не потрудившись выяснить причину поступка.

Сзади раздался голос шкипера судна:

– Игемон, надвигается шторм, и судам необходимо отойти в открытое море. Поблизости нет закрытой бухты, где флотилия могла бы его переждать. Вот и легион побежал потому, что почуял опасность.

– Это действительно опасно? – повернулся Тиберий к шкиперу.

– Да, игемон. Море опасно; всегда надо быть настороже. По-моему, легион почувствовал опасность с опозданием. Раньше всех поняла ее первая центурия, она-то спасётся.

Только теперь Тиберий осознал возможность трагедии. Он ничем не мог помочь людям, но был полководцем, предпочитающим находиться в самых напряженных местах битвы. Тиберий повернулся к шкиперу:

– Спустить шлюпку. Я должен быть на берегу. В шлюпку направить легата Пятого Германского: он где-то на судне.

Подгоняемая попутным ветром, приливной волной и могучими ударами вёсел личной охраны наместника, шлюпка вскоре вошла в бухту и стала быстро приближаться к берегу. Тиберий уже мог составить представление о положении дел: основной состав легиона находился, слава богам, на твёрдой земле.

Шлюпка на гребне волны пронеслась на песчаную отмель и, подхваченная десятками рук, была вынесена далеко от полосы прибоя. В бухте картина была безотрадней. На берегу лежали утонувшие, откачать которых уже отчаялись. Изредка в набегающей волне угадывалось тело легионера, к нему бросался отряд спасателей. Тиберий становился свидетелем вылавливания из моря мёртвого тела, и на душе делалось ещё тяжелей. Он оглядел людей: все при оружии, но груза нет. Нет палаток, шанцевого инструмента, деталей палисада лагеря, продуктов. И опять поднимается гнев в душе наместника: почему пошли по отмели?

Невдалеке стояли легат, трибуны, понимая, что для них всё может кончиться печально. Наместник повернулся к командирам и стал смотреть на основного, как он думал, виновника событий:

– Вот так, Люций Мессала, в одно мгновение уплыла от тебя должность легата. Долго ты её ждал и был достоин. До сегодняшнего дня. К сожалению, ты не обнаружил необходимой осторожности. А ты, легат, всё к начальству жмёшься. Твоё место в легионе, а ты забыл, что отвечаешь за него всегда и везде, и за это посрамление легиона тоже. А теперь я хочу видеть центуриона первой спасшейся центурии.

Вскоре перед ним стоял центурион в панцире с мечом. Вид его свидетельствовал о пережитом напряжении: был он мокр с головы до ног, тяжело дышал, руки ещё дрожали от усталости.

– Вижу того самого принципала, который делает вид, что не знает своего командующего. Не оправды-

вайся, вижу, что не дурак. Почему ты в таком состоянии, когда твоя центурия бежала первой?

– Центурию я поручил принципалу, а сам остался, чтобы предупредить и организовать. Действовал в последней линии. Спасся случайно, помогли мои парни.

Тиберию нравился центурион. Нравилась его ответственность, его самоотверженность, рост и красота. Давно он его заметил и теперь чувствовал удовлетворение: правильно он оценил центуриона.

– А что это за тобой принципал стоит? Я его не звал, – вслух произнес Тиберий, переключив свое внимание на Понтия, который последовал за командиром с юношеской решимостью отстоять его перед командующим, если тот обрушится на центуриона.

Авилий Флакк повернулся, увидел Понтия Пилата, понял причину, заставившую его последовать на зов Тиберию.

– Принципал стоит здесь потому, что надеется смягчить твой гнев, если он падет на меня, игемон. Он считает себя ответственным за то, что поздно угадал приближение шторма и с задержкой сообщил мне. Мы, командиры, не сумели вовремя сориентировать людей. Хорошо, что префект сам догадался по бегущей центурии в чём дело и принял меры.

– Теперь вас всех хвалить надо. А ты, Понтий, что же, в легионе сигнализатором опасности служишь?

– Нет, игемон, – сдерживая удивление, начал объяснение Понтий, – я из семьи мельников, воду должен чувствовать лучше других. А понял обстановку поздно. Правда, есть одно оправдание: шторм надвигался

стремительно. За пятнадцать минут море вон как разыгралось. Такого я предвидеть не мог.

– Ты считаешь, что ручей, на котором стоит мельница твоих родителей, имеет отношение к морю, и необходимое понимание моря ты приобрёл именно там?

– Нет, игемон. Мои родичи со стороны матери были мореплавателями во многих поколениях. Море знали и понимали. В необходимые минуты знания сами возникают и помогают человеку принять правильные решения. Так случилось и со мной.

Тиберий слушал с непроницаемым выражением лица.

– И не подумаешь, какие мысли живут под этим шлемом. Однако уже принципал. У Люция Мессалы за так просто принципала не получишь. Видимо, из той породы людей, у которых всё получается.

Легат понял, что дело, слава богам, подвигалось к концу.

– Сейчас начнём строить лагерь для ночёвки, совершим обряд погребения, а завтра утром уйдём по маршруту как можно раньше, – ответил он на вопросительный взгляд Тиберия, обращенный на него.

Тиберий подошёл к Понтию Пилату и, к общему удивлению, отвёл его довольно далеко в сторону:

– Предполагаю, что знания твоих предков подсказывают решение, отличное от мнения легата, и мне было бы интересно его узнать.

Понтий почувствовал доверие к командующему.

– Я не ушёл бы с этого места, игемон, до окончания шторма. Завтра прибой выбросит на берег часть

предметов обустройства лагеря, часть палаток, которые были хорошо увязаны, даже часть котомок. После окончания шторма при отливе мы соберём почти весь шанцевый инструмент, сделанный из железа: он лежит на дне бухты там, где был брошен. Мы подберем тела тех, кого море не вернёт до конца шторма, и отдадим дань уважения погибшим. Люди в легионе грубые, жёсткие, приучены к мысли о гибели, но каждый надеется, что его душа попадёт в Элизиум. Надежду должен испытывать каждый, но для этого командиры обязаны использовать все возможности по погребению погибших. Многие верят, что душа найдёт путь в Элизиум, если будет выполнен ритуал погребения.

– Скорее всего ты прав, принципал, – посуровел Тиберий. – Иди, делай своё дело.

Вернувшись к легату и трибунам, командующий обратился к префекту:

– Принципала Понтий за дело получил?

– Да, игемон. Принципала он получил за достойное дело, и на должность принципала с благословения легата его выбрала вся команда легионеров родной палатки.

– Ещё раз оглянись, легат, и ты, префект. Посмотрели? А теперь я назначаю Понтия Пилата старшим принципалом. Если бы не этот парень, легион плавал бы мёртвым в бухте. Префект был бы там же, легат отбыл бы в своё имение с порочащей отставкой. Так что, легат, выдашь этим двум парням по 500 денариев из казны легиона и сегодня же. Приступайте к постройке лагеря. Разжигайте костры и

дайте людям обогреться. Остальные указания получите от меня.

К середине следующего дня шторм прекратился так же внезапно, как и начался. Действительно, на кромке прибоя оказалось много снаряжения и различного имущества. Легионеры двигались за отливной волной в надежде найти брошенный инвентарь, и многие находили. Всё чаще обнаруживались печальные находки. То в одном, то в другом конце бухты раздавались призывные голоса, и через некоторое время молчаливая процессия выносила на берег тело погибшего.

Тиберий стоял на берегу и вздрагивал после каждого призывного крика, означавшего новую находку. Десятки раз видел он поля сражений, заваленные телами врагов и своих легионеров. Но события вчерашнего дня отличались от тех сражений, в которых он был победителем. Ещё вчера он считал, что в свои 47 лет способен предусмотреть возможные опасности, любые хитрости противника и выиграть любые сражения. Оказалось, существуют опасности, о которых он и не подозревал. Исчезала уверенность в своих способностях. Вчера она была полной, а завтра? Успокаивая себя мыслью о приобретении нового опыта, Тиберий пытался вернуть утраченное душевное равновесие. Но ещё долго досада и растерянность будут преследовать наместника.

К вечеру в лагере запылали погребальные костры. Легион целый день готовился к погребению погибших: рубили лес, заготавливали хворост. Но вот авгуры вознесли славу богам, молитвы, просящие

богов направить души погибших в Элизиум. Принесены скромные жертвы, запылали многочисленные костры. Прах сожжённых был собран и заключён в погребальные урны для отправки семьям. Будут выделены и деньги из казначейства легиона и отправлены вместе с урнами с тем, чтобы родственники могли организовать погребение в кругу семьи и друзей.

На следующее утро в бухту вошли суда, переживавшие шторм в открытом море. Тиберий, не сказав никому ни слова, отбыл на флагманское судно, давая понять, что второй раз не спустит ошибок командирам легиона.

Легат и трибуны в душе радовались благополучному для них исходу событий и деятельно готовили легион к походу. Настала минута, и легион, построенный в походный порядок, двинулся в двадцатидневный поход в Старый лагерь на Ренусе.

На ближайшей днёвке Понтий навестил Амана Эфера. Встретились с дружеской непосредственностью, и сразу разговор коснулся шторма и последующих событий. Сам Аман Эфер находился в конных разъездах и, не являясь непосредственным участником событий, многое представлял в искажённом виде. Узнав о беседе Понтия с командующим, Аман Эфер стал подшучивать над своим другом. Когда же пересказ разговора дошел до той части, которая касалась предков-мореходов, декурион посерьёзней и с некоторым удивлением стал слушать рассказ Понтия Пилата.

— Откуда, Понтий, у тебя сведения о наследственности ремесла? Кто в твоём присутствии вёл об этом разговор?

– Так это сами собой разумеющиеся представления, – удивился в свою очередь Понтий. – Когда среди простого народа заводятся подобные разговоры, факт передачи сыну или дочери по наследству родительских черт и свойств характера считается общепризнанным. Ты же, Аман, смотришь на меня как на человека, огласившего неизвестную никому тайну.

Понтий помнил: его друг – грек, был учеником известного в Греции философа Аристида, и когда Аман Эфер приступил к объяснению, скорее к воспоминаниям, содержание разговора не было для него неожиданным.

– Понтий, я начну издалека. Это позволит разъяснить тебе, как всё непросто. Ведь тебе должно быть интересно, как философы развивают мысль о наследственности.

Мой Учитель Аристид обладал могучим умом. Его мысли касались таких вопросов, которые даже Аристотелю не приходили в голову. К сожалению, его мысли не были записаны и скорее всего погибли для человечества. У Сократа был Платон, который записал и сохранил потомкам его мысли, у Аристида был я, непутёвый юноша, обуреваемый житейскими страстями. Долгие годы учения я не мог оценить существования рядом со мной самого блестящего ума Греции. Когда же я это понял, отношение Учителя ко мне стало доверительным.

В своём миропонимании Учитель опирался на учение Гераклита из Эфеса, жившего лет 500 тому назад, его сочинение «О природе» было широко известно в образованном обществе. Я и сам разделяю

все положения его учения. Моё уважение он завоевал редкостным поступком. Он передал свой законченный труд жрецам храма Артемиды с условием опубликовать его после смерти автора. Этот человек был лишён честолюбия, и его не интересовало мнение современников. Известны слова Гераклита: «Мудрый найдёт и поймёт, а немудрому и понимать незачем».

Основу учения Гераклита составило понятие «логос». По его убеждению, логос свойствен всему, присутствует во всём, заставляет поступать сообразно природе, законам космоса. Само существование Мира Гераклит связал с понятием «огонь». Я под словом «огонь» понимаю праматерию, находящуюся в постоянном движении. Мир возник из огня и в соответствии с логосом постоянно возникает и обращается в огонь: всё меняется, переходя в противоположность.

Переход в противоположность Гераклит связал с борьбой двух начал. Закон борьбы противоположностей — движущая сила развития жизни и космоса в целом.

Знаменитые слова Гераклита: «Все течёт, всё изменяется: в одну реку войти дважды нельзя», — хорошо отражают смысл его учения. Конечно, под движением воды он понимал время — хронос. Гераклит мыслил обобщающими категориями, но для разъяснения некоторых положений своего учения пользовался привычными словами. Многие понимают сказанное им буквально, — но что на них оглядываться — они не философы. Хронос — понятие космическое. Писал Гераклит сложно, но если правильно наполнить содержанием

используемые им слова, то мы обнаружим поразительное по глубине учение. Удивительно стройное, логически увязанное учение. Философ установил механизм развития самых разнообразных форм жизни. Гераклит показал, что в любых исследуемых объектах проявляется борьба чувств, стремлений, интересов. Много раз проверял я закон применительно к себе и знаю, что он действует. Многие сотни лет десятки философов будут только расцвечивать его мысли, осовременивать их и, конечно, выдавать за свои.

Учитель удивительно просто и доступно мог объяснять формы проявления жизни, пользуясь философскими категориями, о которых шла речь. Впоследствии я узнал, что на основе учения Гераклита мой учитель создал учение о трёх скрытых механизмах развития биологического мира. В наших беседах он их обосновывал и формулировал.

Разговоры о религии, о богах, божественной воле вначале у нас не получались. Я был воспитан в местной гимназии по понятиям того времени: свято верил в существование и могущество олимпийских богов. Да, я хорошо был закован в броню религиозных представлений. Аристид же выражался о богах весьма сдержанно, разговоров на подобные темы старался избегать. В период, когда я стал его любимым учеником, разговаривал более откровенно.

Наш разговор о первом скрытом механизме развития природы и человека произошёл, когда я стал утверждать неизменность всего сущего в том виде, как его создали боги.

– Действительно, – говорил Учитель, – от овцы рождается овца, от лошади – лошадь, от человека рождается человек. Сложнейшие по содержанию элементы существа развиваются единообразно, и просто волей богов это объяснить трудно. Повторение и точное воспроизведение вида животного миллионы раз наводят на мысль, что где-то этот порядок развития должен быть записан. Предполагаю, закон развития вида животного записан определённым кодом в половых клетках и толчком к запуску кода является слияние мужской и женской клеток. Человечеству потребуется много сотен лет, прежде чем этот механизм станет ясен полностью. На уровне наших знаний мы можем только строить предположения, но, думаю, мои предположения верны. Порядок кода очень последователен и изменению не подлежит. Такое условие и определяет неизменность окружающего нас мира.

Беседа о втором скрытом механизме развития природы была начата фразой Учителя об изменчивости живых форм.

– Я думаю, как об этом рассказать моему ученику... Вам в гимназии говорили, – начал он, – миллион лет назад Прометей передал огонь человеку. Оказывается, Прометей поступил неразумно, и Зевс приказал приковать его к скале, да ещё в назидание каждый день печень Прометея терзал прилетавший орел. Освободил его Геракл, когда возвращался домой после победоносной войны с амазонками, завершив свой девятый подвиг. Ты знаешь, тогда он добыл пояс царицы амазонок Ипполиты для Адметы, дочери царя Эврисфея. Обратный путь Геракла лежал через

Кавказские горы в Трою, где правил его друг, если только так можно выразиться, царь Приам, тот самый, известный по песням Гомера. Именно в горах Кавказа и освободил Геракл Прометея. Освобождённый Прометей двигался дальше с войском Геракла. Он помнил, кому передал огонь: человеку, жившему в пещере, одетому в звериные шкуры, с дубинкой в руке, вся фигура которого тяготела к земле. Теперь он видел другого человека. Какая осанка, как легко он перемещался, всё было в нём гармонично, стройно, одухотворённо! Глаза смотрели на мир открыто, уверенно, с интересом. Новый для Прометея человек овладел ремёслами. Переданный человеку огонь проделал громадную работу: везде бронза, а меч и часть доспехов Геракла выполнены из железа. Скоро весь эллинский мир облетит весть о знаменитых доспехах Ахилла, полностью выполненных из железа! Поразительные изменения произошли за то время, пока он висел на этой проклятой скале.

– А ты не хотел бы увидеть человека, которому Прометей передал огонь миллион лет назад? – вдруг обратился ко мне Учитель.

– Конечно, Учитель, очень бы хотел, но, к сожалению, это невозможно.

– Все возможно, мой мальчик, если ты философ и если знаешь, кого искать и где искать. Пойдём со мной. Ты знаешь дальнюю комнату в моём доме. Там работает только Фидиппид, и я никого туда не пускаю, вот туда мы с тобой и заглянем.

Я был в смятении. Открываются тайны моего Учителя. Я увижу человека, получившего огонь от Про-

метея! Мы прошли в левое крыло дома, и Учитель постучал в дверь особым образом. Загремел тяжёлый засов, появилась голова Фидиппида, но, увидев меня, он стал наливаясь яростью, как цепной пёс.

– Остановись, Фидиппид! Я уже стар, а это мой любимый и верный ученик. Скоро по воле богов мы покинем этот мир, и всё, чему мы посвятили свою жизнь, останется непонятым, а то и просто погибнет. Настало время передавать знания следующему поколению.

Мы вошли в большую комнату, в которой проводились непонятные для меня работы. Прямо передо мной находился скелет мужчины.

– Ты учишься у меня четыре года, – заговорил Учитель, – и ознакомлен с анатомией человеческого тела. Перед тобой скелет современного человека, того самого грека, который три года назад был раздавлен боевой колесницей на коринфской дороге по оплошности возничего. А теперь посмотри направо.

Передо мной находился скелет, кости которого имели темно-коричневый цвет. Вид его подавлял: на подогнутых коротких ногах – могучая грудная клетка, череп размещался на короткой шее, а руки свисали вдоль туловища, готовые в следующее мгновение опереться о землю. Низкий лоб, тяжёлые надбровья, мощные челюсти – всё производило отталкивающее впечатление, но... это был человек.

Наблюдавший за мной Учитель почувствовал моё оцепенение и осторожно взял под локоть:

– Мы ещё вернёмся сюда. А сейчас ты увидел человека Прометея.

Мы вышли в сад и некоторое время двигались молча. Учитель давал мне время прийти в себя.

– И как ты думаешь, изменился ли человек за миллион лет?

– Да, Учитель, изменился, очень изменился, – мямлил я нечленораздельно.

– Согласись, что время в миллион лет позволяло человеку изменяться **очень** медленно. Медленно развивались и совершенствовались различные формы животного мира, в том числе и человек.

– Учитель! Этот скелет взорвал и перетряхнул все мои знания. На их месте сейчас руины. Но как боги допустили установить сам факт существования человека Прометея?

– Мне было 19 лет, когда я решил найти следы человека, получившего огонь от Прометея. Прометей – бог, какие же могут быть следы? А человек должен себя как-то проявить, и если Прометей передал огонь человеку, то произошло знаменательное событие недалеко от горы Олимп, и пещера, где жил человек, находится где-то рядом.

Всё лето провёл я в окрестностях Олимпа в поисках обитания древнего человека. По всем признакам его жилище должно было находиться на склоне холма и иметь хороший обзор: необходимо издали видеть приближение опасности, вход в пещеру не должен быть замечен, недалеко должен протекать ручей. Сейчас, на склоне лет, считаю произошедший случай невероятным: я нашёл пещеру. Когда обозначился вход, я сразу осознал, что это та самая пещера. Следы костра говорили о проделанной Про-

метеем работе. Я считал дело завершённым, но когда наступило время приступить к расчистке, то пришёл в отчаяние: столько здесь было самых разных костей. Это была груда костей животных, которыми питался человек, но где в этой груде кости самого человека?

Я стал обходить пещеру вдоль стены и в одном месте обнаружил аккуратно сложенные камни. Я начал их разбирать и через некоторое время обнаружил нишу, а в ней скелет человека. Это был тот человек! Благодарные соплеменники захоронили его рядом именно по той причине, что сам Прометей передал ему огонь. В течение трех месяцев я восстанавливал скелет и привёл его в то состояние, в котором ты его сегодня видел.

Это был звёздный час моей жизни. Больше ничего значительного в науке совершить не удалось.

Через несколько дней Учитель обратился ко мне:

— Заметил ли ты, что из трех действующих лиц изменения произошли только с человеком. Прометей — бог и никаких изменений не могло быть. А почему никаких изменений не претерпел орел? Если мы найдём причину, то решим первую половину задачи. Есть ли у тебя какие-нибудь предположения?

У меня, конечно, никаких предположений не было.

— Думаю, вопрос заключается в условиях обитания. Условия обитания орла оставались всё время постоянными и наилучшим образом обеспечивали условия существования. Другое дело у человека. Всё новые и новые трудности бытия возникали у человека,

и их необходимо было преодолевать. Нужно было быстрее бегать, иметь более гибкое туловище, быть более рослым: нужен большой обзор местности, пальцы и кисть руки должны выполнять все более сложные движения. Постоянные усилия влияли на изменение органов тела человека. Изменения должны накапливаться медленно, но код наследственности должен претерпевать определённые искажения. Ставится вопрос о внесении поправок в первую систему кода жёсткого развития.

— Каким образом дополнительный код создан природой, — говорил Аристид, — я не представляю. Буду думать. Тем не менее ясно: при многократном преодолении трудностей и препятствий в действие вступает код второго механизма и воздействует на основную форму кода наследственности в направлении совершенствования человека. Я прихожу к выводу: изменяющиеся условия обитания заставляют создать вторую кодовую систему, систему совершенствования. Взаимодействуя с основным кодом, она осуществляет процесс развития и совершенствования вида животного, человека, племени. Можно сделать предположение, что второй код совершенствования записан рядом с первым и передаётся по наследству тем же путем. Нескоро ученые смогут ответить на упомянутые вопросы.

Много лет я не был удовлетворен объяснением Учителя по поводу второй системы кода наследственности. Превращение той полуобезьяны, скелет которой я видел в его доме, в современного человека трудно объяснить только воздействием среды обитания.

Должна действовать система изменения основного кода наследственности. Она должна принадлежать самому человеку. Только мыслительный процесс мог привести к возникновению самосовершенствующейся системы анализа, оценки и воздействия на основной код.

Мыслительный аппарат способен использовать множество одновременно действующих самокорректирующихся систем. Мне непонятно только одно: зачем природа так целеустремленно работает над человеком?

Моё недоумение усилилось, когда Учитель перешёл к следующей теме.

– Существует третья кодовая система, о которой можно только догадываться. Если первые две системы можно обосновать, опираясь на некоторые факты, то возможность существования третьей кодовой системы можно объяснить только на основе логических умозаключений.

В первую очередь речь должна пойти о кодировании и передаче по наследству профессионального мастерства. Не следует думать о записи в коды способов и приёмов работы, речь идёт об особом свойстве, которое предпочтительно называть чувством гармонического начала. Гармония ремесла обладает чудесной особенностью: она способна уточнять самоё себя.

Как удаётся обнаружить проявление третьего механизма развития? Приходилось беседовать с некоторыми людьми, один из которых утверждал, что хорошо помнит себя в те далёкие времена, когда Прометей передавал огонь человеку, другой рассказывал ход военной кампании под Троей, являясь как бы очевидцем тех

событий, третий рисовал картины гибели Атлантиды и своего чудесного спасения. Мне посчастливилось говорить с людьми, содержащими коды памяти, однако в своей массе людям нечего сказать. Реализуются коды только при совпадении целого ряда благоприятных условий. В обычных условиях коды памяти могут не проявляться сотнями лет. Гибель носителей приводит к исчезновению записей кодов. Последние тысячелетия не было тяжёлых истребительных войн, в которых гибли бы носители кодов третьего механизма развития, а это и есть самые благоприятные условия для совершенствования свойств гармонии.

Третий механизм развития глубоко скрыт и проявляет себя случайно. Вычленить это явление в ряду закономерностей невозможно: сам ряд отсутствует. Однако появление выдающихся мыслителей Греции: Сократа, Гераклита, Аристотеля и других – демонстрирует грандиозные результаты целенаправленной работы третьего механизма.

– Вспоминая себя, – продолжал свою мысль Учитель, – спрашиваю, почему у меня возникла мысль побывать на Олимпе; никто при мне такой мысли не высказывал. Самое интересное: ещё не побывав на Олимпе, я знал: никаких богов там нет, Олимп пуст. Человек не способен установить, какие знания ему подарила природа, а какие он приобрел сам. В пользу передачи знаний должен существовать аргумент краткого периода земной жизни человека.

На примере Гераклита следует попытаться высветить действие третьего механизма. В процессе мыш-

ления личность философа, например Гераклита, часть знаний получает в виде определённых кодов; умозаключения философ делает сам, выстраивая и свои знания и полученную по каналам наследственной памяти информацию в стройную, им задуманную концепцию. Повторяю, что философу может казаться данная мысль лично приоритетной, в то время как она получена им в готовом виде.

В ходе работы над проблемой философ создаёт своё понимание Мира. Наследственные знания выполняют роль базы, на основе которой создаются результаты нового качественного уровня. Сейчас модно получать первоначальный объём знаний из свитков и манускриптов; вся жизнь тратится на собирание знаний, а времени на созидание не остается. Но такой путь только для тех, кого боги обошли стороной. Эти люди фундаментально нового создать не могут. Я же говорю о гераклитах, о сократах.

В своем сочинении Гераклит высказал интересную мысль, подтверждающую предположение моего Учителя: «Я сам себя исследовал и сам от себя научился».

Какова мысль: сам от себя научился! Произнося её, я полностью согласен с Гераклитом и уже не испытываю сомнений: третий кодовый механизм совершенствования существует!

Похищение Герды

Легионы подходили к мосту через Ренус в приподнятом настроении. Кончился ещё один утомительный поход, их ждёт отдых и жизнь без опасностей. Понтий находился в ожидании встречи; четырёхмесячная разлука, постоянные опасения за собственную жизнь сделали его сдержаннее в выражении чувств, но любовь к Герде стала прочнее и уравновешеннее. В судьбе Понтия Пилата определилась жизненная линия.

Непривычно тихо в лагере. Молчанием встречают войска обитатели посёлка. Те самые обитатели, которые раньше высыпали навстречу к мосту, шумно и восторженно их приветствовали. Что-то случилось!

Вскоре всё выяснилось. Два дня назад из посёлка похищены и увезены в неизвестном направлении восемь молодых женщин. Понтий чувствовал: похищена и Герда.

Посёлок притих. В казармах царила растерянность: такого не могли припомнить и ветераны. Командующий и легаты понимали, какое значение для нормальной жизни легионов имеет мирное существование посёлка. Легионы обязаны защитить, оградить посёлок. Естественным решением была команда легатам организовать группы преследования из лучших

разведчиков и заинтересованных, как выразился командующий, лиц: женщины должны быть возвращены в посёлок. Возможно, в лагере остались пособники из местных обитателей. Безнаказанными оставлять их нельзя.

Авилий Флакк, не сняв панциря, стал обдумывать повод, по которому ему предоставлялась бы возможность официально покинуть лагерь. Одна из похищенных женщин принадлежит принципалу его центурии, Понтию Пилату, которому он якобы уступил её на торгах за крупную сумму.

Не один центурион думал над этим вопросом. Открылась дверь, и голос легионера произнёс:

– Префект легиона на подходе, игемон.

Вошёл префект, поприветствовал центуриона поднятием руки.

– Я озабочен неподготовленностью нашей разведки. Считаю необходимым в самом срочном порядке организовать обучение наиболее подготовленных и наиболее склонных к такому воинскому занятию людей. Прошу подать заявку на троих от твоей центурии. Командиром группы назначен декурион Аман Эфер как известный большими способностями разведчик. Срок первого периода обучения – месяц. Выезд – в любое время. Список подать сегодня же, немедленно.

В глазах префекта Авилий Флакк прочитал решение жестоко покарать похитителей.

– Желательно, чтобы подготовка проводилась в направлении дорог, ведущих к южным портам Галлии, – многозначительно закончил префект, поднимая

указательный палец. Он знал: центурион поймёт его как надо.

Комендант лагеря, сам из старейших ветеранов, по получении сведений о похищении женщин действий не предпринял, ожидая прибытия командующего, который, по его сведениям, находился в двух днях пути от Ренуса. Он выслал двух лазутчиков и провёл подготовку трёх поисковых отрядов, способных выдержать длительное преследование. Два часа назад приискал один из лазутчиков с сообщением о месте нахождения отряда похитителей, его составе, порядке движения. Стало известно, что отряд состоит из десяти человек, умеющих владеть оружием; двигались верхом без лишних остановок, опасаясь преследования. Женщины передвигались на лошадях под строгим присмотром.

В соответствии с негласным приказом командующего первая поисковая группа в десять человек под командованием Амана Эфера выехала верхами через три часа. В составе группы находился Понтий Пилат. Шли с грузовыми и заводными конями, рассчитывая на дальние прогоны. Пострадавшие готовы были скакать днём и ночью, не жалея ни себя, ни лошадей, те же, которых не коснулось бедствие, загорелись общим устремлением и ожиданием большого приза.

Через два дня преследования обнаружили последнюю известную лазутчику стоянку работорговцев. Аман Эфер установил, что преследуемые резко изменили направление движения, путь их теперь лежал к Ренусу.

Аман Эфер был опытный разведчик, и его трудно было ввести в заблуждение. Он знал, что в подобных случаях организовывают промежуточный лагерь, и располагаться такой лагерь должен на берегу реки, воды которой текут на юг: там находятся невольничьи рынки. Ориентиром должна быть река ещё и потому, что позволяет быстро уходить от погони, сплавляясь по течению целыми сутками, практически не сходя на берег.

Внимание Амана Эфера привлекли крики. Он подошёл к легионерам, сгрудившимся в круг. В центре лежал человек со стрелой в груди. Убитым оказался второй лазутчик, посланный римлянами вдогонку за похитителями.

– Такой умелый, осторожный человек и налетел на стрелу, – говорил оставшийся в живых. – Бывалые люди, видимо, подобрались в этой банде работорговцев.

Случай с убитым лазутчиком окончательно привёл Амана Эфера к принятию нового плана. Собрав отряд, он изложил свои соображения:

– На берегу реки Соны должен существовать промежуточный лагерь похитителей потому, что именно эта река обеспечивает выход в Срединное море. След, по которому мы пошли бы сейчас, непременно приведёт к промежуточному лагерю, но скорее всего мы опоздаем. В преследовании нас легко обнаружить. Неизвестно, как поступят преследуемые обнаружив погоню, жизнь женщин окажется в опасности. Другое дело, если мы устроим засаду, установив местонахождение лагеря. Наши враги, не обнаружив

преследования, расслабятся и не будут готовы к бою. Нападение мы проведём только тогда, когда женщины будут находиться на судне, чем и обеспечим им сравнительную безопасность. К счастью, я знаю этот район и уверен, что отряд работорговцев пришёл по реке вверх по течению и остановился в таком месте, от которого самое близкое расстояние до наших казарм. Тогда место лагеря находится в двух днях пути и расположено на нашем берегу.

На второй день осторожного обследования берегов Соны судно было обнаружено. Оно было пришвартовано к берегу, к которому примыкала небольшая поляна, окружённая лесом. По утоптанности поляны догадались о постоянно действующем разбойничьем гнезде. Обслуживали стоянку два человека, одним из которых был опытный, но увечный воин – он прихрамывал на левую ногу, вторым был мальчик-грек.

Встретить соотечественника в латинском мире не представляло особых затруднений, но в составе явно бандитской группы! Наблюдая за мальчиком, Аман Эфер понял его зависимое состояние и в далеком уголке подсознания уже оказывал ему свое покровительство. Декурион обратил внимание на судно. Вместительная вёсельная барка, предназначенная для плавания по полноводным рекам, могла вмещать до тридцати человек и при полной нагрузке осадка её составляла не менее метра. Управлять тяжёлой баркой было затруднительно: требовались определённые навыки, знание реки. На корме нахо-

дились палубные постройки, которые ещё больше затрудняли управление.

Декурион внимательно изучил подходы к поляне, мысленно расположил своих воинов, проиграл варианты схватки. Прежде всего следует захватить барку и отразить любые попытки ее отбить; такая задача по плечу только Понтию Пилату. Неожиданным нападением он намеревался уничтожить половину отряда, остальных принудить к сдаче. В случае сопротивления он готов был уничтожить всех членов банды. Они не представляли для него никакого интереса, тем более, что женщины после захвата барки находились бы под защитой Понтия Пилата.

Каждому было назначено место в засаде, вид оружия и время его использования. Решено было организовать засаду часа за два до прибытия отряда, а нападение провести во время обеда. Наблюдательный пост по распоряжению Амана Эфера вынесли миль за пять и определили систему оповещения.

Томительно тянулись дни ожидания. Ежеминутная готовность к бою требовала большой выдержки и напряжения душевных сил. Понтий сомневался в принадлежности стоянки именно преследуемой группе грабителей. Отсутствие энергичных действий приводило его к мысли о безвозвратно потерянном времени, которое невозможно будет восполнить в случае ошибки. Только слепая вера в Амана Эфера тормозила желание куда-то скакать, что-то делать. Наконец к середине третьего дня последовал сигнал о приближении отряда. Едва люди декуриона

заняли свои места, как конный отряд въехал на поляну. Отряд проследовал к сходням барки; женщины были сняты с лошадей и препровождены в специально подготовленное помещение на палубе; грохнул засов.

Что-то было не так. Воспроизводя картину прибытия отряда, Аман Эфер не досчитался двух всадников и двух женщин. На расстоянии трудно было установить, кто из женщин отсутствует.

Было время обеда, и прибывшие, наскоро омывшись, направились к середине поляны, где около очага заканчивались приготовления к трапезе. Прибывшие находились в приподнятом настроении, все сняли панцири, оружие — чувствовали себя беззаботно. Были здесь и опытные люди; они пришли к костру с мечом и щитом, которые по многолетней привычке положили рядом на землю. Командовал среднего роста сицилиец; властная манера поведения выдавала лидера группы. Легионеры знали желание декуриона получить живым вожака, и не случайно стрелы, пущенные по команде Амана Эфера, обошли стороной сицилийца и мальчика. Трое были убиты сразу. Четверо, схватив мечи и щиты, встали в круг. Мальчик зачем-то сжимал в руках кинжал. Из засады вышли девять легионеров регулярной армии и окружили на расстоянии оставшихся в живых; надежды на благополучный исход схватки у грабителей не было.

Понтий по прозвучавшей команде взлетел по сходням на палубу и столкнулся грудь с грудью с выскокшим ему навстречу противником. Не успел тот

осмыслить, кто перед ним, как меч по рукоять сидел у него в груди. Второй осмыслил и, спасаясь, бросился в реку. Пилум настиг врага в прыжке. В несколько шагов Понтий оказался у двери и ударом меча сбил засов.

– Выходите, здесь римский отряд. Где Герда?

Женщины выбежали на палубу и, не обращая внимания на Понтия, смотрели на поляну, где решалась их судьба. Герды среди них не было.

Кто-то тронул Понтия за руку. Одна из женщин стала рассказывать о недавних событиях, не отрываясь от зрелища, развёртывающегося на поляне.

– Вчера утром двое отделились от нашего отряда, захватив с собой двух женщин, в их числе была Герда. Поскакали на юг, спешили. Вот тот чёрный у них – главный; он всё знает.

Понтий сбежал с палубы и быстрым шагом направился к остаткам разгромленного отряда. Навстречу Понтию, прикрывая собой сицилиец, двинулся могучий воин. Он прикрылся щитом и в правой руке сжимал меч. Понтий, не останавливаясь, выхватил у ближнего легионера копьё и, вкладывая всю силу, на которую был способен, всадил его в середину щита. Копьё вышло из спины жертвы. Ударом ноги сицилиец был отброшен на несколько шагов и рухнул на землю. Он был связан раньше, чем пришёл в себя.

Аман Эфер смотрел на приятеля и понимал, что ожидает сицилиец. Но ни слова не прозвучало в его защиту.

– Я уведу парней и женщин подальше от твоего разбирательства, – вздохнул Аман Эфер. – Делай как знаешь. Только ты ответствен перед своей женщиной.

Декурион приказал всем сесть на коней и покинуть поляну. Вскоре поляна опустела, на ней остался еще один римский воин, женщину которого увезли вместе с Гердой.

– Разожги костёр и поярче, – обратился Понтий к товарищу.

Сам же подошел к сицилийцу.

– Мне нужно знать тех, кому ты продал женщин, их имена, откуда они родом, куда направляются?

Сицилиец спокойно посмотрел на костёр, усмехнулся.

– Они повезли свою часть добычи, а куда – одни боги знают.

Не задавая больше вопросов, Понтий вбил рядом с костром два кола, подтащил связанного сицилийца, бросил его между кольями так, что ноги оказались в костре. Самого сицилийца Понтий быстро привязал к кольям.

– Вопросы тебе известны. Когда сочтёшь нужным ответить – скажешь.

Через минуту раздался вопль сицилийца. Тело сицилийца извивалось, пытаясь разорвать путы. Понтий стоял рядом. Мысль о человеке, бывшем виновником похищения Герды, убивала в нём сострадание. Понял это и сицилиец.

– Я скажу всё, подлый римлянин, – прокричал он.

Понтий с товарищем оттащили сицилийца от костра. Тот тяжело дышал, набираясь сил для предстоящего разговора.

– Я ничего тебе не скажу, римлянин, – наконец проговорил главарь похитителей. – Только молчанием могу отомстить тебе за свои мучения.

Понтий снова бросил сицилиейца в костёр... Долго продолжался допрос. Вдруг сицилиец дёрнулся, глаза его остекленели – он был мёртв. Чувство беспомощности охватило Понтия. Его товарищ собрал оружие убитых и отнёс на барку, тела убитых бросил в реку. Сбросил в реку и тело сицилиейца. Привёл в порядок поляну. Сам сел на палубу и стал ждать товарищей.

Отряд, отъехав пару миль, расположился на небольшой лужайке. Однако пронзительные крики пытаемого долетали до людей.

– Пусть слушают, – с ожесточением подумал Аман Эфер. – Мы взялись за работу, которую только так и делают.

Воины, получившие своих женщин, не испытывали желания куда-то спешить. Однако декурион вскоре приказал собираться и ехать на поляну.

Первый вопрос декурион адресовал Понтию.

– Куда направляемся, принципал? Сицилиец кричал громким голосом, и, надо думать, маршрут что им указан правильно.

– Нет, игемон! Он умер, но не выдал ни имён, ни пути следования друзей. Мужественный человек! Докладываю : я потерпел полное поражение.

– Я не наносил никому увечий, не проявлял жестокости, но я знаю, куда поехала группа всадников с Гердой. И получил я эти сведения за доброжелательность, мягкие поступки. Говорю в надежде, что

произошедший случай не даст тебе полностью ожесточиться. Ниже по течению в одном дне пути стоит маленькая барка, и туда направились новые хозяева Герды. Сейчас мы отплываем и должны захватить барку раньше, чем подойдёт отряд по берегу. Отправляйся на барку и готовь судно к плаванию.

Аман Эфер приказал перенести вещи на судно. Лошади оставались на поляне на вольном выпасе, только десять из них были заведены на палубу и размещены около коновязей, сооружённых вдоль борта. Мужчины сели за весла, Понтий освободил причальные концы, оттолкнулся. Снятая с прикола барка, управляемая Аманом Эфером, который получил кое-какие познания судовождения в юношестве на судах своего отца, устремилась вниз по течению.

Отдыхали посменно и мало. Парни не жалели сил в надежде приблизить конец затянувшегося похода.

Это было утомительное преследование. Зная о возможности неожиданного столкновения, люди Амана Эфера держали оружие под рукой и готовы были в любую минуту вступить в бой.

Встреча произошла неожиданно. Барка римлян вынеслась из-за поворота реки на гребне сливной струи и оказалась в непосредственной близости от цели. Команда грабителей растерялась. Засвистели дротики и стрелы. Трое убитых лежали на палубе, только рослый мускулистый сидонец оказал сопротивление, стреляя из лука.

Женщины по шуму боя, предсмертным крикам, голосам римлян поверили в своё освобождение. Общими усилиями им удалось взломать дверь в палубу.

ной надстройке. Выскочив на палубу, женщины сделали попытку броситься в воду и спастись вплавь. Одна женщина свой замысел осуществила и оказалась за бортом. Но сидонец, находящийся ближе к Герде, успел нанести ей удар по голове колчаном от стрел, и Герда упала, как подкошенная. Барка римлян, управляемая не очень искусным рулевым, который больше наблюдал за боем, чем за берегами реки, налетела на мель, уткнулась носом в отмель и стала разворачиваться кормой. Толчок, полученный Понтием в момент броска пилума, спас жизнь сидонцу: пилум только распорол ему щеку, оставив глубокий след.

Сидонец действовал энергично: Герду затащил в пристройку, прикрыл дверь на засов, подбежал к кормовому веслу и, выгребая им на пределе своих сил, скрылся за поворотом реки.

Римляне действовали не менее энергично. Один воин, скинув панцирь, бросился в воду и через некоторое время со спасённой женщиной выбрался на отмель чуть ниже по течению, другие, схватив шесты, пытались общими усилиями столкнуть барку на чистую воду. Дружные усилия были напрасны, барка глубоко зарылась в песок. Только к вечеру она была снята с отмели. Изнурённый продолжительной работой, раздосадованный упущенными возможностями, отряд Амана Эфера пустился в погоню. Досада не оставляла римлян, начались разборки, но декурион пресёк на корню ненужные разговоры.

В разговоре с декурионом Понтий сокрушался об опасности, подстерегавшей Герду. Он боялся, что

сидонец, оказавшись в безвыходном положении, способен заколоть Герду.

– Мы не должны ставить сидонца в безвыходное положение. Он должен знать о возможности обмена своей жизни на жизнь Герды. Лучше было бы его прикончить, но... надо решать главную задачу. Сейчас нужно прежде всего догнать барку.

Двое суток отряд Амана Эфера гнал барку вниз по реке, однако судно сидонца не было обнаружено. Видимо, хорошо знал реку сидонец, к тому же обладал могучим здоровьем. Двое суток без сна может выдерживать далеко не всякий.

Вышли на последнюю прямую, вдалеке просматривалось море. У самого моря в небольшой бухточке приютился маленький рыбацкий посёлок. Декурион направил барку к посёлку и увидел приткнувшееся к берегу судно сидонца. Где же он сам? Недалеко на двух небольших рыбацких судах возились рыбаки, спешно стараясь завершить какой-то ремонт. Аман уже направился к рыбакам, когда обнаружил, что к нему спешает староста посёлка.

При встрече декурион проявил к должности уважение, а в разговоре спокойствие.

– Меня интересуют люди с той барки, что стоит у берега. Хотел бы я услышать от тебя о последних событиях.

Обычно римляне говорили в беспрекословном тоне, а то и с применением зуботычин. Много бывало шуму, крику. Станный римлянин терпеливо ждал и смотрел на старосту умными глазами, как бы давая ему время на осмысление ситуации.

Приготовившись в душе к отпору, староста успокоился.

– Приплыл несколько часов назад один, мы были несколько удивлены. Два месяца назад он и покупал у нас барку – было их четверо. Они плавали по нашей реке уже несколько лет. Когда уплывали вверх по Соне, своё парусное судно оставляли у нас на хранение, деньги платили вперёд. Обычно приплывали ночью и уплывали, не дождавшись рассвета. На этот раз приплыл утром. Видим, женщину перегнал на своё судно, быстро поднял парус. Наши мужчины ещё на заре ушли в море, только две лодки с мачтами остались у пристани. Так он эти лодки покорёжил, прыгнул на свой парусник и быстро ушёл от берега в открытое море. Вон парус его ещё виден на горизонте.

Все посмотрели в море. За горизонт уходил маленький парусник.

– Когда же твои люди починят лодки? Надеюсь, что надо сменить только мачты, и лодки смогут выйти в море?

– Нет, господин. Сидонец знал своё дело. Он не только надрубил мачты, но повредил и поперечные брусья, в которых мачты устанавливаются. Для ремонта необходимо много времени.

Староста помолчал немного, подумал:

– За такое время уйдёт. Как скроется за горизонт, сменит курс и всё – дело пропащее, кто понимает.

«Значит, погоня закончена, Герда потеряна для меня», – думал Понтий, ощущая пустоту в душе и полный упадок сил. Чувство полного безразличия ох-

ватило его. Понтий направился в сторону моря и остановился у кромки воды. Парус был едва различим.

Аман встал рядом. Смотрели на удаляющийся парус, молчали.

– Знаю, Герда потеряна для меня навсегда, но забыть её я не смогу. Будут другие женщины, которых, возможно, я буду любить, но память о ней не исчезнет. Думаешь, Аман, я смирился? Сейчас да. Что я могу? Человек, прикованный к знамени легиона. Но клянусь тебе, я буду всю жизнь думать о возмездии этому негодяю. Придёт час, когда негоциант от рабовладения пожалеет о содеянном.

– Надо искать Герду, – прервал Понтия декурион.

– Если я найду её, то через много лет, может быть, несколько десятков лет. Жизнь пройдёт.

– Разве не захочется тебе облегчить её жизнь даже в старости? Уверен, она всю жизнь будет помнить о тебе и ждать. Всё время будет оглядываться на дверь при малейшем скрипе. И в старости ожидание будет продолжаться и продолжаться. Надежда на избавление угаснет в её душе только со смертью.

– Не рви душу, Аман. Хочется выть по-волчьи от безысходности. Срединное море огромно. Сколько народов населяет его берега, сколько людей обитает в окрестностях! Только императору и доступны поиски, да и то... скорее всего, напрасные.

Парус окончательно скрылся за горизонтом. Понтий упал на гальку. Долго волна за волной набегала на неподвижное тело принципала. Декурион не сказал ни слова, тихо отошёл и направился к своему отряду.

Пора готовиться в обратную дорогу.

Часть

IV

Месть Понтия Пилата

Тихо в доме командира вспомогательных кавалерийских отрядов. За столом сидят двое. Разговор носит неспешный, но напряжённый характер. Беспокойство одного за судьбу другого выражается в тревожных взглядах. В собеседнике угадывается родственное сходство с Аманом Эфером, и опытный наблюдатель вряд ли ошибся бы, признав в госте родного брата хозяина.

Брат Амана Эфера появлялся в обществе последнего редко, но заботился о нём постоянно. Леонтиск, так звали брата Амана Эфера, приняв дела отца и став богатым негоциантом, владельцем целой флотилии торговых кораблей, добился разрешения сената Рима на поставки продовольствия и фуража для римской армии, выбрав по непонятным для окружающих причинам Пятый Германский легион.

Каждый год префект легиона давал в комиссию сената по обеспечению войск самую высокую оценку снабжению легиона и подтверждал намерение легиона сохранить прежнего поставщика. Тем самым на фоне злоупотреблений и конфликтов, царящих в снабжении войск, Леонтиску давалась прекрасная деловая характеристика.

Благоприятная обстановка позволяла Леонтиску появляться в легионе в удобное для него время. Пред-

почтение отдавалось осенним месяцам, когда легионы возвращались на зимние квартиры и людям давали некоторое время для отдыха.

Походная жизнь Амана Эфера не требовала больших расходов, но появление в его палатке ценных вещей, рукописей в дорогих футлярах говорило о скрытом притоке больших денег. У Понтия Пилата со временем сложились с Леонтиском самые дружеские отношения. Сейчас Леонтиск сидел напротив брата, слушал его и обнаруживал в своей душе борьбу двух мнений. С одной стороны, он не хотел, чтобы его брат стал участником намечающейся акции против Каиафы, считал план действий недостойным уровня философа. Предполагаемые действия касались Понтия Пилата – пусть тот и действует. Зря брат берёт вопросы организации на себя. С другой стороны, Понтий Пилат не случайный прохожий. Благодаря ему, брат – римский гражданин, центурион римской армии. Понтий Пилат причастен к появлению у Амана Эфера личного состояния; сейчас брат является владельцем большого и доходного имения на берегу Ионического моря. Сколько раз они выручали друг друга, рискуя жизнью! Да и почему думать о брате как о философе? По пониманию мира он сейчас больше солдат. Тогда и философия упрощается: защищай своих друзей и себя от различного рода врагов.

Леонтиску не хотелось огорчать брата отказом, тем более, что за много лет тот впервые обратился к нему с просьбой и связана она была с безопасностью брата.

– Меня не должны знать в лицо люди, предназначенные для выполнения главного замысла, – объяснял

брату Аман Эфер. — Когда ты выполнишь свою часть работы и уедешь в Грецию, исчезнет единственное связующее звено. Я не могу никого попросить об этом, кроме тебя. Если быть откровенным, я не доверяю никому. Жизнь показывает, что деньги — серьёзный испытатель дружбы и верности. Что касается дела, будет выделен человек, который, не вступая в контакт с командой старшины, будет наблюдать за событиями со стороны.

Авилий Флакк действительно был опытным администратором, и поэтому при нем наряду с официальными службами существовали и такие, о наличии которых окружение даже не догадывалось. Снабжённый инструкциями, после трехдневного плавания из Кесарии в Александрию под видом купца средней руки, Леонтиск стучал в дверь по указанному адресу. Дверь открыла пожилая женщина и, ни о чём не спрашивая, провела в большую светлую комнату, где и оставила одного, сообщив, что здесь он будет жить и ждать. Отсутствие вопросов привело Леонтиסקа к выводу: в эту дверь случайные люди не стучат.

Тянуть с делами здесь не привыкли. Вечером его посетил гость, непримечательного вида грек в одежде обитателя греческого квартала, он производил впечатление владельца небогатой лавки, которую удача обошла стороной. После положенных приветствий Леонтиск передал своему гостю шкатулку непонятного назначения. Грек не стал делать тайны, а здесь же на столе разложил в определенном, только ему известном порядке всякого рода деревянные фигурки, цветные камешки, бусинки, кораллы различной формы.

Видимо, инструкции были исчерпывающими, и грек здесь же принял решение.

– Завтра утром, господин, за тобой зайдёт провожатый. На улице ты должен показываться только в одежде, которая уже доставлена в дом. Провожатый доставит тебя на место, где состоится ожидаемая встреча.

Небольшая усадьба на краю города хорошо охранялась. Людей по дороге встретилось немного.

На скамье из тяжёлого необработанного куска дерева сидел иудей с приметами, указанными Аманом, но, видимо, заключение в земляной яме наложило свой отпечаток на его лицо. Явным было выражение безысходности и усталости от жизни.

Леонтиск внимательно изучал лицо иудея, мысленно перебирая различные подходы к будущему предложению. Молчание затягивалось. Молчание со стороны старшины указывало на его нежелание вести какие бы то ни было разговоры. Он приготовился к допросу, на котором от него потребуют назвать имена людей, причастных к продаже оружия. Для себя он решил, что будет молчать. Последуют пытки, избиения, изощрённые истязания – надолго ли его хватит? Но он готов ко всему.

Леонтиск начал:

– Надеюсь, тебя не допрашивали, и палач не прикасался к тебе?

– Нет, господин. Пока нет.

– Это хорошо. После истязаний тела в решениях человека незримо будут присутствовать чувство страха и ненависть к своим истязателям. Какое же может быть после пыток соглашение!

После слова «соглашение» глаза старшины выразили удивление.

– Я хотел бы поручить тебе одно важное дело, – без предисловия начал Леонтиск, – в обмен на жизнь и свободу.

До старшины стал доходить смысл сказанного, но по выражению его глаз стало ясно: не на все условия он может согласиться. Разве он может изменить своему Богу? Император Тиберий еще лет пятнадцать назад требовал в Риме от иудеев отречься от Господа в пользу легкомысленных и многочисленных богов. Презренные язычники! Что римляне, что греки!

Леонтиск без труда угадал содержание мыслей старшины.

– Дело, о котором пойдёт речь, не касается твоего Бога. Оно не касается даже каравана с оружием; с караваном римляне сами разберутся. Что касается моего понимания событий, – продолжал грек, – я бы согласился. В моём предложении нет никаких мотивов, стесняющих религиозные или патриотические свободы. Напротив, предоставляется возможность отомстить своим врагам. В жизни редко случается совпадение интересов, особенно в таком положении, в котором ты находишься. Кому-то нужны услуги, совпадающие с твоими интересами.

– Говори, – отозвался старшина.

– Начну с постоянного двора, – продолжал Леонтиск. – Мне известны все события и твои рассуждения, даже содержание угроз в адрес сына Каиафы.

– Если бы только это! Я спокойно, без душевных терзаний прирезал бы его в каком-нибудь переулке вместе с его двумя друзьями.

– Этого не потребуется. Его надо вывезти и сопровождать в течение года, присматривать за ним, обеспечивать охрану и не поддаваться на посулы. Он высоко оценит свою жизнь и своё возвращение в Иерусалим. Скажем, в сто тысяч драхм. Трудно устоять. Умный человек, однако, знает, что устроиться незаметно даже с такими деньгами в мире, контролируемом чиновниками Рима, невозможно. Помнишь, как ты говорил своим товарищам о намерении укрыться в Александрии и затеряться среди почти миллионного населения? Потребовалось всего два месяца, чтобы всех вас выявить и препроводить в тюрьму.

Старшина подался вперед:

– И все остальные в тюрьме?

– А ты думал!

– Господи! Убереги и сохрани нас от римлян!

– Не сохранит Господь, не сохранит. Сам видишь! Лучше думай о себе сам, надёжнее будет. И не отклоняйся от главной мысли. Тебе уже ясно: твоими работодателями могут быть только римляне. Итак, берёшься ли ты за это дело?

Душа старшины ликовала. Неужели такие условия? А если ловушка? Какая ловушка! Он и так у них в руках. Дело для римлян не такое простое: похищение и укрытие нужно провести руками иудеев. Господь не забыл обо мне. Не забыл!

– Нужна команда, нужны деньги, оружие, наконец, – заговорил старшина. – Без твоей помощи дело не решается. Вот если бы их всех троих просто зарезать, тогда ничего не нужно. А что нужно сделать с двумя негодями, сопровождавшими Манассия?

Может быть, стоит их продать в нубийские серебряные рудники? Рабы в тех местах стоят по пять тысяч сестерциев.

– Вот, вот, – вскинулся Леонтиск. – Оставить след. Через несколько дней после похищения начнутся поиски. Прочёсывание будет плотным. В результате парни будут выкуплены, окажутся на свободе и включатся в поиски. За десять тысяч сестерциев вы приобретёте двух врагов с отрядом боевиков, при встрече с ними вам никакое оружие не поможет. Одним словом, эти двое должны исчезнуть без всякого шума. Самого повезёте по заданному пути без остановок и далеко. Команду подберёшь сам, можешь и из тех, кто сидит в тюрьме в Александрии. Отряд не должен превышать десяти человек. Можно бы больше, но у многих языки, как помело. Деньги приготовлены. Нас заботит одно: желаете ли вы провести дело без промедления, без азиатской хитрости и без ненужных осложнений для себя? Прежде всего нас беспокоит корыстолюбие. В нашей совместной игре появятся громадные суммы. Даже если у тебя самого окажется трезвая голова, у других она пойдёт кругом. Не забывай об этом, старшина. А теперь...

Манассий с двумя спутниками возвращался домой после неповторимых часов, проведённых в объятиях Коринны. Сколько сказано красивых слов, выпито вина, какие женщины находились в их обществе! Полное довольство жизнью излучала маленькая компания, пробираясь по узким улочкам Иерусалима. Уже дважды попадались следующие одна за другой несколь-

ко лектик, несомых какими-то бородатыми людьми. Сгустились сумерки, стало трудно различать лица встречных, когда в третий раз появились те же носилки, что послужило поводом к новым развлечениям. Пьяным людям всегда хочется увидеть развлекательность там, где её не может быть.

— Заблудились, заблудились, людям необходимо помочь, — говорил Манассий заплетающимся языком, показывая рукой, что носилки надо поставить на землю.

Для прохожих события интереса не представляли, и когда лектики были подняты и направились по пути следования, никто не обратил внимания на отбытие в носилках загулявшей компании.

К вечеру одного из последующих дней в Кесарию по дороге из Иерусалима въехала неприметная повозка, влекомая двумя усталыми лошадьми, и, проехав город, направилась прямо в порт, где остановилась у небольшого судна, неизвестного местным старожилам.

Владелец судна сошёл на пристань и перебросился с приехавшими несколькими словами, после чего появившиеся неизвестно откуда дюжие парни стали переносить мешки и кули на борт корабля. Все люди взошли на судно, был поднят парус.

Капитан океанской галеры нервничал, вышагивая по палубе своего корабля. Вот уже сутки галера задерживалась на виду острова Кипр, ожидая передачи живого груза. Тайными нитями был связан капитан с людьми из Александрии, и важность дела была очевидна.

Двадцать лет бороздил воды Срединного моря капитан, не раз выходил за Геракловы столбы, сталкивался с пиратами, но оставался живым и сохранил своё судно.

Он был умён и дальновиден; прежде всего это проявилось в подборе команды. Обычно на подобных сорокавесельных галерах содержались гребцами около ста рабов, прикованных цепями к своим скамьям, а защиту в случае нападения осуществлял отряд наёмников человек в двадцать. Капитан поступал по-другому. Он покупал рабов с берегов Понта Эвксинского или Каспия, куда дорогу редко кто знал. Море такие рабы знали хорошо и в плавании чувствовали себя в родной стихии. Между плаваниями рабы жили в доме, специально для них построенном. Там они спали, их кормили, давали деньги на женщин. Потерявшие силы рабы жили там же, имели кров и еду.

Взаимоотношения, созданные капитаном, позволяли держать рабов без цепей, они считались членами экипажа. Когда же дело доходило до схваток с пиратами, гребцы становились воинами и стойко сражались за свою относительную свободу, понимая, что новое рабство будет для них непосильным испытанием.

Капитан содержал только пятерых наёмников во главе с принципалом римской пехоты для обучения своих рабов военному делу и организации обороны в морских сражениях.

Понимал капитан и неугасимое желание некоторых рабов обрести свободу и вернуться на родину. Не успевал такой раб оповестить кого-либо из товарищей по команде о своих устремлениях, как уже налегал на вес-

ло другой галеры, прикованный цепью к скамье, которая и обеспечивала его жизненное пространство. Бдительность капитана позволяла отбирать послушных рабов и быть уверенным в боеспособности своей команды.

Капитан получил заказ на доставку олова с Британских рудников для казённых оружейных мастерских в Александрии и сразу же начал подготовку к плаванию. Одновременно по другому каналу он получил указание доставить группу людей в посёлок оловянных рудников.

Шли уже вторые сутки ожидания, а встреча ещё не состоялась. Тревожные мысли волновали капитана: получены немалые деньги, и хотелось бы выполнить работу без осложнений.

На третьи сутки к борту галеры пришвартовался небольшой парусник. Десять человек перешли на галеру и поместились на корме корабля, где им были отведены помещения.

Капитан приободрился и, посадив гребцов за вёсла, взял курс к Геракловым столбам. При небольшом ветре галера медленно продвигалась на запад. Дни проходили за днями однообразно и монотонно. Ветер был слабый, гребцы работали на вёслах целыми днями. Небо и море были пустынно.

Капитан интересовался и небом, и морем, и пассажирами. Немного удалось установить капитану. Группа, кого-то охранявшая и сберегавшая, состояла из иудеев. Перед дверьми отведённых помещений двое всегда сидели на корточках, как на дежурстве. Иудеи отличались молчаливостью, скупостью жестов. Глаза на бородатых лицах горели огнём непримиримости ко

всему на свете. Мускулистые руки и налитые силой фигуры выдавали в них скорее воинов, нежели негодяев, за которых они себя выдавали. С капитаном разговаривал только один старшина и то по бытовым вопросам: поесть, попить, где взять бадью, чтобы окатиться забортной водой.

Таинственное лицо, которое сопровождали иудеи, днём на палубе не показывалось. По ночам совершались длительные прогулки под бдительной охраной. Ночные прогулки капитана не беспокоили, его постоянно тревожили мысли о пиратах. Он, его помощник и дежуривший в бочке на мачте матрос держали круговой обзор морского горизонта. Всё складывалось слишком спокойно, но... эта компания, за которую капитан отвечал головой.

Опыт подсказывал, что как только на борту галеры оказывался ценный груз, откуда ни возьмись появлялись эти акулы морей. Беспокойство капитана как бы излучало волны тревоги, которые и притягивали суда морских грабителей.

– На горизонте три паруса, – прокричал смотрящий с вершины мачты. – Идут на перехват.

– Что и ожидалось, – кивнул головой капитан и отдал приказ ускорить ритм работы гребцов в надежде оторваться от преследователей.

Через час стало очевидным, что пираты нагонят галеру. Многопарусная оснастка, неизвестная капитану, позволяла использовать слабый ветер и сообщала пиратским судам достаточную скорость преследования. Капитан собирался отдать приказ ещё повысить ритм гребцов, когда к нему подошёл старшина иудеев.

– Капитан! Мне приходилось слышать об этой шайке пиратов, и я мог бы дать несколько советов, если они будут приняты без обиды.

– Ты, я вижу, бывалый человек, – пристально оглядывая старшину, отвечал капитан, – только глупый откажется выслушать совет при неблагоприятном раскладе сил.

– Как бы мы ни ускорили ритм гребцов, фелуки нас настигнут. Не через три, так через четыре часа. Только люди после четырёх часов работы будут измочалены и к бою непригодны. Долго ли могут противостоять в бою люди, изнурённые многочасовой напряжённой работой? Я бы их накормил и дал время хорошо отдохнуть, не спеша приготовился к сражению. Вот тогда нам удалось бы отбить нападение. Я говорю нам, значит, мы примем участие в бою.

Слова иудея звучали убедительно.

– обороной пусть занимается принципал, для того ты его и держишь, – продолжал старшина, – а внутреннюю палубу предоставь нам для обороны. Девять человек, вооружённых метательными ножами, – большая сила в бою.

Иудей распахнул талиф, и на его животе капитан увидел пояс, представляющий набор ножен, в которых размещались метательные ножи невиданной им ранее формы.

– Решение принять участие в сражении одобряю, – говорил капитан, глядя на пояс иудея, – но согласись, что нужно поверить в силу нового оружия, которое я прежде в глаза не видел. Покажи свое мастерство на деле, думаю, это не трудно.

Старшина отошёл от мачты почти на половину длины галеры и спросил: «Куда?»

Капитан указал отметину на мачте и отошёл на всякий случай подальше от указанного места. Он не успел заметить, когда иудей выхватил нож из пояса и метнул. Что-то мелькнуло в воздухе, и нож задрожал в точно указанном месте. Для убедительности старшина метнул еще два ножа: они расположились на одной линии на одинаковом расстоянии друг от друга.

Капитан подошёл к мачте и попытался вытащить нож – усилий хватило с трудом.

– Могу метнуть сильнее, но кто сможет извлечь нож из мачты?

Старшина показал рукой в сторону сидящих на корточках иудеев.

– Другие из моей команды владеют ножами не хуже; нас учат с мальчишеских лет. На каждом из них пояс по двадцать ножей, промахов мы не делаем.

Вокруг шла подготовка к бою. Капитан обратился к старшине:

– По-твоему, сколько же людей несут три преследующие нас корабля?

– На каждой фелуке по 80 – 90 человек; отчаянные люди, не боящиеся смерти, хорошо владеют холодным оружием.

Капитан усмехнулся:

– В наше время, если ты очень боишься смерти, лучше не выходить за порог своего дома. Исход морского боя решает не только мастерство воинов, но и организация, порядок, дисциплина, которыми шайки

пиратов не обладают. Правда, нападающих в два раза больше по численности...

Откуда-то на галере появились деревянные щиты, и гребцы устанавливали их вдоль борта, закрывая будущих защитников по пояс и выше. В местах размещения воинов щиты достигали человеческого роста и служили хорошей защитой от дротиков, стрел, свинцовых шаров. Оружия было достаточно. Гребцы были вооружены по римскому образцу. Страх перед могущественным противником не чувствовалось. Капитан понимал психологию людей и покупал рабов с расчётом на их природную храбрость; наблюдалось даже некоторое нетерпение схватиться со знаменитыми пиратами.

Укрывшись щитами, галера медленно подвигалась вперёд.

И капитан, и принципал хотели использовать скрытые возможности для ослабления нападающих до момента прямого абордажа. Набитые людьми фелуки начали вплотную приближаться к галере. Одна из них стала заходить с правого борта, две другие – с левого с намерением зажать галеру одновременно с двух сторон. Галера, подгребая пятью веслами левого борта, сама стала приближаться к атакующему судну.

Техника абордажа была известна обеим сторонам. Пять вёсел галеры поднялись и уперлись в борт фелуки, не давая ей приблизиться и высадить десант. Пираты забросили канаты с крючьями за борт галеры, стремясь сломать вёсла силой своих рук. Так они надеялись подойти вплотную к самой галере. В напряжённый момент с галеры в дело вступили лучники и

метатели, обрушив тучу стрел и дротиков на атакующих. Вёсла выгибались и трещали под усилием натянутых канатов, но человек двадцать из команды фелуки были убиты или тяжело ранены и в дальнейшей борьбе участия принять не могли. Большая часть лучников и метателей дротиков перешла на левый борт, где на сближение подошли две другие фелуки.

По экипажу подошедших фелук был нанесён такой же удар метательными средствами.

Раздался треск сломанных вёсел, и все три фелуки были притянуты к бортам галеры. На палубу галеры пираты прорывались между высокими щитами, но там их встречали копья и мечи. Некоторые пользовались особенно лихим приёмом: повиснув на канатах, подвешенных к верхушке мачты, они перелетали на палубу вражеского корабля и вливались в общую свалку. На этот раз, не успев приземлиться на палубу, они падали мёртвыми, получив удар ножа иудея. Несмотря на прочную оборону, всё новые и новые группы пиратов прорывались на палубу корабля, и казалось, что через несколько минут боя они заполнят собой свободное пространство палубы. Грохот сражения стоял над сцепившимися кораблями. Кто криком подбадривал впереди идущих, кто издавал последний вопль, расставаясь с жизнью. Кричали все в общем шуме лязга мечей и треска щитов. Иудеи равномерно рассредоточились по палубе так, чтобы спины их были защищены палубными надстройками. С начала абордажа, стоя на своих местах, они невозмутимо метали ножи в появляющихся в их поле зрения пиратов.

Палуба была завалена телами погибших, а натиск пиратов не ослабевал. В одно мгновение обстановка изменилась. Капитану пиратов стало ясно, что он попал в ловушку. Экипаж галеры был обучен и готов к бою, на палубе шло истребление его людей. Трубные звуки перекрыли шум сражения, призывая пиратов вернуться на свои фелуки. Но осуществить призыв оказалось непростым делом. С большим усилием прорвались пираты на палубу галеры, с неменьшим предстояло вырваться назад. Кольцо окружения вокруг пиратов становилось все плотнее, пока оставшиеся в живых не побросали оружия, понимая бесполезность сопротивления. Их не спешили прирезать, памятуя о живьем товаре, дорого ценившемся в местах, куда направлялась галера.

Фелуки, приняв людей, сумевших спастись с галеры, пытались отойти от галеры и уйти в море, однако капитан и принципал жаждали полной победы. Абордажные крючья полетели в обратную сторону, лучники и метатели дротиков заняли свои места. На палубе появились факельщики, и сразу же на фелуках вспыхнули просмолённые паруса. Галера начала отходить малым ходом от загоревшихся судов. На некотором расстоянии галера остановилась и спустила шлюпку, которая подошла ближе к горящим фелуками и была готова принять на борт желающих спастись. Сколько обнаружилось желающих идти в рабство! — бесстрашным пиратам жизнь была дорога. Немногие уплывали в открытое море, предпочитая смерть рабству. На палубу поставляли всё новых и новых пленных; их тут же отводили в трюм и приковывали цепями к

скамьям. Галера неспешно двинулась к Геракловым столбам.

Капитан отдал приказ очистить палубу. Он наблюдал, как иудеи, прежде чем сбросить убитого в море, искали ножи, представлявшие для них большую ценность. Капитан не поленился сосчитать количество извлеченных ножей; к своему удивлению, он обнаружил 85 жертв иудеев. Так вот кому он обязан победой. Треть экипажей пиратских фелук погибла от рук молчаливых, незаметных иудеев. Сам он не поверил бы, не сосчитай лично ради любопытства. Капитан смотрел на них совсем другими глазами, чем два часа назад. Для себя он принял решение заполучить иудеев к себе на галеру; с такими людьми не страшны никакие встречи ни на море, ни на суше.

Капитан потерял в схватке несколько человек убитыми, на борту оказалось много раненых, но, установив возможности иудеев, он чувствовал себя уверенно и не боялся второго нападения. В очередном разговоре он с одобрением отозвался об участии группы старшины в морском сражении и упомянул 85 убитых, показывая, что человек он деловой, умеет видеть и взвешивать дела других. Старшина покивал головой в знак согласия, давая понять, что тоже умеет ценить свои услуги. Капитан пошёл дальше и выразил намерение треть вырученной за рабов суммы отдать иудеям. Старшина неожиданно предложил выделить ему только четвертую часть пленных, но в живом, образно говоря, виде. Капитан сделал вывод о собственных интересах иудеев в колонии оловянных рудников и с предложением службы решил повременить.

Галера подвигалась к цели намеченным путём, пользуясь попутными ветрами. Стало веселее, когда вышли за Геракловы столбы. Свежий ветер подхватил корабль и быстро повлёк его на север.

За всё время плавания никто не видел лица пленника, сопровождаемого отрядом иудеев. Пленник появлялся на палубе, когда совсем темнело. Цепей на нём не было, ничто не связывало его движений, но спутники ни на минуту не выпускали его из вида. Днём же пленник отсыпался в своём помещении. Капитан тысячу раз задавал себе вопрос: кто этот человек? Вопрос вертелся у многих на языке. Однако капитан своим примером гасил бродившее на корабле любопытство. Из опыта он знал, что иногда лишние знания дорого обходятся в жизни.

Приближались к намеченной цели. В удобной бухте на западном побережье острова расположился посёлок оловянных копей, деятельность которых курировала сенатская комиссия. На краю посёлка на возвышении располагалось римское укрепление, господствовавшее над местностью. Сильный гарнизон охранял посёлок и рудники от набегов местных племён кельтов, которые были покорены римлянами ещё во времена Юлия Цезаря.

Оловянные рудники находились в десяти стадиях от посёлка. Там же содержались рабы, работающие на рудниках. На краю посёлка дымились печи, где из предварительно обогащённой руды выплавлялось олово. На пристани располагались амбары для хранения слитков, предназначенных мастерским метрополии. Под погрузкой стояло несколько кораблей, прибывших из

различных городов обширной Римской империи. Галера из Александрии сразу встала под погрузку слитков на одно из свободных мест.

Старшина решил в первую очередь заняться условиями быта и содержания появившихся у него рабов. Появилась мысль взять небольшую концессию по добыче руды. Тогда удалось бы спрятать пленника среди рабов, полученных от капитана галеры; любопытство окружающих было бы нейтрализовано.

Плохо знал старшина людей, с которыми его столкнула судьба. Не успел он ступить на пристань, как к нему подошёл представитель римской администрации. Организована и концессия, и условия содержания рабов, и быт самих иудеев. Оставалось закупить рабов на оставленные деньги. Узнав о наличии рабов, римлянин только развёл руками и передал старшине мешочек серебра, предназначенный для расходов.

Концессия оказалась несколько в стороне от места содержания рабов рудника, в остальном же она ничем не отличалась от действующих рудников как по оборудованию, так и по технике работ. Выделенные штольни оказались узкими коридорами, вырубленными в склоне холма. У входа лежали кайла, тележки для перевоза руды, довольно примитивные приспособления. Помещением служил длинный барак, в одной половине которого должны размещаться рабы, в другой — люди старшины.

По предложению администратора старшина здесь же принял на службу человека, знающего условия содержания рабов и организацию работ в штольнях. Старшину привлекло в лице будущего руководителя

работ выражение скрытой мягкости и затаённого чувства милосердия. Именно такой человек ему и был нужен. При таком распорядителе Манассий точно останется живым.

Никто не чинил препятствий группе старшины, и через несколько дней начались работы по добыче руды. Жизнь стала напряжённой. Прибавилось шестнадцать рабов, и восемь человек старшины крутились как белка в колесе для обеспечения работоспособности так называемой концессии.

Основной инструмент раба – кайло, много им работаешь? В забоях не хватает воздуха, каждый удар кайлом стоит больших усилий, а работать приходится по 11–12 часов. Манассию было особенно тяжело, он не был приучен к физическому труду. Детские, юношеские, а затем и молодые годы прошли беззаботно, полные довольства. Конечно, он тренировался в гимназических залах, учился, был прилежным учеником, но для работы под землёй, в руднике нужно было иметь другое детство, другую жизнь. Сил не хватало, и отчаяние охватывало его душу при мысли, что так может продолжаться до конца его дней. Попав из забоя на свою подстилку из соломы, Манассий проваливался в тяжёлый сон, а утром, побуждаемый пинками своих собратьев – иудеев, ненавидевших его лютой ненавистью, плёлся в общей колонне к руднику. Манассий жил и работал среди рабов, но за ним зорко следили. Он всегда находился в поле зрения охраны, даже когда спал. Его берегли от жестокости соседей, как бы случайно появляясь в самый драматический момент столкновения, в его посуде обнаруживался лишний

кусок мяса, а корзина для руды оказывалась меньшей по объему.

Так проходили недели, месяцы. Старшина старался обезопасить себя от возможных случайностей. Сразу по получении рудника он организовал пробивку штольни на противоположную сторону холма с тайным выходом в незаметную хижину, где расположил десяток лошадей. В бухте стоял скромный рыболовецкий баркас, готовый к выходу в открытое море. Старшина был готов к любым поворотам жизни, но он и не предполагал, что уже начала разгораться та искра, от которой запылает земля под его ногами.

Загрузилась слитками и ушла из бухты александрийская галера, продав предварительно рабов, захваченных в морском сражении. Немногословен был капитан, редко посещали харчевни посёлка гребцы галеры, но после её ухода остался налёт таинственности: какие-то люди кого-то везли, что-то скрывали. Всё чаще и чаще в харчевнях люди задавали друг другу подобные вопросы. Невольно внимание привлекала группа иудеев, оставленная александрийской галерой. Иудеи за разработкой оловянной руды! Само по себе в греко-римском мире явление необычное. Вырисовывалась ошибка устроителей.

В замкнутом мире посёлка событий было мало, и жизнь требовала заполнения возникшей пустоты. Разговоры падали на благоприятную почву. Люди портовых притонов не остались в стороне, почуяв возможность поживиться. Как ни молчаливы были иудеи, как ни редко заходили они в харчевни, как ни уговаривал старшина своих соратников не пить вина, не

заводить дружбу с поселковыми жителями, из отдельных слов вырисовывалась канва, из которой следовало, что привезён и охраняется человек, за которого назначен выкуп 100 тысяч денариев. Сумма на краю Римской империи неслыханная.

Слухи достигли римского наместника Децидия Сакса, управляющего местной римской колонией, рудником и прилегающими местностями. Был он немолод, осторожен и трусоват, что не позволило ему разбогатеть на продаже продукции казённого рудника, но обеспечило пятнадцатилетнее стояние у кормила власти. Заветная мечта стать богатым человеком оставалась мечтой по простой причине: Децидий Сакс знал, что его деятельность находится под тайным контролем канцелярии зарубежных колоний, и приворовывал в пределах негласного позволения. И вдруг такие события разворачиваются на территории его наместничества. 100 тысяч драхм! Наконец-то добыча пришла к нему в руки. Всё, что не связано с казной империи, — его личная добыча.

Сотрудники администрации посмеивались над наместником за его спиной, намекая на дряхлость и мягкотелость. Зря они так думали. Энергия, распорядительность, воля преобразили Децидия Сакса. Окружающие поняли: за дело взялся бывалый солдат и римский гражданин.

Был вызван начальник стражи рудников. Под предлогом возможности эпидемии чумы он должен был завладеть рабами иудеев и, выделив одного по имени Манассий, доставить его в местную тюрьму, где была приготовлена отдельная камера.

А из Срединного моря в Британию уже устремилось несколько кораблей для проверки слухов. Долго плыла к родным берегам александрийская галера, минуя пристани, таверны, встречи, расставания. Много ушей слушало и ловило разные слова; в результате последовала команда: в Британию, на оловянные рудники Децидия Сакса.

Надвигалась третья волна опасности. Тревожные предчувствия томили старшину. Предусмотрительность его возрастала. Постоянно дежурил человек, наблюдавший передвижение римских отрядов охраны рудника, девять лошадей стояли наготове в неказистой хижине. Тревоги были не напрасны. Наблюдатель доложил старшине о приближении со стороны посёлка подозрительной группы. Старшина последнее время пропадал по вечерам в харчевнях: кое-кому перепало серебром, а другие узнали вкус итальянского вина.

Он внимательно рассматривал группу из четырнадцати человек. Это те самые люди, о которых его предупреждали. По распоряжению старшины иудеи в полном составе погнали рабов в штольни, захватив приготовленную еду и оружие. Вскоре ватага подошла ко входу, выкрикнула старшину и стала требовать выдачу Манассия, сопровождая требования угрозами и расправой в случае отказа. Действуя под покровом темноты, привыкнув к повиновению обывателей, ватага пришла в ярость, когда старшина заявил, что выдавать он никого не собирается, и дружно полезла в штольни: надо сейчас же наказать непослушных. Старшину же заботило, чтобы никто из группы напа-

дения живым не вернулся. Он подзадоривал джентльменов удачи, заманивая их в глубину штолен. Опомнилась ватага, когда четверо лежали мёртвыми, а кругом нависла темнота. Бросились к выходу, но тот был уже завален. Началось бессмысленное толкание у завала; попытка его разобрать кончилась обвалом. Тогда предводитель ватаги, используя труп товарища в качестве щита, бросился назад в штольни, стремясь сблизиться с противником на длину меча. В узких проходах разгорелось настоящее сражение. Знание расположения штолен позволило иудеям одержать полную победу. Иудеи потеряли двоих ранеными. Старшина отправил раненых с сопровождающими по запасной штольне в хижину. Уже готовились накормить людей, когда наблюдатель обнаружил вторую группу вооруженных людей, направляющихся к штольням. На этот раз к иудеям направлялся отряд римской вспомогательной охранной службы.

Старшина распорядился отправить на баркас часть своих людей, взять Манассия, раненых, сопровождающих и быть готовыми отплыть в любую минуту.

Начальник стражи был всегда в курсе дел в порту и посёлке. План захвата портовой шайкой пленника иудеев был ему известен. Его план казался ему ещё проще: забрать пленника у оставшихся в живых грабителей после того, как они уничтожат в бою отряд иудеев. Когда же к полудню со стороны концессии иудеев никто не показался, начальник стражи принял решение действовать. Подъехав ко входу в рудник, начальник стражи, делая вид, что ему неизвестна судьба портовой шайки, потребовал старшину и приказал

ему передать всех рабов для обследования по причине возникновения эпидемии чумы. Старшина высказал полную готовность, и действительно, рабы стали выходить из штолен один за другим. Вышли шестнадцать человек.

Начальник стражи понял, что добывать Манассия ему придётся в полном смысле из-под земли, и отдал распоряжение двинуться в штольни и быть готовыми к бою; по его представлениям, под землей находилось еще девять человек. Начальник не знал о запасном выходе. Звуки трех обвалов, раздавшиеся из центральной штольни, крики засыпанных людей свидетельствовали о непредвиденном развитии событий. Беспечность и самоуверенность начальника стражи исчезли сразу. Он был далеко не глуп и догадался о запасном выходе. Во все стороны поскакали всадники, вскоре запасной выход был обнаружен.

С остатком отряда начальник стражи поскакал к пристани. От пристани уже отходил рыболовный баркас, на нём поднимали парус. Попытка его остановить успехом не увенчалась. Несколько стрел, пущенных с баркаса, ранили двух воинов и свалили трёх лошадей. Тогда начальник стражи приказал отыскать сторожевую галеру. Через час галера отошла от пристани, набитая легионерами вспомогательных отрядов. Началась многочасовая гонка преследования. При малом ветре галера имела преимущества, и старшина, направляя баркас к берегам Галлии, уже понимал, что будет перехвачен раньше, чем ему удастся достичь желанных берегов.

Через несколько часов галера подошла на расстояние полёта стрелы, и с её бортов начался интенсивный

обстрел баркаса. Галера пошла наперерез, надеясь сблизиться на расстояние броска абордажных крючьев. Неискушённые в морских боях воины вспомогательной пехоты ринулись было в атаку, но остановились, увидев, как выкосили ножами иудеи два первых ряда атакующих. Возникло замешательство. Раздался голос старшины:

– Игемон, неужели ты думаешь, что получишь Манассия живым? Ты же бывалый человек, и тебе не годится так решать дело. Если мы проиграем, я перережу горло этому парню: никакого выкупа вам не видать. Поэтому прежде хорошо подумай.

– Предлагаю известный всему миру способ обмена: вы передаёте нам Манассия, я отпускаю вас живыми, – прокричал в ответ начальник стражи.

– Какие же гарантии мы будем иметь после передачи Манассия?

– Мое личное слово, – несколько напыщенно, но искренне ответил начальник стражи.

– Не надо делать из нас детей, – громко говорил старшина. – На горизонте видны берега Галлии. Там, на берегу, в условиях, обеспечивающих нам свободу, вы получите Манассия.

Начальник стражи дал согласие, и оба судна двинулись к видневшейся на горизонте полоске земли.

С обеих судов люди высадились на землю. Старшина, заняв позицию, позволяющую беспрепятственно уйти на восток, передал пленника четырьмя римлянам, подошедшим на оговорённое расстояние. С римской стороны никаких попыток нарушить соглашение не предпринималось – все помнили о ножах иудеев.

Расставшись с Манассием, с римлянами, старшина повёл товарищей на восток по причудливо извивающейся дороге. Откуда было знать старшине, что дорога через некоторое время вновь приблизится к побережью, а начальник стражи не простит пережитого позора. И когда старшина падал на землю с пилумом в сердце, сознание высветило последнюю мысль:

— Так по-детски попасть в засаду. Господи, где ты есть!

За те полгода, что пропал Манассий, согнулся и постарел Каиафа. Ни на минуту не покидала его мысль о сыне. Как легко он ценил жизнь, когда дело касалось других людей! Надежда, однако, его не покидала. Постоянно он со своими людьми находился в поисках. В периоды затишья суеты мысль останавливалась на одном вопросе. За что? Только ли из-за денег? Исчезновение Манассия может быть наказанием, ответным или предупреждающим ударом. Мысль наконец набрела на наиболее вероятный ответ. Он вторгся в личные дела прокуратора, угрожал ему позором Клавдии. Понтий Пилат уступил, подписал приговор галлийскому пророку, но почему он, Каиафа, считал, что такой поступок с его стороны останется без последствий?

Сейчас супруга Понтия Пилата находится в Риме. Её и детей охраняет отряд телохранителей. Тесть Анна и его сыновья смеялись, узнав подробности. Случившееся представляется им как страх прокуратора перед синедрионом. Глупые люди! Считали возможным диктовать Понтию Пилату свою волю. Как я возражал

против такой позиции! Плохо возражал. Если бы знать, какую цену придётся заплатить за этого пророка, не лез бы на рожон.

Со временем Каиафа утвердился в своем предположении. Если Манассий жив, необходимо найти путь к Понтию Пилату или ждать, когда тот сам начнёт прощупывать почву. Каиафа решил действовать первым.

В тот памятный день Каиафа встал полный решимости начать борьбу за своего сына. Но, как часто бывает, созрело и само время. Тайно, с большими предосторожностями ему было передано письмо, определяющее условия выкупа Манассия. Указывалась сумма в 100 тысяч драхм. Каиафа настолько свыкся в мыслях с большой суммой выкупа, что готов был немедленно приступить к процедуре обмена. Условия передачи Манассия требовали времени и были составлены таким образом, чтобы обезопасить людей, участвующих в обмене. Каиафа выполнил требуемые условия.

Встреча состоялась. На открытой поляне, позволявшей окинуть взглядом местность и удостовериться в отсутствии засады, не было людей, если не считать оборванного странника, купающего и моющего своего ослика в маленьком ручье с плоскими берегами. Вдвоём с банкиром Исааком бен Сирахом, банкирская контора которого несколько десятилетий располагалась в портиках храма, Каиафа поджидал группу лиц,двигающуюся в их направлении. Каиафа находился во власти ожидания. Его била мелкая дрожь.

Зоркие глаза банкира уяснили обстановку раньше, и Каиафа услышал:

– Укрепи свой дух, равви. Господь не бросит тебя в тяжёлую минуту. Пусть надежда останется в твоём сердце.

Каиафа понял. Силы стали оставлять его, но требовательный голос призывал его позаботиться о попавшем в беду иудее.

– Господь посылает тебе испытание. Ты должен спасти пленника, пройти с достоинством через муки души. Господь вознаградит тебя, Каиафа. Помни, что путь к сыну лежит через спасение правоверного иудея, имя которого мы сейчас узнаем.

Известные с детства обороты речи влили в душу Каиафы новые силы. Он выполнит любые испытания Господа, и Господь не забудет его и его сына.

Трое приблизились на расстояние вытянутой руки, но душераздирающей сцены, ожидаемой римлянами, не последовало. Каиафа внимательно изучал лицо молодого иудея и находил в нём знакомые черты

– Я сын равви Шемайя, живущего в двух днях пути от Иерусалима. Ты должен знать моего отца, равви. Год назад отец приезжал в храм, там он разговаривал с тобой; я стоял рядом.

– Я вспомнил тебя, Манассий. Ты пропал в то же время, что и мой сын, и вот ты объявился. Вознесём же хвалу Господу нашему.

Каиафа повернулся к сопровождающим.

– Вы уже догадались: это не мой сын. Кто-то сыграл с вами злую шутку. Разбирайтесь сами. О деньгах, которые вы хотели получить, не может быть и речи.

Разговор пойдёт сейчас о вашем молодом пленнике. Мы не можем оставить Манассия, правоверного иудея, в ваших руках, но предложим достойный выкуп. Он обратился к банкиру.

– Ты хорошо знаешь цены, назначь и эту.

– Три тысячи драхм вдвое перекрывают стоимость раба в любом районе Срединного моря.

– Да мы скорее убьём его, чем согласимся на такие деньги, – закричал один из сопровождающих, коверкая слова. – Этот пёс обманул нас. И пнул ногой Манассия с такой силой, что тот рухнул на землю. Каиафа поднял руку.

– Не делай так, чужестранец. Вы позаботились о своей безопасности, но и я позаботился о своей. Убивать в этой стране вам никого не следует. А деньги? – найдёте моего сына и получите всё сполна.

Узнав в сопровождающих римских служащих самого низкого ранга, Каиафа представил, как могли развиваться события.

– Бездарные ремесленники! Бандитизм – профессия, требующая больших знаний, она не допускает ошибок. Ваш же начальник провёл дело на одних ошибках. Сейчас и вы пожинаете плоды его никчёмной деятельности. Уверен, перехватывая Манассия, вы прикончили его хранителей, в том числе и тех, кто знал о нём достаточно много. Вы даже не удосужились спросить у него самого, кто он. Ваша профессия требует не только осторожности, но и внимательности. Но где там! А деньги возьмите. Пригодятся в дороге. И не вздумайте показывать здесь свой характер, – прикрикнул Каиафа, увидев, как руки

римлян потянулись к мечам, – а то и расходы на обратную дорогу не потребуются.

Каиафа поклонился Исааку бен Сираху:

– Благодарю тебя за внимание и помощь. Мои люди помогут тебе добраться до дома, а я посижу на берегу ручья, послушаю шум воды и отойду душой в одиночестве и тишине.

Каиафа, тяжело ступая по траве, направился к ручью, сел на пригретый солнцем камень. Он наблюдал безмятежность природы, слушал шум бегущей воды. Как безучастен окружающий мир, и в этом мире разрывается его сердце. Долго сидел Каиафа, устремив взгляд на непрерывные струи речушки, пока не обратил внимание на странника, купающего своего ослика. Казалось, шкура ослика была вымыта не только снаружи, но и изнутри, однако странник занятия не прекращал. Благодарный ослик мордой тыкался в живот хозяину, понуждая его продолжать купание.

Умилительная картина взаимоотношений ослика и хозяина заинтересовала Каиафу.

– И давно ослик служит тебе, странник? Какой ласковый у него характер!

– Только сегодня, господин, передали мне его в собственность за одну важную, как говорят, услугу, которую я должен для кого-то организовать.

– Ну и как быть с услугой? – промолвил Каиафа, понимая, что разговор принимает особую направленность.

– Начинаю выполнять, – ответил странник. – Услуга заключается в разговоре с тобой о жизни, о сыне, об условиях его возвращения домой.

– Вот Господь и испытал меня, – подумал Каиафа и обратился к страннику:

– Значит, мой сын жив?

– Да, господин, жив и здоров. Мне поручено вести с тобой переговоры, и, конечно, вручены соответствующие инструкции. Во-первых, условия выкупа более тяжелы. Сумма выкупа равна миллиону сестерциев.

– Таких денег у меня никогда и не было, – ахнул Каиафа.

Странник вытащил из складок хламиды свиток и подал Каиафе:

– Здесь перечень недвижимого имущества вашей семьи и его денежные оценки. Люди, ведущие дела твоего сына, прекрасно обо всём осведомлены.

Каиафа развернул свиток и пробежал глазами его содержание.

– Я разорён.

– Может, именно этого добиваются твои враги. Укрепи свой дух, Каиафа. Несколько слов о передаче денег. Твой банкир, который был только что здесь, передаст платежную ведомость в Рим многолетнему партнёру Гнею Лицинию. Последний будет ждать подписи и печатей – твоей и Исаака бен Сираха. Господин, ты догадываешься, что делается так с целью пресечь любые попытки обогнать вестника, направляющегося в Рим с платёжным документом.

– Во-вторых, есть ещё одно условие, – услышал Каиафа. – Ученикам Иисуса, распятого год назад на Пасху, должно быть разрешено жить в Иерусалиме.

– Какой он пророк! Таких столько бродит по дорогам Иудеи – не счесть.

– Тем более, выполнение второго условия не составит для тебя труда.

Лицо Каиафы стало наливаясь кровью, в глазах появилась злоба.

– Ты думаешь, мы не понимаем, что произошло. Можно подумать, синедрион смеха ради отправил галилеянина на крест. Мы хорошо научились отличать болтовню от ереси, опасной для страны. Как я понимаю, римляне уловили смысл ереси и хотят запустить её чуть ли не в священный храм. Зря стараются. В Иерусалиме у них ничего не получится ни сейчас, ни позднее.

Странник с неподдельным интересом слушал первосвященника:

– Разве может быть серьёзная ересь в словах несчастного галилеянина?

Казалось, первосвященнику синедриона только и нужен молчаливый слушатель:

– Галилеянин утверждал, что Господь наш является богом и отцом всем людям земли. Он глубоко заблуждался. Наш бог – это бог евреев, и своим богом силён и един народ. Две тысячи лет племя левитов боролось за единого бога, преодолев отступления и заблуждения. Когда, наконец, мы стали едины, стали нацией, пережившей десятки государств, является, как ты говоришь, пророк и начинает сокрушать дух нации. Дух нации — прежде всего в заповедях пророка Даниила об избранности богом еврейских племён.

– Понятно! Вам не хочется терять идею избранности иудеев, на основе которой вы решаете нацио-

нальную задачу. Тогда скажем так: ученики Иисуса забудут мысль Учителя.

– Удивительно просто. Забыть! Лучше не вспоминать, – кипятился Каиафа. – Высказаны и другие неприемлемые для правоверных иудеев мысли. Доктрина о всепрощении, о непосредственном общении с Богом. Существует структура церкви, имеющая тысячелетнюю практику, во главе которой стою я. Как же ты представляешь мою роль в этом деле? Даже если бы я сам захотел поддержать мысль галилеянина, мне бы такого не позволили. Слишком многие интересы пересеклись в столкновении предложенных доктрин.

– Вопрос этот также решается просто, – глаза странника смеялись. – Ученики Иисуса забудут и об этих тезисах Учителя.

– Так чем же они будут заниматься в Иерусалиме? Зачем тогда необходимо их пребывание в городе?

Странник выразил недоумение.

– Зачем? Я и сам не могу понять, зачем ученики галилеянина потребовались в Иерусалиме. Но чем они будут заниматься, представляю: жить, молиться в храме во славу Господа, вспоминать своего Учителя, его добродетели, ум, любовь к людям. За ним числятся кое-какие деяния; их тоже необходимо обсудить.

– На таком фоне решения синедриона выглядят далеко не мудро. Сознанию людей будет трудно примириться с подобными противоречиями.

Странник глубоко вздохнул.

– С этим вам придётся примириться. Сознание же людей способно удовлетвориться такими объяснениями, что только диву даёшься. Для выявления противоречий

нужен активный и мыслящий ум, но откуда он у рыбаков, плотников, земледельцев? Не усложняй дела, мой господин! Если верить твоим словам, то твой сын, равви, непричём. Как будто он и не связан с проводкой каравана с оружием. Факт насилия оставим в стороне.

– Каким бы негодяем ни был мой сын, он мой сын, и я не собираюсь позволить римлянам довести дело до галер или рудников.

– Какие рудники, равви! Смерть на кресте – вот его судьба; о твоей судьбе и говорить не хочется. Думаешь, в Антиохии ничего не известно?

– Тем более, есть из-за чего беспокоиться, – оглядываясь кругом, возразил Каиафа. – Прокуратор вон как организовал дело: и обжаловать его поступки перед императором нельзя, и возмутиться нельзя. Плотно взяли римляне, не вырваться. Будь по-другому – не видать последователям галилейского еретика Иерусалима.

– Закончим наш разговор. Я думаю, равви, и убеждать тебя не стоит: никаких слухов, тем более интриг; тишина должна стоять мёртвая. В противном случае возможны непредсказуемые последствия, вплоть до... и скорее всего. Сообщаю малоизвестные новости. При захвате лже-Манассия убито вместе со старшиной восемь человек. Караван сопровождало десять: выводы напрашиваются.

Странник и Каиафа посмотрели друг на друга понимающим взглядом.

– Думаю, разворачивается большая игра, в которой все средства будут хороши. Основные битвы впереди, мой господин!

Понтий Пилат принял известие о переводе миллиона сестерциев и о получении согласия синедриона на создание в Иерусалиме общины почитателей Иисуса с чувством брезгливости и раздражения. Какой грязью он должен заниматься! И это называется победой. Вот раньше! Ему вспомнилось, что ровно 30 лет назад в битве с маркоманами он стал центурионом. Какой душевный подъём испытывал он в тот день!

Царь Марабода. Меч Понтия Пилата

Пятый Германский легион был выстроен для битвы в глубокой долине между грядями высоких холмов. События не благоприятствовали легиону. Связь с командующим римскими легионами Гаем Сентием Сатурнином была утеряна не без вмешательства маркоманов. Командующий знал только общее направление движения легиона и в ближайшие часы вряд ли мог придти на помощь. А помощь была бы очень кстати. Численность маркоманов, возглавляемых опытным полководцем Марабодой, значительно превышала состав легиона. В организации войск противника чувствовалась определённая система, заимствованная у римлян. Перед легионом стояла не толпа, а обученное и вооружённое войско, не с такой тщательностью вооружённое, как римская пехота, но вооружённое не чем попало.

Понтий Пилат стоял в первом ряду, и ничто уже не отделяло его от неприятеля. Перед ним на некотором отдалении стоял плотный строй вражеской пехоты. Только сейчас он почувствовал ответственность: он должен устоять перед ударной силой маркоманов. Сейчас он чувствовал себя не так уверенно, как когда видел бой легиона со второй линии.

Десятая когорта стояла в центре легиона, в руках Понтий сжимал сариссу; сегодня он не так был уверен в её всесокрушимости. На правом фланге легиона, как всегда, стояла могучая когорта тысячников, придавая всему строю легиона устойчивость монолита.

Удар вражеской пехоты был тяжёл. Строй центурий первой линии до предела напряг свои силы. Чтобы не дать смять строй в первую же минуту, Понтий несколько раз стремительно выбросил сариссу на полную длину рукояти, целясь в незащищённые места вражеских воинов, и после каждого броска сариссы с поля боя уносили сражённого маркомана. Легион был связан боем с таким сильным противником, что о его продвижении не могло быть и речи. Постепенно силы сторон уравнились, и бой развивался.

Вскоре Марабода установил наличие в строю римской пехоты сариссы и принял меры. Понтий почувствовал тяжёлый удар копья в середину щита и выбросил сариссу на полную длину, но щит маркомана достать не смог. Перед ним встали два воина с большими прямоугольными щитами и попеременно стали бить своими копьями щит Понтия. Воины были недюжинной силы, и щит Понтия не мог долго выдержать. Пластины, заклёпки и дубовые щепы стали отлетать от основы щита.

Понтий нейтрализован, блокирован, сила его оружия упразднена. Он приказал встать на своё место одному из своих легионеров и вооружил ещё двоих тяжёлыми копьями. Теперь он мог оглянуться и составить представление о сражении. Бой кипел на протяжении всего фронта легиона. Понтий убедился, что

легион лишён возможности манёвра. С фронта он был облеплен пехотой, а фланги непрерывно атаковывались конницей.

Внимание Понтия было приковано к когорте тысячников. Именно там шёл самый тяжёлый бой. Было видно, как с той и другой стороны относили раненых и убитых. Понтию бросился в глаза плотный и глубокий строй пехоты маркоманов в этом районе и сокращённая глубина построения первой когорты. Что же там происходит? И вдруг ему стало ясно: да маркоманы просто перетирают первую когорту. Что такое легион без первой когорты? Неужели легат не понимает происходящего? Почему не принимает мер? К Понтию Пилату протиснулся центурион. По внешнему виду было видно, что его недавно сменили. Помятый вид имел Авилий Флакк.

— Что случилось, Понтий? Устал?

— Не только. Посмотри, прошёл час с небольшим, а первая когорта потеряла уже треть состава. Ещё час сражения и в Пятом Германском первой когорты уже не будет. А что такое легион без первой когорты, где его ударная сила? Думаю, план Марабоды и состоит в уничтожении первой когорты. По-моему, наша сторона этого ещё не понимает.

Не прошло и десяти минут, как мысль Понтия Пилата была доложена легату. Легат сам уже чувствовал существование цели, которую противник проводит в жизнь, но в чём эта цель заключается, постигнуть не мог. Как же он не догадался сразу! Префект попросил центуриона заменить Понтия Пилата и отвести назад от линии боя для беседы: нужно задать пару вопросов.

– Твоя мысль, принципал, понятна легату. Он составил план действий. Для успешного проведения его плана в жизнь нужно охватить фланги пехоты маркоманов, что бьётся с первой когортой. Все известные мне способы прорыва центра неосуществимы из-за превосходства сил противника. Но вдруг тебе известен способ спасения первой когорты – смог же ты рассмотреть опасность.

– Если только я сам поведу прорыв, – сказал Понтий, – может что-то и получится. Прорыв надо сделать быстро, чтобы Марабода не успел бросить сюда резерв. Делаем так: сзади меня должны стоять два человека, один вкладывает в руку копье, которое я бросаю в воина, стоящего напротив, а второй – сариссу, когда рука освобождается. Запас копий должен быть не менее десятка. Идти вперёд я буду бросками, но за это время справа и слева от меня кто-то должен создавать строй и его уплотнять.

Строй маркоманов около десяти рядов, и я пробую его. Сразу же без пауз надо выбежать вперёд шагов на 50, и весь клин следует за мной. Сам я поверну направо и поведу центурию навстречу нашей пехоте, которая уже должна начать стягивать горловину окружения. Прорыв не должен занять более 15 минут. Самое главное – плотность нашего строя, и ты, игемон, должен его организовывать, непрерывно создавая клин прорыва.

– Э нет, Понтий. Я встану слева от тебя, никому тебя не доверю. Организовывать будет примипиларий, префект – его легат для этого и послал сюда.

Авилий Флакк быстро разыскал примипилария и префекта и изложил им план Понтия Пилата.

– План Понтия Пилата опирается на его личное воинское мастерство. Его бросок копья способен опрокинуть щитоносного противника; тебе, игемон, известна сила его броска – она равна удару карабалисты. Далее принципал действует сариссой и пробивает строй воинов с мечами до новой встречи с копьеносцем, способным преградить путь сариссе. Снова бросок копья и работа сариссой. И так столько раз, сколько нужно. С построением клина прорыва одна моя центурия не справится, необходимо задействовать десятую когорту. Я же заменю в своей центурии первый ряд свежими легионерами, назначу принципалу оруженосцев, и сам встану по левую сторону Понтия Пилата. Его надо сберечь на всю глубину прорыва – никто в легионе такой глубины строя прорвать не сможет.

Через несколько минут всё было готово к прорыву. Сзади Понтия встали оруженосцы, легионеры центурии приготовились к смене первого ряда, слева от себя принципал увидел Авилия Флакка.

Центурион даёт сигнал. Понтий Пилат производит смену впереди стоящего легионера и сразу же бросает копье в щит маркомана. Зная результат, Понтий не дожидается падения тела, а протягивает руку назад и, почувствовав в ней сариссу, бросается вперёд, поражая маркоманов в ближнем секторе. Рядом неотступно следует Авилий Флакк, и только теперь Понтий понимает роль центуриона: он оберегает его левый бок, расширяет пространство действия. Четыре раза вынужден был Понтий бросать копье, прежде чем удалось прорвать строй маркоманов.

Римские войска стремились окружить отряд маркоманов, действовавший против первой когорты, а Марабода прилагал все усилия к тому, чтобы не дать римлянам замкнуть кольцо окружения.

К чести Марабоды, войска маркоманов отступили в достойном виде, хотя и были сильно потрёпаны. За время перегруппировки маркоманов легат не терял времени, и когда маркоманы готовы были продолжать сражение, то обнаружили линию свежих, только что введённых в бой когорт. Легион казался восставшим из праха. Снова начинать сражение? Когда же Марабоду доложили о потерях, он прекратил подготовку к новому сражению.

Легат, воспользовавшись непонятной передышкой, приступил к сооружению лагеря, и уже через два часа линейные когорты, вспомогательные отряды и раненые оказались под защитой валов.

К вечеру следующего дня маркоманы начали снимать осаду лагеря и отходить. Вскоре показались плотные колонны войск, и Гай Сатурнин уже въезжал в ворота лагеря. Опасность миновала, люди вздохнули свободно.

Командующий вместе с легатом и префектом побывал во всех подразделениях легиона, стремясь составить мнение о его боеспособности. Не пропустил он и лазарета и прикусил губу, обнаружив большое количество раненых.

Вечером в палатке легата шёл разбор сражения. Настала очередь высказаться легату. Подробно, со знанием дела легат проследил все этапы сражения. По каким бы направлениям ни проводил он анализ событий, всюду

мелькали два имени: Понтий Пилат, Авилий Флакк. Командующий не мог не обратить внимание на роль этих людей в ходе сражения. Когда заговорил префект легиона Люций Мессала, Гай Сатурнин удвоил своё внимание: любил он слушать префекта, речь которого была бесхитростна, когда вопрос касался интересов легиона.

– Я не сообщу ничего нового, – начал префект. – В первой половине сражения инициатива принадлежала противнику, известно, что во второй – мы перехватили эту инициативу. Захват инициативы связан с получением рапорта о предполагаемом плане Марабоды истребить когорту тысячников. Из рапорта нам стал очевиден ход событий. Со временем мы додумались бы до тайного плана Марабоды. Полученное известие ценно тем, что оно было получено в нужное время.

Здесь уже говорилось: понимание плана Марабоды родилось в голове Понтия Пилата, принципала десятой когорты. Для многих это неожиданность, но только не для меня. Я понял ранее: принципал обладает способностью видеть поле боя и правильно предвидеть развитие событий. Многие придут к выводу, что здесь налицо случай. Ничего подобного. Перед нами ученик Карела Марцеллы, сражавшегося в Иберийском легионе лет двадцать назад, и наше поколение его помнит.

– Вот и появился Карел Марцелла, это невероятно, это радостно для меня! – воскликнул Гай Сатурнин. – Он был моим товарищем по легиону, его ждала большая карьера, если судить по его способностям.

Всегда с сожалением думал о его исчезновении. Верю: он возродился в молодом принципале, и я непременно хотел бы с ним встретиться.

Через некоторое время в палатку вошёл молодой атлет с приятным выражением лица. Вид принципала отличался не только опрятностью – всё на нём прилегало и было впору; Понтий представлял классический вид профессионала. Легат, показывая Понтию глазами на командующего, проговорил:

– С тобой, принципал, хочет побеседовать командующий.

– Я узнал, что ты ученик Карела Марцеллы. Мы были знакомы с ним в дни молодости, и я сохранил о нём высокое мнение несмотря на некоторые недоразумения. Сколько же лет он тебя учил?

– Четыре года, игемон. Когда я отправился на вербовочный пункт, то чувствовал себя в полной силе.

– Расскажи, где он сейчас, как живёт, чем занимается?

– Сейчас Карел Марцелла живёт в соседнем с моими родителями имении, и мы выкупаем это имение для него.

– Кто это мы и как далеко продвинулось дело? – продолжал Гай Сатурнин.

– Мы – это я и Карел Марцелла. Выкупили только четвертую часть. Приобретение идет медленно, но уверен, мы справимся.

Гай Сатурнин помолчал. Затем повернулся к кому-то из сопровождающих и сказал:

– Сегодня легион получил подарок от Карела Марцеллы. Я имею в виду бросок копья по-иберийски и

работу сариссой – коронные номера старшего принцепала. Не знаю, Понтий Пилат, как оценит твою работу легат легиона, но как бывший товарищ Карела Марцеллы прошу передать: его усилия приняты армией в моём лице.

Гай Сатурнин взял кожаный мешочек из рук сопровождающего, раскрыл его и положил на стол.

– Здесь 20 аурий. Деньги мои личные, регистрации не подлежат. Передай привет своему учителю, при первой возможности я навещу его. Он один из немногих, кого хотелось бы увидеть из времён моей молодости.

Пока командующий говорил, легат придвинул к себе мешочек с монетами и добавил десять золотых. Мешочек вновь оказался на середине стола. Протянулась рука префекта, и его пять аурий оказались там же. Каждый трибун из присутствующих положил по пяти аурий, и последний затянул мешочек, показывая, что процедура имеет отношение только к верхнему эшелону командного состава.

Гай Сатурнин поднял глаза на Понтия:

– Возьми деньги, принцепал. Что делать – знаешь. Пусть боги берегут тебя в сражениях.

Понтий подошёл к столу, взял тяжёлый мешочек золота, попрощался с присутствующими и молча вышел из палатки.

– Боги не забыли Карела Марцеллу. Такие деньги я мог бы скопить только за десять лет службы.

Командующий покинул палатку легата. Командный состав легиона остался наедине со своими заботами. Молчали.

Префект доложил кратко и сухо.

– Начну с принципала. Число за ним две заслуги. Первая состоит в понимании угрозы для первой когорты и показывает способности командира, вторая — его воинское мастерство, которое присуще только ему и, как мы знаем, обеспечило успех легиона. Награды распределил бы так: за первую заслугу — производство в центурионы, за вторую — большую нагрудную золотую цепь.

Центурион. Вижу две заслуги. Правильное понимание поля боя и выполнение своего долга: благодаря ему легат был своевременно ознакомлен с положением дел. Во-вторых, встав рядом с принципалом, обезопасил его от случайностей и тем самым создал условия для прорыва. Обращаю внимание на то, что центурион стал выполнять роль простого легионера, не заботясь о своем престиже, но ради общей победы. В последнем сражении ранен примиплариий десятой когорты Марк Квириний Муцион. Предлагаю центуриона Авилия Флакка выдвинуть на освободившуюся должность. За боевые действия наградить малой нагрудной золотой цепью.

– Расписано всё по заслугам, — проговорил легат. — Меня смущает молодость принципала.

– На этот раз, — возразил префект, — Понтий Пилат так перекрыл свой недостаток, что показал себя и зрелым и умелым. Если смотреть в корень, то перед нами военный талант. Мы же не хотим его замечать, мы хотим его привязать к привычным для нас категориям: возрасту, сроку службы, времени обучения.

– Согласен, согласен префект, — поспешил заговорить легат, — я признаю твою способность оценивать людей. Помню, что несмотря на моё скрытое сопротивление,

ты добился продвижения этого Понтия Пилата в принципалы, и сегодня благодаря твоей настойчивости легион добился военной удачи. Не будем мелочиться, и если никто в принципе не возражает, префект составляет приказ. Я подпишу.

Община назореев

Создание в Иерусалиме общины последователей распятого пророка Иисуса усложнило жизнь Квинта Амния. Первоначально считалось невозможным получить согласие синедриона на организацию подобной общины, но сегодня долгожданный документ лежит перед курульным табулярием.

Пытливый ум Квинта Амния по привычке ищет исходный толчок события и вдруг вспоминает о Манассии, недавно объявившемся в Иерусалиме. Появление Манассия может многое объяснить!

Но каков прокуратор! Какие возможности таились столько лет! Столько задействовано людей, кораблей, тайников – и лист не колыхнулся. Спроси меня, – думал Квинт Амний, – где начать разматывать нить – не знаю: я – начальник тайной канцелярии. И всюду нужны деньги, деньги. Такой мощи от прокуратора Иудеи не ожидали и растерялись. Организация раскола религии, иудейского общества! Грандиозно! Кто же мог додуматься до таких высот?

Документы пришли из канцелярии имперского легата, но источник явно кесарийского происхождения. Вряд ли в Сирии так подробно знали о последних событиях в Иерусалиме. Однако плотно увязаны иерусалимские события с интересами Рима. Неужели опять

этот грек? Надо быть справедливым к Аману Эферу. Всю жизнь он работает на усиление могущества Рима; если подобные мысли родились в голове грека, то к нему и надо идти за советом. Получено указание найти бывших учеников Иисуса и организовать из них в Иерусалиме общину последователей. Но нужно получить ещё согласие учеников. И это после такого страха, которого они натерпелись на прошлую Пасху. Вспомнить надо, как их вывозили из города! У ворот началась свалка, когда стража, охранявшая ворота, решила проверить повозки. Слава богам, примипиларий когорты оказался на высоте.

— Даю три минуты на открытие ворот, затем следует команда, и вы будете подняты на копьё. Забыли, с кем имеете дело!

Вперёд быстро вышел строй тяжёлой пехоты и выставил копьё для атаки.

Можно представить переживания людей, спрятанных в повозках. Если примипиларий не решится на крайнюю меру, то их ждёт смерть от их же соплеменников.

И громадная сумма денег. Пятьсот тысяч сестерциев! Из канцелярии имперского легата следуют недоумённые вопросы: почему не используете? Почему! Прокуратор умён и дальновиден. Все суммы перевёл на его, Квинта Амния, подотчётность, чем и оградил себя от денег легата. Другой бы на его месте поближе к себе пододвинул мешок с серебром, поскольку отчетность невразумительна и туманна. Заманчиво запустить руку. Но прокуратор мыслит трезво: придёт время доносов и комиссий.

Лучше продумать свои взаимоотношения с первоходцами религиозного раскола. Они определены в документах легата: никаких личных контактов, действовать только через подставных лиц. Никто не должен даже предполагать о направляющей руке Рима.

Квинт Амний пододвинул поближе футляр, в котором находились документы, связанные с созданием первой религиозной общины последователей Иисуса. Взял первый документ.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в
Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.

За 14 дней до сентябрьских календ. Антиохия.

Пребывая по долгу службы в еврейской общине г. Антиохии и выявляя настроения иудеев в связи с пасхальными событиями в Иерусалиме, сообщаю, что преследования Иисуса, галилейского пророка, и его смерть прошли незамеченными для религиозной общины города. Здесь ни он, ни его учение неизвестны. Основные положения его учения или не представляют интереса, или ещё не достигли наших северных рубежей».

Серьёзный человек Самуил бен Дома, — размышлял Квинт Амний. — Главное, он хорошо знаком с образом жизни еврейских общин. Из письма следует, что нет никаких откликов на трагические события в Иерусалиме. Не делаем ли мы ошибки, выбирая учение Иисуса за рычаг, с помощью которого собираемся сдвинуть пласты иудейского общества? Тревожно. Рука развернула следующий документ.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в
Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.

Сентябрьские календы. Вифсаида.

Прибыл в Галилею с целью установления местонахождения последователей и учеников пророка Иисуса. Сообщаю, что участники трагических событий в Иерусалиме прибыли в Галилею и проживают по своим домам.

Особый интерес представляет группа последователей Иисуса, проживающая в Вифсаиде. Ученики пророка тяготеют к некоему Петру, отличающемуся разумным поведением, жизненным опытом, семейной солидностью – у него двое детей. Он располагает определенными средствами: ему принадлежат несколько рыбацких лодок, коптильни. Хозяйство по причине его долгого отсутствия пришло в упадок, и сейчас семья находится в трудном материальном положении. По характеру Петр – человек мягкий, предпочитающий действовать призывами и уговорами, оставляет людям право выбора. Уверовав в какую-либо истину, способен, как говорят, понести на вороньих, что и произошло при встрече с пророком Иисусом. Отличался преданностью пророку, пользовался особой благосклонностью Учителя. В трудные минуты в Иерусалиме не смог проявить твердость духа. Как здесь тихо рассказывают, дважды отрёкся от Учителя; первый раз в помещении синедриона, другой – в претории после вопроса Понтия Пилата. По моему наблюдению, случай серьёзно в вину Петру не ставится из признания права самосохранения.

Память о предпочтительном к нему отношении Учителя сохранилась, и он пользуется авторитетом, хотя признание Петра в качестве лидера опирается на скрытые человеческие интересы: нет духовного дав-

ления, сохраняется свобода выражения чувств и мнений, обстановка товарищеская, тёплая. Совместно перенесённые страхи сближают маленькую кучку людей, и характер Петра гармонично сливается с общим настроением.

Здесь же и его брат Андрей. Вместе со старшим братом прошёл он дорогами Учителя. В отличие от Петра более нацелен на поиски истины, хотя не берусь утверждать, что он под этим понимает. Тяга к истине привела его в начале пути к Иоанну Крестителю, которым был крещен и благословлен. По слухам, характер у Иоанна был тяжёлым. Склонность к аскетизму и крайностям не способствовала сближению ученика и учителя, не было, видимо, в их взаимоотношениях глубины духовного понимания. Не случайно Андрей первым примкнул к Иисусу, оценив светлость души и лёгкость характера, его обширные знания, почерпнутые тем неизвестно откуда.

Моё мнение о талантливых людях, собирающих знания там, где тысячи других проходят совершенно безразлично, будто бы перед ними булыжники на мостовой, подтверждается случаем с Иисусом. Приобретённые знания определённым образом систематизированы, освещены внутренним светом личного обаяния и в результате сверкают неповторимыми гранями. А умение рассуждать, создать красивую притчу в чёткой и лаконичной форме! Разве этого недостаточно, чтобы привлечь молодого увлекающегося человека? Первым Иисуса увидел Андрей и первым к нему пришёл. Поэтому в шутку и за глаза его в тесном кругу называют Первозванным. Надо признать, его духовные запросы и

природное чутьё к таланту помогли Андрею открыть Иисуса для себя, брата и своих соседей.

В Вифсаиде живут и братья Заведеевы – Иоанн и Иаков. В своё время вся их семья во главе с матерью Саломеей последовала за Иисусом. Саломея прошла путь до конца: её можно было увидеть у подножья креста, на котором был распят Иисус. Скорее всего она совершила последнее омовение его тела. Младший брат Иоанн, совсем ещё юноша, симпатичный и доверчивый, вызывает тёплое и радостное чувство. Душа его открыта миру и устремлена в познание.

Глядя на него, приходишь в удивление от щедрот природы, не забывающей дарить миру людей одухотворенных, мечтающих найти счастье и покой для всего человечества. Со своим братом Иаковом он некоторое время находился в общении с Иоанном Крестителем, но такие духовные противоположности вряд ли могли найти что-то общее.

Другое дело его брат Иаков. Спокойный, но скрытый характер свидетельствует о критическом мышлении. Он оценил личность Иоанна Крестителя и понял: пребывание рядом с таким человеком требует постоянного напряжения духовных сил. По дальновидному мнению Иакова, вождь должен облегчать духовную и житейскую нагрузку, а не увеличивать её своим присутствием. Скорее всего, житейские мотивы развели его с Иоанном Крестителем.

С большим интересом познакомился я с Фомой, личностью своеобразной, редко встречающейся. Невольно задаёшься вопросом, каким образом и зачем

попал он в окружение пророка, что он там искал и нашёл ли?

Здесь, в тесном кругу, создаются свои легенды, и одна из них посвящена Фоме. Ученики пророка уверены в воскресении Иисуса. Только Фома, как говорят, долго сомневался и высказывал недоверие к личности Иисуса, пока тот не показал рану на своём теле и не попросил Фому вложить в неё персты свои. Таким сложным путём уверовал Фома в воскресение Учителя. Приведённый эпизод свидетельствует о сложностях, ожидаемых нами в будущем.

Филиппа принято считать ближайшим сподвижником пророка, но на меня он не произвёл должного впечатления. Во всяком случае, сейчас. После долгой разлуки с семьёй он погружён в заботы о доме. Он отец двух очень милых девочек. Причины, заставившие заботливого и любящего отца оставить детей, неясны. Правда, жена его – женщина сварливая, дурна собой и неряха. Мысль двигается встречно: а у других разве лучше? Возникают предположения о душевных взрывах и длительных периодах непримиримости. Характеры и склонности учеников пророка рассматривались с целью определить степень их сопротивления переезду в Иерусалим».

Что же побудило этих людей бросить дела и отправиться бродить за пророком по дорогам и постоянным дворам? Только когда эдил поймёт причины, побудившие учеников пророка поступить так, ему не составит труда уговорить их создать общину в Иерусалиме, посвящённую памяти их Учителя.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в

Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.

Ноябрьские ноны. Каны Галилейские.

Установлено пребывание ещё одного из учеников пророка. Небольшой городок Каны приютил Иакова, сына Алфеева. Оказывается, при прохождении пророком городка здесь происходили интересные события, поразившие его учеников. Каны находятся недалеко от Назарета, где расположен дом родителей Иисуса. Будущий пророк со своими учениками Петром, Андреем, Иоанном, Нафанаилом, Филиппом оказался на свадьбе. Гостей было много, как принято на еврейских свадьбах, народ подобрался активный, выпито было всё вино, а гости все требовали и требовали его.

Иисус спас лицо хозяев дома. Он предложил слугам залить водой шесть каменных сосудов, находящихся в зале, и разнести ковши гостям. В сосудах оказалось лучшее из вин, подаваемых на свадьбе. Иаков, уроженец здешних мест, оказался свидетелем событий и сделал свой выбор. Полученное от товарищей прозвище «ступа» в значительной степени отражает образ последователя Иисуса.

Признав мысли и догматы, он способен проявить упорство, твёрдость духа, даже непоколебимость. Это человек ограниченных способностей, надёленный упрямством, смелостью и решительностью. В повседневных вопросах отличается житейской практичностью, интересы устремлены скорее на землю, чем в небеса. В проповедях пророка Иакова привлекла тема светлой, безгрешной жизни на самой земле; именно эта тема запала в душу будущего апостола».

Квинт Амний долго смотрел на письмо, стараясь представить образ человека, которого предполагалось склонить к неординарному поступку. Документы касаются простых людей: рыбаков, земледельцев. Первый раз он заинтересовался ими по служебной надобности, и каждый повернулся неповторимой гранью души и характера. Взять хотя бы Иакова: сдвинуть его с места трудно, а направить в желаемом направлении — невозможно.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в
Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.

За три дня до декабрьских ид. Капернаум.

В Капернауме на берегу Генисаретского озера живёт бывший мытарь Матфей, человек, безусловно, одарённый, обладающий и знаниями, и даром красноречия, вынужденный в своё время из-за нищеты принять презируемую иудеями должность. В обществе пророка он отдыхал душой и был рад своему чудесному избавлению от ненавистных служебных обязанностей. Думаю, не было в окружении Иисуса более довольного жизнью человека, чем Матфей. Сейчас же, лишённый средств к существованию, окружённый полной безысходностью, он вспоминает чудесные дни, когда у него был кусок хлеба, товарищеское участие и уверенность в завтрашнем дне. Лучшие дни проводит он в Вифсаиде у своих братьев, куда приходит пешком, затратив на дорогу чуть ли не весь день. К нему относятся с душевной теплотой и желанием оказать помощь. Для него вновь возвращается незабываемое время, и тень Учителя освещает его существование».

Прочитав документ, Квинт Амний удовлетворённо закивал головой.

– Наконец-то, найден ученик пророка, готовый без колебаний принять предложение о переезде в Иерусалим. Мотивы поведения мытаря Матфея ясны, но как быть с другими учениками? Уверен, у каждого существует скрытый мотив, но независимо от этого каждый должен осознать: в Иерусалимской общине условия жизни для него и для его семьи будут улучшены. Об улучшении материальных условий следует говорить непрестанно, надо убедить учеников Иисуса: Иерусалим для них – страна обетованная.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в
Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.
Январские календы. Вифсаида.

Сообщаю о последнем ученике пророка, сопровождавшем его в Иерусалим, некоем Симоне. Невыразительный человек, одетый скромно, ничем не примечательный. Но если вспомнить о мече, который он носил под талифом во времена совместного путешествия с Иисусом, то невольно начинаешь относиться к нему с интересом. Слухи упорно приводят его к зелотам, а затем и к секариям. Считать возможным для сподвижника Иисуса всадить кинжал в человеческую плоть трудно, приходит мысль: тот ли это человек? Изредка он поднимает взгляд и осматривается кругом. В присутствии пророка вёл себя неприметно, внимал, возможно перековывался, расширял свой кругозор.

При встрече со мной вёл себя выжидательно, об учителе отзывался тепло, с уважением, событий не опережал, лишнего слова не молвил.

На сегодняшний день созрело слово, должное прозвучать для учеников пророка, но, боюсь, оно прозвучит впустую. Страх определяет мотивы поведения людей, с которыми я беседовал. Резкий поворот событий под Пасху, непонятная для них причина смерти Учителя, розыск их самих привели их к убеждению о действии каких-то смертоносных сил, не подвластных даже римлянам. Ученики пророка не забыли, как тайно, чего-то опасаясь, римляне вывозили их за крепостные стены. Отсутствие действенной защиты от произвола – основная причина будущей неудачи. Появление документа о разрешении синедрионом общины почитателей Иисуса будет первым переломным этапом в сознании учеников: документ успокоит тревоги и придаст общине правовой статус».

Квинт Амний был удовлетворён содержанием письма: в нём был предоставлен план действий. Надо соблюдать правила игры. Основанием к получению документа должно быть прошение последователей Иисуса о разрешении основать такую общину в Иерусалиме.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в
Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.
Накануне январских ид. Вифсаида.

Игемон! Полное внимание уделяю душевному настрою основной группы последователей Иисуса в Вифсаиде. Время и работа делают своё дело. Рыбная ловля в Генисаретском озере – работа тяжёлая и неблагодарная. Прошли времена, когда рыба водилась в озере в изобилии. Теперь нужно надеяться на случай, и ждать его приходится долго. Чем ниже улов, тем больше затруднений, тем с большим душевным

подъёмом вспоминают ученики своего Учителя. Люди неграмотные, но с душами открытыми, ищущими, они восторгались и умилялись, обнаруживая дарования своего Учителя. По воспоминаниям, здесь прозвучавшим, дарованиями Иисус обделён не был. Светлый ум пророка быстро находил ответ в красочной форме, часто проявлялись его гипнотические способности.

Рядом с ними жила активная, жизнерадостная натура. Люди, жизнь которых была окрашена в серые, будничные тона, с воодушевлением приняли появление пророка в своей среде, а после его смерти продолжают тешить себя иллюзиями. Они убедили друг друга в участии Иисуса в их повседневной жизни, в его постоянном присутствии.

Недавно сети изобильно наполнились рыбой.

– Это Господь, – сказал Иоанн, – он посылает нам улов.

Петр бросился в воду в надежде увидеть его самого. В другой раз, вернувшись с рыбной ловли, рыбаки обнаружили прибранный лагерь, разведённый костёр, нарезанный хлеб. Ученики были убеждены, что всё сделано руками их Учителя. Они почему-то не подумали о жене Петра, которая в действительности данную работу и проделала. Частые встречи с незримым Учителем создали удивительную обстановку, полную расплывчатых видений и неосознанных миражей. Усиливают такое состояние ранние утренние туманы, солнечные озарения, колебание водных пространств. Наблюдая учеников пророка, думаешь о сложности мира, в котором события и явления воспринимаются в столь деформированном виде.

Такое состояние я определил бы как последствия искажённого фанатизмом сознания.

В целом доброжелательно отношусь к ученикам Иисуса – они славные люди, но мне за них становится тревожно: так можно довести душевное состояние до nepозволительного уровня, за которым начинаются смещения здравых мыслей. Подобное состояние группы учеников пророка сыграло и положительную роль. Предложение просить разрешение на создание общины последователей Иисуса было поддержано с внутренним убеждением, что их пророк того достоин».

«Первый шаг сделан, – подумал Квинт Амний, – остальное зависит от нас», – и развернул очередное послание.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.

За 19 дней до февральских календ. Вифсаида.

Игемон! Решение принято! Как мы старались! Сколько сил затрачено для получения документа о создании религиозной общины, каких только благ не сулил я этим людям: каждой семье дом, окружённый тенистым садом, безбедное существование! Предложения должны были потрясти их души. Вообще-то потрясли, но недостаточно. Добывая средства на жизнь тяжёлым трудом, они никак не могли уразуметь смысл добровольных пожертвований далёких братьев: в бескорыстие они не верили. Какая прозорливость! Особенно если учесть сумятицу мыслей о добре, преподнесённую самим Учителем.

Приобретённый опыт странствования с пророком и вопросы пропитания не объединялись в их созна-

нии. Они не задавали себе вопросы, откуда брался хлеб насущный при живом Учителе: так должно было быть, вернее, по-другому и быть не могло. Когда последователи пророка узнали о возможности пропитания, при которой не надо работать целыми днями, в их сознании обнаружилась некая подвижка в направлении к Иерусалиму. Появление документа о праве создания общины подвижку увеличило.

Вчерашнее событие привело к окончательному решению. В округе под влиянием учеников пророка стали развиваться симпатии к Иисусу. Его образ оказался притягателен для многих сотен местных жителей, и вчера они совместно предприняли восхождение на одну из возвышенностей, посещаемых когда-то Иисусом. В момент пребывания на вершине некоторым почудилось возникновение в воздухе контуров фигуры человека.

Этого было достаточно, чтобы энтузиасты расценили событие природы как явление Учителя. Толпу охватил немой восторг, все пали ниц. Кто-то сказал, и его слова были подтверждены: Иисус повелел им обратиться в его веру всё человечество и обещал пребывать рядом с ними, помогая им в тяжёлые минуты. После обмена мнениями воодушевление стало всеобщим.

Религиозное рвение привело многих к решению сейчас же, немедленно ехать в Иерусалим. Смешно вспомнить, как осторожно, с какими подходами начинали мы работу по завлечению учеников пророка в новую общину. Появление смутного пятна на небосклоне привело сегодня к тому, что я ищу аргументы, убеждающие свидетелей явления остаться

дома и не спешить реализовывать свои искромётные решения. Со временем толпа остынет, разумное начало возьмёт верх, но найдутся и такие, кто двинется в дорогу, несмотря ни на что. Прошу подготовиться к их приёму. О количестве людей сообщу дополнительно».

Квинт Амний с удовлетворением отметил завершение подготовки, как он говорил, великого переселения. Предстоит много дополнительной работы. Но главное дело сделано. Квинт Амний взял в руки последнее письмо.

– О боги! Мы забыли о родственниках пророка. Срочно исправить ошибку! Практика показывает необходимость бережного отношения к родственникам.

«Курульному табулярию Квинту Амнию в
Кесарию эдил канцелярии Самуил бен Дома.
За 6 дней до мартовских нон. Назарет.

Стало известно, что родственники пророка Иисуса приняли решение последовать вслед за его учениками в Иерусалим. Местные обыватели сообщают о ранее отрицательном отношении семьи к проповеднической деятельности Иисуса. Желание прояснить обстановку заставляет привести некоторые сведения о семье пророка.

Отец семейства скончался давно. Мать Иисуса, Мария, в своё время вышла замуж за вдовца с четырьмя детьми: Иаковом, Иудой, в семье которых она жила до недавнего времени, дочерьми Мельхи, Эсхи, живущими самостоятельными семьями.

У самой Марии родился сын Иисус, единственный и любимый. Сложные взаимоотношения существова-

ли в семье Иисуса. Доминировал в семье Иаков, человек суровый и, прямо надо сказать, деспотичный. Мать же Иисуса, женщина мягкая, с тонкой организацией души, с трудом переносила тиранию старшего пасынка, боялась его вздорного нрава и во всём уступала.

Видимо, не могла защитить и своего сына. Известно, одарённая личность плохо переносит любую тиранию, и потому не случайно при первой возможности Иисус ушёл из дома. Иакову не нравилось поведение Иисуса. Он считал, что тот своим поведением бросает тень на всю семью. Рассказывают о случае, когда семья в полном составе пришла за Иисусом в синагогу с целью силой увести его домой, если тот откажется идти добровольно. Иисус к этому времени приобрёл некоторый опыт, понял обстановку, сам не вышел, но передал слова, из которых следовало, что не признаёт в них свою семью.

Бедная женщина! Страхась гнева пасынка, она последовала за ним к синагоге и лишилась сына. Иисус ожесточился и по молодости объединил своих сводных братьев и любящую мать. Печальная страница из жизни пророка. События для него развивались стремительно, и Иисус не успел предпринять шагов по устранению недоразумений с матерью.

Иоанн лучше других представлял положение матери Иисуса в семье приёмных детей и после возвращения из Иерусалима, ссылаясь на волю Иисуса перед смертью, предложил Марии свою заботу. Несчастливая женщина с благодарностью приняла предложение Иоанна. Поспешность, с которой она поки-

нула дом, где прожила жизнь, подтверждает мои предположения.

Большая семья Клеопы, дяди Иисуса по отцу, имеет к нему непосредственное отношение. Двоюродные братья и их мать Мария Клеопа относились к Иисусу с уважением и верой в его способности. Всей семьей они последовали за Иисусом. Мария Клеопа присутствовала при последних часах жизни племянника. Оказывается, сам Клеопа имел в здешних местах и другое имя – Алфея, со старшим его сыном Иаковым мы знакомы.

Младший – Фаддей – скромный молодой человек, стремящийся остаться в тени при любой возможности. В этой семье есть и третий сын – Симеон. Надо признать: его не захватила стихия проповедей брата, хотя отношения между ними были дружественными. Скорее всего, у него были свои возрастные интересы.

Желание сводных братьев пророка поселиться в общине продиктовано определенным расчётом: среда, в которой они будут жить, должна будет считаться с их родственными связями, что обеспечивает им далеко нерядовое место в плотных рядах последователей их брата.

Самих братьев не назовёшь великими тружениками, и возможность избавиться от тяжёлого плотницкого ремесла играет в их решении первостепенную роль. Какими бы интересами ни руководствовались братья, какими бы характерами они ни обладали, не вижу способов отвлечь их от общины. Со своей стороны, считаю их пребывание в об-

щине нежелательным, но предотвратить переезд в Иерусалим не имею возможности».

Итак, в Иерусалиме оказались одиннадцать будущих апостолов, мать Иисуса, его сводные братья и несколько десятков галилеян, которых эдилу Самуилу не удалось затормозить в Галилее. Женщин, сопровождавших в своё время Иисуса, среди вернувшихся в Иерусалим не оказалось. Скорее всего их не пригласили, что касается Марии Магдалины, она вернулась в свой городок.

Прибывшие в Иерусалим были удовлетворены всем необходимым и, не обременённые житейскими заботами, принялись с воодушевлением за создание религиозного культа Пророка. Городская жизнь оказалась бедна событиями, скорее всего, сузилось пространство событий, и почитателям всё реже предоставлялась возможность сообщать о проявлениях, связанных с присутствием самого пророка. Тогда в недрах общины стало созреть понятие Святого Духа.

Понятие Святого Духа не ново; оно звучит в Ветхом Завете, когда речь идёт о пророческом духе, пронизывающем в какие-то моменты всё существо человека. И даже лёгкий ветерок в Ветхом Завете изображён точно так же, как понимали его ученики Иисуса. Кто и каким образом внёс в обиход мысли о Святом Духе, установить невозможно, но идея оказалась плодотворной и получила своё развитие.

Первоначально говорили о появлении Иисуса по ощущению каждым из них дыхания животворного духа. Позднее оказалось, что, если придёт человеку значимая мысль или охватит его прилив бодрости или беспри-

чинной радости, пробежит по комнате известный нам ветерок – всё относится к проявлению Святого Духа.

Получило развитие и бытующее в среде учеников понятие мессии. Ещё в Вифсаиде ученики убеждали себя и друг друга в том, что Иисус и есть мессия, которого ожидали вот-вот. Только преждевременная смерть не позволила ему совершить предначертанное Господом. Если бы он успел, и сомнений не было бы, кто он такой. Сейчас же приходится говорить и доказывать. Разговоры ведутся бесконечно, но никому не надоедают: они составляют уже основное содержание жизни последователей Иисуса.

Каждый день отправляются они в храм, где, как и подобает правоверным иудеям, молятся Господу, слушают слова раввинов и умиляются. Ближе к середине дня размещаются на крытой галерее храма, обращённой в сторону долины Кедрона и, разбившись на группы, обсуждают слова раввинов, вспоминают проповеди Иисуса, беспокоясь о завтрашнем дне: как бы не пропустить ритуальные свершения.

Панорама долины, безмятежность природы, дух почитания располагают к умозрительному созерцанию и чуть ли не дремотному состоянию. Вечером ученики и последователи пророка собираются на общую вечернюю трапезу, в которой намечается определенный ритуал: преломление хлеба, обнесение вином. Вскоре появились слова «кровь Господня», «плоть Господня».

Рождался образ жизни общины, близкий к монашескому, но протекавший не за закрытыми стенами монастыря, а в кварталах ремесленного люда. Уединение

и праведность – вот образ жизни общины. По своей религиозной принадлежности последователи ничем не отличались от правоверных иудеев. Почитание Иисуса как пророка и мессии не ставилось им в вину, как если бы они почитали пророка Даниила или Ездру.

О самом учении Иисуса сказать что-либо затруднительно. Скорее всего, учения ещё не существовало. Бытовали отдельные притчи, появились легенды, но не сложилась не только повесть о жизни Иисуса, но и слово его учения. Молодые были ещё молоды, а старшие были не способны на такой подвиг. Община существовала, жила, ожидала своего энергичного лидера, который пока так и не появился в Иерусалиме.

Администрация в Кесарии и римские служащие с надеждой ожидали учащения пульса общины и обнаружили его только через год и при совсем других обстоятельствах. В общине установились традиции, в соответствии с одной из которых вступающие в общину продавали недвижимое имущество, а вырученные деньги сдавали в общее пользование с условием последующего полного обеспечения.

Заманчивая жизнь! Видимо, у супружеской пары Анании и Сапфиры уверенности не было, и они часть вырученных денег утаили. Апостолы во главе с Петром, обнаружив неблаговидный, с их точки зрения, поступок, словесно бичевали виновных с неукротимостью для них неожиданной.

Злые языки пустили слух о смерти Анании и Сапфиры, но то была подлая клевета. Их исключили из общины и ранее сданные деньги вернули. Многие сим-

патизировали супругам, поступки апостолов считали вздорными, по городу пошли глупые и недостойные общины слухи.

Квинт Амний только разводил руками, обнаруживая свою беспомощность. Всё же через некоторое время обратился за советом к Аману Эфферу. Тот, посмеиваясь, предложил простой выход.

– Запусти в этот омут молодых, ретивых иудеев из других городских общин, в которых существует влияние эллинской культуры. Они не допустят культивирования общинно-племенных ужасов.

Дошли слухи и до Понтия Пилата.

– Что же за болото мы создали! Не произрастает ни слово, ни дело. Полный провал наших планов и замыслов. Какая вялость души и тела! В их возрасте в долинах Паннонии наша энергия кипела, а кровь бурлила.

Часть

V

Паннония. Штурм крепости Андетрий

Когорты Тиберия в непрерывных стычках теснили отряды десидиатов на восток. Определилось движение отрядов повстанцев к крепости Андетрий. Тиберий стал охватывать полукругом прилегающую к крепости местность, стремясь запереть в ней свободно перемещающиеся отряды. Командующему доложили о больших количествах провианта, свозимого в крепость, что свидетельствовало о планах десидиатов приготовиться к длительной осаде.

– Плохо они знают нас, – усмехнулся про себя Тиберий. – Буду вести осаду и десять лет, если потребуется, но крепость возьму.

К июню когорты осадили крепость, и командующий мог увидеть и оценить неприступность её стен. Крепость располагалась на скалистых уступах высокой горы, была обнесена высокой стеной с башнями, имела одни ворота, подойти к которым было затруднительно по причине крутого склона. Невозможно было пользоваться турами, стенобитными машинами – основная тяжесть ложилась на легионера с штурмовой лестницей.

Изучая крепость, осаждающие должны были признать: сооружены стены и башни с большим старани-

ем. Пятиметровой толщины стены сложены из каменных блоков, залитых прочным связующим раствором, башни выведены из прочного кирпича.

Не первую крепость штурмовал Тиберий. Войска плотно охватили прилегающую местность, поставили палисады, вырыли рвы, выставили наряды. Связь крепости с внешним миром была прервана: никто не мог выйти из крепости или проникнуть в неё.

Ещё на подходе к крепости Тиберий отдал приказ об обеспечении штурма. Штурмовое оснащение было изготовлено в срок. Тиберий отдал приказ держать связки хвороста в ручье, протекавшем у подножья горы. При штурме было решено завалить подножье стен связками мелкого хвороста и ветками деревьев с тем, чтобы смягчить падение воина со стены. Таким путём надеялись придать смелость штурмующим и избежать больших потерь.

Только стала заниматься заря, войска двинулись к стенам крепости. Подходы к стенам были затруднены горными обвалами. Поэтому в первую очередь атаковали стены с меньшей высотой и лучшими подходами. Легионеры бросились вверх по лестницам, но там их ждали воины, прошедшие кое-какую выучку в римских войсках. Атаку римской пехоты поддерживали метатели. Обороняющиеся старались держаться за выступами стен, опасаясь стрелы или дротика, что и позволяло легионерам сражаться за первый шаг, за первую площадку стены. Некоторым особо искусным в ближнем бою ветеранам после тяжёлых усилий удавалось вступить на стену крепости, но здесь они скорее всего гибли.

Понтий не спешил взбираться по лестнице, а предпочёл, прикрываясь щитом, ознакомиться с манерой ближнего боя противника. Несколько человек из центурии Понтия были сброшены вниз, остались живыми, упав на связки хвороста.

Наконец, Понтий Пилат, приказав освободить лестницу, включился в сражение. Поднявшись к зубцам стены, центурион не мог сделать и шага вперёд: два дюжих десидиата ударами тяжёлых копий старались сбросить его с лестницы. Уловив момент, Понтий выхватил из-за спины дротик и свалил одного из противников. Возникла пауза, позволившая ему, бросив щит, протиснуться между зубцами стены и сделать два шага; он был на стене крепости. К нему уверенно двинулся закованный в броню и прикрывающийся щитом воин. Прижавшись к стене зубца, центурион поднырнул под щит, чего десидиат никак не ожидал. Через секунду воин лежал у ног Понтия, а щит находился в его руках.

Двое легионеров из центурии Понтия быстро проскользнули на стены крепости, но парням не повезло. Внутри крепости в шести метрах от стены, на том же уровне зубцов был сооружен помост, с которого лучники в упор расстреливали прорвавшихся на стены. Приём противника лишал атакующих надежд на победу. Понтия спасал щит, но долго продолжаться такое положение не могло. Прикрываясь щитом, в который одна за другой всаживались стрелы, Понтий отступил к лестнице. Центурион быстро направился к трибуну, руководившему штурмом прилегающего участка стены. Рядом стоял Тиберий. Понтий доложил об увиденных помостах, о лучниках.

– Что же надо предпринять?

Понтий был человек непосредственный, неискушенный в тонкостях обращения с высоким начальством и считал вправе открыто высказывать свои мысли:

– Надо знать способ борьбы с вспомогательными отрядами лучников, но сам я такого способа не знаю. Штурм при данных условиях приведёт только к неоправданным потерям.

Теперь Тиберий обращался к трибуну.

– Если и ты не знаешь, что противопоставить лучникам в крепости, дай сигнал отбоя, войска отведи в исходное положение.

Много было предложений, как заставить десидиатов сдать крепость: подрыть основание горы и завалить стену, пробить в крепость подземный ход, отвести воду из водоносного пласта и таким образом обезводить колодцы крепости. Скальный грунт делал предложения невыполнимыми.

Кончился сентябрь. Тиберий принял решение не снимать осаду и в зимние месяцы. Каждая центурия должна была построить для себя казарму в соответствии с планом, обеспечивающим плотное блокирование подходов к крепости. Пятому Германскому казармы подобного типа были известны. Они жили в таких же в Старом лагере на Ренусе.

Понтий вспомнил навыки работы с деревом, полученные от отца, и центурией под его руководством была поставлена добротная казарма: жилое помещение, очаги для обогрева, кухня. В казарме было тепло, пахло вкусным варевом. В других центуриях были

выведены только стены казарм, а из труб казармы Понтия Пилата уже струился весёлый дымок.

Прошла зима. Крепость и не думала сдаваться. Весной Тиберий, не веря в успех, скорее ради разминки, предпринял ещё один штурм, но, как и ожидалось, безуспешный.

По предложению одного из командиров решили раскрошить стену крепости огнём. Под покровом ночи с большими трудностями натаскали брёвен к стене и подожгли; запылал громадный костёр. Осаждённые забеспокоились, разгадав замысел римлян. Римляне поставили шесть катапульт и стали забрасывать брёвна в костёр — пламя поднялось до верхних зубцов стены.

Десидиаты забеспокоились всерьёз и пытались залить пламя водой, но пламя бушевало не затихая. Обеспечив подпитку костра, римляне торжествовали победу: они будут жечь брёвна так долго, пока камень не потрескается в огне и не рассыплется в песок. Счастье оказалось переменчивым. На третий день в горах раздались раскаты грома, небо потемнело, предвещая ливень. Обе стороны молили богов: одна, чтобы гроза прошла стороной, другая, чтобы ливень обрушился на крепость. Ливень обрушился. В первые минуты струи дождя испарялись, не достигая пламени. Появились клубы пара, и огонь стал опадать. Через полчаса на месте костра дымилась груда брёвен, и пар клубами поднимался вдоль стен. Римляне считали возможным утром восстановить костёр, когда же рассвело, на месте костра не было обнаружено ни одного бревна. Попытки римлян повторить приём с костром пресекались десидиатами. Известные способы разрушения стен были исчерпаны.

Осада продолжалась. Римляне досадовали: сколько же десидиады заложили провианта? Гурты скота, дымящиеся непрерывно кухни, обеспечивающие кормление тысяч людей, говорили о громадных усилиях интендантских служб осажденных. А среди легионеров уже наблюдались признаки усталости.

Отметили год осады крепости.

Каждый раз, возглавляя дозор своей центурии, Понтий обходил крепость, подолгу осматривая её стены и башни. Взгляд скользил по стыковым швам в стремлении обнаружить изъяны, выступы, которыми можно было бы воспользоваться при штурме. Но напрасно: все было сделано с тщанием людей, спасающих свои жизни и жизни своих близких.

И на этот раз Понтий был внимателен как всегда. Дозор был ночной, требовал осторожности. Сегодня луна светила ярче обычного. Понтий считал себя хорошим солдатом и взял за правило никогда не утрачивать бдительности. Ещё Карел Марцелла постоянно говорил, что малейшая растерянность, несобранность обходится ценою жизни.

Слева на склоне горы блеснуло что-то в лунном свете... Понтий остановился. Что это было и было ли? С каждым шагом вызревало в Понтии ощущение: там был человек, воин. Зачем?

С того памятного дня Понтий часто останавливался на склоне горы в надежде разрешить для себя сомнения: ни движения, ни колыхания.

Своя жизнь протекала и у осаждённых за стенами крепости. Попыток уйти из крепости не предпринималось,

пленных не было, сведения о событиях, развивающихся за стенами крепости, отсутствовали.

Однажды утром ворота крепости раскрылись и выпустили трёх воинов, которые медленно стали спускаться по дороге, ведущей в лагерь, направляясь к ставке Тиберия. По исправному состоянию амуниции и отличиям местной знати следовало, что к командующему направляются не простые воины, а скорее всего, вожди. Дежурный наряд, охватив полукольцом прибывших, сопровождал их.

– Посмотри, Понтий, мы видим перед собой самого Батона, – раздался сзади голос Авилия Флакка, – и вряд ли я ошибусь, но пришёл он сдаваться.

– Как можно решиться на такой шаг! Лучше покончить с собой. Неужели он надеется остаться в живых?

– Э, Понтий! Батон не только мужественный воин, но и умный человек, – возразил примипиларий. – Он всё взвесил прежде, чем делать такой шаг, и, видимо, у него в запасе есть какие-то заслуги перед Тиберием, о которых мы не знаем. Если такие заслуги есть, то он получит прощение.

Друзья наблюдали, как через некоторое время Батон был приглашён к легату. Оставив своих спутников недалеко от палатки, передав телохранителям Тиберия меч и кинжал, Батон исчез за пологом палатки. Тиберий, оставаясь сидеть в походном кресле, приветствовал вошедшего и указал на второе, приготовленное для гостя кресло, но рядом была положена на пол мягкая шкура какого-то дикого животного на тот случай, если Батон предпочтёт прибегнуть к национальному способу сидения. Гость присел на шкуру,

скрестив ноги по-походному. Видимо, так он чувствовал себя привычнее и увереннее.

— Две недели назад в крепость проник человек с известием от моего сына Скевы и передал от его имени, что я могу безбоязненно сдаться тебе, легат. Вопрос о моей жизни решён императором Августом и тобой. Если это не так, я сделал ошибку, поскольку сдал своё оружие и теперь не властен распорядиться своей жизнью.

Тиберий кивнул головой.

— Твой сын имеет большие заслуги перед армией и императором. Когда мне был задан вопрос о твоей судьбе, я ответил, как ответил бы всякий другой на моём месте; я не забыл, как ты позволил мне уйти живым из той ловушки в ущелье, куда я залетел с двумя алами конницы. Сегодня возвращаю долг к общему удовольствию.

— Не думай, легат Тиберий, что мой поступок был предательством интересов моего племени. Уже тогда я сознавал, что твоя смерть ничего не изменит в судьбах войны, она не нужна моему народу. Напротив, ты не так жесток, как другие легаты. Но после твоей смерти командование мог принять наместник Марк Мессала, бешеный хищник. Именно из-за его злоупотреблений при сборе налогов, вербовке новобранцев и вспыхнуло восстание. После долгого размышления я принял разумное решение. Не скрою, в тайниках души существовала надежда, что свою жизнь ценишь ты высоко. Рад, что не ошибся.

— Решение, вождь Батон, принято. Условия ты знаешь. Хотелось бы понять причины, побудившие

людей так дружно взяться за оружие. Ты указываешь на поведение наместника как на основную причину. Так ли это?

– Жадность Марка Мессалы чрезмерна и оказалась пагубной для Рима. Какие убытки потерпела империя! На месте императора Августа я не простил бы такому глупому и нечестному человеку.

– Не исключено, что к роли Марка Мессалы император может вернуться. Передо мной стоит более скромная задача – взять крепость. Так как же настроены, вождь Батон, твои соплеменники?

– Скорее всего, легат, придётся тебе биться с ними до конца. Ещё вчера на военном совете я предлагал обсудить сдачу крепости на достойных условиях. Меня решили выпустить, сами же решили сражаться до конца. Ведь ты им можешь предложить только рабство. В Андетрий же собрались настоящие воины.

Некоторое время Тиберий колебался:

– А как посланник твоего сына мог проникнуть в крепость? Плотны обложены стены войсками, и я был уверен в невозможности обмена людьми.

– Как можно это сказать?! Подумай!

– Если ко мне нет вопросов, можешь со своими спутниками направиться в отдельную палатку; она охраняется. Двинуться в путь можешь в любое время. Сообщаю, император назначил тебе местожительство в городе Равенне. В пути тебя будет сопровождать турма кавалерии; приказ отдан императором. Пожелаем друг другу благословения наших богов!

– Быстро они переговорили, – тихим голосом говорил рядом Авилий Флакк. – У меня впечатление,

что вопросы были решены раньше, а сейчас состоялось что-то похожее на личное знакомство.

– Неужели в обмен на жизнь Батон сдаст крепость?!, – с радостью и негодованием вырвалось у Понтия. С радостью – потому, что не придётся лезть на стену: негодование было связано с поведением, недостойным воина Батона.

Авилий с интересом посмотрел в лицо друга:

– Об этом мы узнаем через несколько дней.

Через несколько дней стало ясно, что крепость придётся штурмовать. Началась подготовка штурмовых отрядов, строились искусственные площадки для катапульт. Не сдал крепость Батон; в душе Понтия боролись противоречивые чувства.

Прошла неделя, наступило 2-е августа. Центурии Понтия Пилата вновь выпала очередь выйти в ночной дозор. Ещё днём он осмотрел и указал своим legionерам места засады.

Томительно тянулась ночь, и только когда положение Большой Медведицы показало далеко за полночь, в полной тишине раздалось едва слышное поскрипывание. По слуху Понтий установил место шума, и его глаза не выпускали из поля зрения каменную глыбу. Тянулись минуты, прошло не менее получаса, но Понтий готов был ждать бесконечно. Десидиат был опытен, выдержан. Он выжидал столь долго в уверенности, что обнаружит засаду, если там кто-нибудь просто изменит положение тела.

Наконец, от камня отделилась пригнувшаяся тень и сделала шаг в сторону. Копьё было пущено рукой центуриона, сам Понтий в прыжке обрушился всем

телом на десидиата. Тело под ним вдруг обмякло: он держал мёртвого человека.

Понтий протиснулся в довольно узкий проход, где обнаружил второго воина, пронзённого копьём. И так ясно: в крепость есть подземный ход.

Подозвав двух расторопных парней, он приказал им поспешить к командующему и к примипиларию Авилию Флакку. Сам он со своими людьми сделает попытку ворваться в крепость. Он ждёт подкреплений. Центурия выстроилась в колонну по одному. Трех Понтий оставил охранять вход, забрал у одного из них панцирь, собираясь использовать его в качестве щита. Римские щиты были слишком велики, и легионеры сложили их у входа в подземелье. Втиснувшись в проход, Понтий с трудом продвигался вперёд. Проход уходил вправо и вверх, воздух был спёртый, застоявшийся. Как ни убеждал он своих людей поддерживать тишину, дыхание и шум шагов полусотни людей создавали лёгкий гул, и Понтий в любую минуту ожидал удара копьём или спущенную в проход каменную глыбу, которая превратила бы центурию в кровавое месиво.

Покрытый потом, задыхаясь от быстрого и тяжёлого подъёма, Понтий почувствовал приближение конца прохода и устремился к нему в надежде найти дверь открытой и упредить действия охраны.

Осознав приближение опасности, стража пыталась закрыть проход тяжёлой дверью, но ей не хватило со-той доли секунды. Понтий отбросил дверь раньше, чем засов лёг на своё место. Трое воинов были уже мертвы, хотя и успели выхватить мечи. Центурион вор-

вался на второй этаж башни, где размещался её гарнизон. Его парни не отставали ни на шаг, и в башне началось истребление ещё не проснувшихся и безоружных людей. В суматохе боя Понтий не забыл перекрыть выходы на стены, лишив сторожевой дозор возможности прийти на помощь гарнизону башни.

Посланцы Понтия Пилата добежали до ворот лагеря, но сторожевая центурия не спешила впускать их, удивляясь их несвоевременному появлению и желанию видеть командующего. Пока центурион сторожевого поста разбирался, пока происходил разговор с ночной охраной Тиберия, один из посланцев был уже в палатке Авилия Флакка. Весть о Понтии Пилате, ведущем бой в крепости, подняла его на ноги. В несколько минут когорта вышла из ворот лагеря, захватив необходимое снаряжение для штурма стены.

Зашевелился лагерь, и примипиларий направился к палатке, где уже собрались трибуны и примипиларии Пятого Германского. Тиберий прямо обратился к нему:

– У тебя есть что доложить, примипиларий! Слушаю.

– Игемон! Моя когорта уже подошла к крепостной стене и сейчас начнёт штурм четырьмя центуриями, одну центурию я отправил на помощь Понтию Пилату по подземному ходу. Сам центурион захватил вторую от угла башню и пытается очистить стену в правую сторону. Следует немедленно послать Понтию Пилату подкрепления, чтобы он смог вырваться из башни во внутренний двор крепости. Когда начнётся общий штурм, осажденные вынуждены будут рассредоточить войска

по стенам крепости и ослабить давление на наш пока маленький отряд. Только тогда Понтий Пилат сможет использовать возможности своей позиции.

Тиберий повернулся к легату Пятого Германского:

– Организовывай штурм своего участка стен и быстрее вводи в дело когорты. Приказ другим легионам мною отдан. А тебя, примиплариий, – обратился Тиберий к Авилию Флакку, – я назначаю командиром центурий, сражающихся в крепости.

На востоке появилась слабая полоска зари. Лагерь римлян был в движении. Когорты стягивались к крепости, намереваясь атаковать весь периметр стен. Авиллий Флакк застал легионеров своей когорты на стене: целый пролёт находился в их руках. Легионеры сверху вели обстрел дротиками толпы осаждённых, стремящихся завалить выходную дверь башни и блокировать отряд Понтия Пилата.

Создав плацдарм, опирающийся на две башни, Понтий приказал поджечь ближайшие строения и начать наступление в глубину крепости. Начавшийся общий штурм потребовал от вождей десидиатов организовать оборону на стенах, и противодействие отряду Понтия Пилата ослабло. Обе стороны понимали, что оборона прорвана, и сражение может закончиться только падением крепости. Десидиаты встали на свои места, готовые умереть в бою.

Через стену, захваченную Авилием Флакком, переливались в крепость новые подкрепления, непрерывно подходили свежие центурии через подземный ход. Уверенно вводя в дело войсковые подразделения, центурион непрерывно наращивал силу ударов, захваты-

вая улицы, стены, башни, не давая передышки ни себе, ни противнику. Солнце достигло зенита — половина крепости перешла в руки римлян. Десидиаты сражались ожесточённо и гибли во множестве, пощады никто не просил. Среди сражающихся и погибших стали обнаруживать женщин и всё в большем числе: многие искали в бою смерть.

Как-то вдруг всё ослабло, словно провисла натянутая струна. Римляне утратили ярость напора, а обороняющиеся воспользовались минутой передышки. В такие минуты и возникают переговоры о сдаче крепости и судьбах самих защитников. Понтий послал запрос командующему. Упорное сопротивление ожесточило Тиберия, и он был согласен принять сдачу крепости только на милость победителя.

Вёл переговоры легат Пятого Германского, который по приказу Тиберия остался командовать штурмом; Понтий Пилат со своей центурией отзывался для отдыха. Видимо, командующий в полной мере проверил способности Понтия Пилата и мог позволить себе широкий жест.

Бессонная ночь и тяжёлый бой вымотали людей без остатка. Legionеры сразу же заснули в казарме, отказавшись от еды. Тяжёлый сон охватил центурию, но Понтий под влиянием неясного чувства тревоги проснулся ближе к вечеру. Крепость пала. Всё, что могло гореть, извергало пламя и дым. Тянулись короткие колонны пленных: дети, дряхлые старики, совсем мало женщин, если и были мужчины, то израненные, изуродованные. Legionеры втягивались в казармы, центурии несли своих убитых. Было много раненых, везде

сновали лекари; их палатки были набиты народом, ожидавшим помощи. Повара приступили к своим повседневным делам: готовилась обильная еда.

Почему-то в войсках не чувствовалось привычной радости, связанной с победой. Понтий забеспокоился о своём покровителе и друге и быстро направился в его палатку. Слава богам! Авиллий Флакк был жив, хотя и находился в последней стадии усталости: осунувшееся лицо, потухшие глаза, никакого воодушевления.

– Хорошо, Понтий, что ты не был свидетелем последних часов штурма. К твоему уходу десидиаты выбились из сил и противостоять свежим когортам не могли. Началась резня. Но какие воины из племени десидиатов! Никто не сдался! Если бы Тиберий проявил великодушие, какие вспомогательные когорты можно было бы создать!

Щедро был награждён Понтий Пилат. Его заслуги трудно было переоценить: он первым вступил на территорию крепости. Подобный поступок чётко отмечен в регламенте о наградах: большая золотая нагрудная цепь. Командующий обратил внимание совета на потери, их было в два раза меньше, чем при штурме крепости Серетион, которую месяц назад штурмовали войска Эмилия Лепида, хотя крепость была не чета Андетрию.

По приказу командующего каждому легионеру центурии Понтия Пилата была выдана награда в годовое жалование, а самому центуриону – 5000 денариев. Не забыты были и легионеры Авиллия Флакка, первыми захватившие стену крепости. Десидиаты уничтожили

сокровища племени в огне, когда осознали полное поражение.

Устремления Понтия не поднимались высоко. Он был рад золотой цепи и особенно полученным деньгам. Награда позволяла выкупить последние 80 югеров земли имения Гнея Домиция. Пять лет добытые разными путями деньги вкладывал он в имение. Суммы были незначительными, и дело грозило затянуться на десятки лет. Появилось опасение, не взял ли Понтий на себя непосильную ношу. Теперь многое менялось, с души свалился тяжёлый камень. Понтий чувствовал себя вольной птицей.

В то время как душа Понтия жила освобождённой птицей, в штаб-квартире командующего происходил важный для него разговор. При штурме Андетрия Пятый Германский потерял двух примипилариев, и сейчас Тиберий выслушивал предложения легата легиона по кандидатурам. Легат, в представлении Тиберия, тянул непозволительно: перечислял достоинства кандидатов, приводил свои сомнения, а главное, при обсуждении опирался на порядок прохождения службы.

Тиберий посмотрел на легата:

— Сегодня я не пожалею тебя, легат Пятого Германского. Я находился во время боя на стене около средней башни и видел сражение в крепости от начала до конца. Я предполагал в Пилате большие возможности, но чтобы ни одной ошибки, на одном дыхании вести сражение восемь часов... Такого я не ожидал, а ты, легат, огорчил меня. После Понтия Пилата ты выглядел неважно: паузы, вялость, скрытая

нерешительность, а противник был уже подавлен, ослаб физически.

Тиберий обратился к Люцию Мессале:

– Есть приятная новость. Ты назначаешься легатом XI Клавдиевого легиона; он будет размещён в Далмации. Твоя кандидатура согласована с императором. Завтра приступай к сдаче дел. Понтия Пилата можешь забрать с собой в качестве примипилария, если легат Пятого Германского не увидел для него применения. Сам хотел бы видеть его в Пятом Германском – мне прибавило бы уверенности.

Глубоко был оскорблён легат мнением Тиберия, хотя и понимал справедливость замечаний.

Через два часа после совещания в палатку нового примипилария вошел адъютант командующего, жизнерадостный, симпатичный центурион, хлопнул Понтия по плечу, предлагая тем самым считать его своим приятелем, и передал какой-то предмет, завернутый в гематий военного образца.

– Лично от командующего. Поздравление с назначением. Выводы делай сам.

Не вступая в объяснения, центурион вышел так же быстро, как и вошёл. Понтий догадывался о содержании, но чтобы... Перед ним лежал личный меч Тиберия, который знала вся армия. Клинок работы лучшей мастерской в Иберии, ножны отделаны золотом и слоновой костью по черной лакированной коже. Меч определял личность воина. Понтий почувствовал себя настоящим профессионалом.

Когда появившийся на утренней поверке Понтий повернулся лицом к строю, всем стал виден меч Ти-

берия. Строй затих. Не прошло и минуты, как появился легат, сопровождаемый трибунами. Приняв рапорт, он поздравил когорту с новым командиром, отметил его заслуги, свою уверенность, надежды товарищей и соратников.

Увидев меч Тиберия, легат мысленно вознёс благодарность богам за разумную мысль исправить ошибку, допущенную им на совещании, и лично представил Понтия Пилата войскам.

Понтий понял: теперь он будет спокойно и уверенно командовать, не опасаясь скрытых подвохов.

Про себя Понтий уверовал в благоприятное для себя вмешательство богов. Искренние слова благодарности были вознесены богам Рима.

Клавдия

На перекрёстке улиц небольшого городка на севере Италии стояли два примипилария регулярных войск, колонны которых ещё вчера проследовали на запад и остановились лагерем на днёвку на расстоянии не более 20 стадий.

Командиры представляли живописную группу. Атлетически сложенные, с развевающимися плюмажами, золотыми цепями и другими знаками отличия, они невольно привлекали взоры местных жителей.

Невдалеке от примипилариев показались октофоры, по цветам раскраски которых устанавливалась принадлежность их владельца к сословию всадников. Интересно, каким образом всадник попал в глухие места Италии?

Подобная встреча в глухой провинции столь значительных граждан империи была интересна сама по себе, и участники невольно должны были обратить внимание друг на друга.

Если примипиларии имели все основания не отрывать взглядов от появившихся октофор, поскольку в них помимо грузного мужчины находилась совсем юная привлекательная девушка, то интерес мужчины к примипилариям ещё нужно объяснить.

Марк Клавдий Прокула, так звали владельца октофор, обратился к своей дочери Клавдии:

– Клавдия! Посмотри на старшего по возрасту примипилария. Это Авилий, он тебе знаком. Ты разговаривала с ним, когда он несколько лет назад приезжал на побывку к своим родителям. Родители Авилия были моими арендаторами; работниками они были неплохими, а потому недопонимания у нас не было. Обязательность, которой лишены все арендаторы, досталась, видимо, им от рождения. Сам отпрыск был шустр, сообразителен, быстр и, следовательно, стал примипиларием не случайно. Взлёт, однако, высок и крут. Что касается родителей, то они неожиданно отказались от аренды земли и исчезли из моего поля зрения. Авилий, которого я драл в детстве за уши за всякого рода шалости, став примипиларием, видимо купил имение и поселил в нём родителей. Очень хорошо! Я пригласил бы парней к нам в гости на обед. Как он тебе?

– Папа, мне интереснее молодой примипиларий. Представляю, какие бы дети родились у меня от него.

– Боги! Пожалейте меня! Ещё совсем девочка, а какие разговоры. Вот оно, влияние матери!

– Папа, зачем ты наводнил наш дом в Риме толпой калек?

– Я хочу, чтобы со временем ты смогла бы выбрать себе достойного мужа, – вскричал Марк Прокула, с удивлением взирая на свою дочь.

– Среди калек не может быть достойного, – с естественным негодованием ответила Клавдия и вновь посмотрела на Понтия.

– Я предполагал, что твоё воспитание ведётся из рук вон плохо, но чтобы до такой степени – нет и нет! Развращённость сегодняшнего общества приводит в

ужас. В дни нашей молодости почитание старших, скромность желаний являлись лучшими украшениями юношества. Слово-то какое – калеки!

– Папа! О прежних временах, полных гармонии между старшим и молодым поколениями, я слышала раз сто. Мама правильно говорит: нет в Риме более знающего финансиста и деятельного человека с ясным умом, когда дело касается денег. К сожалению, твоя мысль в других вопросах плавает в каком-то вязком тумане. Например, если спросить, хочешь ли ты иметь здоровых, красивых и умных внуков, то ответ будет утвердительным. Но причём здесь гармония поколений? Для этого нужно иметь вот такого зятя, – и Клавдия указала на Понтия Пилата.

– Боги! Что творится! Ей только четырнадцать лет. Что будет дальше?

– Папа, в нашей стране брачные контракты заключаются с 12 лет, ты прекрасно об этом знаешь. Так почему ты хватаешься за голову?

Досада читалась на лице Марка Прокулы, однако он проявил выдержку.

– Так приглашать мне примипилариев вечером на обед?

Авилий Флакк, поглядывая на октофоры, похихатывал рядом с Понтием:

– Понтий, ты имеешь успех у Клавдии. Она прекрасная девочка, но твой будущий тесть, хотя умён и деловит, жаден и весьма хитёр. Не смотри на меня с удивлением: мои родители арендовали землю у всадника Марка Прокулы, когда я был ещё мальчишкой. Между ними трений особых не было потому, что ро-

дители расплачивались за аренду вовремя, а дополнительных поборов хозяин не допускал.

В этот момент октофоры поравнялись с примипилариями, и рабы опустили их на землю. Отец и дочь покинули октофоры и сделали шаг навстречу друзьям. Марк Прокула добродушным тоном обратился к Авилию:

– Достойный Авилий! Мы давно знакомы, наши отношения носят доброжелательный характер, встреча неожиданна и приятна. Мы с дочерью решили дать в вашу честь обед, в связи с чем и приглашаем навесити нас сегодня вечером. Наша вилла в конце этой улицы.

Авилий Флакк, вращаясь последние пять лет в среде старших офицеров, многое усвоил, и был далеко не похож на плебейского выскочку из арендаторов.

– Приятно получить приглашение от давнего соседа, – сознательно идеализировал прежние отношения Авилий. Достойная Клавдия была мала, когда я проводил отпуск у родителей, но поскольку мы не раз беседовали, то, следовательно, знакомство наше состоялось. Осталось только представить моего друга, Понтия Пилата, одного из самых доблестных воинов армии. На его боку висит личный меч легата Тиберия. Исключительная награда.

Скрывая интерес, потенциальный сенатор косил глазом на меч примипилария. По богатству отделки меч вполне мог быть мечом Тиберия.

Голос Авилия Флакка звучал размеренно и с достоинством; так звучит голос человека, уважающего прежде всего самого себя.

Любимец Тиберия! Какая карьера ждёт молодого человека впереди! Дочь оказалась прозорливее меня, — думал Марк Прокула, мысленно нахваливая себя за приглашение, сделанное примипилариям.

Матрона Домиция при первом знакомстве с Понтием причислила его к числу избранных дочери, но на вторых ролях, поскольку плебейское сословное состояние последнего упразднило его многочисленные достоинства.

Матрона поощрительно относилась к знакомствам своей дочери, считая необходимым элементом воспитания широкое общение с молодыми людьми.

Гостей провели в перистиль — крытый дворик, окаймленный колоннадой. В середине находился бассейн с проточной водой. Недалеко от бассейна размещались столы и ложа для участников обеда. Обед отличался обилием блюд и явным стремлением хозяев встретить гостей достойным образом.

Марк Прокула выражал уважение представителям возвращающихся войск, победоносно завершивших тяжёлую войну. Однако Авилий Флакк подчас улавливал покровительственные интонации Марка Прокулы и его жены. Они не могли отрешиться от мысли, что перед ними сын бывших арендаторов. Положение забавляло Авилия, когда сами хозяева смущались, сказав невольно фразу, звучавшую недостаточно уважительно.

Разговор коснулся прежде всего родителей Авилия. Хозяин интересовался их именем и очень огорчался про себя, установив обширность и высокую доходность имения по сравнению со своим, расположенным в здешней местности.

Разговор вскоре коснулся военных действий в Паннонии. В основном говорил Авилий Флакк. После нескольких общих фраз рассказ пошел об одном Понтии, мужественный образ которого он рисовал самыми яркими красками. Старался Авилий конечно не для старшего поколения, хотя и те слушали с большим интересом. Хозяева были удивлены, когда примипларий стал сравнивать Понтия с самим Ахиллом, цитируя текст Гомера на память.

Понтий, пригретый вежливой заботой матроны, ласкаемый взглядами Клавдии, убаюканный словами друга и отличным родосским вином, находился в приятном состоянии туманной рассеянности. Наконец он счёл необходимым произнести охлаждающую юмористическую фразу:

– Хорошо ещё, что Авилий не сравнил меня с великим Гераклом.

Неожиданно он был поддержан Клавдией.

– Я рада, что наш гость счёл неприемлемым для себя сравнение с подвигами Ахилла, которыми восхищаются греки и римляне. Есть в них что-то сомнительное. Подвиги Понтия прекрасны сами по себе: например, простоять в засаде несколько часов и не шелохнуться.

Присутствующие рассмеялись: вот какой из подвигов Понтия оставил наибольший след в сознании Клавдии.

– Теперь ты имеешь представление, достойный Понтий, каковы взгляды на героика наших дней у женщин Рима. Ты уподоблен кошке, способной часами караулить мышь у норы. Именно такое качество и является

основным достоинством воина в представлении наших женщин, – веселился Марк Прокула, с удовлетворением отмечая, что происки Авилия Флакка пропали даром.

Матрона Домиция обстоятельства поняла по-своему: старания их бывшего, так называемого, соседа даром не пропали. Мнение матроны подтвердила сцена приезда одного из тех римских «калек», о которых упомянула в своё время Клавдия. Этот был наиболее настойчив и энергичен, и приезд его в далёкое имение родителей Клавдии не удивил.

Через некоторое время, умытый и нарядно одетый, был он представлен гостям. Новый гость производил впечатление симпатичного молодого человека. Одежда, манера разговора выдавали его принадлежность к высшему слою общества. Присутствие Понтия, казалось бы и случайное, встревожило его чувства: перед ним был соперник. Если раньше Клавдия как-то выделяла его среди сверстников, толкущихся в доме, то сейчас молодой человек почувствовал полное к себе безразличие.

Появление за обедом нового лица нарушило тёплый настрой, и после некоторых усилий его восстановить все поняли, что наступает время расставания. Приличия ради армейские гости посидели ещё некоторое время, затем, ссылаясь на служебные обязанности, покинули гостеприимный дом.

Марк Прокула вышел проводить гостей и повёл разговор так искусно, что принудил друзей пригласить его в Старый лагерь на Ренусе.

– Зачем ему это? – удивился Понтий.

– Нашему хозяину нужны связи в армейской среде, – ответил примипиларий. – Через нас он и собирается их приобрести.

– Далековата наша среда от Рима, где бушуют политические страсти.

– Э, Понтий. В наше время только присутствие в доме военных высоких рангов дороже тысяч сестерциев. Создать в Риме мнение о наличии контактов с чинами армии значит приобрести политический капитал. Представь, Марк Прокула наметил для себя карьеру сенатора. Надо поработать в подкомиссиях, в комиссиях, связанных с жизнью армии. Оказывается, в армии служат знакомые люди, готовые к сотрудничеству. Наш хозяин – дальновидный человек. Он уже осведомился, сколько кампаний проделал я верхом на коне. Установил для себя, что через шесть лет я могу претендовать на достоинство всадника, и вот он уже едет к нам в гости. Он считает нас любимцами Тиберия, карьера которых обеспечена. Тиберий же о нас давно забыл. Не окажемся мы в нужный момент – он и не вспомнит. Надо знать натуру заместника.

Из поступков сегодняшнего дня, совершенных Марком Прокулой, следует вывод о нашей нужности. Так что, Понтий, если жизнь забросит тебя в Рим, помни, что встречен будешь радостно. Думаю, и Клавдия будет рада. Вот мы дошли и до Клавдии. Как ты её находишь?

Авилий Флакк скосил глаз на Понтия, с интересом ожидая его ответ.

– Живая, непосредственная девушка. Красивая. Мне понравилась.

– Есть в ней что-то от Герды: стать женская, манера общения. Она ещё девочка. Пройдёт несколько лет, ты будешь ошеломлён. Клавдия принадлежит к особым женщинам. Люди нашли путь отметить таких женщин: они ссылаются на участие богов при рождении таких детей.

– Этих двух женщин трудно сравнивать. Разные люди. Герда – тихая, спокойная, ласковая, Клавдия же бурлит энергией. По поводу женской стати ты, Авилий, правильно подметил.

– Что там стать, когда существует на свете любовь. Мы с тобой стараемся это слово не употреблять, как бы стесняемся чего-то. Вспомни, с Гердой у вас как будто взрыв произошёл.

Понтий с грустью посмотрел на друга.

– Сегодня взрыва не произошло. Да и что говорить о Клавдии. Единственная встреча. Мы прикованы к орлу легиона и не имеем права отлучаться. Раньше не переставал удивляться разумной организации легиона. Даже восхищался. Сейчас обнаруживаю, что о жизни простого человека просто забыли. Если бы я и захотел завязать отношения с Клавдией, то обнаружил бы глухой тупик.

Наступило молчание.

– Ты прав. Не будем поднимать вопрос о наших возможностях, Понтий. Здесь тот самый случай, когда только воля богов может что-либо изменить.

Погоня

Как ни старался Марк Прокула незаметно покинуть свой дом в Риме и отъехать как бы невзначай, сделать ему это не удалось. Внимательный взгляд Клавдии неустанно наблюдал за происходящим. Уверенный в тайности своего отъезда, Марк Прокула был захвачен врасплох вопросом дочери:

— Папа! Ты собрался завтра отбыть в путь по решению комиссии сената. Рим полон толков и слухов о полученном тобой почётном задании. Путь до Старого лагеря на Ренусе не близок, но многие завидуют тебе: прекрасная видами и известная своей безопасностью дорога императора Августа позволяет совершить прекрасное развлекательное путешествие.

Слушая Клавдию, Марк Прокула уже понимал, куда повернёт она свою речь. Не хотел, очень не хотел вновь назначенный представитель комиссии сената брать дочь в дальнюю дорогу.

Догадывался он и о причине устремлений Клавдии: не забыт молодой примипиларий. Где-то в глубине души примипиларий действовал ему на нервы. Вопрос о замужестве Клавдии затормозился, желательные партии проваливались одна за другой. Однако будущий сенатор не хотел рисковать хорошо

складывающейся карьерой, которая в некотором роде зависела и от примипилария.

– Проклятые «калеки»! Наводнил ими дом на свою голову. Всё выведали, всё рассказали и только затем, чтобы добиться мимолётной благосклонности Клавдии. Конечно, устоять против такой красоты и стати невозможно, но всё равно эти «калеки» – гнусные подлецы.

Марк Прокула надеялся на случай.

Клавдия отсекла надежды на случай:

– Папа! Я тебя не задержу. Мои вещи уложены, кони завьючены и засёдланы. Меня будет сопровождать только одна Нехушта. Она, хотя и рабыня, но уверенно держится на коне и способна владеть кое-каким оружием. О себе не говорю.

Марк Прокула взглянул на излучающую непоколебимую уверенность Клавдию, вздохнул и распорядился заложить ещё одну повозку для дочери.

Восемь наёмников, десять рабов сопровождали Марка Прокулу и его дочь в поездке на Ренус. Охрана и рабы ехали верхами, две повозки предназначались для Клавдии и самого хозяина. Другие были загружены продовольствием, оружием, предметами обихода. Стояли солнечные осенние дни – время наслаждения красками и запахами увядающей природы.

К середине поездки не осталось сомнений, что деловая поездка превратилась в увлекательное путешествие, и Марк Прокула был даже рад, что Клавдия оказалась с ним. Природная энергия, любознательность молодости толкали Клавдию, а вместе с ней и других, на осмотр мест и достопримечательностей, известных среди населения Рима. Вечно недовольные наёмники

уже смекнули, что попали на отдых вместо тяжёлой работы, полной опасностей и страхов.

Уже пошли римские сторожевые посты по левой стороне Ренуса, и отряд Марка Прокулы, делая дневные переходы, проводил ночёвки в маленьких защищённых деревянными стенами крепостях.

В тот памятный день солнце уже клонилось к горизонту, до сторожевого поста оставалось не более 14 стадий, уставшие за день люди мысленно находились на отдыхе, когда проскакавший мимо них всадник выкрикнул одно слово:

– Германцы!

В первые минуты людей охватило смятение. Первым пришёл в себя Марк Прокула. От него ждали распоряжения, и вот уже повозки несутся на полной скорости, всадники прикрывают обоз. В руке каждого появилось оружие. Бежали к воротам сторожевого поста, открытым для приёма спасавшегося обоза. Группа конных германцев стремилась перехватить ускользающую добычу.

Повозки и всадники влетели на территорию сторожевого поста, ворота спешно закрылись. В гущу всадников две катапульты метнули груды камней. Подхватив убитых и раненых, отряд германцев отъехал на расстояние выстрела катапульты и остановился, поджидая, видимо, основные силы.

Пожилой центурион, наблюдавший прибытие новых конных отрядов германцев под стены его маленькой крепости, недоумевал. Прорвавшиеся на левый берег Ренуса германцы шли вглубь страны для грабежа галльских селений. О римской системе оповещения знали:

огонь опасности уже около часа горел на вершине сторожевой башни, извергая клубы чёрного дыма.

Центурион подошёл к Марку Прокуле и голосом, не терпящим возражений, запретил ему и его людям показываться на стенах сторожевого поста, но вскоре он обнаружил непонятное оживление среди германцев, причина которого явно таилась в крепости.

Центурион направился к Марку Прокуле, находящемся на стене крепости. Вид командира крепости в полной мере выражал его отношение к поступку гостя.

Гость пытался смягчить гнев центуриона, ссылаясь на желание дочери увидеть полную картину нападения. Центурион выслушал сбивчивые объяснения свалившегося ему на голову члена сенатской комиссии.

В это время у германцев обозначились признаки подготовки к штурму: всадники спешили, многие принялись вязать помосты и лестницы. Центурион повернулся к принципалу, и вскоре в небольшом рве, окружавшем вал крепости на расстоянии полусотни локтей, взметнулось двухметровое пламя. Была зажжена смола, напущенная в ров сразу по получении известий о германской коннице.

– Этим мы сорвём их вечерний и, возможно, ночной штурм, – проговорил центурион, – а завтра увидим, что делать. А теперь, достойный представитель сената, посмотри на группу всадников, в центре которой ты видишь впечатляющего воина. Этот человек принадлежит к сословию всадников римской империи и носит такую же пурпурную кайму внизу одежд, как и ты сам. Мало того, он центурион римской армии. К тому же он князь из знатного рода херусков. Имя его Флав. Он

приходится родным братом вождю германского ополчения – Арминию; это имя должно быть тебе известно. Обычно они проходят вглубь страны и не теряют времени на штурм наших сторожевых постов. И вдруг! Ты догадываешься о причине такой ретивости? Твоя дочь! Ее красота вскружила голову Флаву.

Поднявшись со своей дочерью на стену крепости, Марк Прокула, ты подписал нам смертный приговор.

Мы погибнем при штурме сторожевого поста, уничтожив три сотни врагов. Вы останетесь в живых. Дочь – потому что она живой и нужна, ты сам – достойный внимания выкуп. Германцы знают, что такое пурпурная кайма и сколько она стоит. Сам ты уплатишь полмиллиона сестерциев, да, если дочь твою продать в царский гарем, – ещё можно получить полмиллиона. Зачем им куда-то идти, когда добыча уже в их руках.

– Неужели ты собираешься выдать нас германцам? Ты, римский центурион!

– Никаким германцам я не достанусь, – проговорила бледная, как египетское полотно, Клавдия. – Я никогда не расстаюсь с кинжалом.

Центурион усмехнулся.

– Ну что ты, всадник Марк Прокула, до этого я ещё не дожил. Но как только стемнеет, вас переправят через стену крепости, и вы уйдёте на север. Проводник покажет вам тайный табун коней и склад провианта. Дальше пойдёте верхами одни: осталось три перехода до Нижнего лагеря. Готовься, Марк Прокула. Я своих решений не меняю.

Впервые Клавдия увидела отца растерянным и беспомощным. Здесь были бесполезны известные ему

способы воздействия на людей. Раньше ему не встречались такие люди, как центурион. Понял состояние гостей и принципал, который был свидетелем разговора:

– Достойный Марк Прокула, посмотри во двор крепости, и ты увидишь пожилого человека, одетого довольно непривычно для нашего глаза. Элий Галл знает все здешние места по эту и ту сторону Ренуса; он сможет вывести к лагерю римлян твою команду. Это будет стоить немалых денег, но других способов сохранить жизнь я не знаю.

– Я не такой простак, уважаемый римский всадник, как может показаться на первый взгляд, – сразу заговорил Элий Галл. – Моё умение дорого стоит. Интересно, во сколько же ты ценишь жизнь своей дочери и свою собственную? Ответь мне.

Проницательные глаза Элия Галла смеялись над колебаниями Марка Прокулы. Наконец, взвесив все доводы, Марк Прокула назвал свою цену:

– Сто тысяч сестерциев!

– Разумный ты человек, Марк Прокула. За такие деньги можно рискнуть жизнью. Сходи к центуриону и договорись обо мне.

Марк Прокула оплатил казначею стоимость предоставляемых центурионом лошадей и провианта, количество которых указал Элий Галл.

Как только темнота спустилась на землю, Элий Галл повёл людей к затерявшемуся в лесах тайному форпосту римлян. Многие удивило Марка Прокулу. К их приходу кони были засёдланы, навьючены; людям, успешным уже устать от быстрого пешего перехода, осталось только сесть на лошадей и следовать за проводником.

Небо посветлело, когда караван подошёл к Ренусу, и Элий Галл стал искать известный ему по прежним временам брод. На недоуменный вопрос римского всадника Элий Галл ответил:

– На той стороне Ренуса нам будет спокойнее. Места там глухие. Главное сейчас – остаться в живых, достойный Марк Прокула. Быстро ты отделался от испуга. Однако зря. За нами скоро пойдёт погоня, разница составит шесть часов. Разве такое нам нужно преимущество, когда в отряде женщины, обслуга, повара, одним словом, люди, не привыкшие перемещаться на конях? При движении наш отряд оставляет столько следов, что не нужно быть и следопытом.

Уходить нужно на юг. Чем ближе мы к границам Рима, тем труднее нас преследовать: где добыть пропитание для себя, для коней? Разбой! Тогда люди Флава должны искать спасения от местных жителей. В нашем положении необходимо использовать все возможности. Ещё много предстоит трудов и страха.

Только теперь, по-настоящему испытав страх, Клавдия поняла, что защита, окружавшая ее, ничего не стоит, а смерть ходит рядом и спасти её может только случай. Целыми днями Клавдия не сходила с коня и уразумела разницу между конными прогулками, заканчивающимися по её желанию, и изнурительными скачками по бездорожью. Приходила тяжёлая усталость, душу охватывала тревога. События и люди выглядели в этом свете по-другому. Сейчас Клавдия как бы прозрела и ужаснулась состоянию детской глупости, в котором она пребывала и могла пребывать ещё многие годы. Если бы

только... Отчаяние и надежда сменяли друг друга в её душе, и желание бороться за своё спасение вспыхивало с новой силой, вливая энергию в обессиленное тело.

Как ни был осторожен Элий Галл, стараясь уходить тайными тропами, не оставляя следов, германцы настигли их на исходе третьего дня.

Отряд переправился через глубокий овраг и находился ещё на его краю, когда из леса вылетела сотня преследователей. Обе стороны оказались в непосредственной близости. Римляне были готовы к бою. Выпустив по две стрелы в толпу германцев, римляне быстро отъехали на безопасное расстояние. Наиболее энергичные германцы бросились в овраг в надежде сойтись с римлянами в ближнем бою. Однако предусмотрительный Элий Галл завалил единственную тропу стволами деревьев – требовалось время для расчистки. Люди Марка Прокулы предчувствовали, что следующая встреча будет и последней.

Клавдия, как и другие, спустила с тетивы лука две стрелы. Каково же было её разочарование, когда её стрелы смогли только перелететь через овраг, не причинив врагу никакого урона. Она не стала обманывать себя, осознав, что и стрелок она никомудышный. Ежеминутно Клавдия обращалась к богам: просила удачи для себя и своего отца.

Удача пришла. Командующий легионами Нижнего лагеря Цецина Севера забеспокоился об усилении мер по безопасности дороги вдоль Ренуса.

– Отправлять рейдовые отряды! Первым начнёт Пятый Германский. Кстати, пусть встретят и проводят какого-то члена сенатской комиссии.

Вскоре рейдовый отряд под командованием Амана Эфера вышел в поход. Он был усилен центурией Понтия Пилата.

Нелегко приходилось центуриону сторожевого поста. Как только рассвело и смола стала догорать, всадники загарцевали на виду крепости. С предосторожностями подошла группа парламентарёв, пытаясь договориться о добровольной выдаче укрывшихся в крепости гостей.

Центурион вразумительного ответа не дал – тянул время. Флав готовился к штурму, уверенный в своей военной силе как наилучшем аргументе при переговорах.

В полдень центурион был вновь вызван на переговоры, теперь уже с требованием сдать сторожевой пост без сопротивления. На этот раз ответ был прямым:

– Ни всадника, ни его дочери здесь нет. Гости наши уже далеко; они ушли ещё вчера ночью, и вам придётся поработать, чтобы до них добраться: у них опытный проводник. Штурм вам ничего не даст, кроме наших трупов и трехсот убитых германских воинов.

О проводнике центурион сказал зря. Несколько минут спустя сотня германцев проскакала на север; вёл их опытный следопыт. Флав начал штурм. Одна группа несла быстрым шагом громадное бревно, которым германцы собирались вышибить массивные ворота сторожевого поста. Другая, более многочисленная, несла штурмовые мостики, лестницы, верёвки; эту группу сопровождали верхами стрелки из лука для прикрытия атакующей пехоты.

При приближении германской пехоты к валу крепости с римской стороны заработали карабалисты, лучники, метатели дротиков. Две катапульты, охранявшие ворота, метнув ворох камней, сбили множество германцев, но бревно было подхвачено новыми руками, и первый удар потряс массивные ворота крепости.

Вдруг раздалось римское бар-ра, и около двухсот всадников вынеслись прямо на группу Флава, наблюдавшую штурм. Флав развернул коня и бросился со своими людьми навстречу им.

Под прикрытием атакующей конницы к воротам подлетело десятка два повозок, и вот уже строй тяжёлой пехоты, укрывшись щитами и выставив копья, быстро шёл на сближение с отрядом германцев. Германцы были просто внесены на копьях в крепость через открывшиеся ворота. Короткий бой, похожий скорее на резню, был завершён.

Примипиларий, командовавший римской пехотой, вывел свой строй из крепости и атаковал германцев, которые толклись около вала. Германцы отхлынули от вала крепости, открыв правый фланг своей конницы. Римляне ударили по флангу и принудили конницу покинуть поле боя вместе с предводителем.

Флав понял, что несмотря на численное превосходство германцев, сторожевой пост стал для него недостижим: его защищали 300 человек регулярной армии.

Центурион сдержанно радовался, благодарил богов, римских офицеров, командующего Цецину Севера. Обсуждая обстановку, центурион рассказал о том, как он удалил со сторожевого поста члена комиссии сената. Понтий Пилат посмеивался над неудачами де-

легата до тех пор, пока не прозвучали имена Марка Прокулы и Клавдии. Он взорвался сразу:

– Ах ты, негодяй! Выбросил девочку из крепости на съедение мужикам.

Челюсть центуриона выдвинулась вперед, глаза прищурились, тело напряглось, готовое к схватке.

– Молчать! – рявкнул вдруг Аман Эфер. – Идите сейчас же к своим людям, занимайтесь своими делами, в любую минуту может возобновиться штурм.

Офицеры открыли рот, желая как-то оправдать себя.

– Молчать! – вновь заорал Аман Эфер. – Требую выполнить мой приказ!

Через некоторое время Понтий Пилат увидел декуриона, направлявшегося к нему.

– Распустился! Поведение, как у деревенского подростка. Ты был и остался деревенским вахлаком. Держать себя не научился. Твой товарищ по оружию принял абсолютно правильные решения. Он предоставил гостям шанс спасения: обеспечил конями, продовольствием, дал лучшего проводника. Остаься они здесь – крепость была бы уже захвачена, а Клавдия распята в постели того же Флава. Сейчас же она скачет на свободе! Молодец центурион!

– Совесть уже мучает меня.

Аман Эфер недовольно пожал плечами.

– Давай думать о деле. Главной заботой для нас должна быть Клавдия. За ней пошла погоня, сотня всадников. Люди в отряде знают леса, здесь от них трудно спастись. Мы же завязли на сторожевом посту. Бросить его мы не можем. Существует только один

путь освободить себя: заставить Флава уйти из этих мест. Готовься к бою, Понтий!

И Аман Эфер изложил план боя, основанный на обманном манёвре.

Открылись ворота. Конница и пехота вышли в открытое поле, чему Флав немало удивился, зная о значительном численном перевесе своего отряда. Флав видел себя уже победителем, и когда войска римлян отошли от ворот крепости, послал отряд конницы с целью окончательного их окружения.

Конница германцев начала заходить в тыл строя римлян, но для манёвра ей необходимо было пройти довольно близко от ворот. Центурион, предупреждённый Аманом Эфером, пустил в работу две катапульты и карабалисты. Урон, понесённый германцами от обстрела, изменил соотношение сил в районе ворот.

Ворота открылись, и римляне вновь повторили использованный несколько часов назад приём: сирийцы, охватив остатки германского отряда, втиснули их на территорию крепости, где они и были истреблены. Центурия Понтия Пилата, прикрывая сирийцев с тыла, успела войти вслед за ними и закрыть ворота.

Помощь германцев, подлетевшая к воротам, опять подверглась обстрелу катапульт и отошла с потерями.

Флав, желая помочь сражающемуся в крепости отряду, приказал начать штурм крепости. Германцы подступили к палисаду, но ворота открылись вновь, из них, развертываясь, вышел строй пехоты, усиленный ветеранами сторожевой центурии.

Атакующие отхлынули от валов и палисадов крепости, а конница бросилась на римлян, намереваясь разметать ввиду малочисленности.

Маленький отряд пехоты, казалось, будет погребён через несколько минут под копытами конной лавы.

– Германцы! – говорил всегда вождь их ополчения Арминий. – Бойтесь только выучки римских войск.

И в этом случае он оказался прав. На конницу германцев обрушалась туча пилумов. Легионеры Понтия Пилата обучались под его руководством, и потому промахи были редки. Стрелы сирийцев, укрывшихся за строем пехоты, скашивали целые ряды атакующих.

Вал сражённых людей и лошадей нарастал с приближением конницы к строю римлян, гася скорость движения и порыв атаки. Войти в соприкосновение с первой линией легионеров германцам мешало это нагромождение тел, а кто преодолевал преграду, упирался в копья пехоты.

Перестроившись, ударили с флангов пехотной линии сирийцы Амана Эфера. Конница германцев пришла в замешательство и была отброшена. Германцы готовились к новой атаке, когда римляне отошли назад под защиту валов крепости.

Поле сражения представляло для германцев печальную картину. Сотни убитых и раненых людей, лошадей — и ни одного римского легионера, ни одного сирийца. Своих убитых и раненых римляне унесли под защиту крепостных валов. В сознании германцев уже вызрело решение уйти на запад к беззащитным галльским селениям, где бы они чувствовали себя хозяевами положения.

Флав вынужден был принять именно такое решение.

Аман Эфер с центурионом вычислили возможный маршрут Элия Галла и приняли решение быстро переместиться на юг по хорошей дороге, затем переправиться через Ренус на германскую сторону и, двигаясь навстречу римлянам, перехватить их в пути. В поисках отряда Элия Галла он рассчитывал на свой опыт следопыта.

Оставив раненых и народ, не рвавшийся в мир приключений, под командой центуриона, отряд Амана Эфера, установив уход германцев, двинулся на юг. Через два дня, переправившись через Ренус, Аман Эфер стал предельно осторожен. Внимательно осматривал он местность с возвышенностей, высоких деревьев в надежде обнаружить какие-либо признаки присутствия римлян. Ничего! Беспокойство постепенно охватывало декуриона. Понтий Пилат полностью полагался на своего друга, но его беспокоили другие вопросы. Почему-то он был уверен, что отряд Элия Галла благополучно уходит от погони, и вопрос только в том, выдержит ли Клавдия такую гонку.

Клавдия теряла последние силы. Последняя схватка произошла вчера. Погиб почти весь отряд. Утром того дня Марк Прокула объявил рабам о предоставлении им свободы. Он заверил, что документы будут оформлены сразу же по возвращении в Рим; с сегодняшнего дня они могут считать себя свободными людьми. Теперь рабам было что защищать. Ещё вчера они готовы были сдаться германцам: не всё ли равно, где влачить рабство, но сегодня руки их сами потянулись к оружию.

Клавдией владел страх попасть живой в руки германцев. Притуплённое усталостью желание жизни не оставляло её, и неосознанно она отодвигала мысль о последней минуте, надеясь неизвестно на что. Боги! Разве можно уйти из жизни в самом начале пути!

Германцы настигли их на берегу небольшой лесной речушки с песчаной отмелью на противоположном берегу. Германцы были не в лучшем состоянии. Они растянулись на несколько стадий, и к месту схватки подскакало не более десяти человек. Появилась надежда отбиться.

Элий Галл взял под уздцы лошадь Клавдии и вброд перевёл её на другой берег. За ним последовала Ни-хушта, Марк Прокула. Другие остались на высоком берегу, приняв решение отбить врага. Сзади раздался шум начавшегося сражения, но Элий Галл уже гнал коней вперёд.

Утром преследование продолжалось. Отдохнувшие кони начали совсем неплохо, но к полудню были в пене.

— По всем признакам придётся принять бой, — думал Элий Галл. — А какая красота пропадает! — И глядел на Клавдию:

— Эта девочка себя заколет.

Вот и небольшой ручеек.

— На той стороне остановимся, будем отбиваться. Хорошо ещё, что тот берег высок и дорога узка.

Проскакав небольшую поляну перед ручьём, Элий Галл боковым зрением уловил какое-то движение. Сердце его захолонуло страхом. По краю поляны стояли воины, замаскированные ветками. Так он и влетел в расставленную ловушку. Повернув голову, Элий Галл

увидел шлем и плюмаж декуриона. Сердце подскочило от радости.

На том берегу их ждали свежие кони и охрана человек в двадцать. К ним подъехал декурион.

– Элий Галл! Приветствую тебя. Советую продолжать путь; вы находитесь на территории врага. Охрана уже ждёт вас.

Затем Аман Эфер вспомнил, что Марк Прокула и есть тот самый представитель комиссии сената, которого он должен сопроводить в Нижний лагерь по указанию легата.

– Достойный Марк Прокула! Я должен знать путь, который ты определил для себя.

– В Рим, декурион, в Рим! Какие сейчас комиссии после ужасов преследования! Дочери необходимо вернуться домой, одну я её не могу отпустить.

Слушая Марка Прокулу, декурион спокойно, но с интересом рассматривал Клавдию. Да! Недаром Флав потерял голову.

Крупная телом девушка ловко сидела на свежем коне, силы которого, казалось, уже успели перелиться в тело наездницы. Сильное, разгорячённое тело просматривалось сквозь тонкую тунику; Аман Эфер увидел чёрные глаза, полные энергии, тонкое, римского овала лицо. Всё было прекрасно в этой девушке.

«Бар-ра Понтию Пилату», – подытожил про себя декурион.

Пока велись разговоры, на поляну вылетела группа преследователей. От опушки леса отделилась могучая фигура воина, начавшего метать дротики с удивительной быстротой. Во всей его повадке двигаться

было для Клавдии что-то знакомое. Через минуту по поляне носился только десяток коней без всадников.

– Такое я вижу впервые, – заговорил Элий Галл, – но по слухам, до меня доходившим, передо мной должен быть Понтий Пилат.

Клавдия бессознательно повернула коня и хотела поехать навстречу Понтию Пилату, но из леса вылетела новая группа преследователей.

– Следуй дальше, Элий Галл, – проговорил декурион, – у нас ещё много дел. Надо сходить на место последней схватки, может, кто-нибудь остался жив или лежит раненый.

Чья-то твёрдая рука взяла повод коня, и вот Клавдия уже скачет вперёд. Обернувшись, она видит поднятую в прощальном приветствии руку Понтия Пилата.

Часть
VI

Германия. Бой Цецины Севера

Историки последующих поколений запишут: в этом году римские легионы активных действий за Ренусом не предпринимали. Историки будут правы, думал Понтий Пилат, а потомки, читающие сочинения, не смогут оценить наш труд, наше напряжение сил. Сегодня пересекли две болотистые равнины, хорошо ещё к вечеру вышли на возвышенное место, а то могли бы заночевать в болоте, как случилось неделю назад. Мало того, в середине дня были атакованы две центурии прямо в болоте. Конечно, я вовремя пришёл на помощь, но трое ранены. Неделю идём сырými местами, ноги всегда мокрые, обсушиться негде: костры не горят; комары ночью сильно досаждают и не дают спать. Невыспавшийся солдат никуда не годится, он и неприятеля подпустит, и стрелу просмотрит. Сегодня нам повезло, мы вышли на сухое место. После утомительного перехода надо рыть ров, ставить палатки. Поел и сразу спать, не успел заснуть – подъём. И так каждый день.

Люди держатся хорошо месяц, полтора, затем начинают уставать. Походы длятся по четыре месяца и больше, последние недели самые тяжёлые. Кажется, не кончится никогда изнуряющая душу и тело жизнь. А историк напишет: активных действий легионы не проводили.

Так рассуждал Понтий Пилат, сидя на коне и обзревая строй своей когорты. Он был доволен и собой, и конём. Наличие коня причисляло его к старшему командному составу легиона, предоставляя таким образом возможность перехода в сословие всадников после десяти проделанных на коне кампаний. Шестую кампанию проводил Понтий на коне, но военные действия шли вяло, и показать себя случая не представлялось.

Получение статуса всадника Понтий связывал с Клавдией, дочерью всадника Прокулы, о которой не переставал думать все время, прошедшее с момента последней встречи.

Время шло, а девушка оставалась для него такой же недостижимой, как и в первый день встречи. Надежды прекрасны, но через год, два они рассеются сами собой: кто будет ждать его так долго и безнадежно? Понтию становилось неуютно, он видел себя незащищенным и уязвимым, как в тот день, когда увидел Герду. Тогда рядом был Авилий Флакк, а кто может быть сейчас?

Ожидались важные события. Прошёл слух о приезде Германика Юлия Цезаря в качестве нового командующего. Понтий встречал будущего командующего в Паннонии, но оценить его способности не мог потому, что тот командовал соседней армией. Люди, побывавшие с ним в боях, отмечали его ум, храбрость, уравновешенность.

Доходили сведения о желании Германика начать вторжение за Ренусом, но каждый раз император Август откладывал начало боевых действий. Многие

изменилось в день кончины императора Августа. Временное безвластие подорвало дисциплину, появились сборища, началось непонятное для Понтия брожение умов. Он увидел в новом свете устремления и желания, которые раньше считал малозначимыми. Приходилось принимать к сведению, что для многих эти желания были очень важными. Понтий обратился с рядом вопросов к Аману Эферу, тот спокойно ответил:

– Ты проходишь путь познания.

Аману можно было и пофилософствовать. Его сирийцы, наблюдая нейтральную позицию своего командира в возникшей смуте, последовали его примеру. Люди же Понтия были подхвачены волной всеобщего волнения и негодования. Весной в легион прибыло новое пополнение из городской прослойки Рима. Не привыкшие к труду, прожившие жизнь за счет хлебных раздач и подачек политических деятелей, новички столкнулись с напряженной жизнью войска. Воспользовавшись периодом безвластия, новички старались возбудить легионеров, принудить войсковых начальников облегчить порядки и увеличить жалование.

Проходя мимо большого сборища, возникшего на плацу, Понтий слышал выступление одного из новичков:

– Посмотрите на своих ветеранов. Они служат при знамени по тридцать лет вместо двадцати. Всем известно, что многие увечны, покрыты ранами, и им тяжело выполнять полную нагрузку. Однако они не смеют протестовать из страха, что их лишат земельного надела пахотной земли. Под пахотной землей понимаются сырые или невозделанные места в труднодоступных

местностях. Надо требовать земельную выдачу чистыми деньгами, что позволит ветерану купить участок земли, который ему понравится, в любом месте страны. Надо разрешить воину жениться и воспитывать детей после 16 лет службы. Многие из них так и остаются бессемейными, и о них некому позаботится в старости.

В другом месте разговор шёл на еще более острые темы:

– Мы нисколько не отличаемся от рабов. Наши центурионы жестоки и алчны. Всеми правдами и неправдами они стараются урвать себе кусок из нищенских 10 ассов, которые нам платят за день тяжёлых трудов и риска на войне. От жестокости центурионов приходится откупаться военной добычей и жалованием. Пора рассчитаться с ними. Пришла пора, и вы все с оружием. Центурионы должны помнить о расплате ценой своих жизней.

На следующий день Понтий услышал суждения о преторианской гвардии:

– Легионеры гвардии получают два денария в день и возвращаются к своим домам после 16 лет службы. Но разве они берут на себя большие опасности? Мы живём среди диких народов и видим неприятеля из своих палаток. Не будем плохо говорить о караульной службе в Риме, но было бы справедливо платить нам хотя бы один денарий в день и считать 16-летний срок службы окончательным без права удержания при знамени.

Такие разговоры Понтий слышал ещё совсем недавно в палатках легионеров, они велись тихим голосом и в тесном кругу.

– Надо признаться, – думал Понтий, – я не воспринимал разговоры по молодости лет. Слышал? Да! Но сразу же забывал: они меня не касались. Я был занят собой. У меня была впереди целая жизнь, и я не допускал забот своих товарищей ни в свою голову, ни в свою душу.

Понтий Пилат должен был признать справедливость многих выступлений, но начавшуюся так удачно карьеру берёт и по совету Амана Эфера своего отношения не высказывал.

– Всяким решениям надо созреть, а некоторые и созреть не могут, поскольку они противоречат интересам государства.

Аман Эфер приводил примеры и оказывался прав.

– Некоторым решениям давно пора увидеть свет, например, разобраться с ветеранами. Командиры младших рангов не рвутся выдвигать вопрос о ветеранах, понимая связь его с затратами казны, которая пустеет быстрее, чем наполняется. Командиры высоких рангов, у которых есть возможность подумать о ветеранах, по возрасту и служебной дистанции просто забыли об их существовании. Живут такие командиры в Риме, состоят в сенате или его комиссиях, жизнь их протекает в другом мире, и о молодых годах они вспоминают только касательно себя и то с точки зрения служебных продвижений. Возьми Тиберия! Казалось бы, кто лучше его может знать войска, их нужды – всю жизнь воевал. Ан нет, что-то мешает. Правда, сейчас он станет императором, власть будет полной: может, и вспомнит. Тебе,

Понтий, могу сказать доверительно: ничего не изменится. Действует отлаженная армейская система, а недовольство ветеранов существовало и во времена реформатора Гая Мария.

Понтий Пилат и Авилий Флакк держались вместе. В повседневные дни службы они не проявляли жестокости к своим легионерам, не требовали никаких выплат. Служить в их когортах считалось удачей. Однако примипиларии ни на минуту не забывали о падении дисциплины и возможных столкновениях, которые случались у других центурионов и примипилариев. С мечами оба не расставались. Оба выжидали, не вмешиваясь, но внешним видом демонстрируя неодобрение происходящему.

— Надо срочно поднимать легионы и уводить их за Ренус для боевых действий, — говорил Авилий Флакк. — Необходимо занять делом всех горлопанов. В период военных действий вводится жёсткая дисциплина, наказания во время войны жестокие и беспощадные. Основной костяк легионов дисциплинирован, и стоит только начать поход, как уляжется дух бунтарства. Чего медлит Цецина Север?

— Ждёт команды наместника Германика. Он сейчас находится в Верхнем лагере. Там легионы провозглашают Германика императором.

— Наместник не решится принять такое выдвижение по той причине, что Тиберий место императора без боя не уступит. Германик помнит о тех семнадцати легионах, которые остались у Тиберия. Ему не следует забывать и о нас, питомцах Тиберия, а их в германских легионах немало. Силу легионов составляем

мы. И думать наместнику нечего. Если он умный человек, завтра в полдень трубы заиграют поход.

Германик оказался умным человеком, и в полдень трубы заиграли поход во всех легионах. Забегали центурионы, примипиларии, началась подготовка к переходу Ренуса. К выступлению в поход легион должен быть готов всегда, но сколько оказывалось незавершённых дел! Даже неустойчивые горлопаны вынуждены были заняться своим оружием: они знали, что в походе некогда заниматься ремонтом оружия, в походе нужно беречь жизнь.

Утром следующего дня трубы сыграли выступление, и через два часа когорты стали переходить мост через Ренус. На той стороне реки войска ожидал легат Авл Цецина Север и указывал когортам путь следования.

Легионы покинули лагерь в полном составе: в военное время дезертиры приговаривались к смертной казни.

Через несколько дней жизнь легионов вошла в привычный регламент. Авилий Флакк, двигаясь на коне рядом с Понтием, посмеивался:

– Нашему брату требуется разрядка. Сражение – лучший способ. Хочется побряцать оружием и убедить себя в одержанной победе. Тиберий три года мотал нас по болотам, а разрядку организовать не догадался. Вот ребята и пошумели. Хорошо, что всё обошлось.

Через две недели подошли легионы из Верхнего лагеря, и вся армия под командованием Германика двинулась вверх по реке Липпе. Невзирая на при-

ближающуюся осень, легионы двинулись вглубь страны, уничтожая, как всегда, всё на своем пути. Горели деревни, храмы, уничтожалось и уводилось в рабство население. Был разрушен чтимый германцами храм Танфаны. Отряды вождя Арминия непрерывно атаковывали походные колонны римлян, но генеральное сражение дать не решались. Восемь легионов были недостижимой добычей для варваров. Те же, уничтожив однажды три легиона Вара, верили в способность разгромить все восемь и, непрерывно атакуя, надеялись со временем сломить боевой дух римлян.

Для отряда Понтия начались ежедневные стычки и маленькие сражения. Как только германцы считали, что когорта потеряла связь с основными колоннами войск, следовали мощные атаки германской пехоты и конницы.

Легионы применяли тактику выжженной земли, и Понтий Пилат приказывал жечь селения, уничтожать посевы, выгребать только что собранное зерно. Его разведчики старались установить, куда германцы погнали скот, где можно захватить рабов.

Однако германцы устроили довольно успешную охоту за малыми отрядами, и разведчики поняли, что не стоит далеко отходить от основного строя.

Из этого похода хотелось скорее вернуться в казармы. Осень выдалась сырая, часто шли дожди. Гематии намокали, мокрой была обувь, ночью холод не давал возможности выспаться. Обсушиться становилось всё труднее, а тяжёлые сырые палатки стали сущим наказанием для легионеров.

Наконец повернули назад к Ренусу. Шли ускоренными переходами. Германцы приняли их возвращение в лагерь чуть ли не как бегство и стали большими отрядами атаковать колонны римлян, стремясь отрезать им путь к Ренусу. Германик, собрав в кулак все восемь легионов, тараном пробил дорогу и вывел войска и обозы точно к мосту у Старого лагеря.

Авл Цецина Север мало походил на безвольного и бездарного наместника Вара. Позиция римских войск вызывала у него тревогу: болотистые равнины, ущелья в горных проходах, к тому же не хватало продовольствия. Окрестности кишели германскими отрядами, ожидавшими оплошностей римлян. Командующий промахом не допускал. Легионы шли в плотном строю, готовые отразить натиск германцев, обозы – вождение противника – охранялись и конницей, и пехотой. Далеко растянулись колонны римских войск, и командующему было трудно держать под наблюдением весь строй, но легат надеялся на боевые качества известных командиров. Последним в строю двигался Пятый Германский, замыкающими оказались когорты Авилия Флакка и Понтия Пилата. Друзья поступили просто: они объединили когорты, сбили их в тесную группу, организовали свой обоз, привлекли сирийскую алу Амана Эфера, который примкнул к ним с радостью, понимая, что в такой напряжённой обстановке лучшего способа выживания не придумать. С общего согласия командование принял Авилий Флакк.

Германцы поставили своей задачей отбить последние когорты и истребить. Видимо, они считали такой

манёвр легко достижимым. С этой целью Арминий наносил удары по когорте, предшествующей отряду Авилия Флакка, заставляя её командира прижиматься к впереди идущему строю. В разрыв строя когорт и надеялся вклиниться отряд германцев.

Авилий Флакк разгадал план Арминия и запросил у легата отряд лучников вспомогательной пехоты. Когда германцы пытались вклиниться между отрядом и основным строем, Авилий Флакк выдвигал конницу и лучников во фланг, а несколько центурий тяжёлой пехоты вставали на пути атаки германцев.

Примипиларий соседней когорты Луций Фабиний был опытным командиром и без просьбы Авилия Флакка разворачивал половину своих центурий навстречу врагу. Создавалась схема молота и наковальни.

Авилий Флакк совершал манёвры на ходу, не допуская отрыва своего отряда от основного строя легиона, и попытки германцев отбить отряд прикрытия не увенчались успехом. Попытки расчленить строй легиона и отбить отряд Авилия Флакка прекратились, когда он подловил германскую конницу на приманку, которой послужил их скромный обоз.

На этот раз германцы начали атаку в стык и фланг отряда, ожидая увести незащищённый обоз, поскольку все силы будут направлены на отражение неприятеля. Авилий Флакк и раньше приоткрывал обоз, как бы поддразнивая возможностью его лёгкого захвата. Когда германцы начали двойную атаку, друзья поняли, что настал их час, и по обговорённому ранее плану подразделения пехоты и конницы заняли свои места.

Командующий знал воинский почерк Арминия и беспокоился: смогут ли молодые командиры упредить своими действиями всё новые и новые замыслы германцев. Его взгляд следил за новой атакой германцев и обнаружил неприкрытый обоз. Какая ошибка! Конница германцев численностью в целую алу уже неслась к обозу без обычного шума и крика.

Чувство досады охватило Цецину Севера: попались, как дети! Но здесь же возник вопрос о числе лучников: что-то их маловато, и сирийцы Амана Эфера растянулись каким-то косым клином, непривычным для нашего философа. Блеснувшая догадка тут же подтвердилась. До цели германцам оставалось не более 100 шагов, когда около обоза возник спрятанный каким-то образом отряд лучников и началась прицельная стрельба из луков. Из сёдел посыпались всадники. К тому же на расстоянии пятнадцати метров от обоза германцы обнаружили разбросанные куски острого железа, непреодолимые для коней. Стремительный бег был остановлен, наездники выхватили луки, и лучники Авилия Флакка были бы уничтожены, если бы не молниеносная атака сирийской алы. Германцы вынуждены были развернуть коней для встречи врага. Сирийцы выпустили по несколько стрел прежде чем встретиться в ближнем бою. Число оставшихся в живых германцев быстро таяло. Не прошло и пятнадцати минут, как конница германцев была истреблена.

Подскакавший с небольшим отрядом командующий увидел, как по приказу Авилия Флакка на повозки грузили тела убитых лошадей, а сирийцы сбивали в

табун коней германцев. На немой вопрос командующего Авилий Флакк ответил односложно: еда для наших когорт. Сегодня наши парни плотно поедят; для такой работы требуются силы.

Легионы питались плохо, люди слабели, и командующий ругал себя за недогадливость: как он мог оставить без внимания такой источник снабжения войск? Жаль для еды своих лошадей, но есть кони противника.

– Примипиларий, я вынужден воспользоваться твоим трофеем: войска голодают. Оставь мяса на три дня своим людям, остальное передай в моё распоряжение.

С сожалением расставался Авилий Флакк с табуном коней: столько мяса!

– Не жалея, Авилий, – уговаривал его Понтий Пилат, – Цецина Север не тот человек, который всё забывает на следующий день. Ты здорово поддержал армию. Три дня легионы будут сыты, а за это время мы пройдем половину пути к Ренусу.

На следующий день XXI легион под командованием легата Юния Блеза потерпел серьёзное поражение. В результате разыгравшегося сражения обоз был отбит германцами, а конница легиона, участвовавшая в сражении, почти полностью погибла.

К концу дневного перехода в расположении отряда Авилия Флакка появился сам командующий.

– Слышал о событиях в XXI легионе? – спросил командующий Авилия Флакка. – Потерпел поражение опытный легат. До Германии он командовал тремя легионами в Паннонии, но император Тиберий решил отправить его в отставку потому, что легат не смог предотвратить брожение в легионах. Я выпросил

у Тиберия право взять его на XXI легион. Понадеялся на его опыт. Но меня интересует другое, – продолжал командующий, – смог бы ты, примипиларий, организовать такой же бой и захватить новый табун коней?

– Нет, игемон, такой же бой провести не смог бы. По одной и той же схеме не воюют. Достаточно германцам ввести в бой вторую волну конницы, и мы потеряем и свою конницу, и обозы. Прошлый раз я точно знал, что в нашем районе резервов конницы у Арминия нет. А сейчас уверен: есть.

– Правильно, примипиларий, всё правильно, – тихо проговорил командующий, – по такому плану и было разыграно сражение. Вчера я передал в легион Юния Блеза часть табуна и рассказал ему о том, как ты организовал и провёл бой. Сегодня он решил повторить его, подставив обоз легиона. Германцами командует Арминий, умный и энергичный вождь; он не повторяет ошибок дважды. Как ты и предполагал, германцы имели резерв, с помощью которого и добились успеха. Наше положение резко ухудшилось. От тебя я не скрываю: мы на краю гибели. Сожми свои построения, сблизься с когортой Луция Фабиния, передай Понтию Пилату, чтобы удвоил свои усилия; надо продержаться до вечера. Прощаюсь и надеюсь на вас!

Атаки германцев следовали одна за другой, но Авиллий Флакк, не прекращая движения, ударами центурий отбрасывал отряды германцев от основного ядра, возглавляемого Понтием Пилатом.

До конца перехода оставалось не менее двух часов, когда когорты вышли на равнину. Слава богам! Пре-

дусмотрительный Цецина Север возвёл валы лагеря и заканчивал возведение палисада. Отряд Авилия Флакка вошёл на территорию лагеря будучи на пределе физических возможностей. Отдых!

Утром выяснились намерения германцев. По краям большой поляны, на которой расположился лагерь римлян, копошились толпы варваров, что-то сооружая и достраивая; в различных направлениях перемещались большие отряды.

– Порази меня молнии Юпитера, если они не собираются нас штурмовать, – воскликнул Понтий Пилат, поднявшись на оборонительный вал.

– Что бы и как ты им устроил, примипиларий? – раздался сзади знакомый голос Цецины Севера.

– Я бы устроил германцам четырехкратные Канны, хотя и не принято римлянам вспоминать поражение, нанесённое нам Ганнибалом. Прощу прощения, игемон. Однако случай очень заманчив. Как я понимаю, германцы вяжут помосты для перехода через ров лагеря и желают свою глупость провести в жизнь.

– Рассказывай подробно свой план, – глаза легата так и впились в лицо примипилария.

– Речь идёт об окружении четырёх групп германцев, атакующих вал лагеря по всей протяжённости. Наличие четырёх ворот в валах лагеря и обеспечивает окружение по предлагаемому варианту. Если бы каждую группу германской пехоты охватить с флангов и тыла, стеснить и прижать к валам лагеря с внешней стороны, то пехота была бы лишена возможности сражаться развёрнутым строем: основная масса войск не могла бы

участвовать в бою, она бы бездействовала в кольце окружения. Для нас же сложатся благоприятные условия уничтожения германцев в ближнем бою и с помощью метательных средств, употребляемых с валов лагеря. Для этого на валах следует поставить лучников и пращников с небольшим составом пехоты, кавалерию и основную часть пехоты необходимо выстроить в определенном порядке у четырех ворот лагеря. Как только атакующие побегут к рвам лагеря с намерением перебросить сходни, лучники и пращники займутся своим делом. В ворота сначала выпустить конницу, чтобы она отрезала возможность германцам ударить в спину нашей пехоте после завершения окружения. Затем из всех ворот выпустить пехоту. Из каждой ворот выбегают две колонны: одна колонна выбегает из ворот влево и охватывает германцев до встречи с такой же колонной из соседних ворот, вторая колонна выбегает из ворот направо и стыкуется со встречным отрядом. В результате согласованных действий через десять минут окажутся охваченными четыре группы нападающих германцев. Стиснув каждую группу войск на малом пространстве и лишив её манёвра, возможно будет приступить к истреблению.

— Лучше этого плана трудно что-либо придумать, — подумал легат, восхищаясь мыслью Понтия Пилата. — Однако есть трудности.

У командующего был озабоченный вид.

— Трудно организовать построение войск с участием такого количества когорт, кавалерийских ал, вспомогательных отрядов. Если ты представляешь место каждого подразделения, тогда докладывай.

Понтий, перечисляя номера легионов, когорт, ал, имена их командиров, указывал их расположение перед боем и порядок их действия в бою.

Командующий слушал внимательно: план заманчив, обещает победу, победоносное возвращение на Ренус. Выход только один: за отсутствием времени на разборку деталей придётся полностью довериться уму и воинской зрелости Понтия Пилата.

– Хорошо ли ты помнишь сказанное и способен ли вновь всё повторить? – спросил Цецина Север.

– Да, игемон! Картину представляю ясно.

Командующий отдал приказ трубить сбор легатам, трибунам и направился в центр лагеря к своей палатке. Вскоре командный состав армии собрался перед палаткой командующего, который, показывая на Понтия Пилата, сказал:

– Я поручил примипиларию Пятого Германского Понтию Пилату изложить план будущего сражения, принятые мною задачи каждого из вас в этом сражении.

Понтий находился в плену рождённого им плана, представлял будущие события ясно, и потому имена командиров, номера подразделений следовали друг за другом без поправок и изменений.

– Если каждый понял свою задачу, начинайте выстраивать войска для атаки, времени до начала штурма осталось мало. Действуйте энергично!

Командиры разошлись по своим местам в спешном порядке. Понтий обратился к командующему за разрешением следовать к своей когорте.

– Э, нет, – воскликнул Цецина Север, – ты должен быть рядом со мной, а когорту передай центуриону

второй центурии, как это принято. Решения твои, припилярый, правильны. Будем ждать штурма.

Недолго пришлось ждать атаки германцев. Подхватив помосты, они быстрым шагом направились к валам лагеря. Впереди каждого помоста двигалась группа отборных воинов, которые прикрывали несущих своими щитами. Видимо, эти воины и собирались первыми броситься на штурм валов лагеря римлян. За ними двигались громадные толпы, возбуждённые предстоящим штурмом.

Заработали лучники и пращники на валах лагеря. Урон среди германцев был незначителен: они научились создавать что-то подобное строю. Но вот помосты были поднесены почти к самым рвам. Открылись ворота со всех сторон лагеря, и оттуда вылетела конница, пробивая себе дорогу к лесу. У германцев создалось представление, что конница хочет вырваться из окружения и спастись бегством, как это случилось в сражении с легионами Вара. Уверенная в последующей гибели конницы, пехота германцев как бы даже и уступила дорогу. Но следом хлынула римская пехота и стала отжимать германцев от ворот, образуя своеобразный коридор. Центурии, выбегающие из ворот, достраивали коридор строем, совершался какой-то манёвр. Манёвр совершался быстро, и пока у германцев созрело решение смять коридоры, окружение было завершено. На валах уже схватились в рукопашную, но условия обороны всегда выгоднее – германцев просто сбрасывали в ров. Успешно действовали пращники. Меча свинцовые шары в море голов, колыхающихся перед

ними, они не знали промаха: свинцовый шар, попадая в голову, валил воина с ног.

Бой загремел в тылу у германцев, и сразу их устремление вперёд ослабло. Поняв, что хитрости римлян заработали за их спинами и угрожают их жизням, германцы толпой отхлынули от валов. Задача же римских когорт заключалась в том, чтобы прижать германцев к валам лагеря, с которых вёлся непрерывный обстрел окружённых. Через мгновение толпы германцев, полные энергии и устремления, топтались перед рвами, не зная, к чему приложить свои силы. Неустанно работали лучники, пращники, выкашивая целые группы германцев. Пехота, обороняющая валы, метала дротики и копья в людское месиво, производя опустошения в громадных толпах.

Германская конница бросилась на помощь пехоте, но была перехвачена римской кавалерией. Только с восточной стороны многочисленная конница германцев заставила римскую пехоту разомкнуть кольцо окружения. Пехота германцев, обнаружив разрыв, бегом бросилась к лесу. Цецина Север ввёл резерв и восстановил кольцо окружения, выставив навстречу германской коннице строй тяжелой пехоты, который та не смогла пробить.

Тем временем на валы втащили катапульты и карабалисты и начали метать в толпу тяжёлые камни. Германцы – мужественные люди, но кого не лишит рассудка состояние западни? Некоторые вожди, собрав вокруг себя верных людей, бросались на штурм валов, пытаясь вернуть соотечественникам устремление первого порыва. При штурме они гибли первыми, а

возглавляемые ими отряды теряли дух наступления и откатывались с валов.

Понтий Пилат испытывал чувство удовлетворения как полководец, замысел которого успешно проводится в жизнь. Не раз возникало желание самому броситься в свалку, но мальчишеский поступок мог не понравиться Цецине Северу, и мысль эта охлаждала его пыл.

Бой затихал. Пленных не брали. В первую очередь потому, что заниматься с ними не было ни сил, ни времени: на карту было поставлено существование легионов. Рвы и поля были завалены горами тел. Истреблению подверглось несколько десятков тысяч германцев.

Цецина Север справедливо считал, что боеспособность германского ополчения подорвана до основания. Впоследствии выяснились обстоятельства, касающиеся Арминия, который не участвовал в этом сражении, считая затею энтузиастов большой ошибкой.

Поле боя осталось за римлянами, а вместе с телами поля были завалены трофеями. На многих обнаруживали дорогое снаряжение и оружие римского образца, попавшее к германцам после разгрома легионов легата Вара. Во многих кошельках и поясах обнаруживалось золото и серебро. Трофеи и ценности собирались специальным отрядом и передавались в казну легионов или в соответствующие подразделения вспомогательных служб. Кавалерия к тому же оказалась на высоте и отбила у неприятеля обоз с продовольствием, появившийся слишком близко от лагеря.

Легионы двигались в боевом построении, но германцы осознали бесполезность дальнейших усилий и ни разу не появились в поле зрения до самого Ренуса.

А в Старом лагере атмосфера наполнилась тревогой: по времени легионы давно должны были вернуться, а их ещё не было и на подходе. Поползли нехорошие слухи о новом поражении войск, их полном истреблении. Комендант лагеря перепугался до такой степени, что приказал сжечь мост через Ренус и уже отправил подобранную для этой цели команду. Бродившие слухи озадачили и жену Германика Агриппину Старшую. Когда же до неё дошла весть о намерении уничтожить мост, в Агриппине разыгралась кровь великого Марка Агриппы, дочь которого она была. С её стороны был выражен такой резкий протест, что действия по уничтожению моста были приостановлены.

К Ренусу подошли легионы Цецины Севера, и все вздохнули с облегчением. Да! Германцы были сильными противниками.

За золотом в Пиренеи

Закончились десять лет службы Понтия Пилата в легионах. Пятый Германский непрерывно участвовал в боевых действиях в Германии, Паннонии. Армия находилась постоянно в боевой готовности, отпуска давали с большой неохотой. Однако десятилетний срок службы предоставлял определённые льготы, и после тяжёлого похода в составе армии Цецины Севера Понтий Пилат получил трёхмесячный долгожданный отпуск. Десять лет Понтий не был дома, и ожидаемое посещение родного гнезда вдруг взволновало его, чему он и сам был немало удивлён. Казалось, за напряжёнными воинскими делами и сражениями ушли в даль памяти и забыты родные места, и вдруг всё вернулось в чувствах, в воспоминаниях.

За несколько дней до отъезда Понтий был вызван в палатку легата Цецины Севера. Легат доброжелательно встретил Понтия Пилата.

— Хотел бы сообщить тебе, примипиларий, перед отъездом радостные известия. Ты заслужил слово одобрения нашего императора. По прибытии войск в лагерь мною были направлены наместнику документы по производству тебя в войсковые трибуны. Видимо, представление было написано красочным языком, и ответ получен уже от высшей инстанции. Император

утверждает тебя трибуном! Долгие годы императору! — закончил свою речь легат, подняв правую руку.

Трезво рассуждая, Понтий понимал, что своим происхождением он ограничен должностью примипилария. И вдруг! От растерянности он выхватил меч и уже набрал воздух в лёгкие для громового армейского ба-р-р-а, но старый легат шутливо остановил молодого трибуна.

— Император этим не ограничился, — продолжал Цецина Север, — на рапорте есть пометка, сделанная его рукой. Он дарует тебе право перехода в сословие всадников. Мало того, он снизил для тебя величину имущественного ценза вполовину. Император понимает: человек, занятый в непрерывных боях, вряд ли может обеспечить себе полный ценз. Также император обязывает наместника выдать тебе 100 золотых, которые ты можешь получить у казначея сию минуту. Такая резолюция на рапорте говорит о хорошей памяти императора. Запомнил он тебя, Понтий Пилат. Интересно, где ваши пути пересеклись впервые?

Дома Понтий застал большие перемены. Отец умер рано. Хозяином стал старший брат. Мельница ещё при отце стараниями Понтия была выкуплена, и хозяйство брата опиралось на крепкую основу. Вышла замуж и сестра, у неё уже росли дети. Мать радовалась за своих детей и, несмотря на преждевременную смерть мужа, чувствовала определённое удовлетворение: боги благоволили к её детям.

До конца не представляя условий жизни и повседневных тягот легионера, она была уверена: её любимцу, безусловно, повезло в жизни. Тот факт, что

каждые шесть юношей из десяти, завербованные в тот же год, что и Понтий, погибли в сражениях и от болезней, не приходил ей в голову. Она считала, что с её сыном Понтием ничего страшного случиться не может. Такое понимание жизни обеспечивало ей устойчивость души. Она просто ждала дня возвращения сына, ждала долго, и вот настал день.

Навстречу ей шёл молодой могучий воин в парадном панцире примипилария, золотые цепи – знак героической доблести – украшали его грудь, дорогой гематий был сдвинут на одно плечо. Лицо было сурово, тяготы жизни наложили на него свой отпечаток, но она узнавала его в движениях и одновременно поражалась изменениям, произошедшим в её мальчике. Ей даже казалось, что она никогда не знала этого человека.

Понтия встретили с уважением и радостью, как всегда встречают богатых родственников, и не столько в надежде что-нибудь получить, сколько в уверенности, что те ничего не попросят. Все привыкли, что со дня поступления в легион Понтий только давал и никогда не просил.

Его прибытию радовались, им гордились, им восхищались. Ждал его и старый принципал. Годы заметно поработали над ним. Стал он суше, поседел, на лице появились глубокие морщины, но был крепок, подвижен. Вера его в Понтия была велика, но результаты ошеломляли: в 25 лет Понтий стал примипиларием, и перемещение Понтия на должность провели по личному указанию Тиберия. Такого Карел Марцелла раньше даже представить не мог.

В боях, в которых сам он участвовал, можно было хорошо отточить технику владения личным оружием, но до манёвра там было далеко. Видимо, боги позаботились о его питомце заблаговременно, а ему, принципалу легиона «Виктрикс», выпала в жизни Понтия Пилата только небольшая роль. Сейчас он владелец имения, но сколько денег и душевных сил вложил Понтий в осуществление своего замысла! Поэтому им принято решение сделать это имение родовым именем Понтия.

Понтий на ночь ушел в дом Карела Марцеллы. У себя в доме старый принципал не переставал восхищаться Понтием. В нём было что-то мальчишеское, когда он брал в руки шлем с плюмажем, тяжёлые золотые цепи, тяжёлый меч.

– Как ты напоминаешь меня в молодые годы! – радовался принципал.

Понтию были приятны эти восторги. Они сидели за столом и в тишине смотрели друг на друга.

– А теперь рассказывай, не торопясь, – сказал Карел Марцелла. – Я буду тебя слушать.

– Неделю назад император Тиберий произвёл меня в войсковые трибуны.

Карел Марцелла закрыл лицо руками.

– Ты скоро доконаешь меня, мой мальчик, такими новостями. Моё старое сердце не выдержит. Видят боги: я молил их о даровании тебе трибуна, но чтобы сегодня, так быстро... Вдвойне радостно. Продолжай.

– Ты представить себе не можешь, что учудил император. Держись, мой учитель, мой товарищ, мой друг. В резолюции рукой императора мне даровано право

перехода в сословие всадников. Мало того, император сократил для меня вполовину величину имущественного ценза.

– Доканчивай всё о радостных событиях, теперь я способен их выдержать.

– Император приказал выдать мне одновременно 100 аурий.

– М-м-м, – мычал старый принципал, – давай дальше.

– Легат Цецина Север предложил мне любую должность, соответствующую званию войскового трибуна в любом из своих легионов. Его отношение ко мне определялось результатом последнего сражения. Сражение легат провёл по плану, предложенному мною, и выиграл его с блеском.

Старый принципал оправился от потрясений:

– Дело кончится Пятым Германским и должностью трибуна первой когорты тысячников. Уверен, легат держит эту должность открытой для тебя. Что же касается всего остального, я ещё не полный дурак: у тебя нет достаточно денег для имущественного ценза. Да и откуда они у тебя могут быть? Где ты воевал? В нищей Германии, в обобранной Паннии. В этих странах нельзя рассчитывать на воинскую добычу. Если она и была, то твоя в ней доля незначительна. В основном это были рабы, которых ты присылал и которые работают сейчас в имении. Так сколько же тебе ещё не хватает?

– 150 тысяч сестерциев.

– Почти 38 фунтов золота. При дележе добычи в Иберии я получил 20 фунтов золота – больше в жиз-

ни не видел и в руках не держал. Главный для тебя вопрос: существует ли возможность получить необходимые деньги с учётом стоимости этого имения, субсидий друзей и родственников?

– Сто раз просчитал – больше половины ценза не набирается. Так что уплывает от меня сословие всадников, дорогой мой учитель. Росчерк пера императора дал мне надежды; я имею в виду женитьбу на дочери богатого римского всадника Марка Прокулы. Дочь – красавица, и сердце моё, если быть откровенным, находится в Риме.

– Как она к тебе относится? – заинтересовался Карел Марцелла. – Это очень важно, было бы за что бороться.

– Говорит, буду ждать. Сейчас ей 18. Куда же ждать?

– Пока нечего сказать, – думая о чём-то своём, произнёс старый принципал. – Много неожиданностей для меня, я в растерянности. Завтра будем думать, а сейчас пора ложиться спать, голова идёт кругом.

Засыпая, Понтий долго ещё слышал скрип половиц на другой половине дома. О чём-то думал старый принципал, что-то высчитывал.

Проснулись по-армейски рано. Карелу Марцелле не терпелось показать Понтию его будущие владения. Понтия же хозяйство не интересовало, но из уважения к учителю он обошёл все службы и уголья. Оставалось только удивляться. Здесь кипела жизнь, хозяйство содержалось в образцовом порядке: ухоженные виноградники, скотный двор с выпасом, новая маслобойня, сыроварня, давальня, подвалы с вином. Всюду трудились рабы. Многие из них были германцами; они

представляли часть воинской добычи Понтия и были переправлены в империю вспомогательными отрядами. Он о них и думать забыл, а теперь увидел, как кропотливо они создавали богатство и силу Карелу Марцелле, а следовательно, и ему самому. Вышли к строительной площадке: хозяин заложил новый большой дом.

– Дом строится для твоей семьи, Понтий. Я верю, что она у тебя будет. Звание войскового трибуна позволяет тебе жениться уже сейчас, не дожидаясь шестнадцатилетней выслуги. Правда, твой срок становится практически пожизненным: ты стал чиновным человеком. Однако своё гнездо надо иметь обязательно. Считай меня здесь своим управляющим: документы на наследство оформляются.

А теперь самое время поговорить о делах, предшествующих твоей женитьбе. Я говорю о деньгах. Существует способ достать их, но вчера я о нём умолчал. Долго думал, стоит ли тебе говорить. На карту ставится жизнь. Сколько лет прошло с тех пор, когда я сказал себе: «Нет!» И никогда не изменял принятому решению. Но теперь – другое дело. Ради тебя я готов рискнуть своей шкурой.

Дело в том, что тогда, 25 лет назад, в Иберии мы вынесли не всё золото. По мере того, как мы теряли людей, груз для нас становился непомерным. Решили спрятать в горах часть добычи, а затем вернуться за ней. Все согласились. Да и как не согласиться, когда было понятно, что в таком истощённом состоянии мы весь груз вынести не сможем.

Зарыли третью часть, около 70 фунтов. Вчера я вспоминал наш путь; впечатление такое: дорогу помню, ме-

сто клада найду. Мы тогда сразу разошлись: тяготы похода озлобили нас. Естественно, делёжка куска хлеба в состоянии звериного голода и угрозы смерти не могла привести к чувству бескорыстного братства. Думаю, мои ребята не смогли добраться до клада, если бы и хотели; они были в плохом состоянии и вряд ли хорошо запомнили дорогу. Считаю: можно рискнуть, но надо быть готовым к любым неожиданностям. Необходимо хотя бы ещё один человек. Где взять такого человека? Не забывай, идём за золотом.

Разговор о решении имущественного ценза для Понтия был неожиданным, однако он быстро понял что к чему и уже видел себя в дороге.

– Скоро здесь появится мой друг Аман Эфер, командир сирийской алы. Когда встретишься с ним, то поймёшь: именно такого человека ты имеешь в виду. Решать будешь сам. Он погостит у нас проездом в Грецию. Тоже получил отпуск.

– Зачем сирийцу в Грецию?

– Он грек. Скрывается и выдаёт себя за сирийца. По натуре похож на тебя. Боец он отличный, непревзойдённый следопыт. Сирийцы в нём души не чают: без него германцы их всех бы давно перебили. В общем рассмотришь сам. Говорю, на тебя похож.

Туман только начал клубиться по лощинам, когда из усадьбы Карела Марцеллы выступил маленький караван. Три верховые лошади для участников и шесть мулов, нагруженных оружием, продовольствием и снаряжением, составляли караван, державший путь в горы далёкой Иберии.

Возглавлял караван Понтий Пилат, замыкал – Аман Эфер.

Все трое были закалёнными в боях воинами, уверенными друг в друге товарищами. Особое внимание было уделено вооружению, нужному для длительного боя с превосходящими силами противника. Карел Марцелла и Аман Эфер вооружились луками и захватили по два колчана стрел. Лук, как основное оружие пользовался большой любовью сирийцев; естественно, Аман Эфер овладел техникой стрельбы так, что по ее результатам не уступал лучшим сирийским наездникам. Понтий предпочитал пилум. Пятнадцать пилумов, каждый из которых был изготовлен самим Понтием, находились в тюках мулов. Если обычный пилум изготовлялся с лезвием из мягкого железа, которое при ударе о твёрдое тело изгибалось, то сейчас на древко было насажено лезвие из твёрдого железа, заточенное с обычным для Понтия старанием. На каждого были взяты по два копьё, сарисса, мечи, по лёгкому, прочному, специального изготовления щиту. Шлемы, панцири, поножи были близко, под рукой, но на дорогах Рима договорились их не надевать, чтобы не смущать негоциантов и путешественников.

Аман Эфер, двигаясь в конце каравана, с удивлением для себя обнаружил лёгкость, с которой им было принято решение участвовать в этой аванюре. Да и не каждый ли день, проведённый им в боевых действиях, участвовал он в подобных походах? Постоянно действовала разведка сирийской конницы впереди колонн пехоты. Непрерывные стычки с разъездами и

засадами вражеской конницы заставили Амана Эфера выработать свои меры защиты. Только тщательно разработанный Аманом Эфером способ поиска, его осторожность, внимание, умение читать следы и делать выводы из поведения животных и птиц спасали сирийцев от уничтожения; двигаясь впереди легиона, он всегда просчитывал запасной путь спасения. Наиболее опасными были рейды глубокой разведки на территории врага, но за все годы им не было допущено ни одной серьёзной ошибки.

Договорились, что при вступлении на землю кантабров впереди пойдут Карел Марцелла и Аман Эфер; первый будет указывать дорогу, второй – предупреждать об опасности.

Два дня как оставили дорогу, построенную императором Августом приблизились к предгорьям Пиренеев. Солнце двинулось на закат, когда Аман Эфер обратился к Понтию Пилату:

– Нас с утра сопровождают и выслеживают. Людей я не видел, но предполагаю, что их не менее десятка. Сейчас основной состав опередил наш караван, но лазутчики себя обнаруживают. Предстоит тяжёлая схватка. Давайте остановимся вон в той расщелине, вооружимся, перестроим обычный порядок следования.

Очутившись в почти полностью скрытой расщелине холма, маленький караван вскоре превратился в маленький боевой отряд. Понтий приторочил четыре пилума и два лёгких копья для метания. Карел Марцелла и Аман Эфер приспособили под руку луки и колчаны. На крупы коней были навешены щиты, с

мечами для ближнего боя не расставались никогда. Чтобы не возбуждать подозрений и усыпить бдительность нападающих, решили шлемы держать у седел скрытыми от глаз врага.

Атака ожидалась слева, справа простиралась равнина, и укрыться для внезапного нападения с этой стороны было негде.

— А вот и удобное место для атаки, — прервал молчание Аман Эфер. — Сейчас из-за ближайшего уступа вылетят всадники.

Действительно, в ту же минуту из-за выступа вылетела плотно сбитая группа всадников, уверенная в своей несокрушимости. С воинским боевым кличем барра всадники устремились к маленькому каравану.

За несколько секунд надеты и застегнуты шлемы, выхвачены луки и стрелы. Метали дротики и стреляли из луков мастера — один за другим выпадали из седел всадники под ноги скачущих лошадей. Только четверо приблизились на расстояние рукопашной схватки. Короткие мечи, скованность движений Понтия и Карела Марцеллы, обученных в основном пешему строю, поставили их в стеснённое положение — выручали щиты. Зато грек был в своей стихии: его обученный кавалерийским стычкам конь, длинная спафа и отличная выучка делали своё дело. Один с разрубленным предплечьем, второй с разрубленным шлемом рухнули на землю. Двое из оставшихся в живых всадников разворачивали коней. Но просвистели два пилума, и ещё два мертвых тела сползли со спин лошадей. Не успели они скатиться на землю, как почти рядом появились еще три всадника, спешивших на по-

мощь своим товарищам и совсем не обескураженных открывшимся их глазам побоищем.

Понтий, не раздумывая, выхватил последнее притороченное копьё и бросил его с такой силой, что конь под ним присел на задние ноги. С концом копья, торчащим из щита, всадник ещё куда-то скакал, когда Понтий перехватил второго из атакующих, готового обрушиться на Карела Марцеллу. Вдвоём с принципалом они успешно противостояли этому лихому рубке. Греку достался сильный и искусный противник. Бой шёл на истощение сил, и каждый из них ждал, кто первым допустит ошибку. Работали спафы, кони поднимались на дыбы, стремясь подмять противника, щиты трещали под ударами спаф. Первым допустил ошибку противник Амана Эфера. Надеясь размахом руки усилить удар, он открыл часть груди, куда сразу погрузилось лезвие спафы. Ещё один удар, и всадник начал медленно сползать с седла.

Все спешили. Аман Эфер в изнеможении опустился на землю. Понтий пошёл в поле и стал добивать раненых, невзирая на их мольбы и крики. Сердца старых солдат были закалены множеством сражений и защитой своих личных интересов: никто в горах не должен знать о появлении их каравана. Собрали в табун лошадей, сложили оружие, имущество, обыскали убитых. В поясах нашли почти десять тысяч сестерциев, кони и имущество стоили ещё двадцать пять тысяч сестерциев. Решили всех убитых, а их насчитали 15 человек, похоронить, чтобы не привлекать внимания хищных зверей, птиц, а следовательно, и людей. Имущество и деньги решили спрятать

в укромном месте. Поступить так настаивал Карел Марцелла, считая, что когда они останутся в горах без лошадей и мулов, каждый фунт веса дорого им обойдётся.

Вечером у костра вспоминали тяжёлый бой. Понтий был мрачен.

Дежурили по очереди, чутко. При малейшей тревоге будили товарищей. На ночь костров не разжигали, несмотря на стаи волков, непрерывно снующих вокруг лагеря.

Пришло время расстаться с лошадьми и мулами. Поступили как и в предыдущем случае: нашли пещеру, сложили имущество, животных выпустили на пастбище в надежде, что некоторые из них уцелеют. Аман Эфер завёл своего коня в пещеру и поставил перед ним полмешка зерна.

– Мой конь будет ночевать в пещере, – заверил он своих друзей. – Конь понимает, зачем ему оставили столько зерна. Возможно, другие животные последуют его примеру, тогда удастся спасти их от вечно голодных хищников.

Нагруженные едой и оружием, кладоискатели отправились в труднопроходимые районы гор: узкие тропы, крутые подъёмы, бурные горные реки.

Через четыре дня отряд оказался у цели, и Карел Марцелла обрадовал своих друзей тем, что место не тронута и, естественно, золото должно быть на месте. Понтий встал над памятным камнем:

– Давайте сразу отроем золото, чтобы удостовериться. Работы на пять минут.

Всполошился Карел Марцелла.

– Нет, друзья! Сначала мы осмотрим горы. Не хотелось бы быть застигнутыми за разрытием клада. Это надо сделать в спокойной обстановке. Прошу тебя, Понтий, потерпи ещё немного.

Все разошлись в разные стороны с целью обнаружить признаки присутствия людей. Первым поднял тревогу Аман Эфер.

– С юга к нам движется отряд, человек двадцать пять. Все вооружены. С ними караван мулов. Такое впечатление, что я вижу рейдовый отряд.

– Чувствовало моё сердце, – огорчился старый принципал.

– Через сколько времени они будут здесь? – задал вопрос Понтий Пилат.

– По такой местности не ранее чем через три часа.

Понтий Пилат решительно сдвинул камень и принялся рыть землю взятым для этой цели заступом. Он оказался прав: вскоре был поднят полуистлевший кожаный панцирь с золотом. Понтий быстро разделил золото приблизительно на равные по весу части, переложил его в приготовленные ранее кожаные мешки, потом положил эти мешки на дно своей и грека котомок. Остатки панциря были брошены в яму, туда же последовали теплые вещи, костровые принадлежности, даже часть еды. Яма была зарыта, и камень поставлен на прежнее место. Вес груза с золотом был даже легче того, с которым начали поход.

Карел Марцелла повёл свой отряд в обратный путь. Шли до глубокой темноты. Чуть только развиднелось, отряд двинулся снова. В середине дня сделали

привал. Аман Эфер употребил всё время изучению гор, полётам птиц, маршрутам животных. Вернувшись, он сказал, протянув руку на северо-восток:

– Они обошли нас. Видимо, хорошо знают дорогу; налегке шли всю ночь. Скоро дорога будет перекрыта, и нам предстоит бой. Перед нами человек 14 – 15. Позади с караваном идут остальные. Надо спешить. Впереди, в двух часах ходьбы, есть хорошее место для обороны. Если мы захватим это место раньше кантабров, наши позиции станут предпочтительными.

Имея перед собой цель, отряд продвигался быстрее обычного и вскоре действительно обнаружил место для обороны, представляющее природные трудности для атакующих. Восьмиметровый подъём был крут, площадка для троих вполне достаточна. Сама площадка упиралась в скальную стену с глубокой нишей – удобное место для обороны. Однако задерживаться здесь римляне не собирались. Противник двигался к занятому римлянами месту, уверенный, что незваные гости попадут в ловушку. Понтий насчитал их 17 человек и установил, что половина состава имеет хорошую боевую форму, остальные же представляют собой молодняк или воинов преклонного возраста, не способных к длительному противостоянию.

В первую линию вышли 13 человек и, прикрываясь щитами, полезли по круче; четверо лучников образовали вторую линию с тем, чтобы воспрепятствовать попыткам осаждённых отбить атаку их товарищей. Когда щитоносная пехота преодолела половину подъёма, Понтий Пилат из глубины площадки метнул одно за другим два копья и один пилум.

Два лучника были убиты, один получил тяжёлую рану, а последний был парализован страхом: поддержка атакующих стрельбой из лука не состоялась. Карел Марцелла и грек быстро выдвинулись к краю площадки и стали беспрепятственно расстреливать кантабров из луков. Противник сразу начал отступление, унося своих раненых и убитых.

Вскоре Понтий заметил, как от группы кантабров отделились три воина и направились к тропинке, огибающей скалу, на которой находились римляне. Маленький отряд кантабров отрезал путь к отступлению или двинулся за подкреплением.

— Какие бы цели ни преследовал уходящий отряд, — подумал вслух Понтий Пилат, — хотелось бы с ними встретиться. Не исключено, что отсюда есть выход.

Аман Эфер увидел путь отхода с площадки. Не раздумывая, Понтий вскарабкался на гребень скалы, затем поднял на ремне полное вооружение воина. Вооружившись, Понтий Пилат поспешил к подножью холма с расчётом опередить отряд кантабров и встретить его на тропе.

Манёвр ему удался, и вскоре он услышал шум шагов. Понтий оказался на тропе лицом к лицу с противником. Кантабры шли гуськом. Впереди шагал рослый, видимо, умелый воин. Копьё римлянина пронзило его насквозь.

Средний воин что-то крикнул, и последний из трех, повинуясь крику, бросился назад. Просвистел пилум, и воин, готовый скрыться за выступом скалы, упал мёртвым с пилумом в спине.

Лицо остановившегося кантабра выражало сожаление, но ничего более. Понтий не прочитал в нём страха,

скорее, полное печальное равнодушие к своей судьбе. Воин был в годах, в кожаном панцире, всё его снаряжение свидетельствовало о принадлежности к рядовому составу. Что-то знакомое было в этом воине.

– Ты великий воин, римлянин, – заговорил кантабр на латыни с искажениями, свойственными жителям Пиренеев, – но я не сдамся.

Он усмехнулся как-то одной стороной лица, и Понтий узнал воина. Сколько раз учитель рассказывал о нём, описывал его и его странную улыбку.

– Ты тоже был великим воином, Нардибас, и вдруг я встречаю тебя рядовым, плохо снаряжённым.

Глаза и вся фигура кантабра напряглись:

– Я с тобой никогда не встречался.

– Я сын Карела Марцеллы. Он так много о тебе говорил, что я сразу тебя узнал. Говорил о тебе хорошо. Плохих людей он не помнит.

– Жив ли Карел Марцелла?

– Да! Он здесь. Находится на площадке, которую вы окружили со всех сторон.

– Бог Вагодоннегус испытывает меня. Всю жизнь он посылает мне испытания. Всю жизнь. Что же ты собираешься делать, сын Карела Марцеллы?

– Выслушай меня, Нардибас. Я отведу тебя к Карелу Марцелле. Только в целях собственной безопасности я возьму у тебя меч, который и верну, как только вы встретитесь.

– Хорошо, великий воин. Мне хочется встретиться с твоим отцом. Много с ним связано в моей жизни. Возьми меч.

Понтий вытащил из тел убитых копьё и пилум, щит Нардибасса разбил несколькими ударами меча, попросил шлем и разрубил его, копьё забрал с собой.

Подошли к спуску. Кантабр обратился к Понтию:

– Передай принципалу, пусть не кричит и не делает резких движений, когда я спущусь. Внизу не должны знать о нашей встрече.

Житель гор, Нардибас через несколько секунд стоял на площадке. Старый принципал обнял его. Радость Карела Марцеллы, искренность его чувств, видимо, потрясли кантабра.

– Я решил, принципал, вывести тебя и твоих друзей из наших гор и тем совершить два благих дела: спасти вас, спасти и тех из моих соплеменников, которые остались ещё живы. Мне жаль всех, кто стоит лагерем внизу, пусть живут. Кого я хотел бы видеть мёртвым, так это моего командира по прозвищу Кабан. Придётся оставить в живых моего истязателя ради более значительных дел – вашего спасения.

– Покажи мне своего истязателя, Нардибас, и твой бог тебя услышит, – обратился Карел Марцелла к кантабру.

– Вон тот высокий, могучий телом человек, который стоит к нам сейчас спиной.

– Понтий, ты назвался моим сыном, так уважь волю своего отца. Бог Вагодоннегус должен слышать мольбу о мести моего друга.

Лагерь кантабров располагался на недостижимом для стрел расстоянии, и сама мысль о метании копьё показалась кантабру несурозной. Однако Понтий Пи-

лат начал прикидывать расстояние, взвешивал копьё на руке, рассчитывал пробежку по площадке. Правильно рассчитал Понтий: копьё точно вошло в левую лопатку командира кантабров. В лагере началась паника.

Нардибас подошёл к Понтию Пилату.

– Ты самый великий воин, ты самый большой воин. В Риме ты должен быть большим командиром.

– Порадуйся со мной, Нардибас, – раздался голос старого принцепала, – перед тобой войсковой трибун.

– Этот мальчик войсковой трибун?!

Поражённый кантабр смотрел на Понтия и качал головой: он-то знал, что такое трибун в римской армии.

Отряд римлян незаметно покинул площадку и, ведомый кантабром по неизвестным тропам, двинулся к дороге императора Августа.

Вечером у костра, зная, что кантабры стерегут площадку и вряд ли без подкрепления решатся пуститься в погоню, участники похода расслабились. Не спеша тёк долгий разговор.

– Неужели подвижная застава кантабров предназначена для перехвата римских охотников за золотом? – интересовался Карел Марцелла. – Подумать только, двадцать пять лет уверенности и терпения.

– Можно удивляться, можно восторгаться, – ответил кантабр, – но это действительно засада для римлян, созданная в тот год, когда я привёл вас к монастырю. После случившегося стали подозревать, что именно я привёл отряд римлян.

Подозревая, меня отстранили от преследования твоей группы, принцепал, но в погоню бросилось мно-

го народу. Дорого обошлось племени это преследование. Наши воины не были подготовлены к твоей тактике борьбы – выкашивали вы их целыми рядами и выскользнули. Тела четверых твоих парней привозили в монастырь для показа и уверений в храбрости и мастерстве наших воинов.

Когда же отряд римлян ушёл-таки с золотом, взялись за меня, но доказать ничего было нельзя. При допросе на круге старейшин я утверждал, что был на охоте. Боялся я одного. Кто-то из римлян мог попасть в плен раненым и под пыткой показать на меня.

Один из наших старейшин, проведя расчёты, уверил остальных, что всё золото не могло быть унесено римлянами. Часть его зарыта в северных отрогах Пиренеев. Учредили две кочующие заставы на случай возвращения римлян. Меня включили в один из отрядов простым воином, показывая этим, что не снимают с меня ответственности. Отряды прочёсывали область Пиренеев непрерывно зимой и летом. Люди уставали, начинали нервничать; недовольство искусно направлялось в мою сторону. Было нелегко.

Каждые пять лет состав людей менялся, я же решением старейшин непременно оставался в отряде.

Упорство и настойчивость старейшин были вознаграждены. Через девять лет появился первый отряд из восьми человек. Наш командир, не попытавшись даже выследить маршрут римлян, ринулся в бой. Началось взаимное избиение. Среди римлян я узнал двух твоих ребят. Один такой рыжеватый, костистый, меч держал в левой руке. Второй – пониже ростом, но мощный такой, руки длинные, сам из себя

чёрный, смуглый. По описанию ты, принципал, должен их вспомнить.

– Уже вспомнил.

– Умели они сражаться. Сначала наши лезли вперёд в рукопашную, но к концу дня предпочитали держаться подальше. Осталось наших в строю только восемь человек, у них – пятеро. Рыжий был ранен. Он, хотя и стоял в строю, но держался из последних сил. Теперь они прорывались назад, мы же их не пускали, зажгли сигнальный костёр и ждали второй отряд.

Утром подошёл второй отряд. Римляне поняли: терять, кроме жизни, нечего, встали в строй. Держались они долго, мы не успевали своих относить. Чёрный твой парень всё время рыжего прикрывал, а когда упал последний воин из их группы, выхватил кинжал и всадил рыжему в левый бок прямо в сердце, а себе перерезал горло. Стоим мы и озираемся кругом: осталось нас из пятидесяти человек только двадцать, и римляне все мёртвые лежат. Одни вопросы: куда шли, кто из римлян знал место клада, почему не проследили? И ко мне!

Я говорю старейшинам: все вопросы к командиру, его назначали, ему доверяли, с него и спрашивайте.

Поставили новые заставы, меня опять не забыли. Жизнь снова потекла в прежнем русле... Ждали долго. Целых шесть лет. И снова римский отряд с той же целью двинулся по тому же маршруту. На этот раз шесть человек, и среди них – один твой, шрам у него через всё лицо.

Команда была жидковата, но хитра. Обнаружив отряд, наш командир решил проследить его путь до

места нахождения клада. Но что-то рано остановились они на ночёвку. Утром установили: нет их, ушли. Каким образом они нас обнаружили, не знаю, но только в ночь подались назад.

Догнали мы их только через двое суток недалеко от большой римской дороги: они заняли возвышенное место, разложили костер опасности и тревоги, решили ждать помощи. Твой парень, принципал, молодец. Всё время держался впереди, удары принимал на себя, работал сариссой. К сариссе наши воины непривычны, а потому и покосил он их много. Народ набрали в последнюю заставу лютый, злобный и глупый; их натравливали на меня. И когда твой парень из них трупы делал, я их не остерегал. Такое называется скрытой мезтью. Признаюсь, мне их и сейчас не жалко.

Твой и ещё один парень были убиты, остальные спаслись. Смотрим, со стороны дороги конные поспевают. Их немного, но и нас только половина осталась, да каждый третий ранен. Подались мы за соседний холм к узкой тропе, где конным не пройти. Ночью вернулись, своих похоронили и опять ни с чем остались. Тайну не раскрыли.

Заставы оставили. Ждали ещё десять лет, но старейшины проявили удивительное упрямство. И дождались. Наш Кабан просто задрожал от радости, а мы все растерялись, когда установили, что вас только трое. Как вам удалось проникнуть так далеко в горы? В предгорьях промышляет шайка – человек пятнадцать. Конные. Пытались мы на них надавить, но они быстро дали понять, что с ними лучше не

связываться. Четверых мы похоронили и отошли в горы. Долго думали, как вам удалось их обмануть и пройти незаметно.

– Мы их и не обманывали, – ответил Карел Марцелла. – Мы приняли бой.

– И что же? – с интересом спросил кантабр.

– Бой длился десять минут, все пятнадцать похоронены в одной могиле.

– Вы, конечно, великие воины, но... Если так думать, то оба наши отряда должны погибнуть.

– Они бы и погибли.

– Кто бы мне рассказал – не поверил, – размышлял кантабр. – Но сегодня я кое-что видел. Вспоминаю, как наши воины радовались, что вас только трое. Значит, выводя отряд римлян тайными тропами, я спасаю не римлян, а своих оголтелых сородичей. Судьба подшутила надо мной. Двадцать пять лет назад, с той поры, как я тебя встретил, принципал, на мою жизнь легло какое-то проклятье.

– Нало радостно видеть жизнь, Нардибас. Ты снова встретил меня, и тебя ждёт новая полоса удач. Я отдам тебе свою долю золота, и ты станешь богатым человеком. Ты будешь жить в моём доме, ведь ты мой друг. Нет, Нардибас, я приношу тебе счастье. Так хочешь твой бог Вагодоннегус.

– Как всё просто в твоих мыслях. Но что я без этих гор, без этих глупых, оголтелых сородичей, что я даже без несправедливостей моего племени? Всё правильно. Моя жизнь и должна быть куплена такой ценой: ценой недоверия, скрытой недоброжелательности, прямого давления и даже унижения. Я был согласен на любые ус-

ловия и получил, что положено. О каком золоте может сейчас идти речь!

Через день маленький отряд подходил к месту лагеря, где оставили лошадей, мулов и поклажу. Два мула и две лошади паслись недалеко от пещеры. Конь Амана Эфера приветственно заржал, увидев своего хозяина.

Настроение у римлян было приподнятое: благополучно завершилось опаснейшее предприятие. Только Нардибас становился всё молчаливее и задумчивее. Видно было, что размышлял, поворачивался назад, оглядывался на горы, как бы прощаясь с ними. Никто не мешал кантабру, все понимали, что Нардибас прощался с горами навсегда. Правильнее всех обстоятельства понимал кантабр: каждый шаг удалял его от родины и приближал в никуда.

Утром долго сгоняли табун, упаковывали оружие и трофеи. Настало время выступить, но кантабра не было. Встревожился старый принципал. Утром он видел кантабра... Тяжелые предчувствия заговорили в нём. Подождав ещё немного, Карел Марцелла опоясался мечом и направился в ту сторону, куда утром ушёл Нардибасс.

Он увидел его сразу за поворотом тропы. Лежал тот лицом вниз; из спины выходило лезвие его меча. По римскому обычаю закончил он тяжёлый жизненный путь – грудью бросился на меч.

Подошли остальные. Помолчали. Подняли тело великого мученика кантабров, перенесли в лагерь. Молча вырыли в укромном месте могилу и по обычаям кантабров снарядили его в дорогу к богу

Вагодоннегусу. Положили рядом его меч, Понтий положил копье, дротик, Карел Марцелла пристроил свой лук с колчаном стрел, Аман Эфер положил в ладонь несколько серебряных монет – плату за вход в царство Вагодоннегуса. Могилу засыпали, обложили камнями, чтобы хищные звери не смогли её раскопать. Постояли над могилой, и караван двинулся в свой последний переход к дороге императора Августа.

Быстро пролетел отпуск. Времени хватило, чтобы выправить финансовые документы, съездить в комиссию сената Рима с целью приписки к всадническому сословию. В результате многочисленных перемещений Понтий Пилат получил право носить широкую пурпурную кайму понизу любой одежды, в том числе и воинского гематия.

Схватка с центурионом Марком Менлием

Пурпурная кайма на подоле туники влиwała в душу Понтия Пилата чувство уверенности и собственной значительности. Именно в таком душевном состоянии он и посетил дом Марка Прокулы. Хозяин дома явно стушевался, произносил ничего не значащие слова, и чувствовалось, что ему не удаётся занять определённую позицию в отношении Понтия Пилата. Несмотря на внешнюю доброжелательность, поведение Марка Прокулы насторожило гостя. Оба собеседника лавировали в разговоре, не решаясь перейти к сути дела.

В то же самое время разговор на женской половине дома был более откровенным.

— Как на голову свалился этот центурион преторианской гвардии, Марк Юний Менлий, — говорила матрона Домиция с удрученным выражением на лице. — Конечно, женихи должны посещать наш дом, но поведение каждого из них должно быть достойным. А этот! По его наглой ухмылке следует, что условности в доме невесты не для него, поскольку для себя он всё решил. Преторианская гвардия! Кто отважится встать им поперёк пути?! Привыкли, что все уступают им дорогу, боятся с ними связываться.

Да и отец твой хорош! Объявил о твоём полумиллионном приданом. Продемонстрировал своё мелкое тщеславие. Тут же и появился претендент. Да какой! От него не отделаешься так просто. Хочется отдать ему эти полмиллиона сестерциев и больше не видеть его. Так он ещё тебя хочет получить в придачу. Его понять можно. Попробуй, найди такую красоту. Что ему наши чувства? Он смотрит на нас как на детей, проявляющих недовольство. Перед такой наглостью просто теряешься. По его ухмылке понимаешь: он на твою беспомощность и рассчитывает. Вроде бы красив и, говорят, из хорошей семьи. Но какое лицо нехорошее: наглое, жестокое. Наградили нас боги!

Клавдия слушала мать отрешённо, как человек, принявший бесповоротное решение и только наблюдающий за мыслью собеседника.

– За Марка Менлия я не пойду, – спокойно сказала Клавдия. – Ни при каких обстоятельствах. А как там отец будет извиваться – не моя забота. Каждый должен отвечать за свою глупость сам. Дстойному же центуриону вчера я сказала, что заколю себя, но его женой не стану. Он засмеялся дурным смехом: «После свадьбы – пожалуйста».

– Я знаю, – откликнулась матрона Домиция, – перед твоими глазами постоянно живёт образ Понтия Пилата. При сравнении с ним Марк Менлий представляет мерзкую картину. Только сейчас в полной мере я начинаю понимать, какой женской проницательностью моя дочь обладает.

– Конечно, Понтий Пилат, – кивнула головой Клавдия. – Во время германской погони, когда я считала

последние минуты своего существования, появление Понтия я связываю с дарованием мне богами второй жизни. Он щитом преградил дорогу смерти. Тогда и пришло неведомое для меня чувство. Девушки связывают это чувство с радостью, со светлыми надеждами. Для меня же любовь – болезнь. Выбор мой правилен, но я нахожусь в угнетённом состоянии каждую минуту, и сердце моё болит и болит. И причина тому – недостижимость моей мечты, моего желания. Три года назад я считала отсутствие препятствий в жизни естественным положением дел. Теперь я вижу их реально. Место в жизни Понтий занимает скромное. Примипиларий! Командир когорты! Но из сословия плебеев! Перешагнуть границу можно только при чрезвычайных обстоятельствах. Надо ждать ещё 10 лет, а мне почти девятнадцать. Ожидание не может составлять содержание моей жизни. А сердце болит и болит. Для меня остается только кинжал.

– Не торопись со страшным решением.

Полная решимости отстоять счастье своей дочери матрона Домиция направилась к двери, когда в проёме дверей показалась одна из многочисленных рабынь.

– Господин сообщает о прибытии в дом всадника Понтия Пилата.

Матрона Домиция так и осталась стоять на месте. Клавдия быстро встала со стула и направилась к матери.

– Боги не отвернулись от нас. Понтий – уже всадник! Такой взлёт в наши дни доступен только настоящему герою.

Матрона Домиция как бы очнулась:

– Вот мы и посмотрим, какой герой наш Понтий. Гражданская мышинная возня совсем другое дело, чем грохот мечей, но как раз она и опасна для людей военных. Здесь нужна изворотливость ума.

Только после разговора с матроной Домицией Понтий понял причину замешательства хозяина дома.

Марк Прокула понимал развивающиеся события как результат неосмотрительного объявления денежных сумм в приданом дочери. Надвигалась большая беда, и чувствуя вину перед Клавдией, он надеялся решить задачу ему и самому пока неизвестным путём.

Матрона Домиция повела себя решительно. Спокойным тоном, уверенным поведением она как бы говорила:

– Теперь я в доме мужчина, я хозяин и глава семьи.

Она была умной и тонкой женщиной, хорошо разбиралась в людях и сейчас, глядя на Понтия Пилата, прониклась ещё большей решимостью отдать все свои силы в борьбе за счастье дочери.

Понтий Пилат был посвящён в дела семьи. Хозяйка дома, хотя и выбирала слова, щадящие самолюбие мужа, но картину обрисовала без прикрас. По тону матроны Домиции Понтий понял, что с ним разговаривают как с членом семьи, когда неясности во взаимоотношениях устранены. Но он понял и другое. Впереди его ожидает схватка с офицерами преторианской гвардии. Сражения с германцами показались ему детской забавой.

Преторианская гвардия. Стража императора. В каждом чувство собственной избранности, опирающейся

на неспособность закона противостоять силе. Но, слава богам, он не один. Вчера он разговаривал с Авилием Флакком, который, получив трибуна в одно время с Понтием, был вызван в канцелярию императора, где ему сообщили о переводе его в сословие всадников. Император перевёл необходимую сумму на его имя. Он знал, что и без вложенных денег Авилий Флакк — преданный ему человек, но для далеко идущих замыслов ему был нужен чиновник из сословия всадников. Авилий уже осознал свою включенность в планы императора и почувствовал дыхание высокой служебной карьеры.

У Понтия Пилата вчерашняя встреча вызвала всплеск дружеских воспоминаний, сегодня — придавала уверенность в будущей борьбе.

Обнаружив в доме невесты Понтия Пилата, центурион Марк Менлий не проявил ни тревоги, ни озабоченности.

В его манере разговора просматривалось полное пренебрежение к личности Понтия Пилата. Ничто не вызывало в его глазах уважение: ни золотые цепи отличия, ни звание трибуна, ни сословие всадника. Лицо его выражало чуть ли не презрение к собеседнику. Он недвусмысленно предложил Пилату не путаться у него под ногами.

Клавдия молча негодовала, наблюдая за поведением Марка Менлия. После небольшой паузы Понтий Пилат ответил:

— Судьба приберегла для меня трудные задачи, но я остаюсь в Риме. Предполагаю, как могут развиваться события. Разрешение спора оружием я сразу

отметаю. Ты не имеешь ни выучки, ни боевого опыта. В моих глазах ты игрушечный центурион. Дело может быть решено без столкновений, если ты возьмешь отступного двести пятьдесят тысяч сестерциев. Уничтожить меня трудно; полёт дротика и стрелы я слышу за десять шагов, наличие меча по запаху железа обнаруживаю за четыре шага. В ближнем бою я убиваю воина одним ударом независимо от степени панцирной защиты. Однако, существует множество хитроумных способов убить человека. Именно такие люди как ты, центурион, хорошо о них осведомлены. Как только я заподозрю попытку уничтожить меня, я просто убью тебя, Марк Юний Менлий. Понимаю, что и сам должен буду покончить с собой, но другого пути у меня нет.

После непродолжительной паузы Понтий продолжал:

– Вижу, ты не понял серьёзности положения. Беспечность, в которой ты пребывал всю жизнь, отсутствие опасностей, чувство избранности и недостижимости привели тебя к мысли о собственной неуязвимости, лишили необходимого чувства самосохранения. Твои понятия изменятся, но будет поздно: мой меч будет сидеть в твоей груди по самую рукоять.

– Но и ты погибнешь.

– Погибну! Но ты будешь уже мёртв. Не понадобятся тебе ни деньги, ни невеста.

Марк Менлий встал, его никто не останавливал. Лицо не выражало ни страха, ни колебаний. Он усмехнулся, давая понять неизменность своей позиции.

На следующий день в дом Марка Прокулы вошли три центуриона преторианской гвардии в боевом сна-

ряжении. В перистиле навстречу им поднялись два гиганта в боевых панцирях, и трое гостей поняли бесполезность своего прихода. Тем не менее, Марк Менлий сразу же приступил к психической атаке и угрозам, которые закончил известными всему Риму словами:

– Мы люди императора, и мы у себя дома.

Авилий Флакк повернулся к Понтию Пилату.

– Зачем ты пригласил меня, трибун? Я помню, как десять лет назад, будучи новобранцем, ты в присутствии императора Тиберия за одну минуту положил трёх таких же, а то и помощней. За 10 лет твоё мастерство возросло настолько, что ты можешь вести бой с целой командой таких слабаков.

– Ты прав, Авилий, но эти люди не знают, на что я способен. Надо их придержать, а то они наделают глупостей.

– Тогда я с ними буду говорить по-другому. Вчера император лично назначил меня проконсулом в провинцию Илирик. А с Понтием Пилатом дело обстоит ещё сложнее. На его боку висит личный меч императора Тиберия. Умный человек поймёт: меч императора – высшая степень охранения человека. Если Понтий Пилат погибнет, то меч вернётся к его прежнему владельцу. Смысл этого: проявлено неуважение к имени императора. Вы все трое ляжете под топор. Хорошо, если вам будет предоставлено право принять смерть своим мечом. Зная императора, уверен: такой чести вы не удостоитесь, и в первую очередь потому, что никаких заслуг в глазах императора не имеете.

Центурионы за спиной Марка Менлия переглянулись.

– Ты не узнаешь меня, Гней Муцион? Мы служили вместе в легионе «Виктрис». На моих глазах ты с помпой переходил центурионом в преторианскую гвардию, и все завидовали тебе. Мы встретились через пятнадцать лет, и ты всё тот же центурион. И знаешь почему? Потому что ходишь всегда с кем-то на шаг сзади. Так и прожил все пятнадцать лет при ком-то.

Больно ударил проконсул по самолюбию своего бывшего сослуживца. Тот уже узнал Авилия Флакка и осознал разницу положений. Был он умелым воином, но имел склонность беззаботно пожить. В мгновение он подвёл итог жизни, стоял молча. В воздухе повисло напряженное молчание.

– Мы уходим, – раздался голос Гнея Муциона.

– Как уходим? – взорвался Марк Менлий. – Мы должны заставить их уйти и никогда не возвращаться в этот дом.

– Мы уходим, – повторил жёстким голосом Гней Муцион и направился к двери. Через минуту дом Марка Прокулы опустел от незваных гостей.

– Я не уеду в Илирик, пока дело не придёт к своему завершению, – проговорил Авилий Флакк, – события не ограничатся сегодняшней стычкой. Надо искать другой путь. Мы должны создать такие условия для Марка Менлия, чтобы он сам захотел отказаться от притязаний на Клавдию. Сейчас же предлагаю расстаться. Мы все слишком взвинчены только что состоявшимся разговором.

В перистиле осталась семья Марка Прокулы. Первой заговорила матрона Домиция:

– Буду справедливой. Мой муж способный человек, он заработал много денег. Но разве есть у него друзья, готовые встать плечом к плечу в трудную минуту? Я их не вижу.

– Таких друзей нет, – откликнулся Марк Прокула. – Деньги! Когда в денежных делах появлялись друзья? Только грань жизни и смерти создаёт настоящих друзей. Сегодня мы наблюдали Авилия Флакка. Сопливый мальчишка уже проконсул, человек императора. Как говорил, как действовал! Но надо представлять события правильно. Не проконсула убоялись три центуриона преторианской гвардии, а меча Тиберия. Молодец Понтий Пилат! Молодец, что заработал меч у императора. Теперь у Марка Менлия остаётся один путь: убийство Понтия Пилата. Будет организован несчастный случай. Только тогда не сроботает охранная сила меча императора.

Женщины по-своему восприняли результаты событий. На женской половине Клавдия говорила матери:

– Мы подставили Понтия под удар. Я боюсь его потерять!

Следующий день прошёл в ожидании Марка Менлия. Но, видимо, выявившийся расклад сил отрезвил многих прихлебателей Марка.

Семья Марка Прокулы искала выход из затруднительного положения. Достойное решение не вырисовывалось. Наконец матрона Домиция произнесла:

– Остался только один способ устранения опасности – разорение семьи. Исчезают обещанные в приданое полмиллиона сестерциев – исчезает интерес центуриона Марка Менлия, отпадают его претензии.

Матрона Домиция повернулась к мужу. Тот окаменел, но слов его ждали. Наконец Марк Прокула произнес заплетающимся голосом:

– Это невозможно, невозможно. Мы – нищие. Я не представляю себе такую жизнь. Лучше умереть.

– Тебе лучше, может быть, и умереть. Но почему умереть должна Клавдия? Если погибнет Понтий, Клавдия убьёт себя. Моя жизнь тоже теряет смысл. Что же ты будешь делать со своим состоянием?

Марку Прокуле было плохо. Ему предстояло выбрать меньшее из двух зол, но каждое из них он воспринимал как собственную смерть. Было ясно, что последнее слово останется за матроной Домицией, но в этот момент в разговор вмешался Авиллий Флакк:

– Ясностью своей мысли матрона Домиция поражает меня. На сегодняшний день это единственно возможное решение. Но я вижу условия, смягчающие финансовые потери семьи. Мы с Понтием компенсируем потери Марка Прокулы. Сейчас важно получить его согласие и не упустить время. Нельзя допустить открытого столкновения. Теперь твоё слово, Понтий.

– Для осуществления нашего плана каждый день должны происходить губительные для состояния Марка Прокулы события, такие, которые способны привлечь внимание многотысячных толп народа. Сегодня в ночь на реке Тибр загорятся пять грузовых судов Марка Прокулы, прибывшие с пшеницей из Сиракуз. Они будут гореть всю ночь, озаряя самые дальние уголки Рима. Не успеют стихнуть разговоры

о гибели пшеницы, как к вечеру следующего дня в Риме объявятся рабы и работники серебряного рудника Марка Прокулы с известием о затоплении рудника в связи с прорывом плотины водохранилища. На четвертый день придётся сжечь дом. Дом жалко – дом хороший. На следующей день в городе станет известно, что банкиры Рима отказали Марку Прокуле в кредите в связи с его полным разорением. Рим полнится слухами и разговорами. Симпатии многих будут на стороне Марка Прокулы как безвинно пострадавшего. Претензии в адрес пострадавшего вызовут взрыв негодования. Марк Менлий будет нейтрализован. Семья переезжает в имение на севере Италии, где мы познакомились. Через полгода Марк Прокула может спокойно приехать в Рим и заняться прежними делами. Уверен, Марк Менлий не станет никого беспокоить, хотя бы потому, что Клавдия выйдет за меня замуж. Слава богам, я – войсковой трибун и имею право создать семью.

– Теперь мы знаем, какой муж будет у Клавдии, – обратилась к мужу матрона Домиция повеселевшим голосом. – Тебе остаётся только кивать головой.

Все почувствовали облегчение. Напряжение спало. Услышали и, казалось бы, шутливое замечание Авилия Флакка:

– Понтий, рано или поздно все расходы должен возместить Марк Менлий, даже если придётся ждать удобного случая целую жизнь. Помни, жди и действуй. Мы никому не должны позволять наступать нам на горло. А теперь остаётся только следить за событиями.

В ночь вспыхнули грузовые суда Марка Прокулы у причалов на реке Тибр. Всполошился народ, стараясь

отвести горящие суда от причалов, прежде всего потому, что владельцы других судов боялись огня и пожара. На утро город наполнился разговорами и слухами. Имя Марка Прокулы звучало на всех перекрёстках города. Утром следующего дня народ заговорил о другой напасти: затоплены серебряные рудники у Марка Прокулы. Народ жалеть его начал, зазвучали нотки сочувствия.

Марк Менлий терялся в догадках, подразумевая коварный ход офицеров Пятого Германского. Но когда сгорел и дом Марка Прокулы, а по городу поползли слухи о его разорении, Марк Менлий мысленно отказался и от Клавдии, и от приданого. Судьба предоставляла ему возможность проявить чувство благородства, не предъявляя претензий к повергнутой семье. Центурион вознёс в душе благодарность богам за обстоятельства, позволившие ему ускользнуть от меча Понтия Пилата.

Часть

VII

Гибель Стефана

Община назореев, как стали называть в Иерусалиме последователей Иисуса, росла. Способствовал тому уклад жизни, организованный апостолами. Созданная совместными усилиями, община основывалась на коллективном владении имуществом. Лучше всех чувствовали себя те, у которых имущества никогда не было. Принадлежность же к общине давала минимум достатка. Только за согласие в ней находиться кормили и поили.

Привлекательной община оказалась и для женщин одиноких, потерявших своих мужей. Безрадостным было положение женщины в иудейском обществе. В общине назореев женщина пользовалась вниманием и уважением: она участвовала в жизни общины с мужчинами на равных условиях; на ней лежали почётные обязанности кормления, лечения, заботы; в дальнейшем она участвовала и в управлении общиной. Были введены должности диаконис.

В начальный период организации общины Петру показалось необходимым позаботиться о количестве апостолов. В его представлении оно должно было равняться двенадцати, как и во времена Учителя. Стало складываться мнение, что виновником несчастий, об-

рушившихся на Учителя, является не кто иной, как Иуда. Трезвые головы пытались восстановить истину, но, должное усердие не было проявлено. Чтобы восполнить зияющую пустоту, как считали апостолы, решено было выбрать в число апостолов ещё одного человека.

Кандидатами были выдвинуты двое: некто Матфей, оставивший едва заметный след, и Иосиф Варнава, прозванный Праведным и ставший ближайшим соратником самозванного апостола Павла.

Кормление, безделие и безответственность привлекли в общину более тысячи человек. Требовались большие деньги. Возглавлявшие общину апостолы, не имея навыков организационной работы, вели дело спустя рукава. Робкая натура Петра постоянно подвергалась испытаниям. Ему сообщали о прибытии повозок, гружённых зерном, всевозможными припасами, которых он не видел, потом так и говорили о передаче в пользу общины больших сумм денег, которые так и не попадали к нему в руки. Он подписывал письма с просьбой о помощи, направляемые в неизвестные для него адреса. Круг забот, в который он был втянут, оказался для него неинтересен; когда же он задавал вопросы, ответы звучали неясно, неопределённо. Шло время, обстановка не нравилась ему всё больше и больше.

С удивлением обнаружил Пётр появление многочисленных молодых мужчин и женщин, прибывающих из прибрежных городов – кругом звучала греческая речь. Он слышал о больших суммах, пожертвованных

эллинистами, как их стали называть в общине. С ними изменился и настрой, поведение людей в общине. Исчезла сдержанность в суждениях, осмотрительность в поведении. Витал дух общения, несвойственный жителям центральных районов Иудеи. Раскованность, свободное изъяснение мыслей, афиширование сомнений – разве всё перечислишь? Эти люди принадлежали скорее греческой культуре, хотя были приписаны к еврейским общинам городов.

Апостол Пётр, чувствуя неуверенность, старался остаться наедине с собой, затянуть минуты богослужения. Со временем стал избегать трудностей, которые должен был разрешать.

Возраставшая община требовала постоянного внимания: соблюдение норм общежития, сохранение заповедей справедливости и равенства всех членов общины, решение разных житейских вопросов. Вновь прибывающие члены общины сдавали имущество в общее пользование. Однако сдаваемое имущество было неравнозначно, и услуги ожидалось неравноценные. Многие беспокоились о жизненных гарантиях, стабильности существования. Однако так далеко мысли апостолов не заходили, их дальновидность не простиралась дальше нескольких дней жизни.

Как подметил апостол Пётр, его соратники чувствовали себя так же неуверенно.

Любой беспорядок, затрагивающий интересы хотя бы малой группы людей, приводил к выражению протеста. Вот воспоминания тех лет.

Произошёл у эллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии. Тогда двенадцать апостолов, созвав множество учеников, сказали:

– Нехорошо нам, оставив слово божие, печись о столах. Итак, братие, выберите из среды себя семь человек...их поставим на эту службу, а мы постоянно будем в молитве и служении Слову.

Апостолы были вынуждены согласиться на предложенные кандидатуры, в том числе и Стефана, которого они дружно не любили за упрямый нрав.

Освободив себя от всякого рода забот по жизнеобеспечению общины, апостолы вскоре обнаружили, что и реальная власть перешла в руки вновь избранных диаконов. Теперь они только разводили руками, удивляясь хозяйской распорядительности ещё недавних гостей. Везде слышались голоса молодых диаконов и громче всех диакона Стефана. Он уже лучше всех знал, что говорил Иисус, как надо понимать его слова и кто действительно виноват в его смерти. Притихли апостолы, проходили в храм не поднимая головы, подолгу там пребывали в молитвах и глубокой задумчивости. С неохотой присутствовали они теперь на вечерних трапезах. Если раньше с благоговением преламывали присутствующие хлеб и молчаливая молитва Господу считалась лучшей минутой дня, то сейчас возбуждённый шум стоял в трапезной.

– За день не могли договориться, – думал с огорчением Пётр, – и приберечь-то нужно несколько минут,

чтобы тихо посидеть, увидеть себя со стороны, обратиться к Господу.

Однако Пётр не решался что-либо менять. Уверенность и безапелляционность поведения молодых диаконов производили на него парализующее действие. Но не таков был Иаков, брат Господень. Его было трудно парализовать: своё мнение он всегда ставил выше мнения Иисуса и всегда считал себя правым до такой степени, что однажды его брат ушёл из дома и не вернулся.

Подолгу исчезал Иаков в притворах храма, перебрасываясь словами с какими-то служителями. И всё тихо, незаметно и тем тише, чем громче звучал голос Стефана на проповеди, на вечерних трапезах. Проповедовал Стефан в синагоге либертинов, куда стекались жители Киринеи, Александрии, Киликии, Эфеса; слушали Стефана внимательно, заинтересованно: после проповеди часто вспыхивали споры. Основное содержание проповедей заключалось всё в новых и новых доказательствах, что Иисус и есть долгожданный мессия. Слова произносились разные, а в минуты порыва и вдохновения и несдержанные.

Старшее поколение понимало, кончатся эти речи печальными событиями, но вразумить молодёжь не могло. Община затаила дыхание в ожидании событий, и они разразились. Стражей синедриона Стефан был арестован и предстал перед судом с обвинением в предпочтении учения Иисуса заповедям Моисея. На суде Стефан изложил христианское учение, ссы-

лаясь на заповеди Моисея. Дело шло к благополучной развязке. Однако молодой диакон настолько увлёкся, что в запале бросил судьям обвинение в убийстве Иисуса:

– Жестоковыйные! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили и предвозвестивших пришествие Праведника, которого предателями и убийцами сделались ныне вы; вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили.

И, воздев глаза к небу, Стефан воскликнул:

– Я вижу Небеса отверстыя и Сына человеческого, стоящего одесную Бога.

Стефан был человеком искренним, считавшим себя вправе высказывать мысли и говорить открыто. Воспитанный в среде с эллинским духом общения, он и не представлял, сколь опасную для себя фразу произнёс ненароком. Конечно, Иисус – великий пророк, но в сознании истинных иудеев только пророк Моисей мог занимать место рядом с самим Господом. И вдруг какой-то чужак подменил Моисея третьесортным, в их мнении, пророком Иисусом. Для толпы такая перестановка была недопустима, для неё – свершился факт кощунства.

Праведный гнев охватил толпу; Стефана схватили, разорвали на нём одежды, куда-то поволокли, но и тогда не представлял он, что можно убить за сказанное слово. Когда первый камень, брошенный сильной рукой разъярённого человека, ударил его в грудь, Стефан понял: могут.

Руководил побоищем молодой священнослужитель Савл. Свидетели отмечают добровольный характер его участия. Исследователи потом с удивительной прозорливостью отмечали: «...он думал с тайной радостью, что ему вменится в заслугу его участие в убийстве богохульника».

Убить богоотступника с тем, чтобы спасти его душу, считалось по тем временам поступком достойным; правда, не каждый на это решался. Трудно точно сказать, что чувствовал Савл, наблюдая картину гибели молодого, полного сил человека. Следует помнить и об оправдательных мотивах, звучавших в его душе.

Другое дело — руководители синедриона. В словах Стефана слышали они опасную ересь, которая, впитавшись в сознание, способна разрушить ранее чётко нарисованную картину мира. Можно по-разному относиться к синедриону, но на нём лежала ответственность за единство духа еврейского народа. Они знали, что любой разлад начинается с произнесённого слова. Лучший способ борьбы с ересью — цементирование идей, фраз, слов.

Апостолы вели себя тихо и скромно, отличались большой набожностью, но и при таком показательном поведении находились поводы бичевать то одного, то другого из апостолов. Но далее срабатывало какое-то запрещение, и процесс преследования замирал. Авторитет же каждой жертвы из последователей Иисуса возрастал как невинно пострадавшего за святое дело. Апостолы смирились с периодическим битием как сопутствующим признаком

принадлежности к иерусалимской общине назореев. Постоянное давление на общину держало последователей Иисуса в напряжении: как далеко могут зайти преследователи? Хотя официально синедрион должен был получать разрешение на казнь у римских властей, и позиция прокуратора была жёсткой (своей позицией он препятствовал развитию религиозной нетерпимости), но при расследовании убийства Стефана синедрион уклонился от ответственности, ссылаясь на фанатизм и неуправляемость толпы. Свидетели казни утверждали, что побиевание камнями проводилось в соответствии с существующими традициями: участвовавшие в казни иудеи складывали свои верхние одежды к ногам Савла, который и руководил, как отмечалось ранее, ужасным смертоубийством.

Убийство святого Стефана было началом целой волны преследований. Имя Савла повторялось снова и снова. Очевидцами будет отмечена его жестокость и неукротимость: «... входя в дома и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу». Характеризовали этого человека только с одной стороны: «...он дышал угрозами и убийствами». Описывается малопривлекательный образ человека, ставшего впоследствии фактическим создателем христианской религии. В период первых преследований апостолы не очень пострадали, действовал установленный кем-то принцип избирательности. Преследованию подверглась в основном та часть назореев общины, которая прибыла из греческих городов или городов с

греческой культурой. Именно эти люди ставили на обсуждение вопросы, которых избегали апостолы.

Поредели ряды последователей Иисуса в Иерусалиме. Спустя некоторое время схваченных выпустили из тюрьмы, подвергнув предварительно бичеванию. Развернувшиеся гонения побудили людей, собрав жалкие пожитки, покинуть Иерусалим. Потянулись назореи в Самарию, Сирию, даже в Египет. Именно эти места стали очагами новой религии. Особенно преуспели молодые диаконы. Они создали ряд общин в Самарии, Киликии, почти во всех крупных городах Малой Азии.

Отсутствовали защита, заступничество. Апостолы вместо протестов и апелляций к общественности затаились и как будто чего-то выжидали. Возможно, они пережидали разгром оппозиции, которой для них была власть эллинистов.

Можно понять апостолов. Самоуверенные молодые люди подмяли под себя созданную с такими душевными тревогами общину. Возможно даже, в этот период действовали какие-то договорённости как со стороны апостолов, так и со стороны синедриона.

Покинув Иерусалим, сохранив верность религиозным начинаниям, назореи были настроены к апостолам общины враждебно, хотя в некоторых случаях вынуждены были обращаться в Иерусалим.

Первые гонения на христиан придали новый импульс развитию молодому учению. Оставалось только поражаться, с какой быстротой оно овладевало людь-

ми и пространствами. Через двадцать лет, в период гонений христиан императором Нероном, их насчитывались многие тысячи. Христиане заполнили подвластные римлянам земли.

Время возвращать долги

Бессонница стала докучать Понтию Пилату по ночам. Напряжение последних месяцев оказывало на здоровье губительное влияние. Всё чаще взрывы возмущения вспыхивали в нём по не столь важным причинам, а справиться с ними становилось всё труднее. Прошло уже два года после гибели местного пророка, а события, связанные с ним, не только не утихали, но развивались. Напряжённость отношений с синедрионом возрастала; ненависть Каиафы и членов его семейства не угасала, организовывались мелкие, но раздражительные интриги, концы которых были глубоко запрятаны. Самого Понтия Пилата снедала тревога о возможности раскрытия шантажа в миллион сестерциев комиссией сената, но поскольку жизнь Манассия была залогом молчания, никаких поползновений к возбуждению дела не предпринималось. Желая развязать себе руки, Каиафа делал попытки спрятать сына от глаз прокуратора. Каким-то образом Понтий Пилат обнаруживал место пребывания Манассия, чем и пресекалось дальнейшее развитие событий. В таком вопросе каждая из сторон остерегалась допустить роковую ошибку.

– Осторожность никогда не мешает, – говорил Аман Эфер, – осторожность – первая заповедь крупного адми-

нистратора, каковым ты и являешься, Понтий Пилат. В римском мире творятся и всегда творились устрашающие дела. Вспомни гражданские войны. Какая жестокость сопутствовала тогда любым делам! Вспомни о проскрипционных списках. Какие достойные граждане погибли при переделе имущества! Сейчас, казалось бы, торжествует закон и порядок. Но прежний дух стяжательства царит в канцеляриях. Каиафа заплатил большие деньги, но почти все они ушли на прикрытие недавних событий чиновникам Рима. Зря нервничаешь из-за Каиафы – не решится он вспомнить об этом миллионе. Пожаловаться можно только императору, в чиновничьем же мире жалоба утечёт в песок. Но жаловаться императору Калигуле – безумие, и об этом Каиафа тоже знает...

Два года назад под влиянием событий с галилейским пророком и обнаружения торговли оружием в голове прокуратора сложился план возврата своего миллиона сестерциев, который он всегда считал за центурионом, а ныне сенатором Марком Юнием Менлием.

Прокуратор надеялся встретиться с сенатором, и встреча состоялась.

Перед Понтием Пилатом возлежал тучный мужчина. Почти лысый череп возвышался над обвисшими чертами лица. Большой живот обтягивала тога из прекрасного полотна. Они были ровесниками, и сенатор не мог не обратить внимания на физическую форму прокуратора. Мощное тело угадывалось под

складками туники, открытые части тела отличались мускулистостью.

Посуровело лицо Марка Менлия. Исчезло игривое добродушие. Глаза сенатора смотрели враждебно.

— Думаю, прокуратор, пришёл ты не за моими поздравлениями.

— Конечно, нет. Я пришёл за миллионом сестерциев, который я потерял по причине твоей наглости и жадности. Разорение Марка Прокулы было единственным средством, позволяющим избавиться от тебя без убийства. Этот долг числю за тобой много лет. Настало время.

— А не кликнуть ли мне рабов, прокуратор?

Однако внутренний голос подсказывал ему несвоевременность решительных поступков.

— Хорошо, прокуратор, выкладывай. Мы оба прошли коридорами власти и знаем, как надо вести разговор.

Понтий Пилат одобрительно улыбнулся.

— Вот что значит разговаривать с опытным государственным деятелем. Можно спокойно привести имеющиеся доводы. Основной из них заключается в факте торговли оружием в Иудее. Вначале предполагали утечку оружия из дамасских арсеналов; проверка показала, что никто из тамошних центурионов в деле не замешан. Но в документах появилось имя центуриона Муния Луперка из когорты иерусалимского гарнизона, как удалось установить, твоего племянника, сенатор. Расследование показывает, что римское оружие прибывает в Иудею морским путём. Организовать канал торговли оружием из казённых мастерс-

ких может только очень влиятельное лицо, и мысль многих через имя твоего племянника ведёт прямо к тебе, достойный сенатор.

– Ты ошибаешься, прокуратор. Я не веду торговлю оружием прежде всего потому, что дорого ценю свою голову. Меня озадачивает племянник. Этот балбес за деньги может впутаться в любое гиблое дело. Но уверен, что следствие относительно меня придёт к оправдательному выводу.

– Какое следствие, сенатор! Завтра я буду докладывать императору состояние дел в регионе, я обязан доложить о торговле оружием и назвать имя твоего племянника.

– Подлость, Понтий Пилат, подлость! Одно дело подлость молодого глупца, другое дело – человека, прожившего жизнь.

– Я не собираюсь указывать на тебя, достойный сенатор, как организатора торговли оружием. В разговоре с императором будет названо только имя Муния Луперка и отмечен тот факт, что он является твоим племянником.

Марк Менлий знал тяжелые подробности об императоре. Тому достаточно было услышать имя, чтобы принять гибельное для человека решение.

Понтий насмешливо смотрел на сенатора.

– Впрочем, для меня главное сейчас – миллион сестерциев. Скоро по этому поводу мы встретимся.

Понтий Пилат шёл по улицам Рима к своему дому. Рим он любил, хотя и удавалось ему бывать здесь наездами. Его поражали каменные мосты через Тибр,

акведуки для свежей воды, многочисленные фонтаны, общественные здания прекрасной архитектуры. Величественные храмы, посвященные уважаемым богам, террасы, скульптуры греческой и римской работы украшали город. В других городах мира прокуратор наблюдал разруху и запустение – там прошёл враг. Он гордился тем, что его дом находился в Риме и что он сам – римлянин.

Но сегодня красота города мало его трогала: прокуратор чувствовал опасность. Марк Менлий сделает не одну попытку убрать его с дороги: никто не отдаёт золото без борьбы. Для этой цели будут использованы наёмные убийцы, которыми кишат трущобы прекрасного города.

– Если меня сопровождают четыре телохранителя, то состав нападающих будет превышать мой отряд раза в три, – размышлял Понтий Пилат. – Нападение будет организовано сегодня ночью, когда я буду возвращаться из дома друзей, куда приглашён на обед. У сенатора нет времени. Остались считанные дни, и тупо ожидать своей участи он не станет.

Возвращались поздно. Тонким слухом Понтий Пилат улавливал перемещения людей впереди. Он ещё днём просмотрел путь своего следования и сейчас выбирал позицию, благоприятную для себя.

Излюбленным приёмом нападавших была встреча на ограниченно-открытом пространстве с быстротечным боем на мечях; в их практике исключалось применение пилума.

А вот и угаданное Понтием Пилатом место: широкая улица с множеством глухих стен и отсутствием мест для укрытия. На середине улицы два телохранителя прикрыли спину прокуратора своими щитами, два других встали по бокам. Понтий Пилат скинул гиматий и взял в руки пилумы. Нападающие медлили. Но вот сигнал к атаке. Понтий Пилат узнал часто применяемый способ нападения: с двух сторон, бегом и как можно быстрее. Тишину ночи разбудил грохот многочисленных сандалий.

Отметав пилумы в первую группу нападающих, прокуратор резко повернулся. Обученные воины тут же закрыли его спину щитами, другие предоставили Понтию Пилату свободу для метания пилумов. Пилумы уходили в темноту один за другим, из темноты доносился только шум падающих тел.

Но вот в поле досягаемости меча появились четыре фигуры. Телохранители щитами приняли первые удары, и меч Тиберия в руках Понтия Пилата начал работу.

К вечеру следующего дня прокуратор вновь был в доме Марка Менлия. Рядом с сенатором сидел человек, похожий на него.

– Согласись, прокуратор, жалко отдавать столько золота просто так, – начал разговор Марк Менлий, – вот и брата пригласил для совета.

Оба не поднимали разговора о ночном нападении. Заговорил Пилат:

– По долгу службы я живу на Востоке империи. Удивительный народ можно встретить в тех странах:

провидцы, астрологи – люди высоких способностей. Поинтересовался я судьбой и вашего родственника. Удалось кое-что выяснить. Если не будет никаких серьёзных пересечений линий судьбы, то Муний Юний Луперк через 20 лет станет легатом Пятого легиона, который к тому времени будет расквартирован в Египте. Его ждут высокие почести за заслуги перед отечеством. Но если только не будет пересечений линий судьбы. Больше я не приду в твой дом, сенатор. Время, отпущенное для бесед, закончилось. Завтра твои люди могут принести деньги в мой дом. Слава богам!

Прокуратор поднялся с кресла и молча, не прощаясь, вышел из дома, оставив братьев решать судьбу своего единственного наследника.

Прокуратор не переставал удивляться прозорливости Амана Эфера. События разворачивались точно по его предвидению. Недаром он уговорил Понтия Пилата взять с собой в Рим пятерых лучников из своей сирийской алы. Вот и для них обнаруживается поле применения: следующей ночью, по раскладу Амана Эфера, ожидается нападение на дом прокуратора.

Дом стоял на окраине города несколько уединённо, что и создавало условия для скрытого нападения. Лучников Понтий разместил на балконах второго этажа, телохранителей поставил прикрывать двери по крыльям здания. Основную тяжесть сражения Понтий Пилат взял на себя.

Как только нападающие, сломав ворота, вбежали во двор дома, вспыхнули факелы, осветившие место будущей схватки. Некоторые из нападающих смекну-

ли, что их могли ждать, и подались назад, другие приняли факелы как сигнал к атаке. Первые убитые упали на землю, нападающих лучники расстреляли раньше, чем те сообразили, что происходит.

Декурион конной ночной стражи установил, что все погибшие находились на территории усадьбы. Предусмотрительность Амана Эфера просматривалась и здесь: только защита своего дома.

Утром прокуратор получил приглашение к императору. Уже готовы октофоры, выходят для сопровождения телохранители. Предстоит долгий путь в резиденцию императора. Чуть ли не в последнюю минуту во двор дома Понтия Пилата вносят чьи-то октофоры, а к ногам вышедшего из дома прокуратора раб ставит тяжёлую сумку из верблюжьей кожи.

– Не обессудь, достойный сенатор, но встретить тебя не могу. Путь мой определён императором. На прощание же могу напомнить слова, сказанные вчера: всё будет, как задумали боги, если нити судьбы не пересекутся другими, более важными обстоятельствами. Не надо создавать этих обстоятельств, достойный Марк Менлий.

Рука Рима

– Мы зашли в тупик, – не глядя на собеседников, говорил Понтий Пилат. – Надо принимать какие-нибудь меры. Два года назад в Иерусалиме была организована религиозная община последователей пророка Иисуса. Возлагались большие надежды, но сдвиги настолько ничтожны, а возможности расширения её деятельности в Иудее настолько незначительны, что мы можем прямо признаться в провале наших замыслов.

Конечно, тому есть причины: одна из них заключается в территориальном расположении общины. Не пойму до настоящего времени, почему легат Помпоний Флакк настаивал на создании общины в Иерусалиме. Деятельность общины находится под негласным надзором синедриона, что создаёт благоприятные условия для преследования членов общины по самым ничтожным поводам.

Сколько раз наших бедных апостолов подвергали бичеванию за мнимые провинности и даже пытались упрятать в тюрьму! Нам тайно приходилось вмешиваться. По сути, активность общины блокирована синедрионом. Главным же недостатком состояния общины является отсутствие идейного вождя,

способного развить основные положения учения пророка.

Прокуратор взглянул на собеседников, как бы предлагая продолжить разговор. Раздался голос Амана Эфера:

– Игемон! Учитель оставил ученикам слабое наследие. Надо не только развивать известные положения учения – надо заново создавать учение. Известные положения расцветивать притчами, заимствовать уже известные из других религий, но в оформлении новых действующих лиц на фоне событий, пусть и не имевших место в жизни, но в устной традиции связанных с деятельностью Иисуса. Большая, серьезная работа; она под силу незаурядному уму, прошедшему по дорогам знаний. Разве могут совершить такую работу неграмотные пастухи и рыбаки, вдруг ставшими апостолами? За два года в общине не нашлось ни одного образованного человека, способного мыслить на требуемом уровне. Не надо забывать и о первоначальном соглашении, в котором мы сами отказались от центральных, важнейших положений учения. Подобным соглашением мы обескровили наступательный дух учения пророка. Что ни говорите, но такой дух в словах самого Иисуса присутствовал. Он активно призывал к смягчению ортодоксального иудаизма, к привлечению заблудших, то есть неиудеев, под сень своего Бога. Мы же согласились на замалчивание этих призывов и тем усилили изоляцию учения Иисуса, разместив к тому же общину в Иерусалиме. При существующих условиях трудно ожидать положительных результатов.

В разговоре принял участие и Квинт Амний:

– Перечисление денег из Антиохии через мифическую секту не вызывает затруднений, но затраты составляют значительную сумму. Апостолы, обнаружив наличие денег у так называемых братьев в Антиохии, настойчиво и непрерывно взывают о помощи и... получают её. Естественно, рыбакам и земледельцам трудно прокормить себя в городе, а тут ещё община взяла за правило собираться вечерами на общую трапезу, не думая в простоте душевной, откуда средства берутся. Такое кормление становится накладным в связи с неурожаем; моления о помощи к братьям в Антиохии участились.

Политика наместника определяется ослаблением требований к синедриону. Политика Понтия Пилата отличалась противостоянием агрессивному давлению синедриона, который настаивал на бесконтрольности своей деятельности. Временем уготованы общине тяжёлые испытания. Синедрион почувствовал каким-то образом надвигающиеся послабления и уже сейчас распоясался. Смерть диакона Стефана многое объясняет в изменениях внешней политики Рима.

– Конечно объясняет, – включился прокуратор. – Политическое лицо наместника – умиротворение иудеев всякого рода послаблениями. Я уже получил указание из канцелярии наместника на передачу праздничных одежд первосвященника, хранимых, как вам известно, в башне Антония. Не спорю, отправление религиозного культа страдало: раньше мы передавали одежды первосвященнику за три недели до начала тор-

жеств. Три недели продолжались очистительные процедуры от духа неправовверных; только после этого считалось возможным использовать одежды по назначению. Затруднительно! Однако хранение одежд первосвященника точно указывало, кто здесь хозяин. Скорее всего, сенат выбрал путь лавирования и мелких уступок. Очередная ошибка! Разве можно найти точку равновесия в отношениях с синаедрионом? Опыт показывает необходимость жёсткого противостояния. Что скажешь, Аман, в качестве выводов? – обратился Понтий Пилат к центуриону.

– Положение тяжёлое. Финансирование прекратится, силовое давление на общину усилится; подумать только, дело дошло до смертоубийства. Предположительно, синаедрион принял решение по пресечению любой возможности распространения ереси. Особо опасным для основ религии синаедрион считает деятельность молодых диаконов. Первосвященники поняли, что так называемые апостолы способны только поклоны отбивать и говорить о доброте и праведности Иисуса и о том, как они делили с ним хлеб насущный. Ясно, что основной удар наносится по молодёжи общины. Предвидится и усыхание источника питания для общины Иисуса. Поэтому прихожу к выводу о необходимости создания общины Иисуса в Антиохии или переводе туда Иерусалимской общины. Необходимо как можно скорее исправить допущенные ошибки.

– Получены важные новости, – сообщил Квинт Амний. – В течение последней недели все диаконы и

приехавшие в общину молодые люди покинули Иерусалим в неизвестном направлении. Не прошло и несколько недель после гибели Стефана, а начинается новое наступление на назореев. Вчера в канцелярии синедриона выписан документ на имя небезызвестного Савла: ему поручено арестовать в Дамаске последователей Иисуса по обвинению в отступничестве от учения Моисея и препроводить их в Иерусалим для суда.

– Давно я слышу это имя, но так и не удосужился выяснить, какую роль играет Савл в нашем общем деле. Что за личность? Что движет этой личностью? – повернулся с вопросом Аман Эфер к курульному табулярию.

– Личность интересная, – ответил Квинт Амний. – Мы выяснили о нём всё, что можно. Сам он родом из Тарса Киликийского. Отец его – состоятельный человек, содержит мастерскую по изготовлению тканей и шатров из верблюжьей шерсти. Учеником Савл был способным, и отец в связи с этим стремился дать сыну хорошее образование. Вот почему Савл оказался в Иерусалиме и стал одним из учеников Гамалиила, известного учёного и толкователя законов. Учитель Савла – человек просвещённый, обладает широким гражданским кругозором: выступал за свободное словоизъявление религиозных мыслей, образовал школу – подобие греческой гимназии. Однако под влиянием общественно-религиозной среды был вынужден свернуть свои новации. Савл способностями выделялся среди учеников, но передовой дух толкования законов не принял. Сейчас мы видим его в лагере сторонни-

ков ортодоксально настроенной части иудеев, имеющих отношение к Иерусалимскому храму, он занимает неприметную должность в одной из комиссий синедриона по религиозным доктринам. Переход в лагерь ортодоксальных иудеев я объясняю честолюбивыми замыслами. Как всякий провинциал, прибывший из глубинки и поставивший целью войти в круг избранных, он понимает, что только ретивое служение общей задаче может привлечь к нему внимание. В деле Стефана Савл показал лицо не просто фанатика, но человека, сознательно действующего в создавшейся обстановке и показывающего свою готовность и свои возможности. Сейчас он является вдохновителем и непосредственным исполнителем бесчеловечных гонений на назореев, последователей пророка Иисуса.

Люди с подобной жизненной философией достаточно циничны и работают за поощрения, о чём прекрасно осведомлены члены синедриона. Савл получил продвижение по службе, но оно незначительно в сравнении с его запросами. Он считает продвижение по службе незначительной подачкой и надеется, что разгром общины назореев в Дамаске поставит вопрос о соответствующем его выдвижении. Синедрион ценит деятельность Савла, отдаёт должное его ретивости и природному уму, но его притязания считает завышенными. Уже сейчас видна канва будущего конфликта. Савл надеется на положительный для себя исход после дамасского дела, но и сомнения начали накапливаться в его сознании. Ожидается крах его

честолюбивых надежд. Когда крах произойдёт, начнётся лихорадочный поиск новой точки опоры; её не так просто найти. Необходимо обозначить в его сознании новые перспективные ориентиры. Тогда можно надеяться на появление у Савла желания пересечь в другую лодку.

— Такой умный, подготовленный и энергичный человек вдохнул бы новую жизнь в погибающее и вянувшее на корню учение, — воскликнул Аман Эфер. — Необходимо с ним встретиться. Отъезд его из Иерусалима должен быть мне известен хотя бы за один день. Поможем этому человеку пересечь в другую лодку.

К вечеру Савл остановился на постоялом дворе, где он предполагал себя единственным постояльцем. Однако он ошибался: лучшую комнату занял грек из богатых негоциантов, направляющийся в Антиохию. При первом знакомстве грек оказался властным человеком, глаза его отражали глубокий ум и проницательность. В его присутствии отпадало желание суетиться.

Характером Савл был резок и даже агрессивен, к первосвященникам относился с нескрываемой иронией. Савла окружал мелковатый народ, и не чувствуя вокруг себя духовно значительных людей, он выпестовал в себе чувство превосходства. При встрече с греком чувство превосходства исчезло, осталось желание ближе познакомиться с незаурядным человеком.

Жизненная активность толкала Савла на сближение. Первые слова были произнесены, и сближение

состоялось. Незнакомец оказался прост в обращении, разговор поддерживал, Савлу выказал уважение, но поведение его было сдержанным: у него отсутствовал интерес. Савл почувствовал лишь доброжелательную вежливость, но и такой настрой его устраивал.

Эдипил, так назвался незнакомец, направлялся в Антиохию, и поскольку путь совпадал, было принято решение ехать вместе в коляске грека, наилучшим образом приспособленной к подобным переездам.

Вечерний разговор касался общих тем. Эдипил разговор поддерживал, но ни одного вопроса, касающегося рода занятий и интересов Савла в Дамаске, не задал, отсекая тем самым возможность Савлу проявить интерес к нему самому.

Утром из ворот постоялого двора выкатила дорожная повозка, везущая новых знакомых. Путь был дальний, утро полно свежести, люди — бодрости.

Право на искоренение ереси являлось основным содержанием речей Савла. Грек внимательно слушал попутчика: удивлялся. Да! Могуч двигатель личной значимости в жизни людей. Откуда он появился в сыне иудейского торговца тканями? Прав мой Учитель, предполагая, что такой двигатель человек получает от предков из глубины веков по линии наследственности. Вот и наглядный пример.

Вслух, однако, Аман Эфер (это был он) не решился произнести эти слова.

— Ты многое знаешь, уважаемый Савл. Кто же был твоим учителем?

– Сам Гамалиил, один из уважаемых толкователей законов пророка Моисея. Отец мой – состоятельный торговец и был способен оплатить мою учёбу в Иерусалиме. Память у меня хорошая, тяга к знаниям проявилась рано. Сам я старался изучить и понять законы Моисея с надеждой достигнуть со временем достойных высот знаний и положения среди учёных и руководителей храмовой общины.

– Гамалиил, твой учитель, отличается, как я слышал, большой терпимостью к толкованию законов, да и к самим толкователям. Ты же, уважаемый Савл, выбрал другую дорогу: что-то ты ополчился на последователей пророка Иисуса. Гамалиил – выдающийся знаток законов Моисея, но, как показало время, понимать их можно по-разному. Вот и настало время, когда понимать их надо в соответствии с новым духом времени. Если сейчас исходить из позиций Гамалиила, можно просидеть всю жизнь на одном стуле в одной канцелярии. В его позиции не видно поля деятельности, нет перспектив развития личности.

Эдипил опустил тему о развитии личности и продолжил.

– Сам ты придерживаешься фарисейской ориентации, т.е. ортодоксального иудаизма. Вы, фарисеи, соблюдаете законы Моисея, верите в смерть и воскресение, в мессию. Подчёркиваю эти моменты с целью напомнить, что саддукеи отрицают и воскресение, и мессию, и ещё кое-что другое. Задаю себе вопрос, к кому же ближе твоя позиция, и прихожу к выводу, как это ни странно, о большей её близости к пози-

ции галилеянина. Можно сомневаться, является ли сам Иисус мессией. Можно и не сомневаться... если нужно.

Тебя уязвляет утверждаемое им право совершать благие дела в субботу, когда любая работа запрещена. Не вижу большой крамолы. В древние времена, когда было принято решение о нерабочем дне, многие продолжали трудиться под предлогом: в хозяйстве никогда всё не может быть сделано до конца. Тогда и был введён жёсткий религиозный порядок. Тёмного человека можно было оторвать от дела только страхом греха, страхом последующего наказания. Теперь – другое дело; субботний отдых прочно вошёл в обиход, можно подумать о тех случаях жизни, в которых действительно требуется активное вмешательство: умирает больной, гибнет скотина, обрушивается наводнение. Во всём должна быть мера, и галилеянин, видимо, разумный человек.

Вижу, что хочешь возразить по поводу его высказывания о ненужности храма Иерусалимского. Согласись, тысячи твоих единоверцев живут за пределами Иудеи и совершают обряды помимо храма – ничего страшного не происходит. Откуда знать галилеянину, что Иерусалимский храм выполняет задачу символа национального единства его народа; скорее всего, такое понимание в его сознании отсутствует. В этом вопросе ему следует простить незнание. Можно не согласиться с идеей всепрощения и некоторыми новыми мыслями, но основная точка разногласий лежит в признании Иисуса мессией.

Для меня, человека другой религии, понятие мессии звучит заманчиво. Кто-то взял на себя твои грехи и за них расплачивается, да ещё собирается поступать так и в дальнейшем. Пожалуйста! Мне непонятно противодействие, душевное сопротивление.

— Каким-то непонятным образом, Эдипил, ты преобразовал серьёзные еретические измышления Иисуса в детские заблуждения, а то и в достоинства. Так ли это незначительно для учения Моисея?

— На мой взгляд, конечно, незначительно, — отвечал Эдипил, поглядывая на своего собеседника, начинавшего проявлять первые признаки неуверенности. — Существует и другой довод: как бы ни были значительны прегрешения назореев перед законом Моисея, я не стал бы подставлять свою голову под меч.

Эдипил встретил вопросительный взгляд Савла и пояснил:

— Уважаемый Савл! По твоим словам, ты едешь в Дамаск арестовывать членов общины назореев. О них я кое-что слышал. Назореи Дамаска не похожи на людей Иерусалимской общины, которых вы, как баранов, тащили в тюрьму при храме. Назореи Дамаска носят мечи и, говорят, умеют ими владеть. Не забывай и о наместнике Рима. Не может же представитель наместника в городе поддерживать беспорядки, да ещё и на религиозной основе. Думаю, тебе не удастся никого арестовать, хотя бы по причине отсутствия помощников. Добровольцев много, когда власти обеспечивают полную безопасность. Здесь же предстоит столкнуться с жёстким сопротивлением. До

смертоубийства, думаю, не дойдёт: осмыслив положение дел, ты вынужден будешь отказаться от выполнения своего замысла.

Савл увидел конец своей миссии и конец честолюбивым надеждам. Негоциант оказался осведомлённым человеком; чувствовалось, что его прозорливость опирается не на житейские слухи. До Савла и раньше доходили слухи о возможном сопротивлении, но, привыкнув к беспрекословному повиновению жертв, он мысленно исключал подобный исход дела. Сейчас же Савл находился в непосредственной близости от места событий и, выслушав Эдипила, признал своё поражение.

Нехорошо стало на душе, неудобно в повозке, хотя минуту назад он чувствовал полное удовлетворение жизнью. Посланник синедриона заостенел лицом и взглядом, но, призвав на помощь выдержку, решил не выдавать своего душевного смятения.

– А теперь будем открывать дверь в новый заманчивый мир, – подытожил результаты Эдипил. – Уважаемый Савл! Я живу в мире других представлений, особенно нравственно-религиозных. В душе я человек честолюбивый и щепетильный. Я не считаю для себя возможным заниматься рассмотрением доктрин существующих религий и тем более преследовать кого-то за их неправильное понимание. Я сторонник тех немногих, которые, если и вмешиваются во что-либо, то только на уровне собственного дела; в данном случае на уровне создания новой религии. Так поступил Моисей в Иудее, Заратустра в Двуречье, Орфей в Греции. Примером для меня

является пророк Моисей, уважаемый мною человек не потому, что известен, а потому что сумел создать своё дело и вдохнуть в него жизнь на столетия. Много было желающих избавиться от него, свалить его как деятеля, но завладеть его делом желающих не находилось. Чтобы поднять такую ношу, надо быть титаном духа. Тот, кто хочет занести своё имя в историю религий и государств, должен устранить прежние понятия, если ими невозможно увлечь тысячи соплеменников. Мало обладать знаниями, честолюбием, надо уметь обращаться с тысячными толпами людей, уметь воздействовать на них и даже принуждать. Моисей прошёл путь посвящённого жреца храма Амона Ра, овладел знаниями мира того времени и достиг высот мудрости. По отношению к религии египтян созданная Моисеем религия была неопикуемой ересью. Он, хорошо представляя дальнейшее развитие события, увёл племена евреев из Египта и провёл с ними сорок лет в пустыне. Изоляцией племён в пустыне Моисей создал идеальные условия для созревания новой религии, уберёг себя и доверившихся ему людей; себя — тем, что избежал преследований со стороны официальной религии, людей — от религиозной борьбы, в которой могло не оказаться победителей.

Савл молчал. Мысли клубились вокруг новой темы: не было у него своего дела. Видел себя жалким прихвостнем, было обидно за себя. Давно желание своего дела тлело где-то в глубине сознания; разговор с греком воспламенил таившуюся искру. Не осознавая причину, Савл стал раздражаться: мысль металась в поис-

ках опоры, но не было того зерна, из которого могло бы вырасти своё Дело.

Сдерживая себя, Савл заговорил вполголоса.

– Какое дело? Как его создать? Я не вижу пути к его истокам. У Иисуса, скорее всего, было своё дело в рамках реформаторского развития учения Моисея. Хотя Иисус погиб, дело его несёт на своих плечах Иерусалимская община. Даже если он пророк и если все признают этот факт, сделать своё дело на учении Иисуса не удастся: это дело принадлежит пророку.

Взгляд грека удивлённо вскинулся:

– Если только в этом трудность, существует выход: повысь статус пророка, сделай его Сыном Божиим.

– До такой мысли ещё никто не додумался, – скептически усмехнулся Савл, уверенный в беспочвенности предложения Эдипила.

В свою очередь усмехнулся и Эдипил и даже несколько покровительственно:

– Додумались. И очень давно, более двух тысяч лет назад.

Савл растерялся. Хотел принять произнесённые слова за шутку, но лицо грека, имевшее, казалось бы, безразличное выражение, не допускало и мысли о шутке.

– С некоторым недоверием отношусь я к твоим словам, Эдипил. Обидеть тебя не хочу, но подобные сведения из глубины веков мне неизвестны.

– Между нами, Савл, большая разница. Я – ученик философа, ты же ученик толкователя законов единственного известного тебе пророка Моисея.

Очень узкая, ограниченная область знаний, к тому же лишённая горизонтов. Сказано не в укор твоей односторонности, а для того, чтобы ты понял: существует огромный мир знаний, к которому ты ещё не притронулся. Убедить тебя трудно, но если ты не возражаешь, я расскажу о судьбе Кришны, которая может стать примером для энергичных и честолюбивых людей.

Слова грека о его философской подготовке сломили внутреннее сопротивление и недоверие Савла. Он готов был слушать, о чём здесь же и заявил.

Воцарилось сосредоточенное молчание. Эдипил обдумывал рассказ: он должен звучать кратко, но убедительно для перестраивающегося сознания уже потерявшего ориентиры последователя иудаизма. Эдипил поднял голову и начал повествование об удивительных событиях древности.

— Три тысячи лет назад из лесов Скифии пророк Рама вывел своих последователей в дальнюю дорогу, стремясь отделиться от культа человеческих жертвоприношений и приблизиться к Божественному разуму, который являл единого Бога для людей, живущих на земле.

Великие толпы, возглавляемые Рамой, медленно направились в центр Азии. Были преодолены Кавказские горы, и носители новой духовной цивилизации широким потоком разлились по равнинам Двуречья вплоть до горных краёв на востоке. Непрерывно протекал процесс облагораживания и духовного совершенствования общества введением в повседнев-

ную жизнь благотворных установлений: запрещения рабства, свободного избрания предводителей и судей, определения женщине более возвышенной роли в обществе как матери и супруги.

Переселение народов под водительством Рамы продолжалось дальше на восток. На пути следования оказалась Индия.

Как ни впечатляюща была новая духовная цивилизация, но она пришла извне. Требовался длительный процесс взаимного проникновения культур в возникшем обществе. Путь переплавки культур тернист, и в определённые моменты болезненного развития должны появляться энергичные реформаторы, способные своим гением увидеть дороги, ведущие к развитию духовных ценностей, которые представляют интерес для большей части общества.

Пришла пора и для Индии, и она выдвинула великого религиозного Учителя, имя которому Кришна. Миф о Кришне как о мессианском проявлении Божественной воли интересен для нас тем, что позволяет увидеть знакомые черты развития в иудейской религии, в которой роль религиозного Учителя взял на себя пророк Моисей.

Перескажу кратко содержание мифа о Кришне. Около двух тысяч лет назад в Индии наступил духовный кризис.

Он выразился в жажде золота, власти, в стремлении поработить мир; власть имущие стремились расширить сферу влияния на другие народы и племена. События развивались в прекрасном городе Мадуре,

расположенном на севере Индии. Царствовал в городе Канза, властолюбивый и коварный правитель.

Однажды Канза решил узнать, кто из его сыновей будет владыкой мира, но жрецы указали на его сестру Деваки и сообщили, что именно у неё родится сын, будущий владыка мира. Царица Нузумба, которой предвидением было отказано в рождении будущего повелителя мира, изводила своего мужа до тех пор, пока он не согласился погубить свою сестру. Нашлись доброжелатели и у Деваки. Она была извещена о надвигающейся опасности. В ту же ночь её вывезли за крепостные стены и переправили в глухие лесные дебри в обитель отшельников. Место нахождения Деваки было скрыто от Канзы и его приближённых. Духовное обновление Деваки подготовило её к выполнению предначертаний. Пришло время, Деваки почувствовала проникновение в неё Мирового духа и зачала божественного младенца. В положенный срок родился мальчик, названный Кришной. До пятнадцати лет он оставался с матерью, среди пастухов и их детей. Природные данные выделяли его из среды сверстников, и уже в юношеском возрасте, возглавляя местную молодёжь, он прославил своё имя великими подвигами.

Шли годы. Умер глава старцев. Брахманы-отшельники помнили о предназначении Кришны. Ему был вручён знак верховной власти – посох о семи узлах. Начинается новый этап его жизни, протекающий в поисках путей спасения людей, создания своего учения.

После семи лет совершенствования духа и разума он получит право на имя Сына Божия.

Основу учения Кришны составило несколько догматов, некоторые из них известны нам по содержанию современных религий: существование всеобъемлющего божественного Разума под именем Махадева, бессмертие души в виде перевоплощений, совершенствование души и познание божественной сущности.

С группой учеников отправился он на берега Джамуны и Ганга, проповедуя своё учение в хижинах земледельцев и домах горожан. Многие сказания, известные в пору Кришны, находят своё отражение в последующих религиях в виде притч и легенд: притча о рыбаке Дурге, сети которого наполнялись рыбой после совершения им благочестивого поступка, о женщине Сарасвати, которая вела слишком свободную жизнь, но под влиянием личности Кришны изменилась.

Кришна вступает в Мадuru известным и признанным пророком. Власть его такова, что позволяет отправить царя Канзу и его жену в ссылку на покаяние. С согласия представителей государства и народа Кришна посвящает своего ученика Арджуну в цари Мадуры, определяет ему в помощь совет брахманов. Сам же остаётся главой отшельников, составляющих высший совет брахманов. Вдохновлённый Кришной Арджуна в битве с тёмными силами одерживает победу: Индия поступает в духовное достоинство брахманов. Сознание Кришны подсказывало ему путь победы над душами побеждённых в бою врагов.

На заключительном этапе жизни он должен был стать добровольной жертвой, и он ею стал. Его погубитель – царь Мадуры Канза, которого не покидала надежда отомстить Кришне.

Когда стало известно желание Кришны удалиться в пустыню для полного уединения, отряд наёмников отправился в путь. Кришна не мешал осуществлению злодеяния и пал от рук убийц. Природа ответила на убийство взрывом: солнце зашло, поднялась сильная буря, снеговой буран обрушился на горы и леса, чёрный вихрь пронёсся над Гималаями. Стало ясно, кто потерян для человечества в лице Кришны. Тело Кришны было сожжено учениками, и дух его поднялся из пламени к обители душ человеческих.

– Ничего подобного я не знал, – раздался задумчивый голос Савла. – Сожалею о неполноте своих знаний. Что касается содержания рассказанного, то повествование сложно для среднего иудея, а потому и недоступно.

– Пророк Моисей упростил содержание до понятия единого Бога и наказания за неверие в него; тем сделал учение доступным тёмному пастуху и вдалбливал это доступное учение сорок лет трём поколениям.

Мысли и слова, услышанные Савлом, шли вразрез с известными ему с детства истинами, взрывали устоявшиеся представления, и он в смятении скрывал своё недоумение вопросами.

– Из твоего рассказа, Эдипил, следует, что пророк Моисей знал о жизни Кришны и на её основе построил известное нам учение.

– Мой рассказ известен в Индии каждому человеку, причастному к учению брахманов. Пророк Моисей был посвящённым жрецом храма Амона Ра, ему были известны все религиозные учения, в том числе и учение Кришны. Рассказом о Кришне я преследовал цель показать возможность использования идеи о Сыне Божьем. Сама идея кочует вместе с легендой о божественном младенце. Моисей вполне мог увидеть себя в роли Кришны, дать Богу новое имя, сообразное духу времени, сформулировать задачи, отвечающие историческому развитию своего народа, представить их в виде законов, заповедей. Пророк Иисус мог придать учению Моисея новый импульс развития, предложив считать Иегову богом всех народов мира. Подобный тезис мог бы сделать иудаизм мировой религией в полном смысле этого слова. Но консерваторы из синедриона имеют другое мнение. Меры пресечения, предпринятые синедрионом, не лишают учение Иисуса притягательности для верующих.

– Пока я не могу употребить полученные знания для создания своего дела, – высказался Савл. – Не скрою, мне хотелось бы иметь своё дело, но создать его не так просто. Из миллионов людей, живших на земле, можно назвать всего несколько имён, которым такое дело оказалось по плечу. С интересом послушал бы о возможных вариантах, работа над которыми открыла бы новые горизонты.

– Я могу высказать мнение по одному варианту – своему, – продолжал развивать события грек. – Он полностью вытекает из сказанного и исходит из

состояния иудейской религии, основными современными чертами которой являются косность и замкнутость. Сейчас как раз время появления реформатора, способного сделать религию иудеев более приемлемой для других народов, раздвинуть рамки её замкнутости.

– Задача исключительна трудна в связи с тем, что существует множество ограничений, неприемлемых для других народов, – возразил поборник иудаизма.

– Да, роль реформатора сложна, но его реформы должны отличаться смелостью замысла, и в первую очередь устранением преград духовного и бытового уровня. Никаких преград! Никаких ограничений! Тогда следует ожидать расцвета иудаизма как мировой религии. Статус Сына Божия обеспечит пророку самостоятельность учения и охранит от посягательств в дальнейшем развитии. Конечно, следует ожидать жёсткого противодействия первосвященников, о котором мы говорили, но это не имеет отношение к Делу как таковому.

– Э, нет! Очень даже имеет. Для реформатора! Одного распяли, второго побили камнями. Что же мешают расправиться с третьим?

Грек уткнулся подбородком в грудь, задумался.

– Обязательно нужно обезопасить реформатора. И Моисей, и Кришна всегда были окружены вооружёнными сподвижниками, последователями, друзьями. Римское гражданство обеспечило бы самую высокую степень безопасности.

Савл воспринял фразу собеседника очень болезненно:

– Что оно, на дороге валяется? Люди целую жизнь трудятся, унижаются и только после двадцати лет получают статус гражданства. Все силы уйдут на приобретение такой защиты, забудешь, зачем она и нужна.

Грек молчал, что-то прикидывал.

– Если такой реформатор объявится, я смог бы достать для него документ о римском гражданстве. В администрации наместника Сирии плавают неостребованный долг, который и мог бы обернуться соответствующим документом. Но и при наличии документа лучше всего начинать свою деятельность в Антиохии, под боком у наместника. Во всех случаях следует держаться как можно дальше от иерусалимских фанатиков.

– Интересно, как объяснить людям наличие такого документа у иудея. Обстоятельства наводят на размышления, печальные размышления, – недовольно бурчал Савл.

В голосе попутчика прозвучали нотки нетерпения.

– Наследственное гражданство! От отца!

– Кому расскажешь, кому покажешь? Легко проверить.

– Необходимо быть скрытным, осторожным. Документ должен появиться только в крайнем случае; обязательно о нём всем знать. Могут пройти годы, прежде чем он понадобится. Реформатор должен быть человеком полной духовной раскованности, для него важно только его Дело. Стеснительные обстоятельства он должен обходить, перед мелочами не тушеваться.

Разговор постепенно угас, попутчики отдыхали от напряжённой беседы. Обе стороны испытывали желание

подвести итоги, подумать. В тишине раздавался только стук копыт да покрикивание возницы. Хитрый грек чувствовал, какая буря чувств и страстей сотрясает душу попутчика. Честолюбивым устремлениям Савла было придано нужное направление.

В душе Амана Эфера созревало мнение, что будет принято нужное решение.

Часть
VIII

Крутое восхождение. Батавия

Лучшим лекарством для Понтия Пилата во время бессонницы были воспоминания о прежних днях, полных приключений и успешной административной деятельности. Как легко работалось ему в Батавии и как трудно приходится ему в Иудее! Только сейчас он стал понимать, что в Батавии у него со старейшинами были общие задачи. Батавы и римляне совместно обеспечивали защиту края от вторжения врага. Старейшины поддерживали старания Понтия Пилата по обеспечению порядка, пресечению разнузданности центурионов и легионеров. В Иудее – только административно-религиозное противостояние. Тем приятнее вспомнить о жизни и работе в той далёкой провинции.

Суда XX легиона, на одном из которых находился командующий Ренусской армии Германик, направились к берегу в надежде укрыться от надвигающегося шторма.

– Поздно, – проговорил Понтий Пилат, обращаясь к кормчему своей галеры. – Принимать решение нужно было полчаса назад. Здесь же песчаные отмели, водовороты хорошо видны отсюда.

Перед Понтием развернулась драматическая картина борьбы легиона за жизнь. Суда выбрасывались

волнами на отмели, их разворачивало, опрокидывало, заливало водой. Кричали люди, ржали лошади, брошенные на произвол. Легионеры, видимо, получив приказ, не обращали внимание на гибнущее имущество и продовольствие, спешили к берегу, сохраняя только личное оружие. Путь к берегу был опасен: волны создавали стремительные потоки между отмелями.

Рядом с тем же упорством высаживался I легион. Суда, находившиеся в подчинении Понтия Пилата, были отнесены далее на запад. Окружающим, как и самому трибуну, было понятно, что при высадке в этом месте погибнет когорта тысячников Пятого Германского.

– Игемон! Нужно принимать решение, – обратился к Понтию Пилату стоявший рядом центурион, – впереди мощные буруны.

– Уходим в море, ориентируемся по волне и ветру. Остальным судам следовать за нами.

– Суда унесёт в открытое море и неизвестно как далеко, – осторожно заметил центурион.

В открытом море сильный, но ровный ветер гнал высокие, плавные волны. Суда держались кучно, курс определяли по флагманской галере, на которой кормчий вывесил белое полотнище. Дальше в море стало беспокойнее, обнаружили порывы бокового ветра, потоки воды стали перехлёстывать через борта судов. Понтий Пилат приказал выбросить за борт катапульту и десять лошадей. Командиры и кормчие других судов выбросили за борт всё возможное для облегчения

судов, а некоторые смекалистые командиры сумели нарастить борта с наветренной стороны.

Кормчие следили за направлением ветра, берегли штормовые паруса, люди на вёслах исправляли отклонения курса судов. Начало смеркаться. Понтий Пилат отдал распоряжение зажечь факелы, а кормчий передал приказ трибуна подойти ещё ближе к флагману.

Всю ночь ревел штормовой ветер. Люди, вцепившись в вёсла, рули, борта, не сомкнули глаз. Наконец чернота ночи стала слабеть, ослабла и сила ветра; силы покидали терпящих бедствие, хотя борьбе за жизнь не было видно конца. Понтий Пилат передал на галеры приказ перейти на двухчасовое сменное дежурство. К полудню шторм стал затихать. Народ приободрился в уверенности, что пережили самое тяжёлое время. Появилась надежда. Понтий Пилат стоял недалеко от кормчего. Трудно определить, в каком месте огромного Северного моря они находятся. Он косил глазом на кормчего, который, немного отдохнув, вновь стоял у руля. Каково же было его удивление, когда кормчий ответил:

– Мы недалеко от берегов Британии. Если ветер не изменится в течение двух часов, мы увидим землю.

На лице трибуна кормчий обнаружил недоверие.

– Игемон! Каждый занимается своим делом, и многие кое в чём разбираются. Через два часа появится берег, и будет очень плохо, если ветер не стихнет. Со страхом думаю об обрывистом берегу, к которому нас может вынести.

Действительно, через пару часов раздался крик:

– Берег!

Кормчий, приставив ладонь к глазам, старался рассмотреть береговой рельеф и, приняв наконец решение, направил судно на защищённую бухту.

У входа в бухту Понтий Пилат приказал лечь в дрейф: он хотел обозреть флотилию, приплывшую с ним на Британские острова. Мимо проплыли пятнадцать галер его первой когорты Пятого Германского. Он насчитал ещё 57 судов из других легионов, принявших его команду. Впервые под его командованием сосредоточилось шесть линейных когорт.

Началась выгрузка войск, но не радостная и долгожданная, как следовало ожидать, а нервная, предбоевая, с построением для нападения или отражения. Дело в том, что, оглядев бухту, трибун обнаружил на южном ее склоне обширное селение. Жители давно увидели флот, и в селении начался переполох. Показались повозки, груженные скарбом; в них же размещались женщины и дети. Население спешно двинулось вглубь страны. Мужчины селения, стремясь задержать наступление римских отрядов, высыпали на окраину селения. Кельты строились для битвы.

Понтий Пилат был уже на берегу и, вскочив на коня, поскакал во весь опор от отряда к отряду. Подняв над головой меч Тиберия, он кричал движущимся центуриям и их командирам:

– Остановить движение, остановить движение!

Шаг центурий замедлился, некоторые и вообще остановились. В это время десять центурий первой когорты Пятого Германского устремились к селению, совершая непонятный для других манёвр.

Пока Понтий Пилат оценивал приведённую к Британии флотилию, два трибуна из I и XX легионов, оказавшиеся в её составе, нашли лучший, с их точки зрения, способ решить вопросы питания добычливой охотой. Они очень удивились появлению трибуна из Пятого Германского, решившего что-то изменить в их действиях. Какой-то самозванец решил тут командовать! Оба пришли в негодование.

Понтий Пилат пытался убедить трибунов в необходимости скорейшего возвращения к берегам Галлии и, в первую очередь, без потерь, в необходимости дать войскам отдых, добыть провиант мирным путём. Суровые лица трибунов были непреклонны. По их мнению, там, где появился римский легионер, жители должны трепетать и считать себя рабами. На возражение Понтия Пилата о Британии как провинции Рима и об ответственности за разорение селения трибуны имели своё мнение.

Пока шли препирательства, перед мужчинами селения развернулась удивительная картина. Десять центурий когорты тысячников Пятого Германского, опередив наступающие подразделения, поднялись к селению и, создав охранительное полукольцо, прикрыли собой селение. Тысяча легионеров отборной римской пехоты стояла спиной к селению, выставив копья навстречу приближающимся центуриям.

Увидев завершение манёвра, Понтий Пилат обратился к трибунам:

– Если кто-нибудь отдаст приказ центуриям и когортам двинуться против Пятого Германского, я при-

кажу уничтожить его. Я самый молодой среди вас, но это я привел сюда флотилию, я облечён особым доверием императора Тиберия. Я принимаю командование над войсками. Оставляю за вами право обжаловать моё решение у командующего, а сейчас не советую со мной спорить.

Тактический ход Понтия Пилата был оценён по достоинству; умным он давал основание подчиниться трибуну Пятого Германского, упрямых лишал уверенности в своей правоте: не бросаться же на строй собственной пехоты. Трибуны поняли, что они недооценили Пилата. Оба смирились.

— А сейчас приступить к построению лагеря на том месте, где стоим.

Понтий Пилат прошёл цепь своих легионеров и, оставив трибунов на попечении центурионов, направился к отряду кельтов, стоящему у околицы селения. Навстречу Понтию Пилату направилась группа старейшин. Остановившись рядом с трибуном, они жестами выражали ему свою признательность за спасение селения. Один из старейшин с трудом мог изъясняться на латыни и пытался выразить те же чувства словами. Понтий Пилат стал объяснять знатоку латыни свои просьбы.

— Римские войска оказались здесь случайно; виною тому шторм. Никаких враждебных действий предпринято не будет. Нужно накормить войска; нам нужно поставить крупный скот, овец, хлеб; пресная вода, слава богам, в ручье, что протекает в районе бухты.

– Все будет доставлено к лагерю, – пообещали старейшины, – платы не возьмём, только не выпускай, игемон, из лагеря свой народ, а какой он – мы знаем.

– Накормить четыре тысячи здоровых мужчин не сможет ваше селение. Деньги мы заплатим.

Трибун извлёк из пояса 20 золотых монет, которые носил с собой на непредвиденный случай, и передал старейшинам, у тех алчно заблестели глаза.

– Завтра вы получите достаточно денег, чтобы закупить для нас скот и хлеб в соседних селениях. Привезите котлы, дрова для кухонь; тогда уж точно легионерам незачем будет выходить из лагеря. Мы погрузимся на суда и отплывём на Ренус, как только ветер изменит направление.

Понтий Пилат собрал у офицерского состава золото и серебро с обязательством вернуть деньги из собственных средств в случае отказа казначейства возместить произведённые расходы.

Пять дней прожили легионеры на берегу залива и эти дни вспоминали как наиболее удачные в своей жизни. Пропитание доставлялось к лагерю местными жителями в изобилии; не приходилось совершать карательных походов для добычи съестных припасов. Было время отойти и от морской болезни. Легионеры отоспались, отдохнули, а когда они стали проявлять интерес к женскому населению, подули западные ветры, и к радости местных жителей, центурии начали грузиться на суда. Им искренне махали на прощание, желая, однако, чтобы ветер не переменился.

Германик вышел встречать флотилию, которую считал погибшей. Какова же была его радость, когда он обнаружил десятки судов, приближающихся к лагерю! Потеряв часть флота, почти всех лошадей, добравшись до лагеря с большими трудностями, Германик находился в угнетённом состоянии и тянул время с официальным докладом сенату о результатах летней кампании. Особенно его мучил вопрос о количестве погибших войск по причине морского шторма. Сенат, конечно, не принял бы такие причины за оправдательные.

Но теперь! Прибыл почти целый легион, и люди, как он убедился, находились в отличном состоянии.

Понтий Пилат ощущал скрытую признательность командующего, который искал достойный способ отметить его заслуги. В лагере было полно разговоров о спасении флотилии.

Командующий интересовался событиями в мельчайших подробностях. Для себя он отметил манёвр когортой тысячников, который перехватил пути наступления войска и поставил соперничающих трибунов в безвыходное положение, а Понтию Пилату позволил захватить инициативу и разумно ею распорядиться.

Один из пунктов отчёта командующего касался Понтия Пилата.

Император и сам помнил молодого офицера и в душе радовался своей прозорливости, и потому поступившие в германскую армию документы утверждали Понтия Пилата в новой должности.

Из документов, полученных из Германии, император уяснил, что в римской армии действует офицер, способный решать вопросы не только силой оружия. Этот офицер может находить и мирные пути, осмысливая интересы участвующих в деле сторон. Защита селения кельтов, обеспечение легиона всем необходимым для восстановления его боеспособности — путь, достойный зрелого ума.

Приглашение Понтия Пилата в Рим вызвало переполох среди сослуживцев.

Сам Понтий Пилат находился в растерянности. Неясность будущего томила его. Продвижение по службе ведь не всегда связано с более благоприятными условиями работы и жизни.

Только по прибытии в Рим, установив место будущего назначения, Понтий успокоился. Управление провинцией его не пугало, а возможность зажить собственным домом радовала.

Батавы издревле населяли побережье Северного моря в устье Ренуса. Низменная равнина, богатая озёрами, речушками, плодородными землями, была благодатным краем. Но жизнь края была не столь благодатной, как можно было ожидать. Соседи по суше и воинственные дружины с моря вторгались в земли батавов почти непрерывно.

Угон скота, захват людей в рабство, уничтожение целых селений продолжались из года в год веками. Трудно было батавам противостоять дружинам профессионалов, но несмотря на постоянный урон, племя боролось и продолжало существовать.

Когда же на дорогах показались стройные колонны римской пехоты, мудрые вожди племени поняли бесполезность сопротивления. Если ватаги и дружины нападали с целью грабежа, то римляне пришли навсегда.

Уже захвачена Британия, пала Галлия. Бедные батавы! Что они могли противопоставить Риму в неравной борьбе? Вожди признали протекторат Рима, избежав кровопролития и разорения своих земель. В стране батавов в наиболее уязвимых для нападения местах были построены небольшие крепости с гарнизонами, несущими дозорную службу. Как и в любом месте римского пограничья, невзирая на военную мощь Рима, систему договоров и обязательств, соседи совершали набеги, незваные заморские гости появлялись неизвестно откуда, а сил для отражения не хватало. Тревожно жили батавы.

Да и с наместниками Рима им не везло. Присылали, как правило, людей захудалого рода, небогатых, смотревших на батавов, как на рабов. Такие люди, дорвавшись до власти, бросались в разгул, приобщаясь, как им казалось, к образу жизни римских патрициев. Желание составить состояние было их основным жизненным устремлением, и потому грабёж провинции стал со временем формой управления. Не удовлетворившись побором общин и родов, такие наместники запускали руку в казну, на чём их карьера плачевно заканчивалась.

Теперь ждали наместником какого-то Понтия Пилата, 35-летнего трибуна. Молодость будущего наместника

приводила старейшин в замешательство: сколько потребуется денег и женщин!

В строю 17 лет и всё время в первой линии; что может звучать в душе такого человека? Только мотив убийства врага. Жестокость натуры, упрямство характера, безудержное удовлетворение прихотей – таким приготовились увидеть наместника старые центурионы, служащие администрации, старейшины и вожди племён.

Резиденция наместника располагалась в самом крупном поселении римлян на берегу Ренуса недалеко от берега моря. Поселение представляло стационарно обустроенный военный лагерь с размещённым рядом административным центром.

К удивлению многих, новый наместник приехал к месту службы целой семьёй. Молодая красавица-жена с юным наследником на руках сразу отсекла домыслы о беспробудных попойках.

Центурионы, проснувшись утром по зову походных горнов, почувствовали себя вновь в боевом строю. Привыкшие к расхлябанности гарнизонной службы, подразделения производили гнетущее впечатление. Строй пожирал глазами нового наместника совсем не по причине держания фрунта: многие легионеры никогда не видели подобных военачальников. В парадном панцире, с плюмажем трибуна, двумя золотыми нагрудными цепями, мечом явно нештатного производства Понтий Пилат представлял впечатляющую картину.

Приняв по уставу рапорты центурионов, новый наместник сказал нужные слова приветствия и, не

сделав никаких замечаний, закончил построение. Центурионы, однако прочитали в глазах наместника неодобрение.

Несколько дней подряд наместник проводил утренние построения. Вскоре наместник совершил инспекционную поездку по гарнизонам. Его интересовала не только боевая подготовка подразделений, но и взаимоотношения с местным населением. Они желали быть лучшими. Грубые, неотёсанные центурионы третировали представителей общин и родов, а это были уважаемые старейшины. Наместник выслушивал потоки жалоб на грубость и своеволие римских командиров. Двух центурионов после разбирательства дела Понтий Пилат направил в Старый лагерь с такими сопроводительными документами, которые могли обеспечить только порочащую отставку.

Понтий Пилат без шума и крика навёл порядок в провинции. Недовольные и неспособные к изменению своей разбойничьей позиции центурионы исчезли в недрах легионов Старого лагеря. Многим вводимый порядок нравился, и они поддерживали усилия наместника. Административный люд, почувствовав деловую цепкость наместника, вынужден был заняться наведением порядка в канцеляриях.

За время наместничества Понтия Пилата пришлые дружины с моря пытались несколько раз пограбить побережье Батавии. Сторожевая служба работала успешно: сразу после высадки гостей встречали римские центурии.

Признательность легионеров Понтий Пилат почувствовал, когда принял некоторые решения о жителях посёлков, которые всегда сопутствуют военным лагерям. Посёлки отстояли довольно далеко от укреплений и прятались по лощинам, лесочкам. В случае боевых действий какие тревоги должны испытывать легионеры за своих детей и жён, не имея возможности обезопасить их жизнь! Наместник разрешил в случае опасности принимать за валы укреплений жителей посёлков, предложил командирам иметь в пределах укреплений резервное жильё и запасы продовольствия.

Жёсткое и разумное управление провинцией принесло свои плоды.

Восемь лет Понтий Пилат состоял в должности наместника, и комиссия сената по управлению колониями явно к нему благоволила.

Но как внезапно кончилось благоволение! Из Батавии последовал донос, в котором описанный поступок наместника был настолько необычен и непонятен, что члены комиссии единодушно пришли к выводу о крупной взятке.

Конные отряды херусков, перейдя Ренус, стремительно вторглись в Батавию и, захватив громадные стада скота и табуны коней, стремились исчезнуть в лесных дебрях по ту сторону реки. Понтий Пилат не ожидал подобной активности от вождей германцев.

Наместнику были известны места переправ на Ренусе, туда-то он и стремился перебросить единственную свою мобильную когорту, чтобы отрезать путь

отступления херускам в родные края. Как ни щёлкали бичами погонщики херусков в надежде ускорить движение стад, удавалось это плохо. Угрожая перекрыть переправу, шесть центурий наместника двигались к Ренусу, но таким темпом, чтобы дать возможность херускам, бросив стада, первыми достичь переправы.

Понтий Пилат сумел наполнить слухами долину Ренуса о Пятом Германском легионе, уже вышедшем наперехват отрядам херусков.

Когорта ветеранов, завершающих свой срок службы в Батавии, не представляла серьёзной опасности для конных отрядов херусков, но малейшая задержка у переправы могла дорого им обойтись: с Пятым Германским шутики были плохи. Вожди херусков приняли решение.

Когда наместник с тяжёлой пехотой подошёл к переправе, последний всадник выбирался из реки на противоположном берегу. Было слышно мычание брошенных стад, продолжавших двигаться к Ренусу.

— Как же мы упустили германцев? — говорил один из центурионов, поглядывая на наместника. — У нас были все возможности перекрыть переправу.

— Перехватить, конечно могли, — не глядя на центуриона, ответил Понтий Пилат, — только через пару дней твоей женщине пришлось бы тебя хоронить, да и не только тебя. Разве мы могли бы устоять против конной лавы отчаянных наездников, спасавших свою жизнь? Цель наша состоит в другом: отбить стада и вернуть их владельцам. От нас по службе ничего другого и не требуется, а ретивость здесь неуместна.

Подъехали старейшины; они ждали решения наместника. На памяти старейшин некоторые наместники считали отбитые стада как бы государственной собственностью, другие требовали определённый выкуп. Как же поступит наместник сегодня?

О решениях своих предшественников знал и Понтий Пилат, но ни одно из них ему не нравилось.

— Старейшины! Способны ли вы определить принадлежность отбитых стад родам и общинам без нашего вмешательства?

Старейшины утвердительно кивали головами.

Другое дело центурионы! Разделение стад всегда сопровождалось наполнением серебром их бездонных кошель. Они молчали, но ненавидели наместника за одно это распоряжение. Старейшины поняли распоряжение по-другому.

— Лучше скажи, игемон, какой выкуп мы должны заплатить за свои стада.

— Я не назначаю выкупа. Мы здесь для того и находимся, чтобы охранять ваши селения от возможного нападения. Если вы захотите отблагодарить центурионов, препятствовать не стану.

Центурионы получили весомые награды от старейшин, и казалось, дело, всколыхнувшее всех своей необычностью, должно было затихнуть в рутине будней. Но не каждый мог столь легко примириться с неординарными событиями. Некоторые задумались: от такого решения должен в первую очередь выиграть сам наместник. Конечно, существовала договорённость! Осталось только выяснить,

сколько получил наместник; скорее всего половину миллиона.

Донос уже лежал в комиссии сената. Там бы и не обратили на него внимание, если бы несуразность принятого наместником решения не бросалась в глаза.

Чиновникам комиссии сената отказ от выкупа был настолько непонятен, что они решили довести документ до сведения самого императора, не решаясь самостоятельно принимать решение.

Понтию Пилату повезло: император по утрам продолжал просматривать груды бумаг. Тогда-то ему и попала бумага о знакомом трибуне. Тиберий пробежал глазами документ.

— У этого трибуна всегда мысли были необычные, и его мало кто понимал. Не следует торопиться! — подумал Тиберий и отложил документ.

Через некоторое время состоялась встреча, которая заставила всплыть в памяти императора дело наместника из Батавии. Разговор шёл с наместником Египта.

— Скажи, Авиллий Флакк, а ведь это твой бывший подчинённый Понтий Пилат состоит наместником Батавии?... Даже друг! На него пришёл донос о крупной взятке чуть ли не в половину миллиона сестерциев.

Император кратко пересказал содержание документа.

Несколько секунд Авиллий Флакк настраивался на ответ императору. За время работы в комиссии по управлению провинциями под руководством самого им-

ператора Авиллий Флакк понял, что Тиберий ценит ясные ответы.

– Игемон, я поступил бы точно так же, как Понтий Пилат. Лучше: о случая завоевать доверие старейшин родов трудно дожидаться. Успешная же деятельность наместника основывается прежде всего на взаимоотношениях с вождями, старейшинами. Центурионы прекращают своевольничать, опасаясь наказания, сдерживают своих легионеров. Любые события, какой бы тайной они ни были окутаны, становятся известными наместнику и без всяких усилий с его стороны. Самые тяжёлые мероприятия римской администрации могут быть поняты и смягчены на местах.

С другой стороны, наместник поставил дополнительные доходы ненасытных центурионов в зависимость от воли старейшин; теперь старейшины выплачивают наградные центурионам. Тем много раз придётся подумать, прежде чем своевольничать. Наместник Батавии после своего, казалось бы, необдуманного решения приобрёл такие преимущества по служебной деятельности, которые не могут быть компенсированы никакой взяткой. Донос, прибывший в комиссию сената, свидетельствует о Понтии Пилате как об очень тонком и дальновидном администраторе, чему я не удивлён.

– Сколько сейчас лет Понтию Пилату?

– В этом году исполнится 44 года, – подсчитал в уме Авиллий Флакк.

– Мне нужен человек в Иудею. Нужен тонкий политик, но с характером; страна тяжёлая, первосвя-

щенники – народ вздорный. В Иудее ему придётся обеспечивать уважение к римскому закону со стороны первосвященников и тетрархов. Синедрион стремится уклониться от выполнения правил и установлений сената Рима.

Даю распоряжение комиссии сената отозвать Понтия Пилата из Батавии, а через несколько месяцев отправим его прокуратором в Иудею. Пожелай своему другу успешной работы с вечно недовольными и упрямыми иудеями.

Пятый прокуратор Иудеи

Бурлила чиновничья Кесария. Стало известно имя нового прокуратора. Все были поражены. Три месяца многочисленные известные имена будоражили умы общества и вдруг какой-то Понтий Пилат с задворок империи. Что они думают о себе эти армейские солдафоны! Они уверены, что если хорошо работают мечом, то и управление провинциями им под силу! Единодушное мнение чиновников сводилось к тому, что Понтий Пилат не удержится и года. Опыт наместничества в Батавии мало пригодится новому прокуратору: в Иудее бушуют религиозные и общественные страсти, запутывающие простые дела в сложные узлы противоречий. Здесь одно просто и доступно: быть зажаренным на сковороде иудейских страстей.

Появление Понтия Пилата в Кесарии вызвало тем не менее взлёт верноподданических чувств и чиновничьего рвення. До местных кругов дошли слухи о двух центурионах, которых бывший наместник Батавии стёр в порошок, когда те пытались отстоять своё право командовать и управлять своими округами, не обращая внимания на установления сената по управлению римскими провинциями.

Понтий Пилат ощущал настороженность и отчуждённость. Однако не проявлял признаков нервозности, держался уверенно. Рядом находился Аман Эфер. Понтий Пилат организовал его перевод в Иудею в качестве командира вспомогательных отрядов армии, расквартированных в Иудее. Снова они вместе, снова могут окунуться в желаемый для Понтия Пилата мир новых, неожиданных знаний. Но прежде всего прокуратор видел в Амане Эфере дальновидного религиозного и политического советника.

Стремление прокуратора уяснить положение дел в Иудее заставило его беседовать со многими чиновниками, среди них был и начальник тайной канцелярии. Невысокое иерархическое положение курульного табулярия Квинта Амния не мешало ему чётко излагать свои мысли.

– Игемон! В этой стране постоянно идет борьба за сферы влияния. Если внимательно проследить направление борьбы ещё со времён императора Августа, то будет обнаружен целый ряд уступок, сделанных Иудее; другие провинции таких преимуществ не получили. Да и во времена Ирода Великого обстановка была другой. Тогда жизнь провинции Иудеи замыкалась рамками самоуправления. В те времена Иудея сама держала свои восточные границы, охраняя жителей от набегов соседей. Общественно-политическая жизнь регламентировалась царём и его аппаратом.

Решение императора Августа ввести прямое правление Рима привело к прямому противостоянию интересов. Противостояние часто имеет скрытую форму,

но постоянное давление со стороны Иудеи приносит свои плоды. Иудея освобождена от вербовки вспомогательных отрядов в римскую армию, иудеям, где бы они ни жили, разрешено обращаться к иудейским, а не римским судьям, никто не препятствует сбору двух драхм с каждого иудея в пользу Иерусалимского храма. Общины иудеев организованы во многих городах Срединного моря, и по отношению к ним не действует закон об ограничении собраний. Рабство среди иудеев запрещено религией, и дух свободных людей требует бороться за свои права. Наш сенат вынужден медленно уступать давлению иудеев, стремясь сгладить острые углы и избежать серьёзного кровопролития: кому нужна разорённая провинция? Какие требования выдвинут иудеи в следующий раз, опираясь на основы своей религии, предугадать трудно, но что такие требования будут выдвигаться, сомнений нет. Лучше предоставить решение императору или сенату. Прошу прощения за совет, игемон!

Прокуратор осваивал новые политические горизонты. Обстановка, действительно, была сложной. В эллинских городах так называемого Декаполиса периодически вспыхивали еврейские погромы, происходили кровавые разборки. Иудеи не оставались в долгу, стремились воздать врагу. Еврейская общественность в Иудее была разделена на враждующие религиозные секты и политические группировки. Понтий Пилат уже имел представление о зелотах и секариях.

Громадную роль играли священнослужители. Вся жизнь простого иудея регламентировалась религиозными предписаниями, включая и знаменитые субботы. В Иерусалиме проживало 20 тысяч священников, не считая левитов, занятых непосредственно обслуживанием храма, и это при 150-тысячном населении города. Каждый строитель, копатель, каменотес считал себя знатоком религиозных текстов и готов был положить свою голову во истину точного толкования. В таких условиях организовать движение протеста со стороны населения не составляло труда, чем постоянно и пользовались первосвященники, оставаясь в тени.

Опасения, высказанные Квинтом Амнием относительно новых требований, не заставили себя долго ждать. Вскоре настало время смены гарнизона в Иерусалиме, и по воинской традиции на смену были направлены войска в составе пехотной когорты и вспомогательной кавалерийской алы. Гарнизон римлян располагался в Антониевой башне, примыкавшей к территории Иерусалимского храма. С террасы башни хорошо просматривался двор храма, что позволяло римскому наряду в случае необходимости вмешиваться в жизнедеятельность храма; существовал выход из Антониевой башни прямо во двор храма.

Прибывшие подразделения прошли через город по направлению к Антониевой башне. Впереди строя в соответствии с уставом знаменосец нес знак когорты с медальоном, на котором был изображён портрет императора. Толпы, встречавшие войска из чистого

любопытства, вдруг заволновались. Умело пущенный в толпе слух обратил внимание иудеев на портрет императора. Для каждого иудея незыблемо установление, согласно которому невозможно размещение скульптурных и живописных изображений в синагогах. Теперь в сознание толпы кто-то заронил мысль, что и в Иерусалиме подобного нельзя терпеть, Иерусалим – священный город.

Идея о священном городе была быстро уяснена толпой.

К прокуратору срочно была направлена делегация с требованием удалить из Иерусалима знамя когорты. Прокуратор, выслушав делегацию, обратил внимание на недопустимость крамольной фразы «император Тиберий» вместо «божественный император Тиберий».

Первосвященник, возглавлявший делегацию, обратил внимание прокуратора на запрещение изображать самого Господа. Прокуратору трудно было что-либо возразить, и он обратился к воинскому уставу, определявшему место знамени в строю. Изменить устав или провести приказ на временное его изменение может только император. Делегация уехала и, как наивно думал Понтий Пилат, навсегда. Ответ был доведён до жителей Иерусалима с соответствующими объяснениями.

20-ти тысячная толпа направилась в Кесарию с теми же требованиями. Пять дней толпа требовала выхода прокуратора, а тот надеялся на спад энтузиазма иудеев. На пятый день энергия толпы оставалась на прежнем уровне, а терпение прокуратора истощилось.

Прокуратор обратился к примипиларию кесарийской когорты:

– Уведи этих горлопанов на гипподром. Надеюсь, они там разместятся.

Окинув ярусы сидений, набитые всклокоченными, грязными, источающими запах прогорклого пота и давно немытых тел людьми, прокуратор почувствовал состояние легкой тошноты. Выражение его лица не изменилось: необходимо было выдержать весь ритуал общения. Акустика гипподрома была отличной, и прокуратор поручил актуарию сказать несколько слов по-арамейски:

– Прокуратору известны ваши требования, он возмущён настойчивостью, с которой вы стремитесь изменить устав римской армии. Прокуратор не может изменить устав армии, зная когорты должно оставаться в Иерусалиме. Возникший конфликт легче изменить вашим истреблением, чем лишением когорты её знамени.

Прокуратор онемел от стихийно принятого толпой решения:

– Руби, – раздался выкрик двадцати тысяч глоток, не жалеющих легкие, и все, как один, наклонили головы в положение казнимых. Понтий Пилат видел лицо примипилария, полное презрения и решимости:

– Одно слово и через двадцать минут здесь не останется ни одного живого иудея. Игемон! Эти люди того заслужили! Они забыли, что разговаривают с римлянами.

Прокуратор подобрался и, обозревая толпу, отдающую себя на добровольное заклятие, понял необходимость

уступки. Пять лет назад он отдал бы приказ на истребление, но сегодня в нём заговорила государственная мудрость; сегодня он способен представить последующие события.

– Нет, примипиларий! Сегодня этого делать нельзя по многим причинам. Надо помнить, что перед нами одурманенные фанатизмом люди, а те, кто привёл толпы в движение, сейчас находятся в Иерусалиме и надеются на наши ошибки. Нам следует проявить выдержку и дальновидность. Вот вдохновителей и подстрекателей я приказал бы уничтожить без колебаний, но они неуязвимы и недосыгаемы.

И прокуратор отдал приказ актуарию:

– Пусть пришлют делегацию не более десяти человек. Я жду их в зале официальных встреч. Войска остаются на месте до моего распоряжения.

Делегация во дворце появилась тотчас же. Прокуратор узнал тех же людей, что были у него в прошлый раз. В зал вошёл чиновник и положил перед прокуратором письмо.

– Читай письмо вслух этим людям, – проговорил Понтий Пилат, показывая на группу иудеев.

Письмо адресовывалось императору Тиберию с изложением событий и просьбой о перенесении знака когорты в Кесарию.

– Запечатай письмо при делегации, произведи опечатывание государственными печатями. Уважаемые старейшины, сам я не могу решить вопрос о переносе знамени, но прошу императора рассмотреть вопрос в вашу пользу. Как видите, я проявляю добрую волю.

До решения императора прошу успокоить народ и всем вернуться в Иерусалим. Вы должны согласиться, что принятое мною решение разумно. Но помните, если от императора будет получен отказ в моей просьбе, советую удерживать народ от выступлений. Будет применена сила. При необходимости я вызову войска из Сирии. Вы должны сейчас очень хорошо уяснить: я выполню волю императора, даже если потребуется вырезать половину Иерусалима. А теперь ступайте и действуйте в интересах своего народа.

Не желая выслушивать мнения делегации иудеев, прокуратор поднялся с курульного кресла и спокойной походкой покинул зал.

Члены делегации переглянулись между собой и направились к выходу. Через некоторое время с гипподрома потянулись группы иудеев.

Месяц спустя на имя прокуратора прибыл ответ из императорской канцелярии. Император разрешал в данном исключительном случае хранить знак когорты в Кесарии при несении ею службы в Иерусалиме.

Случай со знаменем когорты показал непредсказуемость событий. До приезда Понтия Пилата иудеи мирились с изображением императора столько лет. Кому-то из иудеев пришла в голову провокационная мысль — и последовал взрыв. Прокуратор понял, что таких провокаций будет много. Он не ошибся.

Юбилей императора Понтий Пилат решил отметить изготовлением именных щитов. Было принято решение вывесить их во дворце Ирода Великого, где размещалась римская префектура. Памятуя о нашумевшем

скандале, чеканщики выбили только орнаменты и вензеля императора. В первоначальном варианте на щитах были размещены портреты императора, но от них пришлось отказаться. По распоряжению прокуратора щиты были привезены в Иерусалим и развешаны во дворце. Через несколько дней прокуратору доложили о недовольстве жителей Иерусалима. Оказывается, теперь уже и вензеля личности так же недопустимо хранить в Иерусалиме, как и портреты. Выступления были энергичны, толпы людей часами простаивали на площади перед дворцом и требовали, требовали криками, жестами, попытками пробиться к дворцу. Перед дворцом стояли две линии оцепления римских легионеров и сдерживали напирание толпы иудеев. Уже поскакал к прокуратору нарочный с просьбой о помощи.

В Кесарию вновь прибыла делегация с требованием убрать щиты из Иерусалима. Выслушав требования, прокуратор решил проучить иудеев. Он уже отдал приказ кесарийской когорте следовать в Иерусалим и решил стянуть туда еще две кавалерийские вспомогательные алы. Но здесь он вспомнил об Амане Эфере и, почувствовав некоторую неуверенность в себе, вызвал его для беседы.

Аман Эфер выслушал прокуратора и даже несколько выпрямился в кресле, услышав содержание приказов. На вопрос Понтия Пилата ответил:

— Не тот случай! Карать глупость по такому поводу так жестоко неоправданно на сегодняшний день. Уступи, Понтий! Жизнь ещё предоставит тебе случай расквитаться с этим сбродом фанатиков.

Трудно было прокуратору отказаться от своих замыслов, но он всегда помнил о дальновидности и глубоком понимании событий своим другом. Скрепя сердце, он дал указание о переводе щитов из Иерусалима в Кесарию, где они были размещены в храме Августа.

Но жизнь предоставила Понтию Пилату случай отплатить иудеям.

В один из жарких палестинских дней, когда дышать было трудно даже в Кесарии, расположенной на берегу моря, молодой эдил канцелярии положил перед прокуратором письмо, прибывшее с последней почтой из Иерусалима. Прокуратор, сорвав печать, с тревогой прочитал адресованное ему письмо.

«Прокуратору Иудеи Понтию Пилату в Кесарию. Примипиларий 2 когорты 12 легиона. Иерусалим.

Игемон! В это иссушающее лето самое время вспомнить о воде в Иерусалиме. Ранее когорта снабжалась водой из источника, расположенного за пределами города, и доставлялась в бочках. В это жаркое лето источник иссякает, и вскоре придётся брать воду из городских хранилищ. Водохранилища города представляют рассадники всевозможных заразных, опасных для здоровья заболеваний. Треть жителей города постоянно болеет, особенно в летнее время, желудочными заболеваниями. Многие умирают по этой причине. Построенные во времена Ирода Великого и нечищенные со дня его смерти водохранилища представляют ужасающее зрелище. На плитах, окружающих бассейны, располагаются десятки калек, жаждущих

выздоровления. Здешние чудотворцы изобрели новый способ творить чудеса. Неожиданно, якобы дождавшись одному ему поданному небом откровения, такой чудотворец приказывает всем прыгнуть в воду и первому, наиболее шустрому, обещает возможное исцеление. Десятки людей в рубищах, кишаших вшами, бросаются в бассейн в великой надежде. Считается невозможным из религиозных соображений лишить их даже проблесков надежды. Сами иудеи после таких купаний берут воду из бассейнов и пользуются ею с горькой для себя расплатой в дальнейшем. Ужас, который я испытываю при одной мысли о снабжении такой водой легионеров своей когорты, заставляет меня обратиться лично к прокуратору.

Игемон! Я прошу разрешения вывести когорту из города и разместить её в местечке Эль-Аррув, расположенной в 16 стадиях от Иерусалима. В Эль-Арруве находятся обильные источники прекрасной питьевой воды, что позволит подразделению вести нормальную лагерную жизнь. По восстановлении природных условий когорта вернётся в город для дальнейшего несения службы».

Первая мысль после прочтения письма оформилась в вопрос:

— Куда же смотрит Совет синедриона?

У каждого богатого горожанина свой дом, свой сад, в котором сооружен колодец, обеспечивающий водой всё хозяйство. Наверное, члены синедриона и не знают о состоянии водоснабжения города. Но это их заботы. Нам же необходимо обеспечить во-

дой воинские подразделения, расквартированные в Иерусалиме.

Прокуратор приказал отправить примипларию иерусалимской когорты разрешение на вывод её в Эль-Аррув вместе с кавалерийской алой. Не теряя времени, потребовал к себе человека из аппарата управления, способного решать вопросы водоснабжения. Тот получил задание на составление проекта постройки акведука для снабжения водой Иерусалима с условием сейчас же выехать в окрестности города и установить ближайшие источники, способные обеспечить город водой.

Ближайшие источники оказались в Эль-Арруве. Прокуратору был представлен план проводки акведука, архитектурные решения и смета на миллион еврейских денариев.

Второй вариант документов с письмом от канцелярии прокуратора был направлен в синедрион. В письме указывалось, что контроль за сроками римская администрация оставляет за собой. Финансирование осуществляется службой прокуратора из средств, перечисленных синедрионом. Зная, с каким трудом синедрион расстается с храмовой казной, прокуратор решил поставить службы синедриона под свой контроль. В предписании, направленном в синедрион, были указаны сроки начала работ, время и суммы перечислений в Кесарию, где создавался совместный комитет финансирования строительства.

Официальный синедрион отмалчивался, но механизм «мнения народа» вновь был запущен сильными

мира и с ещё большим размахом. Опять тысячи ни в чём не разбирающихся людей переливались по улицам города, требуя римлян не вмешиваться в жизнь города.

Понтий Пилат искренне негодовал, обращаясь к Аману Эферу:

– Неужели синедрион не понимает необходимость доставки воды в город? Отлично понимает! Зачем первосвященники берегут деньги? Если для будущих военных расходов, то тем более надо заставить израсходовать хотя бы часть денег под благовидным предлогом.

Спокойная поза Амана Эфера говорила о полном понимании событий.

– Пришло время послать кесарийскую когорту в Иерусалим. Действия римской администрации направлены на обеспечение интересов жителей Иерусалима, а те, кто проявляет недовольство, являются вредными элементами общества, препятствующими его обновлению из косных, личных или религиозных побуждений. Они не могут отражать национальные интересы. Следует потребовать от синедриона восстановить спокойствие в городе и устранить тем самым возможность столкновения сторонников создания водовода и его противников.

Прошёл день и два. Из канцелярии синедриона ответа так и не последовало. А в городе толпа постоянно увеличивалась, накал страстей повышался. Уже и на ночь глядя никто не собирался домой.

Толпы шумели, перемещались от храма к дворцу Ирода Великого и обратно к Антониевой башне. Вдруг все изменилось. Послышались крики ужаса. Толпы людей бросались навстречу друг другу; в этой сумятице и давке сверкали мечи и потоки крови заливали улицы города. Какие-то люди в талифах и низких тюрбанах неустанно работали мечами. Бойня продолжалась до тех пор, пока последний горожанин не скрылся за забором своего дома. Незаметно исчезли и владельцы мечей. Только сотни мёртвых тел и истекающих кровью раненых лежали на улицах города. Иерусалим затаился. Страх сковал большой и шумный город. Только с восходом солнца жители появились на улицах; их глазам предстали ужасные картины ночного побоища.

Попытки синедриона обвинить прокуратора в устроенной бойне натолкнулись на жёсткий отпор. Из канцелярии прокуратора пришёл ответ.

«В Совет синедриона. Иерусалим.
Прокуратор Иудеи Понтий Пилат.
Кесария.

Содержанием предыдущего письма члены синедриона были поставлены в известность о возможном развитии событий. Римская администрация призывала принять необходимые меры к успокоению народа, однако беспечность и безответственность синедриона очевидны.

Желание переложить ответственность за свою собственную бездеятельность привела синедрион к обвинению в кровавых событиях легионеров дежурной

когорты в Иерусалиме. Прокуратор заявляет, что римские легионеры не имеют к событиям никакого отношения: все участники кровопролития были одеты в гражданскую одежду и нигде в городе не звучала латинская речь.

Не принимая в свой адрес обвинений, римская администрация напоминает Совету синедриона о первом взносе на постройку акведука из Эль-Аррува; взнос должен поступить через две недели в канцелярию прокуратора. В противном случае суммы из сокровищницы храма будут изъяты принудительно».

Синедрион оказался в трудном положении. Кому пожаловаться? Императору? И в чём? В том, что жители не хотят строить новый акведук и пользоваться свежей водой. Кто поверит! В том, что резню провели римские легионеры, а не повздорившие друг с другом гоношистые жители Иерусалима? Доказать невозможно! Не дать денег на строительство водовода, давно необходимого городу и его жителям? По этому вопросу можно навлечь гнев императора своей жадностью и глупостью.

Деньги были переведены из храма в Кесарию, началось строительство акведука, но чем успешнее шло строительство, тем сильнее возрастало недовольство синедриона прокуратором Иудеи.

– Обрати внимание, Понтий, – говорил Аман Эфер, – неподчинение установлениям сената продолжается в широких масштабах. Смертные казни в Иудее проводятся традиционным способом побивания камнями, что позволяет синедриону быть непричастным к казням.

Синедрион ссылается на неуправляемость толпы. Тем не менее каждая казнь должна быть проведена только с утверждения прокуратора; со временем сенат с тебя спросит за упущения.

– Мне не удаётся найти способа заставить членов синедриона подчиниться воле сената. Они так ловко ускользают от ответственности.

– Это ты им позволяешь ускользать! Они ответственность сняли, а ты принял, как должное. Почему?

– Я лишён действенного способа влиять на них.

– Штрафуй! 100 тысяч денариев за каждый смертельный случай. Они не хотят нести ответственность, но они обязаны её нести. Толпа неуправляема! Их обязанность в том и заключается, чтобы она была управляема. Все упущения наказываются, не принимаются никакие оправдания. Пока ты здесь, Понтий, противостояние для тебя должно быть обычным состоянием. В Иудее для всех прокураторов это было рабочее состояние, ты не исключение. Ты исключение среди прокураторов в другом вопросе. Раздумывая над судьбами людей, я пришёл к выводу о существовании личностей с особыми свойствами, которых я называю просветлёнными. Много я думал о людях умных, сильных, удачливых. А таких ведь немного. Большой частью мы видим людей средних возможностей, и положение их в жизни зависит в первую очередь от стартовых предпосылок. Другое дело, например, Понтий Пилат. Бедный плебейский мальчик – и прокуратор одной из сложнейших провинций Римской империи. Здесь есть над чем подумать. Я пришёл к выводу о

действию в человеке биологической энергии, за счёт которой он живёт и проделывает любую работу. Запасы биологической энергии определяют здоровье человека, его работоспособность и, прежде всего, способность здраво рассуждать и правильно поступать. Эта энергия создаёт вокруг тела человека объёмное поле живой энергии, которое мы назовём живым полем. Поля отдельных людей создают невидимое общее живое поле целого народа со своими особыми свойствами. И только в этом поле наилучшим образом чувствует себя каждый из его представителей. Мы, например, живём в живом поле другого народа и чувствовать себя наилучшим образом не можем, что я уже для себя установил. Но разговор о биологическом уюте не главный для нас. Главная тема заключается в предположении о рождении людей, создающих поле, и людей, способных не создавать, а поглощать энергию изменяющегося поля. Таких людей природа создает единицами. Такие люди физически здоровы, ум их работает чётко, ясно, принимает самые лучшие решения в самых запутанных случаях; они способны проявить выдержку и действуют с лучшими результатами. Неудивительно, что такие люди выделяются из окружающей среды, товарищи признают их превосходство и в собственных интересах выдвигают впереди себя.

Я назвал таких людей словом «просветлённые», заимствуя слово у последователей Будды, известного основателя новой религии Индии. По его учению, каждый человек, многократно возрождаясь после смерти,

проводя земные жизни достойно религиозным заветам, способен достичь состояния просветления. Мне думается, что появление подобных людей связано не с перевоплощением, а с рождением человека, имеющего от природы способность поглощать живую энергию.

Ещё более удивительно свойство сопутствующей этим людям удачи. Конечно, наилучшие решения и прекрасные результаты впечатляют, но случай удачи! Объяснить это обстоятельство не могу, но факт отмечаю. Понтий, возьмём для примера хотя бы тебя. К случаю удачи отношу встречи с Карелом Марцеллой, Авилием Флакком, наместником Тиберием, Аманом Эфером. К собственным достоинствам, связанным с поглощением энергии, отношу способность к воинской выучке, наличие чувства опасности и самосохранения, видение поля боя и рождение планов борьбы с противником. К ним отношу и наличие физических данных: силы, быстроты, выносливости, зрительной перспективы, чувства гармонии и взвешенной разумности.

Вспомни свой первый бой в составе легиона. Почему-то только ты просчитал путь германской конницы. Казалось бы, пятая часть легиона могла бы это сделать, а сделал один Понтий Пилат. Или, скажем, обнаружил приближение шторма; из шести тысяч не нашлось ни одного человека. Мало того, что ты обнаружил приближение шторма, ты смог рассчитать скорость его приближения и установить время, оставшееся для спасения легиона. Вспомни, Понтий, бой с маркоманами. Ты первый догадался о планах царя Марабоды. То же самое относится и к штурму крепости Андетрий.

Твоё скрытно работающее сознание подсказывало наличие выхода из крепости по малейшему отблеску. Другие даже внимания не обратили.

Если вспоминать о бое, проведённом Цециной Севером по твоему плану, о походе за золотом в Пиренеи, твоё поведение на Британских островах – всё говорит о правильном мышлении, своевременных решениях. Повторяю, такое поведение ума и тела возможно при избытке живой энергии, которую человек черпает с помощью поглотителя энергии из окружающей среды.

Понтий Пилат при воспоминаниях Амана Эфера даже повеселел и с ехидным видом спросил Амана Эфера:

– Со мной всё понятно, я согласен с твоими выводами, а себя ты не считаешь владельцем поглотителя живой энергии?

Аман Эфер немного подумал, кивнул утвердительно головой.

– Обладаю. В противном случае был бы убит лет двадцать назад. Мои сирийцы всегда были в разведке впереди легиона, и главной опасностью для них являлась засада. Прогляди я хотя бы один раз одну из засад, ошибись при выборе маршрута и в результате – груда мёртвых тел. Но мной не допущено ни единой ошибки. Существует и другое обоснование. Склонность к занятиям философией возможна только для человека с большими резервами живой энергии. Мой мозг легко и глубоко обрабатывал полученные сведения и приходил к правильным, хотя, на первый взгляд, неприемлемым результатам. Недаром мой Учитель любил со мной беседовать. Видимо, его радовала сво-

бодная игра моей мысли. Повторяю, Понтий: я обладаю поглотителем живой энергии.

— С тобой, Аман, тоже всё ясно, но соглашаясь во многом, не расстаюсь и с сомнениями. Удача мне сопутствовала, но случай с Гердой удачей для себя назвать не могу. Такой силы удар едва не погубил меня.

— Нет, дорогой Понтий, он тебя спас. Ты забыл себя тогдашнего. Ты забыл, правда, обо всём, помнил только Герду. Все устремления души были обращены к Герде. Для армии и карьеры ты был потерян. Но какие-то силы были несогласны с создавшимся положением дел. Природа подарила тебе божественный механизм, но в сложившихся условиях он был обречён на бездействие. Покровитель Понтия Пилата Юпитер не мог допустить его ухода с общественной сцены. После исчезновения Герды ты стал бесстрашным воином, скорее всего, потому, что жизнь ты совершенно не ценил, но слава о тебе гремела по легионам.

Ты начал своё восхождение, как задумали боги. Действительно ли распоряжается нашими судьбами и судьбами богов Рок, утверждать трудно. Но ты ждёшь объяснения, могу предложить только такое. Освободи мы Герду, никакого трибуна, прокуратора из тебя не получилось бы. Выбирай, что хочешь!

— Рок не дал мне выбора. Тогда я выбрал бы Герду, да и сейчас поступил бы так же.

За добро — добро, за зло — по справедливости

Заглянув в приоткрытую для него дверь, Аман Эфер увидел прокуратора, в задумчивости сидевшего за столом. Перед Понтием Пилатом лежали два мешка, в которых хранят деньги. Мешок для серебра был внушительен, меньший предназначался для золотых монет.

Аман Эфер в нерешительности остановился перед дверью. Поза Понтия Пилата говорила о том, что он пребывал в маленьком оазисе своего сознания, куда не допускал никого; молодость того года, когда с ним была Герда, возвращалась к нему. Тело расслаблялось, мускулы лица обвисали; Понтий Пилат старел на глазах, а душа его плакала о непоправимой утрате.

— Игемон! Центурион сирийских отрядов...

Перед Аманом Эфером сидел уже другой человек, доброжелательный голос которого спокойно прозвучал в тишине комнаты:

— Конечно, центурион. Сейчас служебное время, но вызвал я тебя по своим личным делам; располагайся непринужденно: сюда никто больше не войдёт. Я знаю твою проницательность, Аман, и на твой немой вопрос отвечу сразу: Герду нашли на Сицилии. Час

назад весть стала известна мне. В первую минуту я рванулся ехать сам, но через некоторое время отрезвел. Видимо, достаточно я работал администратором в родном отечестве. Герде сейчас 47 лет, представляю, что с ней сделала жизнь. Зная её характер, нетрудно представить её одиссею. Мужчина в стремлении получить своё способен изувечить женщину. Боюсь за себя. Если сейчас я ищу одного сидонца, то, увидев её, буду искать всех её хозяев и ни одному в живых не остаться. И еще боюсь разочарования, боюсь потерять образ, так долго мной хранимый. Иногда я думаю, может быть, лучше его потерять, но что-то мне подсказывает: потеря идеала приведет к пустоте, к духовному одичанию. Есть Клавдия, дети. Они, существуя, дополняют, уравнивают. Опыты проводить опасно. Пришел к выводу: самому не ехать, но и доверить ничёмному чиновнику целый кусок своей жизни не могу. Хочу просить тебя.

Центурион понимал состояние Понтия Пилата.

– Объясни положение дел, Понтий.

– Работает в хозяйстве некоего Гая Сакровира, римского гражданина, куплена восемь лет назад, с ней живут сын и дочь. Где живет? В хижине, продуваемой ветрами насквозь. Мальчику лет четырнадцать, девочке лет восемь; может, дочь самого хозяина. Это плохо, потому что в преклонном возрасте мужчины не склонны расставаться со своими детьми, даже если они рождены рабыней.

Возраст у хозяина, как я сказал, преклонный. Он болен какой-то тяжёлой болезнью, скорее всего

водянкой. Для тебя болезнь может явиться исходным пунктом разговора с Гаем Сакровиром.

Женщина замкнута, к разговору не склонна, надежды на освобождение утеряны. С трудом удалось у неё вытянуть название лагеря Пятого Германского. По описанию женщина должна быть Гердой.

– Как идут поиски сидонца? Раз уж зашёл разговор.

Прокуратор достал из укромного места карту Среднего моря, на котором крестиком были обозначены города, селения, обследованные на предмет пребывания сидонца. Картина получалась плотная.

– Непонятно одно, – удивился Аман Эфер, – почему Сидон не обследован?

– Да разве он там смог бы появиться? – удивился Понтий Пилат.

– Он преспокойно отправился в свой город, – возразил центурион, – откуда он знает, что мы установили его принадлежность к Сидону. Во-вторых, кто мы такие? Какие-то рядовые, выполняющие команды и, как ты говоришь, прикованные к орлу легиона. Разве мог он представить, что самый заинтересованный в этом деле легионер станет прокуратором, будет помнить и лелеять свою мечту о мести? Побоище было впечатляющее, но он-то остался жив, и, следовательно, для него всё осталось позади и никогда не может повториться. Уверен, он сейчас в городе Сидоне.

– Когда Аман Эфер предлагает свой вариант, лучше всего проверить, – обводя город Сидон на карте, проговорил Понтий. – Сегодня же и поедут.

Под каким-то благовидным предлогом в Рим с заходом в Сиракузы был снаряжён корабль, где Аману Эферу были предоставлены возможные удобства.

Его сопровождали два преданных сирийца с полным вооружением, разукомплектованным и скрытым от посторонних взглядов. Сам центурион хотя и ехал инкогнито, вооружен был до зубов, поскольку хорошо знал цену и деньгам, и своей жизни.

По приезде на место действия Аман Эфер остановился на постоялом дворе и, изменив одеждой внешний вид, отправился в имение Гая Сакровира удостовериться в личности Герды. Шёл пешком. Каждый мог он увидеть за работой и оглядеться вокруг, прежде чем возникнет необходимость представиться хозяину.

Вот и Герда, действительно она, дробила в ступе на хозяйском дворе зерно. Равномерно взлетала и тупо опускалась тяжёлая толкушка; Аман Эфер, как зачарованный, смотрел на знакомую фигуру, пока осторожный голос не вывел его из заторможенного состояния:

— Путник, скорее всего, хочет встретиться с хозяином дома?

Аман обернулся. Управляющий уже стоял за его спиной.

— Гаю Сакровиру привет от друзей из Рима, — ляпнул первую пришедшую на ум фразу Аман Эфер, стараясь выйти из затруднительного положения.

Пока шли к господскому дому, Аман Эфер старался оценить впечатление от первой встречи с Гердой. Возраст наложил на неё тяжёлую печать, но он

с удовлетворением отметил, что она сумела сохранить в себе духовный стержень, таящийся во всем её облике, по которому он смог бы узнать её среди тысяч других женщин.

Вошли в залу, где полулёжа располагался хозяин в специально сделанном для него сидении; распухшие руки и ноги, распухшее лицо помогли Аману Эферу опознать в болезни водянку редко встречающегося вида, лечение которой было доступно для врачей, знавших тайну рецептуры. Аман Эфер знал. Свое свидетельство центуриона Аман Эфер перевёл с помощью гравера на серебряную пластину с соответствующими гербовыми знаками. Такая форма представления вызывала большее уважение к предъявителю, чем обычный пергамент; получившему в руки такую пластину казалось, что её владелец вхож чуть ли не в императорский дворец.

Не часто забредали кадровые центурионы римской армии в центр Сицилии, да ещё в таком затрапезном виде, и это надо было объяснить.

— За многолетнюю службу и заслуги повелением сената пожалован землями в Галлии. Необходимо заселить новые земли толковыми работниками. Известно, что лучшие из них те, кто прошёл практику профессий на Сицилии. Покупаю рабов из германцев и галлов потому, что они с радостью готовы переехать в родные для них места, и событие считают для себя большой удачей. Деньги приходится платить немалые. Скоро самому нужно ехать и работать с подбираемыми людьми, и потому лучше лично увидеть, оценить и принять решение. Не скрою,

покупка идёт туго, рабы стоят дорого, задуманное дело продвигается медленно. Если такие люди, господин, есть в твоём имении и ты готов их продать за хорошую цену, то вопрос может быть решён к обоюдному удовольствию.

– Нет, нет, центурион. Хороших работников я не продам, плохих ты сам не купишь. А во-вторых, меня беспокоят сейчас другие заботы.

Аман Эфер искусно перевёл разговор на события в Риме, отказался от предложения отобедать.

Сопровождаемый управляющим, Аман Эфер вышел к дороге, ведущей на запад мимо усадьбы имения.

– Сюда должна подъехать за мной повозка, – сказал Аман Эфер. – По твоему непочтительному взгляду вижу, что ты думаешь обо мне как о последнем нищем и напрасно.

– Напротив, господин. При прощании мой хозяин назвал тебя центурионом. Неужели ты настоящий боевой центурион?

– Конечно, нет. Кто даст боевому центуриону 1500 югеров плодороднейшей земли, да еще по решению сената? Я – армейский лекарь, центуриона получил за заслуги перед армией, а земли за то, что вернул в своё время некоторых сенаторов из страны Элизиум, куда они уже ступили одной ногой.

– Ты мог бы вылечить нашего господина? Сколько лекарей побывало у него, но так ничего и не могли добиться.

– У твоего хозяина водянка редко встречающегося вида, мало кто о ней знает. Лечится она особым образом, потому и успехов не достигнуто.

– Так что же ты, господин, ему не сообщил о своих знаниях? Он бы так обрадовался.

– Это ты так думаешь. Он бы мне не поверил, расценил бы моё умение как уловку получить желаемое. Дело в том, что я скупаю рабов галлов и германцев для переселения на пожалованные мне земли. А вон и моя повозка с людьми.

Повозка, лошади и люди центуриона вызвали в душе управляющего чувство глубокого почтения. Такой обиход должен сопровождать очень богатого человека.

– Через 10 стадий мы и дома, – нарочито громко, чтобы было слышно управляющему, проговорил Аман Эфер.

Ухоженные кони, развернув повозку, помчались на восток.

Утром, выходя из своей комнаты во двор, Аман Эфер столкнулся с управляющим Гая Сакровира. Почтительно приветствовал его управляющий и с нотками мольбы в голосе приглашал навестить своего хозяина по его просьбе.

– Единственным условием приезда, – обратился Аман Эфер к управляющему, – должна быть незаметность моего присутствия, а почему, я могу тебе и сейчас рассказать. Очень ты стараешься помочь своему хозяину, а значит, после его смерти имение наследует человек, с которым вам всем придётся плохо. При излишнем шуме человек, мне пока неизвестный, может войти и помешать лечению, а я не люблю преодолевать дополнительные трудности при лечении тяжёлых заболеваний.

— Этот человек — брат нашего хозяина, ждёт-недождётся его смерти. Молю богов, чтобы не попасть в его когти.

— Тогда старайся и помогай; через неделю твой хозяин будет почти здоров, а через месяц будет радоваться жизни.

Встреча заинтересованных лиц произошла в том же помещении. После приветствия оба хранили молчание. Аман Эфер считал, что при сложившихся обстоятельствах первым должен заговорить Гай Сакровир.

— Тонкий ты человек, центурион. Как грамотно расставил всё по своим местам; видимо, действительно можешь меня вылечить, но тогда и приехал ты за кем-то, и чует моё сердце за кем, но ты кое-чего не знаешь.

— Что девочка Герды твоя дочь? Побойся богов, хозяин, следует думать обо мне лучше. Помни, существует два возможных исхода. Либо ты продаёшь мне всю семью Герды, при этом ты будешь здоров; либо, при отказе, ты будешь мёртв, а дочь твоя попадёт в руки твоего брата-изувера. Добавляю к сказанному, что семья Герды покупается у тебя с целью предоставления ей и её детям свободы.

— Я хотел оформить на них документы вольноотпущенников.

— Опоздал, уважаемый Гай Сакровир. В твоём состоянии подобные действия могут быть юридически оспорены братом. Даже если твои бумаги предоставят им свободу, где они будут жить, как зарабатывать себе на хлеб? Почему ты об этом не подумал?

– Думал, достойный центурион. Но нет у меня денег, чтобы снабдить их в дорогу. Все деньги высосали лекари. Душа моя болит, но что-либо сделать лишён возможности.

– Самое время тебе, достойный Гай Сакровир, спросить, случайно ли я появился, случайно ли так настойчиво добиваюсь покупки всего семейства. А пока ты будешь думать, начинай пить настойку вот из этой кружки каждые три часа. Итак, какие же вопросы будут мне заданы?

– Знает ли тебя Герда? – первый мой вопрос.

– Видела меня, видела несколько раз, но запомнила ли? В тот год в Старом лагере все были какие-то ошалелые, да и прошло с тех пор 30 лет.

– Вон откуда потянулась нить. Тогда на душе становится легче. Спрашивать больше ничего не стану. Оформим дарственные и да благословят вас боги.

– Нет, достойный Гай Сакровир. Мне нужен серьёзный документ – купчая с указанием настоящей цены. И не забывай об уплате налогов. На душе у меня беспокойно. Пока адвокаты оформляют документы, я буду лечить тебя целую неделю. Твой же брат готовится к борьбе. Так просто распродать своё будущее наследство он не позволит; мне о многом ещё придется позаботиться.

Хозяин огорчённо опустил голову.

– Вот несчастье! Сколько же крови он у меня выпил! Осталось только убить его, но рука моя не поднимается. И не потому, что родная кровь, ответственности боюсь: он римский гражданин.

– У меня поднимется. Он думает напугать какого-то лекаришку. Но пока не нашлось ещё ни одного кавалериста, которому удалось бы выбить меня из седла.

День за днём проходили своим чередом. Лечение давало свои результаты, опухоль опадала. Гай Сакровир с трудом, но уже перемещался по дому. Адвокаты, составлявшие документы, приезжали в имение чуть ли не каждый день. Для них было интересно, выложит ли лекарь наличные деньги за покупаемых рабов, какие цены будут установлены, кто будет платить налог.

К концу недели окрестности имения Гая Сакровира стали наполняться слухами. Слава богам, выздоравливает владелец имения, но назревает серьёзный конфликт с младшим братом.

Многие приезжали удостовериться и действительно находили хозяина в хорошем состоянии, поздравляли лекаря, приглашали его к себе подлечить домочадцев.

Настало время сообщить Герде о принимаемых решениях. Желая быть узнанным, Аман Эфер надел кожаную кирасу, в которой его много раз видела Герда. Он встал около кресла Гая Сакровира в надежде быть увиденным с первого взгляда. Открылась дверь, и вошла Герда.

– Вот и Аман приехал, – сказала она, увидев центуриона. – Появился ты, конечно, за мной. Очень вовремя. Хозяин наш человек мягкий, как ты видишь, нерешительный, а тут ещё болезнь подкосила не только его тело, но и душу. Мы все готовимся к будущей страшной жизни, и ты знаешь почему. Я ждала освобождения много лет, была уверена, что Понтий не забыл, но знала,

что приедешь за мной ты, Аман. 30 лет ожидания: на это ушла вся жизнь, но я благодарна вам за то, что вы искали меня и нашли. Что же, Аман, будет со мной дальше?

– Подготовлены купчие на тебя и детей. На твоё имя в указанном тобой месте будет куплена приличная ферма, на которой вся семья сможет безбедно существовать. Предваряя твой вопрос, сообщаю, что Понтий жив, помнил всегда. Это его стараниями ты обнаружена в этой забытой богами дыре.

Центурион повернулся к Гаю Сакровиру:

– Сегодня ночью будет попытка выкрасть Герду и её детей. Поэтому уже сейчас её семья должна находиться в доме, а об охране позаботятся мои люди.

Время шло к полудню, когда съехались все заинтересованные в сделке лица. Собрались в гостиной. Адвокаты ждали решения по расчётам. Как бы неожиданно во двор въехало несколько всадников, и вскоре в комнату вошёл Анний Сакровир, нежелательный, но правомочный свидетель сделки.

Высокий рост, крупное тело позволяли ему быть хорошим бойцом, но расплывшиеся черты лица, подернутые мутью глаза и расхлябанность движений выдавали в нём бойца бывшего и уже никогда не способного стать настоящим. Молча, с вызывающим видом прошёл Анний в комнату и занял место рядом со столом, упёршись руками в колени, показывая всем видом право не только находиться, но и решать. Однако боковым взглядом он увидел, что рядом с креслом брата прислонён пилум, а с правой руки положен боевой меч. Видимо, лечение проходило столь успешно,

что хозяин мог уже воспользоваться и оружием в случае необходимости, а присутствие представителей власти ослабляло позицию Анния. Ослабляло ещё и потому, что представители видели выздоравливающего хозяина, в руках которого деньги должны были оставаться ещё долгое время.

Аман Эфер, ощущая скрытое давление Анния Сакровира в период своего пребывания в имении, стал раздражительным и намеревался поквитаться с известным скандалистом. Он принял решение выставить на обозрение при торговой сделке золото и серебро, возбудив в Аннии Сакровире естественное для того желание захватить добычу разбойничьим налётом.

Назвав цены рабов, согласованные сторонами, Аман Эфер выразил желание уплатить наличными и стоимость рабов и налог со сделки. По его знаку двое слуг внесли и поставили на стол два денежных мешка.

Развязав мешки, Аман Эфер, сочетая золото и серебро, отобрал нужную сумму, после чего объём мешков почти не изменился.

Резко сжались пальцы рук Анния, тело напряглось. Ну, с этим человеком всё ясно, — подумал Аман Эфер.

Разъехались гости, и наступила относительная тишина в доме.

— Сегодня нападения не будет, — проговорил Аман Эфер, обращаясь к хозяину, — ночь проспим спокойно.

Гай Сакровир поднял глаза, в них читалась тревога.

— Да, Анний решил напасть на тебя со своими прихлебателями в пути, чтобы сразу захватить золото,

серебро и Герду в придачу. Может, убить её и детей: ему не нужны свидетели. Человек ты бывалый, центурион, постоять за себя сумеешь, но все равно тревожно.

Оставив хозяина в тяжёлой задумчивости, Аман Эфер ушёл готовить свой маленький караван в дорогу. Он знал о предстоящей засаде и организовывал действия своих людей таким образом, чтобы никто из нападающих не смог ускользнуть живым: ему не нужны были свидетели, судебные тяжбы, задержки и денежные вымогательства судейских.

Он изучил дорогу, по которой намеревался проехать к тихой бухте, куда перевёл свою триеру; наберовал из команды десять матросов, отличавшихся физической мощью, умением владеть оружием, храбростью и желанием любым способом получить звонкую монету.

Знал центурион и место будущей засады – узкий проход среди крутых холмов. Однако при определённых условиях этот же проход становился ловушкой для нападающих.

На третий и последний день пути небольшой караван, состоящий из трёх повозок, где размещались скарб путешественников, купленные рабы и сверх того хорошо укрытые лучники, приближался к опасному узкому проходу.

Аман Эфер и двое его сирийцев верхами сопровождали повозки. Дорога была пустынна и безмятежна, правда, в стадии сзади следовала какая-то колымага с бродячими актерами, которые с утра имели не-

проспавшийся вид, но от этого дорога не становилась оживлённее.

Повозки въехали в узкий проход, впереди показалось шесть всадников, спокойно ожидавших приближения каравана. Обернувшись, Аман Эфер увидел, как четвёрка верхами отрезала выход с другой стороны.

По команде Амана Эфера повозки и всадники понеслись на большой скорости к впереди стоящей группе. Не доезжая до нападающих 50 локтей, повозки раздвинулись по всей ширине дороги, увеличивая поле обстрела для лучников. В повозках встали три лучника, и шесть стрел свалили коней под всадниками. Повозки остановились, и люди повернулись лицом к догоняющей их группе всадников. В этот момент из-за поворота вылетела колымага, в которой сидела в полном вооружении внушительная ватага, оравшая и выражавшая такую ярость, что, очутившись между двух огней, нападавшие заметались, заворачивая коней. Лучники, не переставая, обстреливали их. Падали кони, люди, а подлетевшие на колымаге матросы перерезали ножами и мечами всех четверых. Передняя группа, лишившись коней, а вместе с ними и возможности покинуть поле боя, встала в ряд, сдвинув щиты, и пыталась вести переговоры о мирном расставании.

Не было желания у центуриона вступать в ближний бой с воинами, создавшими боевой строй. Он повернулся и сказал несколько слов своему сирийцу. Через несколько секунд одна из повозок уже неслась на строй и разметала их во все стороны, не дав времени обдумать встречного манёвра. Аман Эфер с

сирийцем вязали кричащего и отбивающегося Анния Сакровира.

– Римского гражданина мы убивать не будем. Зачем нам хоронить его в общей могиле и оставлять след, требующий судебного расследования. Берём его с собой.

Галера взяла курс на восток.

– Теперь нам надо посетить Сидон, – обратился Аман Эфер к Герде, – долги надо возвращать.

Вскоре триера встретила с небольшим купеческим судном, а поскольку капитаны оказались знакомыми, то суда сблизилась для оповестительного разговора. Аман Эфер воспользовался случаем и просил нового знакомого капитана доставить за 100 сестерциев некоего римского гражданина на землю латинян. Анний Сакровир перешёл на парусное судно, в душе ещё радуясь, что для него так благополучно закончилась последняя схватка.

Провожая взглядом парусник, Аман Эфер произнес:

– Предупредили мы капитана о пиратах, но чувствует моё сердце, что не доберётся римский гражданин до родных мест и любимого брата. Кончит жизнь где-нибудь в каменоломнях.

– Не обязательно же пираты должны захватить этот парусник, – возразила Герда.

– Ты бы лучше посмотрела на капитана. Он завтра же и продаст этого Анния тысячи за три сестерциев на первом острове.

– Говорят, ты лично знал пророка Иисуса и вёл с ним беседы? Сам я верный его последователь, и встретить че-

ловека, лично знавшего Учителя, для меня большое событие в жизни. Согласись, немногим людям повезло разговаривать с ним — очень молодым ушёл он из жизни.

Так говорил величественный, благообразный старик, расположившийся по восточному обычаю на возвышении огромной комнаты, убранной с излишней роскошью для человека, претендующего на роль скромного последователя Христа.

Изъяснялся хозяин дома на образном греческом языке, что выдавало в нём человека, много побродившего по свету и встречавшегося со множеством людей. Умные, холодные глаза поощрительно смотрели на гостя.

Гость огляделся. Справа и слева от главы дома расположились многочисленные члены семейства: сыновья, дочери, зятья; люди все взрослые, самостоятельно ведущие дела, известные хорошим денежным обеспечением. Гость был уже осведомлён о довольстве, царившем в семействе Аль Рахима.

Присутствовали здесь и наиболее влиятельные члены христианской общины — каждый хотел увидеть и услышать человека, прошедшего с Учителем последние его земные часы.

Не случайно гость оказался в этом доме. С интересом рассматривал он людей, обстановку дома, самого хозяина. Аман Эфер искал след удара от пилума Понтия Пилата, доставшегося хозяину в последней схватке на реке Роне. Да, его люди не ошиблись, тот самый сидонец!

Иисус вторично умер бы, узнав, что пираты и работорговцы являются его поклонниками и последователями. Точно установлено, что состояние хозяина дома

нажито воровством людей и работорговлей. Что могло толкнуть такой трезвый ум и жёсткий характер к учению Иисуса?

Аман Эфер оглядел ещё раз присутствующих и приступил к выполнению замысла, который привёл его в этот дом.

– Да, я был в числе немногих, кто снимал пророка Иисуса с креста в день казни и провёл с ним наедине последние часы в пещере дома Никодима.

– Надо думать, – раздался голос хозяина, – разговор наедине с Учителем не стал достоянием апостолов и последователей и тем интереснее услышать его содержание от самого собеседника.

Головы присутствующих повернулись в сторону гостя.

– Разговор шёл о грехе и наказании. Очень мало людей знает об обиде, нанесённой пророку, о жестокости, к нему применённой. Он уже понимал, что только одним убеждением сеять добро и препятствовать злу невозможно. Словам и убеждениям должен сопутствовать механизм воздействия на людей. Одни призывы не воспринимаются людьми серьёзно и со вниманием. Добро делать трудно. Оно связано с передачей кому-то своих интересов, другое дело – зло; оно заманчиво и перспективно в делах.

В разговор вмешался старик, скорее всего, глава местной христианской общины.

– Нашего Учителя жестоко обидели, а мы ничего не знаем. По отношению к нам это несправедливо.

Мы могли бы много извлечь поучительного для себя, детей, нашего общего учения.

— Здесь я вам помочь ничем не могу, слово дал пророку нигде не промолвить, нигде не упомянуть. Но главная мысль Учителя мне понятна: дети должны отвечать за грехи своих отцов. Только страх за судьбу детей может остановить злодеяния и другие грехопадения взрослых людей.

— В этом вопросе Учитель встал на путь наших отцов, и он прав, — заговорил глава общины, — трудно добраться до сердца человека. Путь к добродетели должен лежать через собственный интерес, интерес детей и внуков.

— Разговор шёл об ответственности потомства до двенадцатого колена, — уточнил Аман Эфер.

Возникла пауза, в течение которой присутствующие высказывали одобрение мнению почитаемого пророка. Один только хозяин дома поугрюмел, мнения не высказывал. Постулат ему не нравился. Он иронически усмехнулся:

— Что же пророк наш Иисус не верил в справедливый суд Господа нашего? Если он заговорил о двенадцати поколениях потомков, ответственных за грехи прародителей, то предполагал земную ответственность. Как же он мыслил организовать наказание за содеянное зло?

Глаза гостя теряли выражение добродушия, медленно наливались они холодом.

— Учитель говорил о людях, рыскающих аки волки среди мирных тружеников. Несчастьями, страданиями

людскими добывают они себе и своим потомкам земные блага. Потому и благословил он тех, кто готов дать отпор таким хищникам. Учитель ввел для себя понятие «праведной мести», понимая, что чувство мести может таить угрозу самому добру и милосердию, – все зависит от того, как понимать зло. В таких случаях, как лишение свободы, похищение жены ближнего, захват достояния, нажитого тяжёлым трудом, порабощение соседа, насилие над женщиной пророк считал вправе предоставлять родственникам или друзьям пострадавшего осуществлять право праведной мести. Только оказавшись в роли пострадавшего, испытав те же чувства, горечь, душевную боль, человек способен искренне раскаяться, другого остановит страх перед неизбежным возмездием, а третьего только Господь способен покарать, поскольку существуют люди, не склонные ни к раскаянию, ни к страху.

Присутствующие согласились, что и в жизни установилась подобная практика, и что, скорее всего, Учитель, как всегда, прав.

Тонким слухом Аман Эфер уловил, как дом наполняется его людьми, осторожные шаги проследовали в сад, окружая дом со всех сторон. Можно приступить к делу.

Пристально смотрел Аман Эфер на хозяина дома.

– Одного не пойму, господин. Как ты-то оказался в рядах назореев? Зная их жизненную философию, зная самого пророка, не могу ответить на вопрос, что тебя привлекло в их ряды. Не вижу мотивов.

Что-то тревожное почувствовал хозяин, какую-то скрытую опасность от ещё благодушного минуту назад гостя.

– Ты говоришь обо мне так, как будто бы знаешь или знал меня раньше. С уверенностью могу сказать: с тобой никогда не встречались. Память на лица у меня хорошая.

– Встречались, встречались, – откликнулся Аман Эфер. – Правда, встреча наша протекала тогда несколько минут, довольно динамично, но след в памяти оставила глубокий. Помню всё до мельчайших подробностей.

– Что-то не припоминаю!

– Там, уважаемый хозяин, где ты получил шрам на щеке, на реке Роне, в Галлии, где ты крал людей и продавал их на невольничьих рынках.

Тело хозяина дома напряглось.

– Меня там никогда не было, да и доказать это обстоятельство невозможно. Естественно, сказанное тобой, так называемый друг пророка, – подлая клевета. Сейчас я позову своих слуг, и они выбросят тебя из моего дома.

– Я долго готовился к встрече, Аль Рахим. Дом и сад находятся под контролем моих людей, и слуг твоих в доме нет ни одного.

Аман Эфер хлопнул в ладоши, четверо лучников вошли в зал и встали, положив стрелы на тетивы луков.

– Мне не надо никаких опознаний. Я получил в своё время приказ своего командира освободить похищенных вами женщин, а вас уничтожить. Единственный приказ, который я не выполнил в своей жизни, связан с тобой, Аль Рахим. Даже ту женщину, которую тебе удалось тогда увезти, я нашёл и освободил. Осталось только убить тебя, но это было бы слишком

просто для тебя после того, как я встретил пророка Иисуса. Я принял решение пройти тем путем, которым пошёл бы сам пророк.

Аман Эфер повернулся к слуге, стоявшему у двери, тот открыл дверь, в залу вошла Герда. Аман Эфер постарался придать Герде достойный внешний вид, не пожалел денег и своего времени. Месяцы, проведённые ею на свободе, сделали своё дело. Ощущение уверенности, независимости, обеспеченности детей воскресили отчасти её дух, веру в себя. Вернулась прежняя стать; позаботился Аман Эфер о дорогих одеждах и украшениях. Очень хотел он уязвить хозяина и был доволен, когда увидел, как вспыхнули и погасли глаза Аль Рахима.

Молодой грек выступил вперед, выполняя роль актуария.

— Присутствующие уже поняли: именем пророка Иисуса торжествовать будет справедливость человеческая. Гнев Божий обрушится на людей, повинных в тяжких грехах, воспользовавшихся силой своей перед лицом беззащитности. Установлено по спискам, найденным в доме самого Аль Рахима, что им лично похищено и продано в рабство 120 человек: женщин, детей, мужчин, по его же данным выручка составила более 500 тысяч сестерциев. Подсчитаны и проценты с капитала. На эти деньги необходимо выкупить и вернуть к прежнему месту жительства тех из похищенных, кто остался в живых. Изъятие капитала семьи Аль Рахима будет проходить в форме подписания купчих на продаваемое имущество.

Распродажа имущества, скота, кораблей, товаров будет производиться на основе документов, подписанных самими владельцами.

Раздался твердый голос Аль Рахима:

— Думаешь, презренный раб, ты получишь подписи из-за страха моего перед лучниками? — лицо Аль Рахима презрительно искривилось. — Ошибаешься.

— Ты подпишешь все документы, поскольку твои двенадцать внуков, Аль Рахим, взяты заложниками, и если ты погибнешь, то от рук своих же сыновей и дочерей, которые тебя растерзают. Можешь вызвать их восхищение пренебрежением к своей жизни, но к жизни своих детей так относиться они не позволяют.

Встал старший сын хозяина дома.

— Видимо, бывший раб хорошо тебя знает... и твое упрямство. Придётся подписать, отец!

Аль Рахим, сцепив руки, исподлобья глядел на детей. Наконец, приняв решение, произнёс:

— Подпишу.

Перед ним появился столик, письменные принадлежности. Грек-актуарий прочитывал, что, кому и за какую цену продаётся. Хозяин молча подписывал документы. К столику стали подходить и подписывать документы дети Аль Рахима, ругаясь и понося актуария последними словами. В доме послышались шум, возня, команды.

Медленно поднялся Аль Рахим с подушек и, прилакивая ноги, направился в заднюю комнату. Никто не сдвинулся с места, не остановил его. Присутствующие видели его последний путь и догадывались

об этом. Гнетущая тишина воцарилась в зале. Один лишь глава общины не обращал ни на что внимание. Он ушёл в размышления.

– Случай-то, случай, – думал старик, – в жизни такие события и должны происходить как совпадение роковых обстоятельств, только вот результат уж очень закономерен. Этот римлянин появляется, как будто его сам пророк Иисус послал разобрать это несправедливое дело. А как другие участники событий? Жили в рабстве беспросветно и безнадежно, да так некоторые в рабстве и умерли. По отношению к ним справедливость не сработала.

Мысли старика крутились вокруг причастности пророка к происходящим событиям, его всемогущества и вездесущности его духа.

Минут через пятнадцать старший сын поднялся и ушёл в комнату, куда удалился Аль Рахим. Вскоре он вернулся с поникшей головой; и очевидно, увиденное произвело на него угнетающее впечатление.

– Он перерезал себе горло и уже мёртв.

Не стесняясь присутствующих, грек-актуарий обратился к Герде:

– А ты хотела ему горло перегрызть. Пусть они сами себе перегрызают, пусть чёрная кровь заливают роскошные залы их дворцов. Если бы каждый вор, убийца, работороговец знал неизбежность кары, не очень бы он показывал свою ретивость. Вспомни, каким Аль Рахим был в молодости. Такой злобы, жадности я ни в ком больше не встречал. Но, хочется думать, есть какая-то справедливая сила. Конечно, рано

За добро — добро, за зло — по справедливости

делать выводы: столько их ещё ходит свободно и радостно по земле.

Пусть увиденное и услышанное послужит вам уроком. Да будет благословенна память пророка!

Часть
IX

Коридоры власти

– Как там поживают наши назореи? – обратился однажды Понтий Пилат к Аману Эферу. – Давно мы о них не вспоминали.

– Какие назореи? – они называются теперь христианами.

– Интересно, влечёт ли изменение названия религиозного движения к усилению его авторитета?

– Сам не пойму. Эти насмешники из Антиохии придумали назореям новое имя. Греческое слово «христос» перекликается с еврейским словом «мессия», но евреи переводят слово «христос», как «посланник Божий», а греки оставляют за ним первоначальный смысл – «намазанный благовониями». Надо признать, наши назореи оказались необидчивыми и слово приняли в обиход.

После казни Стефана многое изменилось в общине назореев. Спасаясь от преследований, так называемые эллинисты иудейской общины разбрелись во все стороны и организовали маленькие общины. Они существуют почти во всех городах Палестины и Сирии; не удивлюсь, если некоторые из них процветают в Египте.

В иудаизме есть огромная притягательная сила. Ключ к ней – в психологии человека. Как хочет най-

ти человек защиту в могучем боге Яхве, способном наказать, защитить, проявить справедливость! Помощь соплеменников, их поддержка – вот истинная притягательная сила, но получить её можно только через религиозную принадлежность. Сколько прозелитов толчется около храма в смутной надежде, но их пускают только во внешний храм; дальше их не пустят никогда. Иудеям эти люди не нужны.

Наш Савл, а ныне апостол Павел, правильно всё оценил и снял запреты, которыми оградил себя иудаизм. Он сделал необязательным обрезание, он снял запрет на еду некошерного мяса, упразднил понятие субботы как нерабочего дня. Апостол Павел правильно осмыслил путь становления новой религии. Не привлечение иудея под свой стяг, а широкий охват язычников, толпящихся вокруг си-нагог.

– Значит, не зря ты затевал с ним философские беседы.

– Темпераментный человек! Сразу по прибытии в Дамаск после нашего разговора расставил всё по новым местам. Арестовывать, конечно, никого не стал, но во всеуслышание заявил, что по дороге в город удостоился он видения Иисуса, который поручил ему вести проповедь во славу свою. Манера разговора у него настойчивая, изречения, мягкие в устах Иисуса, звучат теперь чуть ли не как изобличение в ереси правоверных иудеев, которые якобы отступили от истинных законов Моисея, и теперь необходимо им об этом напоминать.

Речи апостол Павел держал в местной синагоге. Говорит он красочно, но, когда дело дошло до обвинений, иудеи едва его не разорвали. Спасая, прозелиты ночью спустили его на верёвках с крепостной стены. Где он потом пребывал и что делал, неясно, но объявился через некоторое время в родном Тарсе. Проповедовал, видимо, успешно, желая организовать центр христианства в Киликии, родной провинции. Притягательная сила прекрасного города с полумиллионным населением сделала своё дело. Как мы и предполагали, иудейская община города не приняла в свои ряды новую секту, и те вынуждены были создать свою собственную. Отношение иудеев к новой секте понятно. Хотя те признавали и чттили Моисея, однако и в словах, и в проповедях, и в молитвах звучало имя Иисуса: к нему обращались, его просили, на его слова ссылались.

Для истинных правоверных поместить рядом с Моисеем равного по авторитету пророка совершенно немислимо. Думаю, для развития христианства, в котором место Моисея по значимости занимает Иисус, должна быть создана своя колея. Самозванный апостол Павел, осмыслив происходящее, такую колею и пробивает. Сейчас он в Антиохии и не случайно.

Когда до Иакова, «брата Господня», как сейчас его называют, дошли сведения о большой общине назореев в Антиохии, он не захотел пускать дело на самотёк. Большую часть общины составляли иерусалимские эллинисты, бежавшие от преследований.

Не желая упускать бразды правления из своих рук, послал он к братьям своим Варнаву. Казалось, был Варнава человеком подготовленным во всех отношениях. В молодости получил хорошее образование, имел в своё время состояние, а следовательно, ему свойственно чувство независимости, сам был левитом и в вопросах общения не новичком. По прибытии в Антиохию растерялся. Эллинисты – народ раскованный, непосредственный – создали своеобразную атмосферу общения, отличающуюся притягательностью. Не отменяя пока иудейских ограничений (для этого им не хватало смелости), они смотрели сквозь пальцы на их выполнение, желающих не отталкивали, а принимали на равных без иудейского снобизма. Народ наконец-то нашёл, что искал.

Община назореев стремительно росла. Много в общине было умных и энергичных людей, но место лидера оставалось свободным: никто не представлял пути развития религиозной идеологии новой общины. Сам Варнава понимал своё бессилие. По слухам, он установил, что нужный человек живёт в Тарсе. Получив согласие общины, пренебрегая трудностями дальней дороги, он сам отправился в Тарс и уговорил Павла переехать в Антиохию.

Понтий Пилат решил прервать Амана Эфера:

– Я делаю вывод, что никакого раскола в стане правоверных вызвать не удалось. Наши усилия оказались напрасными?

– Да, Понтий! Но слово «напрасно» здесь не подходит. Новое религиозное движение ослабляет

ортодоксальное учение. Оно улавливает устремления и отзывается на запросы основной массы населения, обеспечивает отток паствы от синагог, ослабляет влияние старого учения просто своим присутствием. Вот пусть новое учение и присутствует.

Понтий Пилат согласно кивнул головой.

– Роль присутствия немаловажна. Долго, однако, придётся ждать результатов. Думаю, мы не доживем. Если бы раввины просмотрели, а мы преуспели, результаты раскола мы увидели бы, может быть, и сейчас.

– В исторических процессах, Понтий, так не бывает; для получения результатов нужны иногда сотни лет. Сейчас мы стоим у истоков нового религиозного движения.

В ближайшее время следует ожидать духовного взрыва народов. Уж очень притягательная сила заложена в новом учении. И если новый апостол удовлетворит духовные запросы жаждущих, то быть христианству мировой религией, а Иисусу как бы новым богом.

– Вот что значит быть философом, – удовлетворённо засмеялся Понтий Пилат. – Чем же мы можем помочь истории?

– Сохранить финансирование, прокуратор. Надо ехать в Рим, в сенат. Необходимы ещё годы для поддержки нового учения. У Павла должны быть деньги на дальние поездки, содержать надо его сопровождающих, поддерживать в начальный период молодые общины, содержать закостеневшую общину в Иерусалиме.

– Трудно доказать чиновникам из сената необходимость создания религии, показать интерес Рима в нашей работе. Кто они? Полутёмные люди, не прочитавшие в жизни ни одной книги. Потому мне важно знать, в чём состоит основное различие новой религии от старой. Сам я до конца не понял.

– Это не простая вещь, – улыбнулся Аман Эфер. – Пророк Моисей, создавая религию евреев, разработал самые тонкие понятия, определяющие взаимоотношения человека и Бога, их было достаточно на многие столетия. Пришли новые времена: прорисовалась значимость человека. Иисус стихийно развивал понятия, определяющие отношение человека к человеку. Он как бы восполнил пробел в учении Моисея. Пример такого понятия содержится в известной ныне фразе: «Возлюби ближнего, как самого себя». В прежние времена подобная фраза не была бы востребована, она не срабатывала бы в среде других жизненных ценностей. Теперь она зазвучала, её подхватили, на неё стали ссылаться. Человечество и не заметило, как что-то созрело в обществе помимо его воли и настоятельно требует своего проявления. Люди потянулись к проявлению человеческого начала в учении Иисуса. Душевному состоянию современного человека важно его место среди других людей, а не обязательность обрезания плоти.

– Спасибо, Аман. Легче будет разговаривать с чиновниками в Риме. Правда, они таких тонкостей не поймут. Какие же новые положения вводятся в учение Иисуса?

– Их совсем немного. Во-первых, вводится утверждение, что Иисус и есть ожидаемый мессия из дома Давидова. Именно он и должен был принести с собой царство Божие на землю и в первую очередь избавить Израиль от римского порабощения, но земные недоразумения помешали ему осуществить предначертанное судьбой. Во-вторых, апостолу Павлу понравилось понятие «сын Божий». По этому поводу с иудейской стороны раздаётся скрежет зубный: пророк Моисей отодвигается с религиозной сцены на второй план. Как сейчас трактуется цель прихода Иисуса на землю и смерть сына Божия? Бог послал своего сына на Землю для того, чтобы тот своими страданиями и смертью искупил грехи людей. Не больше, не меньше.

Любил Понтий Пилат слушать своего друга, когда тот вдавался в тонкие философские и религиозные рассуждения. Сам же он с трудом пробирался сквозь хитросплетения умозрительных понятий, с сожалением вздыхал, сознавая, что его стихия в другой стороне.

– Умные люди работают в области создания и развития религий. Помню прошлый наш разговор, когда ты, Аман, отметил три основных идеи, являющихся не переменным достоянием любой религии: бытие Бога, бессмертие души, свобода воли; на них опирается учение о нравственности. Из твоего разговора следует, что в учении Моисея слабым звеном является понятие свободы воли. Пожелаем апостолу Павлу достичь нужных высот. Сейчас меня беспокоит твоё предло-

жение поехать в Рим. Ты думаешь, мне удастся убедить членов комиссии?

– Это будет зависеть от их умственных способностей.

– Надеяться на умственные способности? Мало у кого они есть! Нужен всеокрушающий аргумент, против которого возражать истинному римлянину недопустимо.

– Что сейчас волнует умы правоверных? Правильно, прокуратор! Владычество Рима. Зелоты, секарии, мессии: всё бурлит и клоочет по одному вопросу. Мы создали новую религию – источник тревог и забот для синедриона. Наша задача развивать этот источник с тем, чтобы образ Рима отодвинулся на второй план, а умы верующих волновали бы в первую очередь еретические постулаты пророка Иисуса. Новая религия должна переключить энергию правоверных на далёкий от Рима объект внимания. В римской политике на Востоке перевод энергии целого народа в нужном для нас направлении дорогого стоит.

– Вот это аргумент! – прокуратор поднялся со своего места. – Теперь я полон уверенности и готов ехать в сенат сегодня же.

– К тому же настало время сменить место. Условия благоприятствуют повороту в твоей судьбе. Мы уже отмечали несоответствие твоей политики новой позиции сената и наместника Сирии. Увеличилось количество жалоб со стороны синедриона, усилилось недовольство наместника, комиссия сената

имеет все основания заменить прокуратора и направить в те провинции, где его позиция соответствует интересам Рима в большей степени. Одним словом, Понтий, пора действовать. Завтра же пиши письмо в Рим своим людям и посылай триеру. Пользуясь случаем, отправляй в Рим Клавдию, наиболее ценные вещи. Приближается летнее время, когда она обычно уезжает в Италию, следовательно, её отъезд не вызовет подозрений. Зато ты будешь мобилен и скор на ногу. Никто не подумает, что твой отъезд окончателен, враги будут находиться в ожидании и не успеют написать разные вредные слова или отправить какую-нибудь просительную делегацию к императору.

– Нет, Аман, не завтра, а сегодня напишу я такое письмо. Я чувствую правильность твоего совета, более того, своевременность. Пора действовать.

Призыв Гамалиила. Прощай, Иудея!

– Игемон, по приказу трибуна Фабия Карбулона я посылаю кавалерийскую алу в Самарию под Гаризим. Собираются войска.

– Что тебя удивляет, Аман? В этой стране религиозный фанатизм часто толкает к применению войск. Появился некто Симон, который утверждает, что знает, где пророк Моисей спрятал скрижали, ритуальную посуду и ещё что-то. Готов показать место. Меня просветили. Действительно, гора Гаризим была назначена пророком Моисеем местом для ежегодного чтения Закона при всенародном собрании с выполнением соответствующих обрядов. Здесь же был сложен жертвенник из камней, на которых высечены десять заповедей Господних. Народ валит толпами. По докладам осведомителей толпы густо разбавлены зелотами и секариями. Сборище опасно! Опытный оратор – и люди могут пасть ниц, а могут броситься на ближайший римский гарнизон. Фанатики!

– Но в основе твоих распоряжений, прокуратор, должны лежать государственные интересы Рима.

– Конечно, интересы Рима! Обрати внимание, религиозный фанатизм усиливается. Он медленно затапливает

страну. Зелоты и секарии множатся в числе, их деятельность усиливается. Я знаю единственный способ от затопления – постоянное и непрерывное откачивание воды в объёмах, равных её поступлению. Табулярый Квинт Амний занимается выявлением всё новых отрядов зелотов и банд секариев. Наша конница отправляется в леса, горы, пустыни. Ряды фанатиков редуют. Мало кто знает о непрекращающейся деятельности тайной канцелярии, но стоит Риму приостановить свою деятельность, и через десять лет справиться с волной фанатизма будет невозможно. Конечно, есть способ, но ценой разорения целой провинции и гибели множества не причастных к религиозному движению людей. Уже сейчас мы с трудом поддерживаем равновесие в стране, и страшно подумать, если будут приняты решения об ослаблении нашей позиции.

В некоторых кругах сената и высокопоставленных чиновников бытует мнение, что различного рода уступками возможно смягчить религиозные нравы. Как я понимаю, указанный путь уже избран сенатом, а новый имперский легат Луций Виттелий проводит его в жизнь. Могу выразить только сожаление. Люди, направляющие политику Рима, не представляют себе в полной мере, что такое фанатик. Они не понимают, что фанатик отличается отсутствием здравого смысла, договориться с ним ни о чём невозможно. Ему понятен только язык оружия.

– Фанатизм, Понтий, порождают условия и прежде всего владычество Рима.

– Устрани владычество Рима, фанатики найдут другую точку приложения сил, для них не менее значимую.

– Скорее всего ты прав. Удивительно другое. По своему наполнению иудейская религия имеет шанс стать мировой. Казалось бы, её ждет великая будущность. Нет! Раввины пресекли её распространение. Стоячая вода загнивает. Фанатизм – первый признак застоя. Скорее всего, она погибла для человечества. Печально для иудаизма! Но духовный мир народов требует похожей по содержанию религии, и кажется мне, что это и есть христианство.

– Со временем и там родятся орды фанатиков. Будем надеяться, что у руля встанут люди высокого ума. Сейчас же я должен принять конкретное решение. В моём положении существует только один способ сохранения мира в Иудее, и я проведу его в жизнь. Завтра выступят войска. При встрече первые ряды толпы, обращённые к войскам, будут заполнены секариями и зелотами. Трибун поставлен в известность.

Понтий Пилат внимательно смотрел на удручённое лицо центуриона:

– Государство живёт в режиме самосохранения, а мы, чиновники, и должны обеспечивать этот режим. Религия должна остерегать человека, учить его опасаться и не нарушать порядков и установлений, которыми защищены интересы государства. Если работа религии проделана плохо, ожидаются события вроде разворачивающихся в районе горы Гаризим.

Несмотря на решительный тон, прокуратор, оставшись один, испытывал чувство неуверенности и тревоги.

– Скоро придётся отправлять копию приказа в Рим как оправдательный документ, – думал Понтий Пилат. – Туда столько будет отправлено письменных протестов, что уже сейчас необходимо позаботиться о звучании деловых бумаг. Придётся приложить и донесение трибуна о выполнении приказа.

Беседуя с трибуном, Понтий Пилат не стал скрывать своих опасений и делал это с той целью, чтобы трибуну было понятно, как должен выглядеть его отчёт о событиях.

– Отчёт должен отражать наше миролюбие и агрессивность толпы. Чем дольше, трибун, ты будешь их увещевать, тем лучше для нас. Мы оба понимаем, что настроенную определённым образом толпу можно рассеять только применением силы. Вторую часть работы вам всё-таки придётся проделать.

Охватив полукругом армейского строя громадную толпу самарян, трибун предложил собравшимся разойтись, указывая рукой в сторону города Сихем, расположенного недалеко от места сборища. На левом фланге строя он разместил кавалерийскую алу с тем, чтобы при нападении на толпу гнать её в сторону города.

Зная задиристость молодёжи, её фанатичную неуступчивость и жёсткость позиций трибуна, который по-армейски понимает свои обязанности и не привык уговаривать, люди постарше поняли неизбежность столкновения. Пожилые самаряне, за долгую жизнь

познавшие свирепость римлян, быстро стали отделяться от толпы и направляться к городу. Молодёжь же негодовала, а некоторые готовились схватиться врукопашную; полетели камни. Они не причинили вреда никому из римлян, укрывшихся за щитами, но привели их в ярость.

Трибун, помня наставления прокуратора, продолжал увещевать толпу. Чем дольше длилось противостояние, тем агрессивнее становились самаряне. Наконец, отметив про себя, что для отчёта переговоров достаточно, трибун выхватил меч из ножен и поднял его над головой – сигнал к нападению.

Строй пехоты, ускоряя шаг, направился к толпе; в воздухе блеснули дротики, и первые убитые упали на землю. Слева с боевым кличем заходила на толпу кавалерийская ала.

Раздались первые крики раненых, и толпа поняла свою беззащитность. Те, кто стоял ближе к городу, бросились бегом по дороге, но стоявшие лицом к строю римлян были лишены такой возможности и попали под мечи легионеров. Конница врезалась и длинными спафами рубила бегущую толпу. Люди побежали во все стороны, и, казалось, задача армии была выполнена, но ненависть легионеров, стоявших слишком долго в строю под криками и камнями толпы, прорвалась. Пока трибун догадался отдать приказ играть отбой, поля и дороги были покрыты убитыми и умирающими самарянами. Давно не происходило таких побоищ в Палестине. Трибун понимал, что перестарался. Через некоторое время он

приободрился, предполагая занизить в отчете число погибших.

Два дня спустя наместнику Сирии и комиссии сената в Рим были направлены отчёты о событиях в Самарии.

События всколыхнули Самарию, наместнику и императору полетели письма с обвинением Понтия Пилата в превышении власти и излишней жестокости.

О какой излишней жестокости они писали? Римляне считали, что излишней жестокости быть не может. Но что-то изменилось в коридорах власти, и Понтий Пилат уже ожидал вызова в Рим по поводу событий в Самарии.

Расчёт на подкуп членов комиссии сената был правилен. Получив громадные деньги, чиновники уверяли прокуратора в благоприятном для него исходе дела. Но этот Калигула! Предсказанное столько лет назад Аманом Эфером, ослабление ума императора уже не было для кого-нибудь секретом. Распоряжения одно удивительнее другого выходили из стен императорской канцелярии. Нрав императора приводил в содрогание. Разврат становился образом жизни. Кто бы мог подумать! Понтий помнил императора маленьким мальчиком.

— Как мы умилялись, когда, избежав смерти и одержав победу под руководством Цецины Севера, переходили сохраненный Агриппиной Старшей мост через Ренус и видели рядом с ней мальчика, одетого в снаряжение легионера и в маленьких сапожках, приветливо машущего нам рукой. Вот тогда любовно и на-

звали его Калигулой – сапожком. Его отца Германика, умного полководца и достойного человека, его мать Агриппину Старшую простые люди считали образцами нравственности. Однако услужливая память воспроизводила непомерное честолюбие Агриппины, её далеко идущие замыслы. А потом — нескончаемые интриги при дворе Тиберия.

Не надо забывать, что в 19 лет Калигула стал сиротой: отец его был убит Тиберием; мать и двое старших братьев находились в ссылке, и сам он в любую минуту мог последовать за ними. В такой обстановке и формируется в человеке притворство, под покровом которого взращивается необузданность натуры. Проницательный Тиберий предсказывал, что Калигула живёт на погибель и себе, и всем и что в его лице вскармливается змея для римского народа и всего мира.

Калигула видел в себе бога и требовал соответственных знаков внимания. Он постоянно повторял понравившуюся ему в одной из трагедий фразу: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

Его и боялись, и ненавидели, но и недоумевали: безумная алчность и расточительность! Огромное состояние Тиберия в два миллиарда семьсот миллионов сестерциев он промотал за один год. Когда у него родилась дочь, он потребовал от римского народа денежных подношений на её воспитание и приданое. Калигула стоял на пороге своего дворца и ловил монеты, которые народ, проходя мимо, сыпал ему горстями. Охваченный страстью обладания, он рассыпал по полу огромные кучи золотых монет, ходил

по ним босиком или катался по полу, зарываясь телом в золотые груды.

Он назначил своего коня консулом.

Появлялся он в присутственных местах в невысказанно ярких одеждах: мужских, женских, актерских, гладиаторских. Попытка придать своему отталкивающему лицу устрашающее выражение. Последнее время пристрастился к триумфальным одеждам, а иногда надевал панцирь Александра Македонского, изъятый из гробницы.

Римляне молчаливо сносили выходки императора, и Понтий Пилат без энтузиазма ожидал поездки в Рим. Хорошо, если удастся избежать личной встречи, а если нет... Что может взбредить в голову императора при встрече? Вся надежда на то, что не любил Калигула деловые встречи; настоящая жизнь его проходила в нескончаемом разгуле.

Наконец прибыла триера из Рима с предписанием Понтию Пилату следовать в Рим, оставив управление провинции на усмотрение легата Сирии Луция Вителлия. Никто в канцелярии не был осведомлен об отбытии прокуратора, и все очень удивились, когда Понтий Пилат приказал погрузить вещи на корабль. Последние дни Понтий Пилат подолгу находился в обществе Амана Эфера, как будто предчувствуя окончательное расставание. Целыми днями обсуждали они возможные направления событий в Риме. Аман Эфер считал необходимым исключить личные встречи с императором.

— Твоя задача сейчас, Понтий, заключается в том, чтобы тянуть и тянуть время до марта следующего года, ког-

да погибнет император Калигула. Заболей в дороге, поставь триеру на ремонт в каком-нибудь тихом порту, по прибытии в Рим напиши прошение и возьми полугодовой отпуск для излечения. Через две недели Калигула забудет о твоём существовании. По моим астрологическим расчетам, судьбой определено тебе место в Галлии или Иберии, одним словом, к западу от Италии.

– Аман! Серьёзные мысли пришли к тебе, я чувствую, – обратился Понтий Пилат к своему другу, горя желанием и самому ознакомиться с этими мыслями.

– Удивительно, Понтий! Но я вполне осознал, что человечество оказалось на перепутье дорог, где выбирается одна из них. Такие обстоятельства сложились, я их вижу, способен осмыслить.

Мы и раньше пришли с тобой к выводу, что нашими усилиями начинает произрастать новая мировая религия. Отвергнутая раввинами и отделённая от иудаизма, новая религия успешно распространяется в восточных владениях Рима, и уже поступают сведения о её проникновении на запад, к сердцу самой империи. По тому, как жадно простые люди потянулись к христианству, видно, что наш пророк интуитивно обнаружил духовные устремления современного человека, и тогда вряд ли мы ошибаемся в своих предположениях.

Представь себе, что вдруг синедрион изменил свою позицию и решил использовать новое учение Иисуса как инструмент для осуществления заповедей пророка Даниила.

До настоящего времени эти тусклые головы уверены, что пророк Даниил предполагал силовой территориальный захват стран Срединного моря. Серьёзная ошибка! Уверен, что он думал о распространении иудаизма, о его победном шествии среди народов мира во главе, конечно, с первосвященниками Иерусалима. Однако духовные вожди создали замкнутую секту, ограничив действие учения только в узком кругу своих племён. Конечно, первоначально необходимо создать нацию, способную жить и дышать. И надо сказать: этот этап завершён успешно. Но синедрион так увлёкся первоначальной задачей, так организовал мышление правоверных иудеев, что они сами тянут на себя дверь, через которую пора выходить в широкий мир народов.

Если бы только синедрион принял решение взять под своё крыло новое учение, то нетрудно представить дальнейшее развитие событий. Объединённое религиозное учение быстро распространилось бы в римском мире. Но для этого синедриону необходимо поступить точно так же, как поступил ранее апостол Павел: снять все ограничения, признать постулаты пророка Иисуса и найти ему в учении место рядом с пророком Моисеем. Для заскорузлых мозгов задача неразрешимая. Но представим себе невозможное.

— Пока, дорогой мой философ, я не понял причин, почему человечество могло бы изменить путь своего развития, — проговорил Понтий Пилат, перебивая взволнованного как никогда ранее Амана Эфера.

– Рабство, Понтий, рабство. Ведь правоверный, исповедующий иудаизм, не может быть рабом. Как заманчиво вырваться на простор свободы действия, полёта мысли. Откроется путь к расцвету ремёсел, искусств, наук, притупится жестокость, смягчатся нравы, общество станет богаче, разумнее.

– Согласен, Аман, согласен. Меня смущает только один вопрос. Мне кажется, что при отсутствии рабства в Иудее фанатиков и глупых людей в Иерусалиме больше, чем в Риме.

– Не старайся, Понтий, иронизировать; без тебя найдутся люди и среди философов, способные обнаружить скрытые пока достоинства состояния рабства. Какой-нибудь слишком серьёзный философ в будущем скажет, что состояние рабства несмотря на... позволило другим людям освободить себя от физического труда и посвятить жизнь умственному труду, приумножающему тем самым духовные богатства человечества.

– Хорошо! Не буду иронизировать. Тогда сообщу моё предположение: синедрион не пожелает распространить положение об отмене рабства для вновь обращённых.

– Нет! – воскликнул Аман Эфер. – Если реализовывать заповеди пророка Даниила, то только с отменой рабства. В противном случае будет попытка создать мыльный пузырь; человечеству такой подход ничего не даст.

– Оглянись на Рим, Аман! Его мощь произрастает рабством, и, чтобы выхватить такой кусок из пасти римской волчицы, ох, каким надо быть сильным! Как только

суть дела дойдёт до сената, сразу будут приняты меры вплоть до оружия.

– Здесь ты, бесспорно, Понтий, прав. Скорее всего сенат оружие и использует. Поэтому я мыслю о спокойном проникновении постулата об отмене рабства в сознание общества. Спокойно, но настойчиво религия должна создавать обстановку нетерпимости к рабству как бы от лица самого Господа. Нетерпимость должна войти в образ мышления людей, принадлежащих к объединённому учению. Сделать это можно через школы, где обучается новое поколение, через синагоги на ежедневных проповедях. Будет затрачено время нескольких поколений, но и результаты обещают многое.

– Я бы с тобой согласился, – откликнулся прокуратор, – если бы подобную работу можно было проводить тайно, но беда в том, что обсуждение такого болезненного вопроса трудно скрыть, вот если бы найти доказательства того, что благоденствие рабовладельцев только увеличится от отмены рабства, тогда...

– Непосильная задача, Понтий.

– Тогда предположим, Аман, что события будут развиваться, как ты говоришь, и заповеди пророка Даниила будут реализованы для человечества. Иудея должна действительно встать во главе стран и племён. Её значимость возрастет политически, она станет править миром. Человечество окажется уже в еврейском, а не в римском мире.

Аман Эфер, немного подумав, пожал плечами.

– Скорее всего, Иерусалим и Иерусалимский храм станут духовным центром нового мира. Но существует опас-

ность растворения целого народа в единообразном множестве других народов. Тогда евреи уже не будут так обособленно выделяться на общем фоне. Именно сейчас подобные опасения и тревожат первосвященников.

— А не думаешь ли ты, Аман, что первосвященники и сами могут додуматься до подобной мысли?

— Вряд ли.

— Есть предложение подбросить к порогу синедриона эту мысль, как подбрасывают нежеланное дитя к порогу приюта.

— Уже подброшено, Понтий!

Правоверные! Избранные Господом! Редко говорю я перед вами, и причина тому — моя старость. Но пришло ко мне откровение Божие, и созрело время сказать вам важное и нужное слово.

Так говорил Гамалиил, высокий худощавый старик с благородной осанкой и пронизательным взглядом, членам синедриона, расположившимся в зале.

Гамалиил был известным толкователем законов Моисея и учителем не одного поколения священнослужителей как храма, так и всей Иудеи. Первосвященники с подчеркнутым уважением приготовились слушать известного своей учёностью законоведа.

— Настало время вспомнить о заповедях пророка Даниила. Мир изменился так, что самое время подумать о практическом исполнении главной заповеди пророка.

Совсем недавно слова безвестного и самозванного равви Иисуса показались нам разрушительными

для нации и религии. Мы поспешили отмежеваться от его слова, от его мысли. Но посмотрите, как успешно ведут проповедь его учения последователи и ученики. Какими притягательными оказались его заповеди для тысяч язычников, с какой верой они готовы принять его слово! Но слово его является продолжением нашего, и если будем внимательными, то увидим в учении Иисуса источник созидания, а не разрушения.

Мы создали нацию, мы создали усилиями пророка Моисея свою религию. Теперь наш путь лежит к людям. Только так решается для нас заповедь пророка Даниила. Необходимо отбросить старые догмы и в интересах Господа нашего и нашего народа совершить трудные для нас дела, трудные в борьбе с самими собой. Но если мы хотим, чтобы Иерусалим стал столицей нового мира, а Иерусалимский храм сосредоточением его духовного начала, необходимо в себе преодолеть устоявшиеся понятия и представления. Нужно признать пророка Иисуса и его учение как развитие и продолжение иудаизма. Только с помощью его учения способны мы решить самую трудную задачу нашей религии – духовно завоевать мир.

В зале раздался лёгкий шум; Гамалиил, видимо, ожидал подобную реакцию членов синедриона. Он усмехнулся. Умные глаза наблюдали за поведением зала.

– Необходимо признать всех вновь обращённых равными перед Господом наравне с евреями.

Шум зала усилился.

– Признать за вновь обращёнными право считать себя свободными людьми и обещать по нашим законам защиту от порабощения.

Зал откликнулся гулом возмущённых голосов.

– Я перечислил три условия, выполнение которых приведёт к всемирному приобщению умов других народов к нашему учению. А теперь думайте, выбирайте, решайте, на то вы и находитесь здесь, в высоком собрании синедриона.

Шум понемногу стих.

Первым решил высказать свои мысли член синедриона Озания, известный практическим пониманием самых запутанных обстоятельств.

– Мудрый Гамалиил прав! Как бы мы ни отрицали его предложения, но именно через их принятие лежит путь к осуществлению заповеди пророка Даниила. Давайте посмотрим вперёд. Встретятся ли нам трудные, а возможно, и непреодолимые препятствия в случае принятия всех выдвинутых условий. Надо помнить, что мир, в котором мы живём, римский мир, и мы в нём только малая часть.

Правоверные! Мы вступаем в борьбу за передел мира с могучим Римом. Вас это не пугает? Надо представлять развитие событий и быть готовым к самым тяжёлым последствиям. Как только Рим уразумеет положение дел, а управляют империей умные, дальновидные люди, знаменитые римские легионы будут уже здесь. Обстановка непростая, надо думать и думать.

– Существует ещё одна опасность для Иудеи и для её существования как нации, как государства, –

поднялся влиятельный саддукей, бывший первосвященник Анна, с мнением которого трудно было не считаться. Меня беспокоит третье предложение равви Гамалиила – статус свободного человека для вновь обращённых. Одно дело готовить поколениями принятие данного положения, заботиться о сознании общества, другое дело – объявить о нём сегодня. Третьим предложением мы покушаемся на экономическое могущество нашего соседа и, к сожалению, господина. Если сегодня окружающий мир как бы и не замечает отсутствие рабства в нашей стране и считает это обстоятельство только нашим внутренним делом, то после стихийного движения вновь обращённых за свои права свободных людей положение о рабстве перестанет быть нашим внутренним делом. В наш жестокий век вопрос будет решён силой оружия. В предстоящей борьбе мы вряд ли чего-либо можем добиться, скорее всего мы потеряем даже те привилегии, которыми наш народ пользуется в римском мире.

Молчание затягивалось. Никому не хотелось ускорять принятие столь ответственного решения. Тогда-то и сказал своё слово первосвященник Каиафа:

– Важны предложения мудрого Гамалиила, непросты ответы. Необходимо думать; мы не вправе допустить ни одной ошибки. Они могут роковым образом повлиять на существование нашего народа; согласимся с тем, что у нас есть ещё время для принятия правильных решений.

Склонился на свой посох мудрый Гамалиил, прикрыл глаза:

– Разве можно понять тусклым сознанием, что бывают такие духовные порывы, духовные взлёты народов, когда никакие власти, никакие войска не могут погасить разгорающееся пламя. Пламя новой веры разгорается в римском мире, и так бездарно упустить единственную возможность провести в жизнь великую мысль пророка Даниила! Не повезло пророку с робкими духом иудейскими вождами религии.

Чувство досады читалось на лице Амана Эфера, когда стало известно содержание выступлений на заседании синедриона с необычной повесткой дня.

– И всё потому, – думал Понтий Пилат, – что наш философ переживает за судьбы человечества. Зачем так переживать? Боги точно знают, как развиваться человечеству.

Услышав это от Пилата, Аман Эфер скривил лицо, как от зубной боли.

– Объединение религиозных учений могли бы осуществить и люди. Четыреста лет назад смог же синедрион принять решение об отмене рабства. А разве мало было значительных лиц, противившихся такому решению? Состав умов в синедрионе отличался высоким уровнем мышления. Понятия свободы и величия нации были для них настолько важны, что мнение значительной прослойки богатых людей немного для них значило: они верили в свою правоту. А сегодня?

Понтий Пилат внимательно слушал и удивлялся.

– По-моему, они приняли решение на государственном уровне. Опасности учтены и учтены правильно.

– Действительно, решения приняты на государственном уровне интересов, но предложения Гамалиила требовали философского мышления: речь шла о человечестве, а не только об интересах Иудеи.

В душе Понтий Пилат не соглашался с мнением друга.

– Подвергнуть удару государство, религию, народ во имя неведомого. Кто предугадает, кто прозрит? Сам я полон сомнений.

Скрытое недовольство друг другом выразилось в затянувшейся паузе.

Вдруг прокуратор встрепнулся.

– Как я мог забыть? Аман! Ты у нас астролог! Уверен, ты уже осведомлён об историческом пути самой Иудеи. Теперь мне понятна твоя нервозность, неудовлетворённость решением синедриона.

– Тебе, Понтий, я могу рассказать о будущих событиях в Иудее, и в их свете синедрион принял не самый лучший вариант. Через 30 лет в Иудее произойдет восстание против римского владычества. В страну из Египта и Сирии будут введены римские легионы. Иудея будет разорена, Иерусалим взят штурмом, Иерусалимский храм сожжён. Сама Иудея потеряет государственность и станет римской провинцией. Произойдут те события, которые прозорливые первосвященники перечисляли при обсуждении предложений Гамалиила. Если бы синедрион сумел приобщить общество к новым великим устремлениям, переключить энергию нации на создание новой мировой религии, никакого восстания не было бы. Не

исключено, что страна и Иерусалимский храм могли бы вообще не пострадать.

Понтий Пилат устремил взгляд на друга и уже собирался обрушить на Амана Эфера планы преобразования мира, но был остановлен:

– Нет, Понтий, нет! Я смотрю, ты уже приобрёл вкус к управлению историей народов. Предоставь истории самой вершить свои дела.

Эпилог

Аман Эфер стоял на пристани порта Кесарии, когда триера, работая вёслами, начала отдаляться от берега. На корме боевого корабля во весь громадный рост стоял Понтий Пилат. Друзья ещё видели лица друг друга. Последние минуты расставания... Чувство потери охватило души друзей. Никогда они уже не увидят друг друга, и в будущей жизни не будет у них замены, останутся только воспоминания. Теперь уже ясно: жизнь не проявит себя удивительными яркими впечатлениями и событиями, лучшее ушло безвозвратно, напрасны надежды и ожидания встреч. Сегодня они теряли какую-то часть себя, и эта потеря была невозполнимой.

Серия «Исторические силуэты»

Л. СУХОВ

Понтий Пилат

Ответственный

редактор *И. Полонская*

Редактор *В. Кононыхина*

Корректор *И. Пимонова*

Художник *Ю. Чубина*

Компьютерный

дизайн *А. Орленко*

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Сдано в набор 10.12.99 г. Подписано в печать 17.01.00 г.

Формат 84x108¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура Петербург.

Тираж 5000. Заказ № 23.

Издательство «ФЕНИКС»

344007, г. Ростов н/Д,

пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Книга рассказывает о яркой, полной драматизма жизни пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Путь выходца из простонародья, ставшего прокуратором одной из самых политически значимых провинций обширной Римской империи полон трагических событий, напряженной борьбы. Понтий Пилат проходит дорогами воинской славы, становится очень богат, обладает прекрасными женщинами.

Чрезвычайным обстоятельством его жизни является встреча с пророком Иисусом, определившая причастность Понтия Пилата к созданию и развитию христианской религии.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей.

29858

Понтий Пилат. Калит

22

15.05.2000